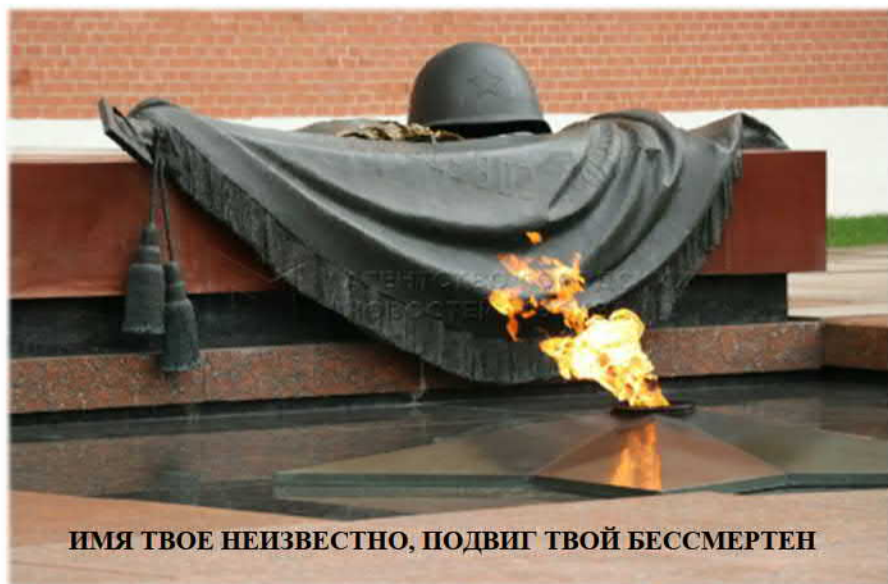

Н.А. Шкарлат

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

Василий Левашов

ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО, ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН

ВОРОНЕЖ
2024

ББК 84 Д796

УДК.355.4

Шкарлат Н.А. Забытые герои. Василий Левашов: повесть. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2024.– 316 с.

Историческая повесть является продолжением работы, начатой автором в 2022 г. Содержит описание жизни и ратного подвига Василия Ивановича Левашова – радиста диверсионно-разведывательной группы разведывательного отдела штаба Юго-Западного фронта, члена штаба – командира центральной группы, одного из организаторов подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия», красноармейца-пулеметчика, секретаря комсомольской организации стрелкового батальона и стрелкового полка в годы Великой Отечественной войны, завершившего свой боевой путь в поверженном Берлине, а в послевоенное время – боевого офицера Военно-Морского Флота СССР, старшего преподавателя кафедры партийно-политической работы Высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища радиоэлектроники им. А.С. Попова.

Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей нашего Отечества.

Поколению наших отцов, дедов и прадедов, родившихся в годы разрухи после двух кровопролитных войн – мировой и гражданской, переживших голод начала 1930-х гг., выживших в самой жестокой и бесчеловечной войне и победивших в Великой Отечественной войне, посвящается.

Жаркое лето 1941 г. Черниговская область. Украина.

Где-то на бескрайних просторах нашей Родины уже шли кровопролитные бои Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками, отголоски которых были слышны и видны даже в далеком тылу.

Моему отцу, Шкарлат Александру Емельяновичу, шел семнадцатый год. Уже в конце июня его вместе с сотнями таких же мальчишек призвали в трудовую армию. Ребят из их района направили для проведения восстановительных работ на большой стратегический аэродром под г. Прилуки. С раннего утра до позднего вечера они помогали оборудовать позиции для зенитной артиллерии, рыли окопы и траншеи по всему периметру аэродрома, убрали и устраняли повреждения взлетно-посадочных полос после бомбежек вражеской авиации, засыпали землей воронки и выполняли другие не менее важные работы. При этом сами парни не один раз укрывались от налетов вражеской авиации в подготовленных укрытиях и знали, что практически после каждого вылета на аэродром не возвращались самолеты с экипажами, которых считали не вернувшимися с боевого задания.

Руководил ребятами пожилой (как им казалось) сержант, который был призван в первые дни войны. А так как ранее он служил на этом аэродроме и хорошо знал его особенности, то был оставлен в Прилуках руководить юношами, призванными в трудовую армию.

Однажды, когда мальчишки закапывали воронки на взлетно-посадочной полосе после очередного налета фашистской авиации и на телегах подвозили землю из расположенного недалеко карьера, сержант быстро подъехал к ним на запряженной бричке и на ходу прокричал: «Шкарлат! Сашко! Быстро на станцию! Там батько на фронт уезжает!» – и, немного придержав разгоряченную лошадь, он лихо на ходу соскочил с повозки и передал вожжи Александру. Не раздумывая, парень быстро развернул бричку и помчался на железнодорожную станцию, где в это время формировался воинский эшелон для отправки на фронт призванных по мобилизации односельчан. Откуда бывалый сержант узнал об отце, так и осталось для Александра загадкой на всю жизнь, но в тот момент он не придал этому никакого значения. Он торопился. «Лишь бы успеть! Лишь бы успеть!» – только и проносилось в его голове.

До отправления эшелона оставалось мало времени. Провожающих было много, все обнимались, плакали, прощались, понимая, что не на

гулянку провожают этих уже довольно зрелых мужчин, отцов и сыновей, ведь от прошлых войн не прошло еще и двадцати лет и многие ее хорошо помнили, а некоторые из призванных даже воевали. Где-то слышалась гармошка, но мамы и младших сестер на привокзальной площади не было, да и не удивительно, ведь от их хутора Точеного, где они жили, до Прилук не один десяток верст, пешком далеко, а лошадей с началом войны всех забрали на нужды армии. Но Александр все же в этой огромной разномастной толпе быстро разыскал своего отца, который уже был переодет в военную форму и стоял на перроне. До отправления эшелона практически не оставалось времени. Отец с сыном обнялись и расцеловались. И только сейчас Александр увидел на петлицах гимнастерки папы по два латунных треугольника. Это немного удивило парня, так как до этого он никогда не видел отца в форме и не знал, что тот был сержантом. Саша сразу же стал проситься с отцом на фронт. Он, как и многие его сверстники, боялся, что война закончится без него и ему не придется повоевать с ненавистным врагом. Но Емельян, напутствуя сына, говорил, что тот остается старшим в семье и должен беречь и маму, и сестричек. Саша все никак не мог осознать, что отец уезжает, он был очень рад встрече, так как уже более месяца не видел его, маму и сестер. И лишь когда прозвучала громкая команда «По вагонам!» и паровоз подал свой протяжный гудок, а отец стал быстро собираться, где-то на подсознательном уровне 16-летний парень почувствовал тревогу и неожиданно для себя, обнимая папу, заплакал. Они не могли знать, что эта страшная война продлится еще целых четыре года, унесет жизни многих миллионов людей и принесет на нашу землю скорбь и горе. Саша не пытался удержать отца, но в глубине души понимал, что прощается с ним навсегда. Понимал это и отец.

Так и случилось. Мой дед, Шкарлат Емельян Харитонович, пропал без вести летом 1942 г. в боях под Воронежем.

Александра призвали в армию полевым военкоматом в сентябре 1943 г. Он был трижды ранен на полях этой страшной войны, награжден орденом Красной Звезды и медалями. Освобождал Украину, Польшу, Чехословакию. Все эти годы он постоянно искал хоть как-нибудь сведения о своем отце, но все безрезультатно.

А сколько таких же, как мой дед, миллионов бойцов и командиров осталось на полях сражений, без вести пропавших или не вернувшихся с боевого задания. Это разведчики и партизаны, летчики и танкисты, и особенно многострадальная пехота.

Поэтому автор склоняет голову перед всеми бойцами и командирами поисковых отрядов, которые в любую погоду, на любой местности, в лесах и болотах продолжают свой благородный труд по розыску этих без вести

пропавших героев, и безмерно благодарен им.

«Пока не будет предан земле последний погибший солдат – война не окончена!» Эта фраза великого русского полководца А.В. Суворова стала крылатой. И сколько бы времени ни прошло, а боль потери для тех, кто не дождался с войны своих близких, не уйдет никогда.

В 2022 г. я написал и издал книгу «Дорога в бессмертие. Герои Краснодона», в которой с исторической точки зрения на основе многочисленных воспоминаний очевидцев тех событий и материалов из архивов постарался раскрыть всю глубину подвига молодых патриотов на многострадальной земле Донбасса в годы войны.

О погибших молодоговардейцах написано много статей, очерков и книг, но о выживших героях «Молодой гвардии», которые выполнили последнее указание штаба и вовремя покинули Краснодон, избежав ареста, информации практически не было. Мне буквально по крупицам пришлось собирать материал о них. И когда книга уже была написана и издана, я случайно на одном из сайтов Интернета заочно познакомился с прекрасным человеком – Ниной Николаевной Подвижкой, родной племянницей Василия Ивановича Левашова, которая является хранительницей памяти своего дяди, отца и всей большой семьи Левашовых. По моей просьбе она (не побоялась) выслала уникальные документы прошлого столетия о молодоговардейцах и книгу В.И. Левашова «Найди себя в строю флотском (родина, семья, человек)», которая была издана в Петродворце в 1996 г.

Я прочитал ее на одном дыхании, и многие спорные моменты его жизни и борьбы встали на свои места. Очень жаль, что эта практически автобиографическая повесть вышла таким маленьким тиражом, ведь на ее страницах много интересного, поучительного не только для современных мальчишек и девчонок, но и для славных бойцов и командиров нашей доблестной армии, которая сейчас ведет свои боевые действия с новыми врагами на земле Донбасса, а он воевал именно в тех местах, где и сегодня идут кровопролитные бои с неонацистами Украины.

Василий Иванович Левашов – настоящий великий ЧЕЛОВЕК, и наградой его жизненному подвигу, патриоту и защитнику нашей Родины будет наша память и эта книга.

Капитан 1-го ранга

Левашов

Василий Иванович

(17.03.1924 — 10.07.2001)

В годы Великой Отечественной войны:
**радист диверсионно-разведывательной
группы разведывательного отдела штаба**

**Юго-Западного фронта,
член штаба – командир центральной группы,
один из организаторов подпольной антифа-
шистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»,
красноармеец-пулеметчик 1038 *сп* 295 *сд*,
секретарь комсомольской организации
стрелкового батальона и стрелкового полка**

В послевоенное время:
**боевой офицер Военно-Морского Флота СССР,
заместитель начальника факультета,
старший преподаватель кафедры партийно-по-
литической работы Высшего военно-морского
ордена Красной Звезды училища
радиоэлектроники им. А.С. Попова
(г. Петродворец)**

На карте нашей необъятной страны во многих городах, поселках и селах есть улицы, носящие имя Левашова, но фамилия эта достаточно распространенная, прославленных людей, носящих ее, много – это и генералы, и академики, и другие заслуженные люди.

Происходит эта фамилия от древнего княжеского рода из небольшого г. Гдов на Псковщине, который был основан в 1322 г. Основатель княжеского рода Василий Иванович Дол (родом из Лифляндии) вскоре с семьей переехал в г. Тверь на службу к великому князю Александру Михайловичу, у которого и был боярином. Его сыновья и внуки продолжили службу в Твери у местных великих князей.

По старинным традициям только один представитель из княжеского рода, самый достойный, имел право входить в Боярскую думу. Он и становился боярином. В те времена было принято давать всем прозвища, которые отражали деятельность человека или его личные качества. Родовые кланы были многочисленны, и подобные прозвища позволяли не путать людей из одного и того же рода. Со временем это прозвище закреплялось за его потомками, становилось отличительным для всего рода и преобразовывалось в фамилию.

Праправнук Василия Ивановича, Александр Викулчич, в Боярской думе сидел по левую руку от тверского великого князя, поэтому и получил прозвище Леваш. Он и стал родоначальником большого древнего русского дворянского и графского рода Левашовых, из тверских бояр. Впоследствии Левашовы перешли на службу к московским князьям. (Есть и другие версии происхождения фамилии Левашов).

При Рюриковичах Левашовы были самым богатым княжеским родом на Руси, но при Романовых впали в немилость, так как не выступили на стороне новой династии, поэтому и не стали «новой» знатью. Тем не менее многие из его рода верой и правдой служили своим императорам и императрицам. Так, еще один Василий Иванович Левашов – обер-егермейстер, генерал от инфантерии, командир гвардейского Семеновского полка, был одним из фаворитов императрицы Екатерины II, которая полюбила его за веселость и «ум чрезвычайно острый и игривый».

Соответственно все крепостные крестьяне из подаренных или приобретенных имений рода стали Левашовыми. Один из них – Иван Левашов в начале XVIII века переселился на окраину Российского государства в село Братки на правом берегу р. Савалы в 50 верстах к северо-западу от уездного г. Борисоглебск, основанного в 1646 г. как крепость Павловск. При подготовке своих Азовских походов (1695 и 1696 гг.) Петр I превратил крепость во временное депо для заготовки леса к постройке каботажного

флота, что немало содействовало привлечению сюда населения и развитию здесь промышленности. В 1698 г. Борисоглебск стал городом и в 1708 г., при первом разделении России на 8 губерний, был приписан к Азовской губернии. (Ныне село Братки – административный центр Братковского сельского поселения в Терновском районе Воронежской области.)

25 апреля 1725 г. огромная Азовская губерния была переименована в Воронежскую, в состав которой вошли 5 больших южных провинций Российской империи: Бахмутская, Воронежская, Елецкая, Тамбовская и Шацкая.

На территории Бахмутской провинции Воронежской губернии находилась в то время и не имеющая определенных границ Земля Донских казаков, а также в 1753–1764 гг. существовала автономная область западных военных переселенцев – Славяносербия.

В 1765 г. территория первой Воронежской губернии резко сократилась, уменьшившись примерно пополам. Вся юго-западная часть губернии была отделена и передана в сформированную на базе Слободских казачьих полков Слободско-Украинскую губернию.

В 1779 г., в ходе новой административной реформы Екатерины II, губернии преобразовывались в наместничества и остаток территории первой Воронежской губернии был уменьшен еще раз примерно пополам. Северо-восточная ее часть с городом Тамбов была отделена и стала Тамбовским наместничеством, а оставшаяся юго-западная часть была переименована в Воронежское наместничество. (Южная полоса впервые созданного Тамбовского наместничества до этого на протяжении многих веков не имела постоянного населения, представляя собой дикую степь, по которой кочевали половцы, затем калмыки, азовские и крымские татары. К северу от этой степи жили оседло, занимаясь лесными промыслами и земледелием по берегам реки Цна, мордва и мещера. Русские поселения утвердились здесь вначале в западной части этой местности и лишь к середине XVII века стали прочно расселяться по всей территории. В 1645–1646 гг. были основаны и крайние южные города Усмани и Борисоглебск.)

К середине XVIII века семейство Ивана Левашова из села Братки разрослось. Помимо дочерей у Ивана было четыре сына – продолжателей рода: Корней, Никифор, Евдоким и Евстафий, которые вскоре выросли, переженились и создали свои семьи. В семье Никифора Ивановича Левашова родились два сына: Ефтей и Тимофей.

Во все времена на Руси жили люди, недовольные властью, и притом любой, независимо – светской или церковной.

Еще в XVI веке верующие православные люди, проживавшие в центральных районах, стали выражать недовольство действиями церкви. Хотя они продолжали верить в Бога, но традиционные

обряды, иконы, священники и даже Библия стали казаться им ненужными посредниками в общении с Создателем. Поэтому они начали объединяться в общины и жить по своим правилам и законам. Согласно их учению, они поклонялись Богу только «в духе и истине», но не признавали видимых икон, креста, почитания святых, не носили нательного креста, не совершали крестного знамения, отрицали необходимость священнической иерархии и считали греховным употребление в пищу свинины, спиртного и табака. Они считали, что все таинства должны происходить исключительно в душе человека.

В XVII – середине XVIII века таких людей стало намного больше. В это время и в Тамбовском наместничестве стали появляться последователи «духовного христианства». Все они имели одну общую черту – вслух не молились, богослужений не проводили, а ограничивались лишь собраниями с обсуждениями веры. Из своей среды они выбирали пресвитера, который и выполнял функции священника: крестил, венчал, отпевал, проводил в молельном доме собрания верующих. Их учение стало быстро распространяться и на соседние наместничества: Владимирское, Рязанское, Воронежское и др.

Церковная власть, обеспокоенная этим явлением, отнесла последователей этого учения к «особенно вредным ересям», начала бороться с ними и выселять всех тех, кто имел подобные убеждения, с семьями подальше от центральных губерний, считая, что эти «секты» не имеют отношения к Православию и вредят ему.

К этому времени после побед русской армии над крымскими татарами и выхода к Черному морю государству необходимо было в кратчайшие сроки заселить степи Дикого поля русскими переселенцами. Вот здесь и вспомнили о настойчивых просьбах руководителей православной церкви о наказании последователей «духовного христианства». Для этого их начали переселять на берега реки Молочная (Токмак) в Новороссии, которая получила свое название из-за того, что протекая через месторождения свинцовых и медных руд, ее вода становилась похожей на молоко. И вскоре переселенцы из центральных губерний России, не соблюдавшие традиционные обряды православной церкви, стали называться *молокане*. (Хотя есть и другие версии. Одна из них гласит о том, что православные попы, чтобы как-то их унижить, дали кличку «молокане» в связи с тем, что те, вопреки запрету, во время православных постов употребляли молоко.)

Основатели молоканства остались неизвестны, а распространителем и организатором стал Семен Матвеевич Уклеин – достаточно образованный крестьянин, бывший духобор (одно из направлений «духовных

христиан»), который был хорошо знаком с учением Дмитрия Евдокимовича Тверитинова (Дерюшкина) – религиозного вольнодумца, основавшего в XVII веке свой кружок, близкий к лютеранству, в котором он отрицал церковное предание, таинства, иконы, говоря: «Я сам церковь, во Христе все – цари и иереи». (Сам С.М. Уклеин был родом из села Уварово Борисоглебского уезда, ныне Воронежской области.)

Последователями этого учения и стало многочисленное семейство Левашовых из с. Братки, расположенного в 85 км западнее с. Уварово, которое неоднократно посещал со своими проповедями сам Семен Матвеевич Уклеин. Их так же, как и других последователей учения «духовного христианства», из села Братки выселили далеко на юг в степи на берега реки Молочная.

Преследования и наказания молокан продолжались до тех пор, пока в 1805 г. растянувшиеся на много верст повозки переселенцев – семьи крепостных крестьян с детьми, стариками, домашними животными и скудным имуществом – случайно не пересекли путь следования императорской свиты. Так, молодой царь Александр I впервые узнал о их существовании.

По возвращении в столицу он принял поверенных от молокан Журавцова, Мотылева и Лосева, созвал Государственный совет, на котором рассмотрел их прошения, и указал – дать молоканам и духоборам некоторую свободу. Но выселение «сектантских» семей продолжалось. Правительство боялось неповиновения. Ведь если молокане не соблюдают церковных правил, то, возможно, они будут бунтовать и против власти. Хотя, как оказалось, эти спокойные люди, предпочитающие жить обособленно, стремились только к духовному развитию, изучая Слово Божие, и старались не делать ничего плохого. Они, как и прочие христиане, верили, что добрые дела помогают душе спастись. Вера в Бога и служение ему – вот основная дорога их жизни. В мирской жизни и мужчины, и женщины одевались однообразно. Женщины обязательно должны были носить платки и длинные юбки. Мужчины не брили бороды и надевали рубахи навыпуск. В поселениях строго соблюдали порядок и традиции. Алкоголь не употребляли даже по праздникам. Не отмечали дни рождения и не устраивали другие развлечения. Однако свадьбы молокане праздновали широко, несколько дней, потому что у них не принято разводиться, а значит, подобное торжество было у каждого только раз в жизни.

К этому времени Ефтей Никифорович Левашов женился и в его многочисленной семье помимо дочек родилось шесть сыновей: Фирс, Молофей, Поликарп, Петр, Ерофей и Иосиф. Фирс Ефтеевич и стал прадедом нашего героя.

Еще одна встреча императора Александра I с молоканами состоялась в 1825 г. Вот как описывает ее в своих воспоминаниях Василий

Иванович Левашов: «...Это произошло осенью 1825 года. Обоз переселенцев из Владимирской губернии, растянувшийся на несколько километров, двигался на юг. Сотни повозок с детьми и взрослыми, нагруженные домашним скарбом, тянулись одна за другой.

Неожиданно обоз стала обгонять царская охрана, требуя уступить дорогу карете императора. Затем появилась целая кавалькада карет. Это император Александр I в сопровождении свиты следовал в Таганрог. За время обгона обоза император несколько раз останавливал карету, беседовал с переселенцами, вместе с ними становился на колени и молился. Александр I, наверное, чувствовал, что жить ему оставалось недолго, поэтому старался оставить у простых людей о себе добрую память. И действительно, через два месяца он скончался.

В этом обозе ехали и предки моих родителей (по линии матери – авт.)...»

Однако на ссылках в Таврическую губернию правительство не остановилось. Во время правления Николая I, после того как молокане обосновались на новом месте, их снова начали выселять. На этот раз на территорию Кавказа. Вот так они оказались в Армении. Селиться им пришлось высоко в горах, на высоте более 2 000 м над уровнем моря. (До сих пор в этой стране проживают молокане. Интересно, что они не смешиваются с местным населением и заключают браки только между собой. В молодые годы во время своей армейской службы автор неоднократно встречался с членами молоканской деревни, когда они приезжали на рынок в г. Нахичевань продавать свои продукты.)

Семья молокан в XX веке

В начале XX века около 3 000 русских молокан эмигрировали в США, там они надеялись найти работу и обеспечить семьи. Молокане поселились в восточном районе Лос-Анджелеса, где основали свою общину и открыли молитвенный дом. Это поселение было названо Кара-кала.

Они сохранили культовые обряды, языковые и культурные особенности.

В настоящее время большая часть представителей молоканской общины проживает в Азербайджане и России (Ставропольском и Краснодарском краях, Самарской, Липецкой, Тамбовской и Запорожской

областях). Но молоканские общины можно встретить и по всему миру. Есть они в Мексике, Канаде, Австралии и других странах. Конечно, численность молокан за прошедшие годы значительно уменьшилась, но трудности, которые им пришлось преодолеть, помогли этим людям сохранить свою самобытность до наших дней.

Семьи братьев Левашовых не последовали за основной общиной на Кавказ, а переехали немного южнее в село Новоспасское Бердянского уезда Таврической губернии (Приазовский район, Запорожская область), которое расположилось на берегу реки Шовкай.

В семье Фирса Ефтеевича Левашова было трое детей: сыновья Иван и Василий, а также доченька Дарья. Когда они выросли, дочь вышла замуж и стала носить фамилию мужа – Захарова, у Василия в семье росли трое сыновей: Петр, Яков и Василий Васильевич (младший), но самым богатым на сыновей стал Иван Фирсович Левашов. В его семье подрастали пять сыновей: Михаил, Николай, Сергей, Василий, а самого старшего – первенца мать, Пелагея Илларионовна Левашова, назвала в честь своего мужа, которого сильно любила, – Иваном.

Иван Фирсович занимался животноводством, работая на скотовладельца-помещика, а Пелагея Илларионовна хлопотала по большому хозяйству и по дому. Подрастающие братья во всем старались помочь родителям, особенно Ваня, но и младшие Николай и Михаил старались от него не отстать, во всем подражая старшему брату. Семья жила дружно и весело. Но в начале XX века помещик разорился, крестьяне в селе оказались в бедственном положении и стали разъезжаться в поисках лучшей доли. Семья Левашовых переехала в поселок Кутейниково Таганрогского округа Области войска Донского. Здесь Иван Фирсович арендовал землю у помещика и с помощью подросших сыновей стал заниматься выращиванием зерновых культур. Сыну Ивану уже исполнилось 18 лет, а его младший брат Сергей только родился.

«Вскоре сыновья познакомились с дочерью помещика Курьяновой Анной. А в 1906 году состоялась свадьба. Иван Иванович Левашов и Аннушка Курьянова стали мужем и женой. Это был первый брак моего отца, от которого родились три сына: Петр Иванович – в 1908 году, Александр Иванович – в 1912 году, Владимир Иванович – в 1914 году», – вспоминал Василий Иванович Левашов.

Левашов
Иван Иванович

Анна Тимофеевна родила еще в 1910 г. и доченьку Лидочку, но она, не прожив и года, умерла в 1911 г.

Иван Иванович стал увлекаться техникой и вскоре освоил редкую в то время профессию шофера. Увлеч этим занятием и своего младшего брата Михаила, который также освоил автомобиль и основы его вождения. Когда в 1914 г. началась Первая мировая война с Германией, братьев мобилизовали и отправили в действующую армию на фронт, где им очень пригодилась профессия шофера.

В октябре 1917 г. в стране произошла революция, фронт стал разваливаться и Иван Иванович, оставив машину в своей части, на радость всей семье вернулся домой. Старшие сыновья выросли, а младшего Владимира он впервые поднял на свои сильные, мускулистые руки и расцеловал, потому что тот родился 25 декабря 1914 г., когда его отец уже воевал. Но в следующем, 1918 г., Анна Тимофеевна Левашова в возрасте 33 лет сильно заболела и умерла, оставив мужу трех сыновей: Петра (10 лет), Александра (6 лет) и Владимира (4 года). Трудно было Ивану Ивановичу справиться с малолетними детьми, хотя ему помогали братья и многочисленная родня, которая проживала рядом в поселке Кутейниково.

Семья молокан Антифеевых тоже не стали перебираться на Кавказ и переехали в село Астраханка Бердянского уезда Таврической губернии (Мелитопольский район, Запорожская область), которое находилось в 35 км западнее села Новоспасское и располагалось на берегу реки Арабка.

В крестьянской семье Гаврилы Петровича и Акулины Андреевны Антифеевых подрастало восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Родители имели участок земли и занимались сельским хозяйством.

«Местная община молокан избрала Гаврилу Петровича пресвитером. Поэтому помимо хозяйственных дел ему приходилось и крестить, и венчать, и проводить собрания. В своей пастырской деятельности Гаврила Петрович допустил серьезную ошибку, обвенчав двоюродных брата и сестру. Пришлось срочно покинуть Астраханку. Семья Антифеевых переезжает на Кубань, в станицу Павловскую. На новом месте они также занимаются сельским хозяйством, арендуя землю у местного помещика Кузнецова.

Моя будущая мать Мария Гавриловна освоила профессию белошвейки. Шила наряды для невест. Ей и самой уже давно было пора под венец. Но родители не торопились выдавать Марию замуж, так как семья нуждалась в ее зарплатке.

На Кубани семья Антифеевых прожила 27 лет. Но затем случилось несчастье. На глазах у родственников старший брат моей матери красноармеец Тимофей Гаврилович, находившийся дома в отпуске после лечения от полученных ран, был зарублен белоказаками.

Это случилось в 1918 году, в разгар Гражданской войны. Потрясенные случившимся, Антифеевы всей семьей покинули Кубань и переехали в поселок Кутейниково. Здесь и состоялось знакомство вдовца Левашова Ивана Ивановича, отца троих детей, и девицы Марии Гавриловны Антифеевой. В 1920 году они поженились», – вспоминал Василий Иванович Левашов.

К тому времени Мария Гавриловна была уже «старой девой», ей шел тридцатый год, но и Ивану Ивановичу тоже было немало – 38 лет. Они сыграли скромную свадьбу, и Мария переехала в дом Ивана, приняв, как своих, его подросших сыновей, взяв на свои плечи все домашнее хозяйство и воспитание детей. И они, соскучившись по материнской ласке, приняли ее в свою семью и вскоре все стали называть мамой. Она так и не стала для них мачехой, а окружила ребят своим вниманием, заботой и теплом.

В том же 1920 г. свадьбу, на радость Ивану Фирсовичу и Пелагее Илларионовне, сыграли и второму сыну – Михаилу, которому уже исполнилось 32 года. Он женился на веселой и бойкой дальней родственнице своей тети Дарьи Фирсовны Захаровой (Левашовой) – 16-летней Лидии Даниловне Захаровой.

Семья Ивана Ивановича поселилась в поселке Амвросиевка, где он вместе со старшими сыновьями достраивал свой дом. В 1921 г. в их дружной семье родился сын Николай, в 1924 г. – Василий, а в 1928 г. появился на свет и Анатолий Иванович. Везло на сыновей Ивану Ивановичу.

А вот молоденькая Лидия Даниловна подарила брату Михаилу трех дочерей: Евгению – в 1921 г., Валентину – в 1923 г. и Ангелину – в 1928 г. А самый любимый, долгожданный ребенок в семье – единственный сыночек Сережа родился на радость отцу, и особенно матери, 16 декабря 1924 г. Это в честь него после войны назовут улицы в Краснодоне и поселке Кутейниково Амвросиевского района Донецкой области.

Жизнь стала налаживаться. Вскоре создал свою семью и третий сын Ивана Фирсовича Николай, а затем и Сергей Иванович Левашов женился на младшей сестре жены своего старшего брата Михаила – Анне Даниловне Захаровой. (К сожалению, автор не нашел никаких сведений еще об одном сыне Ивана Фирсовича – Василии, родном брате отца нашего героя.)

Левашова (Антифеева)
Мария Гавриловна

ПОТОМОК ДРЕВНЕГО РОДА

Василий Иванович Левашов родился 17 марта 1924 г. в поселке Амвросиевка (с 1938 г. – город) Донецкой губернии (Донецкая Народная Республика).

Но еще за четыре года до его рождения большая и дружная семья старших Левашовых, с трудом размещаясь в родительском доме, особенно после свадьбы младшего брата Ивана Ивановича Михаила, посоветовавшись с родителями, решила переехать в расположенный недалеко поселок Амвросиевка, в котором к этому времени уже работали три цементных завода, несколько маслозаводов, вальцевых и зерновых мельниц, а также мергельный карьер. К 1930-м гг. амвросиевская цементная промышленность освоила выпуск высокомарочных цементов, которые шли на сооружение Днепрогэса, Московского метро, других строек первых пятилеток. Специалистов с такой редкой профессией, как шофер, явно не хватало. Им предоставлялись различные льготы и участки земли для постройки своего дома, да и зарплата была выше, чем в Кутейниково. К тому же туда переехал брат Марии Гавриловны Петр со своей семьей и уже начал строить свой дом.

Антифеев
Петр Гаврилович

Как ни грустно было Ивану Фирсовичу и Пелагее Илларионовне расставаться с внуками и старшим сыном, но пришлось согласиться. И семья Ивана Ивановича с молодой женой Марией Гавриловной и его тремя подросшими сыновьями от первого брака – Петром, Александром и Владимиром – отправилась в путь, захватив с собой свой нехитрый скарб.

Отец устроился на работу шофером и мог в свободное время привезти на машине различные строительные материалы не только себе, но и своим новым родственникам, поэтому стройка двигалась довольно быстро, невзирая на то что основная тяжесть всех работ по дому и хозяйству легла на плечи жены и подросших старших сыновей.

Хотя в поселке и производили цемент, но он строго учитывался, потому что молодой республике надо было восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство, поэтому частные дома в Амвросиевке, как и в других лежащих рядом поселках, в основном строили саманные, а для них требовались в большом количестве глина и солома, которые тщательно перемешивали, как правило, лошадьми, водя их по кругу. Но дружному семейству Левашовых-Антифеевых приходилось это делать самим, долго перемешивая голыми ногами глину с постоянно подбрасываемой в нее соломой. Помогали и соседи. Было весело, все шутили и смеялись,

особенно когда кто-нибудь по неосторожности падал в глину и вымазывался в ней. А потом взрослые укладывали этот раствор в специально подготовленные из плотно сколоченных досок формы в виде ящичков без дна на ровном месте. И, к удивлению ребят, прямо на их глазах из кучи глины получались красивые ровненькие саманные кирпичи, которые рядами выкладывали для просушки на солнце. Построенные из таких прочных и хорошо высушенных кирпичей дома потом обмазывали белой глиной, перемешанной с высушенным кизяком, и называли хатой. Стены таких домов летом создают прохладу, а зимой долго сохраняют тепло.

4 мая 1921 г. в дружной семье Левашовых-старших родился первый совместный сын, которого на семейном совете было решено назвать в честь родного брата Ивана Ивановича Николаем. Так, в большом семействе Левашовых появился на свет еще один Николай Иванович, но теперь уже младший. Дедушка с бабушкой были довольны, новая невестка угодила.

После двух кровопролитных войн жизнь брала свое. В новом государстве без жестокой эксплуатации «избранных мира сего», работая только на себя и свою семью, строя новые города и поселки, промышленные предприятия и жилые дома, хотелось верить только в лучшее и на различные неурядицы жизни, которые многим сегодняшним жителям нашей страны показались бы по крайней мере странными, никто не обращал внимания и старался побыстрее их преодолеть. Поэтому свой дом в Амвросиевке Иван Иванович и Мария Гавриловна построили быстро. И уже в 1924 г. новый горластый член семьи, которого назвали в честь еще одного брата отца Василием, полновластным хозяином вошел в этот новый дом. А еще через три года родился и самый младший сын – Анатолий Иванович (20.07.1927 г.).

В это время строились многие. Поэтому ребятне хватало летом работы, бегая от одного двора к другому и помогая друг другу. Маленький Вася тоже всегда стремился за старшими и, несмотря на возраст, всегда одним из первых становился в круг, перемешивая глину босыми ногами. Однажды, когда раствор был уже почти готов и его стали раскладывать по формам, кто-то из взрослых по неосторожности лопатой рассек ему левую щеку. Работы сразу же быстро остановили, так как у Васи по щеке сильно лилась кровь. Взрослые женщины заохали, заохали, быстро вытащили его из ямы, обмыли и обработали рану. Но Вася даже не заплакал и этим гордился, потому что двоюродный брат Юра Антифеев горько плакал, когда его за голую попу укусила пчела, потому что во время игры во дворе он бегал голышом. При этом всем остальным детям было очень смешно.

Весной и летом Вася часто на подводе ездил со старшими братьями к дедушке с бабушкой в Кутейниково по проселочной дороге вдоль железнодорожного полотна, прикрытого с обеих сторон лесопосадкой.

Однажды по пути старшие братья часто останавливали подводу и бегали в посадку разорять вороньи гнезда. Они забирались на деревья, вытаскивали из гнезд вороньи яйца и складывали их в карманы пальто младшего брата. Когда повозка, наконец-то, дотащилась до Кутейниково, то обнаружилось, что Ваня подавил в карманах все вороньи яйца. Братья сильно ругали его, но это была наука не только для него, но и для них.

А в небольшом родительском доме под черепичной крышей у дедушки с бабушкой в железнодорожном поселке Кутейниково молодая невестка Лидия Даниловна Левашова (Захарова) никак не могла угодить «придирчивой и строгой» свекрухе, да и свекор никогда ее не хвалил, тем более, что наследника рода она никак не могла родить их сыну Михаилу, «одни девки». В 1921 г. в их семье 17-летняя невестка родила дочь Евгению, а в 1923 г. – Валентину. (Имена Михаил и Лида придумывали заранее, не зная, кто родится, на всякий случай, чтобы подошло и мальчику, и девочке.) И когда уже старики совсем разуверились в своей молодой невестке, зимой, 16 декабря 1924 г., Лида родила сына, которого по настоятельной «просьбе» Ивана Фирсовича и Пелагеи Илларионовны назвали, как и их младшего сына, Сергеем. А 17 мая 1928 г. родилась еще одна доченька Лина – Ангелина Михайловна. (В свои зрелые годы она проведет огромнейшую работу по восстановлению всей генеалогической ветви семьи Левашовых, которой воспользовался и автор.)

Михаил Иванович, как и его старший брат, работал шофером и еще с молодых лет, подражая Ивану, всегда носил кожаную куртку, кожаные галифе и высокие сапоги. Даже его фуражка была кожаной. От одежды братьев всегда немного пахло бензином, что очень нравилось мальчишкам, которые в своих фантазиях всегда представляли себя именно шоферами. Зарабатывали братья хорошо, что позволяло их женам не работать, а заниматься по дому и с детьми.

И Мария Гавриловна, и Лидия Даниловна (несмотря на разницу в возрасте) очень сдружились. Они с малых лет приучали своих детей к труду, добру, прививали уважение к старшим. Лидия Даниловна очень любила читать и приучала к этому своих детей. В молодости она мечтала стать актрисой, но об этом боялась признаться своим богомольным родителям, а в замужестве пришлось навсегда расстаться со своей мечтой, но когда она читала вслух книжки, усаживая всех детей перед собой, они, как зачарованные, с открытыми ртами слушали ее, как она, читая, подражала голосам зверей и птиц, героям злым и добрым, словно актриса, и перед ними всегда открывался удивительный мир. Поэтому, приезжая к ним в гости, младшие Ивановичи всегда просили свою тетю что-нибудь почитать – так им было интересно слушать. Особенно все любили сказку о царе Салтане, басни Крылова, особенно о беспечной стрекозе, которая все лето только пела, и трудыге-муравье.

Иван Фирсович не мог не порадоваться на своего младшего внука. Часто по утрам они вместе с Сережей шли в столярную мастерскую, при этом внук говорил родителям и сестрам, что идет на работу. Рядом с высоким худощавым дедом он казался совсем маленьким, но старался не отставать, быстро семеня своими ножками. В мастерской для него всегда находилось какое-нибудь дело. То выметал стружку, перекладывал с места на место деревянные заготовки, то подавал деду инструмент или просто вертелся у его ног. А вечером во время ужина всем рассказывал, как с дедушкой строил хату. В 1929 г., когда Сереже исполнилось пять лет, семья Михаила Ивановича Левашова переехала в Сорокино (с 1938 г. – Краснодар).

В конце 1920-х гг. в СССР началась коллективизация. В это время на границе с Румынией была создана Молдавская АССР, которая вошла в состав Украинской ССР. В 1929 г. в селе Воронково Рыбницкого района этой автономной республики были организованы два колхоза: «Красный Октябрь» и «Молдова Роши», а для оказания им технической помощи – Воронковская машинно-тракторная станция (МТС) – одна из первых в СССР. Вот в это село на должность главного механика МТС и был направлен Иван Иванович Левашов. Вместе с ним туда же переехала и вся семья, кроме старших сыновей – Петра и Александра, которые уже окончили школу и остались в Амвросиевке работать и дальше учиться.

Машинно-тракторные станции только стали создаваться. Они должны были по заявкам колхозов производить вспашку, посев, уборку урожая и другие сельхозработы, а также ремонт техники.

Вначале семью Ивана Ивановича определили на постой в большой зажиточный дом, где они шестером занимали одну комнату у одинокого пожилого мужчины Сэндецкого. Детей у него не было, и он быстро привязался к младшим Левашовым, особенно к Василию. Каждый вечер после рабочего дня он готовил себе на ужин галушки или мамалыгу с брынзой, но без Васи за стол не садился. Давал ему деревянную ложку, и они вместе ели приготовленное им блюдо.

Но местное советское руководство, не добившись от Сэндецкого добровольного вступления в колхоз, пришло с вооруженными людьми в его дом «раскулачивать». На глазах у изумленных жены и детей Ивана Ивановича, который был в это время на работе, вооруженные люди забрали у хозяина дома отару овец и все имущество, а потом в центре села на торгах распродавали его мебель, ковры, хотя все было довольно изношенное и не представляло ценности. А самого Сэндецкого, как и некоторых других раскулаченных односельчан, куда-то выслали.

Левашовы остались одни, но вскоре отец получил квартиру в новом доме, и семья переехала жить на территорию машинно-тракторной станции.

Для мальчишек на новом месте было раздолье. Кругом столько техники. Одних тракторов больше ста единиц. Кроме них были сеялки, косилки и мн. др. Жизнь налаживалась, семья ни в чем не нуждалась. Все было вроде хорошо. Но родителей смущала близость государственной границы, которая проходила по реке Днестр в 15 км от их дома. А вдруг война?

Вскоре от старшего сына Петра пришло известие, что его призвали в армию. Это случилось 17 ноября 1930 г.

Отношения с коллективом МТС, руководством колхозов и жителями села не заладились, многие говорили на другом, непонятном для приезжих языке. Не было в селе русской школы, и старшие сыновья с огромным трудом понимали, что преподают на уроках. Поэтому, прожив в Молдавии около полутора лет, посоветовавшись, родители решили вернуться обратно на родную донбасскую землю, и в начале 1931 г. Левашовы переехали в Сорокино (Краснодон с 1938 г.), где уже обосновалась семья его родного брата Михаила Ивановича. Здесь для рабочих построили двухквартирные дома и общежития, а опытных механиков с рабочими золотыми руками в Сорокинском и Краснодонском шахтоуправлениях не хватало, поэтому приезду Левашовых все были рады. Особенно радовался Вася, ведь ему предстояла встреча с двоюродным братом-одногодкой Сергеем, который уже учился в подготовительном классе.

Михаил Иванович с семьей жил в квартире из двух комнат, вот в одной из них и приютились шестеро членов семьи старшего брата. «В тесноте, да не в обиде», – решили они, хотя сами остались проживать в одной комнате тоже вшестером. Но Левашовы-старшие недолго стеснялись своих родственников. Иван Иванович вскоре устроился на одну из шахт шофером и получил квартиру.

Вскоре сюда же переселился еще один из братьев со своей семьей, Николай Иванович (старший), который после окончания курсов устроился на одну из шахт бухгалтером, а дома в Кутейниково с родителями остались жить младшие сыновья Ивана Фирсовича Сергей и Василий.

«Жили мы теперь значительно скромнее. Ведь там, в Молдавии, отец работал главным механиком, а здесь, в Краснодоне, – простым шофером. Поэтому отец постоянно присматривал, куда бы выгоднее устроиться на работу. Семья-то большая, а работающих – один отец.

Примерно через год отец перешел на новое место – в горноспасательный отряд. Конечно, тоже шофером. Там же получил квартиру, и мы переехали на новое место. Это было в самом центре города», – вспоминал Василий Иванович Левашов.

Михаил Иванович работал шофером на шахте № 3-бис недалеко от Краснодона, и, когда руководство шахты выделило ему отдельную

просторную квартиру в шахтерском поселке, вся его семья, недолго думая, в декабре 1931 г. переехала туда. Приближался Новый год. Михаил Иванович привез откуда-то настоящую елку. Дети впервые увидели зимой в доме настоящее, пахнущее хвоей зеленое дерево. Все были в восторге, оживленны и озабочены тем, как лучше нарядить елку. До наступления торжества времени оставалось немного, поэтому уже вечером вся семья засела за дело. Сережа из разноцветных полосок бумаги мастерил фонарики, корзиночки, домики. Девчонки клеили цветы. Лидия Даниловна читала ребятам трогательный рассказ Ф.М. Достоевского. Посмотреть на диковинную красавицу-елку приходили и двоюродные младшие братья из Сорокино.

1 сентября 1932 г. Василий Левашов пошел в первый класс школы № 1 им. А.М. Горького, а его двоюродный брат Сережа – в школу шахтерского поселка. Учиться Василию было легко, ведь все домашние задания ему помогали делать старшие братья, особенно Николай, который учился уже в четвертом классе и учился хорошо. Поэтому Вася старался ему во всем подражать и угождать, а когда личные просьбы не помогали, просил маму подействовать на старшего брата, и Коля, со вздохом, соглашался.

Во втором классе он познакомился с Витей Третьякевичем, которого посадили с ним за одну парту, но так как они часто отвлекались, разговаривали и баловались, их вскоре рассадили. Их дружба продолжалась три года, пока Виктор не перешел в другую школу. С ним всегда было интересно, потому что его познания во многом были шире и глубже, чем у других ребят. Витя всегда что-нибудь рассказывал и удивлял одноклассников своими познаниями. Позже при случайных встречах они с удовольствием общались друг с другом, если позволяло время, даже не подозревая, что судьба их вновь сведет очень близко в минуты смертельной опасности. Здесь же в школе № 1 им. А.М. Горького, в которой Василий учился безотрывно все годы, он познакомился с будущими молодоговардейцами, хотя многие из них учились, в основном, в других классах.

В это время старшие сыновья Ивана Ивановича: Петр окончил срочную службу в рядах РККА и поступил в артиллерийское училище, Александр учился в Луганске в Донецком институте народного образования (ДИНО) по специализации физика-математика (уж очень любил еще в школе точные науки), а Владимир после окончания школы и курсов стал работать, как отец, шофером. Жизнь налаживалась, даже несмотря на то что отец несколько раз менял место работы, а вместе с этим менялось и место жительства. Успокаивало Марию Гавриловну только то, что это происходило в черте г. Сорокино.

Но 1935 г. в дом Ивана Ивановича Левашова пришло большое горе – заболел 20-летний сын Владимир, который где-то заразился инфекционным

заболеванием, возбудителем которого являются бактерии туберкулеза (палочки Коха). 13 сентября он умер от туберкулеза кишечника. Велико было горе родителей и многочисленной родни. Похоронили его в Кутейниково на местном кладбище, рядом с другими почившими Левашовыми.

Но жизнь продолжалась.

Брата отца, Михаила Ивановича Левашова, также постоянно переводили по работе с одной шахты на другую, и вся его семья постоянно переезжала вместе с ним, меняя место жительства и школы при шахтерских поселках, но это не мешало Сергею учиться только на «отлично».

Василию постоянно ставили в пример учебу двоюродного брата. Это иногда напрягало, но при встрече с Сергеем все обиды сразу же забывались, потому что брат был очень развитым мальчишкой, которого интересовало буквально все. Вначале он увлекся авиацией и носился по улицам шахтерского поселка, держа перед собой сделанный из бумаги самолет. Невершенство конструкции компенсировалось воображением: главное быстрее мчаться и громче жужжать, подражая звуку пропеллера. Этим самолетом Сергей увлек не только мальчишек, но и одноклассницу Лену Шиткову. Они гурьбой носились и жужжали, словно целая эскадрилья. Вскоре пришло новое увлечение – рыбная ловля. Вместе с Леной и младшей сестренкой Линой, захватив хлеб, они на целый день уходили на Каменку. Сколько было радости, если ребятам удавалось поймать хоть одну крупную рыбешку.

Левашов Сергей

Усталые, но счастливые приносили они добычу домой и варили уху, вкуснее которой не было ничего на свете. А однажды они втроем затеяли игру в Чапаева. Из детского велосипеда сделали пулемет, консервные банки превратили в гранаты. Посередине двора устроили баррикады. И подняли такой шум и трескотню, что лопнуло терпение у соседей. Лидия Даниловна не стала ругать детей, но только строго сказала, чтобы все убрали после себя и полили цветы на клумбе.

В школе Сережа с удовольствием стал посещать струнный кружок, где играл на мандолине. По его примеру и Вася стал посещать струнный кружок в своей школе и постепенно научился играть на балалайке. Сергей же, обладая замечательным слухом, к тому времени уже играл на многих музыкальных инструментах.

В 1937 г. Иван Иванович был назначен заведующим гаражом и место работы больше не менял. Ему выделили участок земли на окраине

г. Сорокино в районе, прозванном «шанхай», и вместе, дружно, Левашовы начали строить свой новый дом.

«В тот период в стране проводились массовые репрессии, и семья наша чувствовала себя неуверенно. Неуверенно не потому, что отец был в чем-то замешан. Все видели, что арестовывают невинных. Под видом врагов народа арестовывали не только руководителей. Мои родители дружили с семьей обрусевших немцев по фамилии Веккер. Глава семьи Виктор работал шофером, его жена Эмма была домохозяйкой, воспитывала двоих детей. Арестовали вначале Виктора, а затем и семью. Я подслушал как-то разговор родителей, из которого узнал, что отец ждет возможного ареста. И дождался-таки. Забрали его днем, на работе. Увезли в Москву и посадили: в Бутырскую тюрьму. Рассчитывать, что разберутся и выпустят, не приходилось. Никого из арестованных еще не выпустили. Но случилось неожиданное. Через два месяца отец вернулся домой. Оказалось, что его арестовали не по политическому, а по уголовному делу. В ходе следствия выяснилось, что отец невиновен. Его использовали как свидетеля и с извинениями выпустили», – вспоминал В.И. Левашов.

Левашов
Петр Иванович

В это время старший сын Ивана Ивановича Петр окончил артиллерийское училище, ему было присвоено первое офицерское звание «командир РККА», и на его петлицах заискрился кубик из латуни с красными эмалевыми вставками (так называемая «горячая эмаль»), что впоследствии означало звание младший лейтенант. Его направили в распоряжение командира артиллерийского полка, который дислоцировался в городе Каменске (Каменск-Шахтинский) Ростовской области, на должность командира огневого взвода. Но вскоре Петр Иванович был направлен для продолжения дальнейшей службы на Дальний Восток в артиллерийский полк 92-й стрелковой дивизии (92 сд), который дислоцировался в

поселке Барабаш на противоположном берегу Амурского залива напротив г. Владивосток, недалеко от государственной границы. Вскоре на Дальний Восток в г. Хабаровск после окончания института по распределению уехал и Александр Иванович, где работал учителем математики в средней школе.

А младшие дети братьев Левашовых еще учились в школе. В старших классах Сергей научился фотографировать и увлек этим Василия, но на этом не остановился. Уже с 6-го класса он занимался автоделом, а позже серьезно изучал радиодело, стал посещать авиамодельный кружок, даже

переписьвался с авиаконструктором А.С. Яковлевым. Дома он все время что-то мастерил. Родители выписали детям журнал «Юный натуралист». Особенно увлекался им Сережа. Он не только внимательно читал его, но и старался предлагаемые опыты проверить на практике. Так появился выращенный в обычной стеклянной бутылке огурец, который он затем законсервировал, следуя рекомендациям журнала. В родительском доме появлялись чертежи, собирались и склеивались какие-то конструкции. Сергей трудился над созданием летающей модели самолета, для запуска которой Сережа выбрал самое высокое место и пригласил школьных товарищей. А когда белоснежная модель стремительно понеслась над степью, все ребята с криками бросились вдогонку. Уже тогда он мечтал стать летчиком и поступить в военное училище.

В эти годы «всех восхищал подвиг советских летчиков, которые мужественно сражались в интернациональных бригадах на стороне испанских патриотов против фашистов. И когда узнали, что в поселок шахты № 3-бис приезжают испанские ребята, встречать юных гостей вышел весь поселок. Все собрались в школе, и от имени пионеров испанских ребят приветствовал Сергей. С ответным словом выступил черноглазый паренек. Он благодарил за гостеприимство, за помощь Испанской республике и в заключение преподнес Сергею «испанку» – головной убор бойцов-республиканцев. Он напоминал пилотку, но с более высоким верхом и кисточкой впереди. Более желанного подарка было просто не придумать. После теплых, волнующих встреч гостей торжественно проводили».

А вскоре после этого провожали и Сергея, который ехал в столицу. «Его, как лучшего ученика школы, премировали путевкой на экскурсию в Москву. Сколько потом было восторженных рассказов об увиденном в поездке. Ведь Сергей был единственным в поселке, кто побывал в столице. Он там ходил по Красной площади, прикасался к Кремлевской стене, был в Мавзолее, видел Ленина. Обо всем подробно он рассказывал и в школе, и дома. С восхищением вспоминал Сережа подземные мраморные дворцы московского метро, подъем и спуск на эскалаторе. Рассказывал и о том, как он вначале спотыкался, нерешительно ступая ногой на эскалатор. И всем, кто его слушал, казалось, что они тоже побывали в Москве», – вспоминал Василий Иванович.

В 1939 г. еще один старший брат – Николай окончил среднюю школу и поступил в

Левашов
Николай Иванович

Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии имени П.И. Баранова. С родителями остались только Василий и Анатолий, которые еще учились в школе. Время летит быстро, а сыновья растут еще быстрее. Постаревшие родители были рады и этому, да и многочисленная родня не давала повода унывать.

Приезжая не часто в отпуск, Петр Иванович в военной форме с новыми «кубарями» на петлицах рассказывал родителям и ребятам об армейских буднях, что будоражило мальчишеское воображение, особенно Сергея. Он немного завидовал Василию, ведь в своей семье он был единственным мальчиком, а остальные - девочки. Старший брат Василия уже командовал батареей, командование части ценило его и собиралось назначить на вышестоящую должность в штаб полка. Однажды Петр рассказал родителям, что познакомился с девушкой из Сибири и собирается на ней жениться. Ее звали Наталья Яковлевна Шкаликова, или просто Наташа. Отец с матерью давно ждали этого сообщения и благословили сына, а он пообещал им в следующий отпуск обязательно познакомить родителей с ней.

В этом же году школьные товарищи приняли в комсомол Василия и Сергея, который в это время учился в средней школе № 29 поселка шахты № 12. Ребята выросли, возмужали, стали усиленно заниматься спортом и военной подготовкой. Они научились стрелять из винтовки и впервые сдали нормы военно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». Сергей к тому же каждый день делал упражнения с гирями. Их было две. Сначала он выжимал одну гирию то левой, то правой рукой. Затем сразу обе. Для тренировки кистей рук и пальцев Сережа придумал себе упражнения с утюгом, подвешенным на закрученный шест, и каждое утро после физических упражнений, закаляя свой организм, он обтирал себя смоченным в холодной воде полотенцем, а в зимнее время – снегом. Зимой он всегда ходил в кепке, кожаной неутепленной куртке, без перчаток, а на ночь на деревянный настил рассыпал зерна ячменя или кукурузы, накрывал его тонким байковым одеялом и ложился спать. (Сказывалось влияние образа Рахметова из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»). Конечно, многие, особенно сестры, этому удивлялись, некоторые пытались отговорить, но Сергей был непреклонен.

Братья уже стали посматривать на девочек, не только как на одноклассниц, некоторые даже отвечали им взаимностью. Сергей начал дружить с одноклассницей Аней Карловой – скромной, душевной девушкой. В ней более всего подкупала незащищенность. У Ани во время аварии на шахте погиб отец, и Сергей, крепкий физически, испытывал какую-то потребность оберегать ее от возможных обидчиков. Его также часто видели и с Люсей Обуховой. В своей школе он считался защитником

девочек от обидчиков – мальчиков. Серезу так воспитали родители, ведь и его постоянно окружали своей заботой мама и сестры.

Со вступлением в комсомол нагрузок прибавилось. Сергей руководил авиамодельным кружком, его избрали членом, а потом и председателем ученического комитета школы, в своем классе он был старостой и везде успевал. Всю разнообразную общественную работу Сергей успешно совмещал с учебой. Все годы учебы в школе он успевал только на «отлично» и по окончании каждого последующего класса награждался похвальной грамотой. Он с большим уважением относился к своим учителям, для него не существовало нелюбимых преподавателей.

Старшая сестра Сергея Евгения, окончив среднюю школу, поступила в педагогический институт и проживала по месту учебы в г. Новочеркасске. Ей нужно было помогать, и это сказалось на материальном положении семьи, которая и так довольствовалась скромным достатком, потому что единственным кормильцем был Михаил Иванович, и Лидия Даниловна устроилась на работу. Сергей тут же принял решение последовать ее примеру: оставить школу и наравне со взрослыми работать в шахте. Но родители даже не стали слушать его объяснения и решительно воспротивились. Тогда он после окончания восьмого класса, летом 1940 г., устроился на работу грузчиком на лесной склад. Вместе с другими взрослыми мужиками он разгружал вагоны, перетаскивал в определенное место тяжелые бревна и складывал их в штабеля. Домой Сергей приходил очень уставшим, но виду старался не подавать. Потом устроился на работу в совхоз, где его нашел двоюродный брат Василий, который, не застав Сергея дома, пришел на помощь. Цельными днями, прерываясь лишь на обед, трудились ребята на совхозной плантации. Убирали помидоры, складывали их в ящики, переносили к месту транспортировки. И он действительно заработал значительно больше, чем предполагали родители. Теперь уже оставлять школу Сергей не порывался, а лишь строил планы на следующие каникулы.

Предвоенный учебный год пролетел быстро. В это время, отработав по распределению в школах Хабаровска, домой вернулся старший сын Ивана Ивановича Александр, который устроился на работу учителем математики в школе при одном из шахтерских поселков Краснодона. А Петру Ивановичу Левашову досрочно присвоили воинское звание капитан.

Левашов
Александр Иванович

Наступила весна 1941 г. Василий и Сергей Левашовы заканчивали девятый класс. 1 мая Васю впервые к себе домой на праздничный ужин пригласила одноклассница Вера Сырова. На вечер были также приглашены его друзья Сергей Квасников и Олег Кошевой. Пока девочки накрывали на стол, ребята возились у патефона. Застолье их интересовало мало, хотелось потанцевать, поэтому патефон долго не умолкал. Никто из них даже не мог подумать, что не пройдет и двух месяцев, как разразится страшная война, на которой двое из них – Квасников и Кошевой погибнут.

А Сергей Левашов, воодушевленный результатами своих стараний прошлым летом, задумывался, куда бы ему пойти еще поработать. Но педагогический коллектив школы имел свое мнение и премировал его путевкой в дом отдыха как лучшего ученика. Эта новость не столько обрадовала Сергея, сколько огорчила. Дома он рассказал родителям об этом и сразу же добавил, что от путевки откажется, а пойдет на работу. Но родители решили по-другому. Они вначале посоветовались, а затем Лидия Даниловна сказала, что отказываться от путевки неприлично, ведь она была выделена заслуженно, и предложили съездить на две недели в дом отдыха, а затем уже пойти на работу. Сергея всегда обезоруживали убедительные доводы матери, которая никогда не повышала голоса и не оказывала давления. Он молча согласился и стал собираться в дорогу.

Все, кто внимательно следил за событиями в мире, предугадывали вероятность войны с Германией. Даже старшеклассники в своих рассуждениях приходили к такому выводу, потому что своими глазами видели, как не один эшелон с военной техникой проследовал на запад. Но одно дело догадываться и совсем другое осознать, что это – уже свершившийся факт.

В начале июня из Ленинграда после окончания училища приехал в отпуск в Краснодон брат Николай. При распределении в войска за отличную

Левашов
Николай Иванович

учебу его оставили служить в стенах своего училища взводным командиром и на его петличках красовалось по два новеньких сияющих «кубаря», что соответствовало званию лейтенант. 17 мая 1941 г. приказом Народного комиссара обороны СССР маршала С.К. Тимошенко училище было переименовано в Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (ЛАТУЗА).

В воскресенье 22 июня 1941 г. утром, пока не наступила жара, Василий Левашов вместе с дядей Колей, братом отца, направился в поселок шахты № 12 к своим родственникам в гости.

Николай Иванович-старший хотел поговорить со своим братом Михаилом, а Вася пошел к ним «за компанию», ради встречи с двоюродным братом Сергеем. Ему очень хотелось обменяться впечатлениями, ведь они только окончили девятый класс.

«Шли степью. В пути вели разговоры на разные темы. Но больше всего рассуждали о том, будет ли война с Германией. Когда вошли в поселок, обратили внимание на необычное оживление среди жителей. Чем-то они были возбуждены. Спросили первого встречного мужчину:

– Что здесь происходит?

– Как что? Разве не слышали? Война началась.

Новость ошеломляющая. Несколько минут мы стояли, не зная куда идти. Затем все же пошли к родственникам. Но там задерживаться не стали и вскоре направились домой. С Сергеем встреча так и не состоялась. Три дня назад он уехал в дом отдыха. Вернувшись в Краснодон, мы узнали, что по радио выступал В.М. Молотов. В его выступлении было сказано, что на рассвете без объявления войны войска фашистской Германии совершили внезапное нападение на нашу страну и пересекли западную границу СССР на всем ее протяжении от Баренцева до Черного моря. Варварской бомбардировке были подвергнуты города Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Одесса, Севастополь, железнодорожные узлы, аэродромы, районы расположения советских войск», – вспоминал В.И. Левашов. В этот же день, попрощавшись, уехал обратно в училище лейтенант Николай Левашов.

Но весть о нападении фашистской Германии вызвала у ребят не смятение, уныние и страх, а повышенную активность. Им сразу же, без промедления, захотелось отправиться на фронт. Настроение было боевое. В это время Сергей находился в доме отдыха, а когда через два дня возвратился, то всем сказал, что будет проситься добровольцем на фронт, поэтому вместе со своими товарищами из поселка пришел в Краснодон. Но идти в райком комсомола Василий ему отсоветовал, потому что в первый же день войны он со школьными друзьями ходил и в райком комсомола, и в райвоенкомат, где ребята просились на фронт, но ничего не получилось.

Один из руководящих комсомольских работников выслушал внимательно ребят, записал их фамилии и...поручил ночное дежурство в райкоме. Отправить их на фронт он даже не обещал.

Тогда ребята пошли в райвоенкомат, но в это время уже начиналась всеобщая мобилизация. Еще издали они увидели огромную массу людей на площади перед входом. Это были те, кого мобилизовали и готовили к отправке на фронт, так что работникам военкомата было не до них. Но им все-таки удалось остановить одного офицера, когда тот вышел из кабинета, и изложить свою просьбу. Тот выслушал, задал несколько вопросов,

а потом сказал: «...Нам сейчас не до вас. Заканчивайте десятилетку, тогда пошлем вас в военные училища...» Юные добровольцы обиделись на его слова: «Ведь пока будем заканчивать десятый класс, война закончится».

Но вскоре их кипучей энергии все же нашли применение. Всех старшеклассников направили в колхоз помогать сельским труженикам убирать урожай. Работали с энтузиазмом, а в свободное время много спорили, обсуждая обстановку на фронте. У каждого были свои предположения о том, как долго война продлится, каких рубежей достигнет противник, прежде чем будет разгромлен. Но никто тогда не допускал даже мысли, что враг придет в Донбасс.

Работали в колхозе до конца лета, и только тогда всех старшеклассников отпустили по домам. Нужно было готовиться к занятиям в школе. Новый учебный год начался без задержки, но уже чувствовалось приближение фронта. В городе появились беженцы, среди которых было много цыган. Их, как и евреев, фашисты уничтожали в первую очередь. Затем потянулась военная техника. В школу пришли новые ученики, но занятия вскоре были прерваны. Всех старшеклассников снова направили в колхоз убирать кукурузу и подсолнечник. Теперь они почувствовали, что война не где-то далеко на западе, она все ближе и ближе. Ребята видели, как по дорогам с запада на восток на автомашинах, на повозках, пешком двигались люди, которым удалось избежать фашистской оккупации.

Наступил октябрь 1941 г., ребята возвратились домой, но занятия не возобновились. В школе разместился военный госпиталь.

Фронт приближался. Райком комсомола превратился в штаб, и добровольцев-комсомольцев постоянно направляли на задания: то помогать транспортировать раненых из санитарного эшелона в госпиталь, то разносить по адресам повестки мобилизованным на фронт, то совместно с военными патрулями в ночное время проводить проверку документов с целью выявления вражеских агентов.

Началась эвакуация учреждений и предприятий. Дороги все более заполнялись транспортом с беженцами, отступавшими войсками. То, что невозможно было вывезти, уничтожалось. Взрывались шахты.

Василий Левашов вместе со своим школьным другом Борисом Машенко в очередной раз пошел в райвоенкомат с просьбой отправить на фронт. Но, к их удивлению, от ребят не отмахнулись, а пообещали направить в военное училище. Вскоре их включили в состав команды и назначили дату отправки на восток.

Накануне отъезда Василия в тыл на учебу семья Ивана Ивановича узнала о гибели на подступах к Ленинграду своего старшего сына – командира артиллерийского дивизиона 70 *ган* 92 *сд* капитана Петра Ивановича

Левашова. Это страшное горе потрясло всю семью и многочисленных родственников, ведь никто из них не знал, что Петр воюет на советско-германском фронте, все были абсолютно уверены, что он остался на Дальнем Востоке, и с нетерпением ждали от него светлых новостей о рождении первого внука.

Уже после войны стали известны подробности героической гибели Петра Ивановича Левашова.

На карте Приморского края западнее Владивостока проходит узкая полоса суши, протянувшаяся на юг вдоль границы с Китаем и Кореей. В 1930-е гг. здесь проходила одна-единственная грунтовая дорога от станции Раздольное до поселка Краскино. На этой дороге у реки Мангутай, которая течет к заливу Петра Великого, находится поселок Барабаш, вокруг которого тайга, пересеченная сопками с крутыми склонами, покрытыми смешанными лесами и кустарниками. Сложны и погодные условия этого района Приморья. Особенно осенью, в период дождей. После ливней с сопки устремляются потоки воды, сметая все на своем пути, и заливают долины. Зимой снега мало, но дуют сильные ветры с морозом -25°C .

В этом районе 16 апреля 1936 г. на базе частей Барабашского укрепленного района (УРа) началось формирование 92-й стрелковой дивизии, которое протекало в трудных условиях, потому что не было казарм, конюшен, складов, пищеблоков и другого жилого фонда.

Усложняли положение и довольно частые нарушения государственной границы частями Квантунской армии Японии.

Вот в эту дивизию в артиллерийский полк и прибыл для продолжения дальнейшей службы лейтенант Петр Левашов.

С 1938 г. подразделения и части перешли на новые штаты и стали проводить различные многодневные учения, совершали марши по колонным путям, прямо через сопки и по бездорожью. Одновременно дивизия оборудовала сооружения полевой обороны, постоянно выделяла личный состав на строительство у границы УРов и устройства различных заграждений. В это время были созданы и введены в состав дивизии: отдельный противотанковый дивизион и 92-й гаубичный артполк, в состав которого на должность командира батареи был назначен старший лейтенант Петр Иванович Левашов.

29 июля 1938 г. японские милитаристы устроили военную провокацию у озера Хасан, рассчитывая проверить силу Красной Армии и при

Левашов
Петр Иванович

благоприятных условиях захватить ключевые позиции в советском Приморье. К боевым действиям был привлечен 39-й стрелковый корпус в составе наиболее подготовленных 40 *сд*, 32 *сд* и 2-й мехбригады. Они нанесли сокрушительный удар по вторгшемуся на советскую землю агрессору и разгромили его. 92 *сд*, которая тоже входила в состав 39 *ск*, была приведена в полную боевую готовность и прикрывала фланги ударной группировки советских войск с целью не допустить прорыва противника и выхода его к заливу Петра Великого.

31 января 1940 г. командиром 92 *сд* стал полковник А.Н. Ларичев, а в ноябре этого же года на должность заместителя командира дивизии по политической части был назначен полковой комиссар И.П. Гарус. В это же время части дивизии получили новую нумерацию: стрелковые полки стали – 22, 203 и 317-м, а артиллерийские – 60-й легкий и 70-й гаубичный.

Осенью 1940 г. на инспекторской проверке 70-й гаубичный артполк получил хорошую оценку по боевой подготовке и старший лейтенант П.И. Левашов был назначен на вышестоящую должность – начальником штаба дивизиона с перспективой назначения на должность командира артиллерийского дивизиона в военное время. Ему досрочно присвоили очередное воинское звание капитан.

22 июня 1941 г. 92 *сд* в составе 25-й армии была поднята по тревоге и переброшена на маньчжурскую границу севернее пос. Славянка в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз. Личный состав расположился лагерем в лесах. Батальоны и роты приступили к совершенствованию оборонительных сооружений на границе, всегда находясь в готовности занять их для отражения наступления врага. Все части усиленно занимались тактической и огневой подготовкой. На учениях слаживались роты, батальоны и полки. Подразделения обучались обороне на широком фронте и в горах, а также борьбе с танками. Обращалось особое внимание на изучение опыта ведения современной войны.

Командующий 25-й армии генерал-лейтенант Ф.А. Парусинов довольно часто проверял подготовку личного состава полков. Особенно он интересовался выучкой бойцов – умением метко стрелять и вести рукопашный бой.

92 *сд* приняла приписной состав запаса из жителей Приморского края и полностью перешла на штаты военного времени. Части дивизии были обеспечены сверх нормы запасами оружия, боеприпасов и военного имущества, которые предназначались для войск, развертываемых по мобилизационному плану, а также для комплектования команд военнослужащих, отправляемых на запад, и формирования новых подразделений резерва Ставки ВГК.

Петр Иванович Левашов был назначен на должность командира 2-го артиллерийского дивизиона 70 *ган*.

Японские войска стали все чаще устраивать провокации на границе, забрасывать диверсантов, переодетых в форму воинов Красной Армии. В этой ситуации главным стало не поддаваться на провокации японцев, огня не открывать, не допускать, чтобы пограничный конфликт смог перерасти в военные действия широкого масштаба. Одновременно с усовершенствованием огневых позиций в дивизии проводились учения, штабные игры и различные проверки боевой подготовки частей. И все это было не напрасно. Лишь после завершения Второй мировой войны стало известно, что Япония, хотя и подписала 13 апреля 1941 г. в Москве Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, одновременно пообещала фашистской Германии напасть на Советский Союз в сроки, согласованные с немецким планом нападения на СССР «Барбаросса», то есть 22 июня 1941 г.

Японское командование разработало план «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии»), сокращенно «Кантокуэн» («Кан-Току-Эн»), который предусматривал нападение Японии на Советский Союз и в течение полутора месяцев (в августе–октябре 1941 г.) разгром советских вооруженных сил на Дальнем Востоке, оккупировав этот регион, а также Сибирь (до Уральских гор). Для осуществления этих целей к началу августа 1941 г. в Маньчжурии и Корею была сосредоточена группировка японских войск численностью 850 тыс. человек. Объявление войны СССР было намечено на 10 августа 1941 г., сразу же после ожидаемого Японией захвата Москвы немецкой армией.

Но советская столица ценой невероятных усилий доблестных частей РККА и народного ополчения Москвы выстояла, не сломилась, остановила германские войска практически на подступах к городу, нанося врагу колоссальные потери в живой силе и технике. И Япония на СССР не напала. А уже 6 сентября 1941 г. на совещании высшего руководства Японии было решено: продолжить захваты колониальных владений западных держав в Индокитае, Индии, на островах Тихого океана, и части ударной группировки японских войска были отведены из районов в Манчжурии и Корею и направлены на юг.

Сведения об этом, переданные советским разведчиком Рихардом Зорге («Рамзай») и подтвержденные войсковой разведкой, позволили советскому руководству в срочном порядке перебросить подготовленные дальневосточные и сибирские дивизии под Москву, а на их местах расположения развернуть новые соединения из призванных из запаса военнообязанных, да так, что разведка Японии даже не догадалась об этом.

А в это время далеко на западе советские войска, неся огромные потери в живой силе и технике, вели упорные ожесточенные кровопролитные бои с фашистами. Враг окружил Ленинград, и в городе начинался голод. Личный состав дальневосточных армий с жадностью слушал сводки Совинформбюро о положении на фронтах войны. Многим были непонятны причины неудач советских войск. Красноармейцы, командиры подавали заявления о вступлении в партию и комсомол. Все горели желанием ехать на фронт и делом доказать свою преданность Родине. В это тяжелое время стал членом ВКП(б) и капитан Левашов.

Осенью 1941 г. советские войска вели тяжелые бои на подступах к Ленинграду. Одним из важнейших направлений было тихвинское. Схватки с врагом происходили на северо-востоке Ленинградской (нынешней Новгородской) области – в Любытинском районе. После падения Новгорода оборону по берегу р. Волхов заняли прибывшие из резерва Ставки 52-я армия (генерал-лейтенант Н.К. Клыков), 4-я армия (генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев) и вновь сформированная 54-я армия (генерал-майор И.И. Федюнинский).

С севера на Ленинград наступали финские войска. Продвигаясь между Онежским и Ладожским озерами, они вышли к р. Свирь и местами форсировали ее. Советским войскам с большим трудом удалось остановить их дальнейшее продвижение.

В первой половине октября в немецкую группу армий «Север» прибыли свежие части из Германии, Франции, Греции, а также испанская 250-я пехотная дивизия - «голубая» (свое название дивизия получила по цвету рубашек, носимых испанскими добровольцами-фалангистами). Для наступления на этом направлении фашистами были выделены 39-й моторизованный и 1-й армейский корпус 16-й армии, всего восемь дивизий, включая две танковые и две моторизованные.

Оборона советских войск была слабой. В частях ощущалась нехватка личного состава (менее половины численности), при этом они были вынуждены обороняться на широком фронте. Поэтому советские армии имели одноэшелонное построение, в резерв выделялись минимальные силы и средства. Создать глубокую и прочную оборону в таких условиях было невозможно.

В начале октября 1941 г. штаб 25-й армии получил директиву Ставки ВГК об отправке 92 *сд* на запад. На фронт шли кадровые дивизии из Сибири и Дальнего Востока.

Уже 14 октября 1941 г. началась погрузка подразделений и частей в воинские эшелоны. Она проводилась на станции Бамбурово и ближайших к ней платформах на недавно построенной железнодорожной ветке Раздольное – Краскино. Технику, лошадей и обоз грузили по наскоро сооруженным

эстакадам. С собой брали только самое необходимое для военных действий: материальную часть, технику, средства связи, саперное и химическое имущество, боеприпасы (один боекомплект), продовольствие и фураж.

Командование и штаб дивизии умело распределили по эшелонам стрелковые подразделения и части со средствами усиления, огневой поддержки и противовоздушного прикryтия, а также необходимые материальные средства на случай самостоятельных действий батальонов в районах предназначения.

Когда грузились, стояла ясная и теплая погода. Все были одеты в летнюю форму, которая изрядно потрепалась на работах на границе и на учениях в поле. Кругом царил тишина, которую изредка нарушали гудки маневренных паровозов. Эшелоны отправлялись ночью. Бойцы грузились у дверей теплушек, каждый старался в последний раз взглянуть на мелькавшие мимо сопки.

В течение трех суток 29 эшелонов с войсками 92 *сд* один за другим отправлялись на фронт. Начался двухнедельный бросок через всю страну. Два паровоза, впереди груженная платформа на случай диверсии. «Полетели с дымом-гарью, только станции мелькали через всю страну».

92 *сд* представляла собой мощное кадровое общевойсковое соединение. На вооружении частей имелись 60 легких танков Т-26, свыше 40 – 45-мм орудий, 140 пушек, гаубиц и минометов калибра 76 – 152 мм, почти 170 станковых и 250 ручных пулеметов, 20 счетверенных ЗПУ, 8 – 76-мм зенитных пушек, а также крупнокалиберные пулеметы, броневики, мотоциклы и другая военная техника. Сильными были и стрелковые роты. В каждой из них – более 100 чел., 2 станковых и 9 ручных пулеметов, 50-мм минометы, самозарядные и обычные винтовки. Дивизия была полностью укомплектована по штатам военного времени. Она имела более 13 тыс. чел. Весь личный состав прошел хорошую военную подготовку. Части 92-й стрелковой дивизии возглавляли опытные кадровые командиры и политработники.

Эшелоны с войсками шли со скоростью курьерского поезда. За Красноярском, ближе к Новосибирску, Омску и Уралу, на станциях наблюдалось огромное скопление товарных составов, груженых различными станками, машинами, агрегатами. Целые заводы перевозились на колесах. В теплушках и на платформах ютились рабочие с семьями. Бойцы узнали, что эвакуированным предстояло прямо в поле, в степи строить заводы и выпускать оборонную продукцию.

Мчались эшелоны. Стучали колеса на стыках рельсов. В вагонах было тепло. Дневальные не давали остывать печкам. Ночью большинство бойцов спали, лишь кое-где слышался шепот. Проезжали родные места, но никто из близких не знал об этом. Никто не встречал. Маленькие станции,

полустанки эшелоны пролетали без задержек. Остановки были короткими: для смены паровоза и поездной бригады. Правда, бывали и длительные по времени: для погрузки топлива, воды, продовольствия, фуража и даже помывки людей. Но своим родным никто не имел права отправить даже телеграмму. Начальство не разрешало. Шла война. И это все понимали.

На остановках стали встречаться санитарные поезда с тяжелоранеными воинами. Некоторые из них рассказывали о трудных боях, о героизме воинов и всех советских людей. Раненые говорили, что враг вышел к Ладоге и Ленинград в блокаде.

Бойцы становились молчаливее и сосредоточеннее, суровели их лица. Внимательно слушали они политинформации и беседы. Перевалив Урал, эшелоны через Пермь проследовали на Киров, а затем на Ярославль. Становилось все холоднее и холоднее. На полях белел снег. Воины надеялись, что их направят под Москву. Но 25 октября 1941 г., когда эшелоны с подразделениями 203 *сп* проследовали Ярославль, Александровск и уже приближались к Загорску, воинские составы остановились, паровозы перегнали с передних к хвостовым вагонам, и ... эшелоны тронулись в обратном направлении. Никто ничего не понимал. Почему назад? Но, проехав Ярославль, повернули на Рыбинск и далее на северо-запад на ленинградское направление. Вскоре командирам довели, что они едут на помощь Ленинграду. Это воодушевило дальневосточников. Пока 203 *сп* совершал маневр от Загорска, эшелоны 317 *сп* в Ярославле были переведены на Рыбинск. И этот полк пошел головным. Командир дивизии по прибытии в г. Рыбинск был вызван к представителю Ставки Л.З. Мехлису. Тот в общих чертах ознакомил полковника А.Н. Ларичева с обстановкой на фронте под Ленинградом и просил его ускорить движение войск.

За Рыбинском 28 и 29 октября 1941 г. вражеская авиация впервые пыталась бомбить эшелоны дивизии. Ее самолеты неожиданно вынырнули из облаков и начали пикировать на вагоны. Но зенитчики с закрепленными на платформах пушками и пулеметами встретили стервятников такой мощью огня, что те, сбросив бомбы на лес, поспешно удалились. Все чувствовали, что война рядом и скоро нужно будет на практике показывать свое воинское мастерство и преданность Родине.

Командование дивизии рассчитывало, что на станциях назначения частям будет предоставлено время для подготовки и организации боя (также было необходимо получить зимнее обмундирование для личного состава, все необходимые запасы для ведения боя, подковать лошадей), однако последующие события полностью перечеркнули все эти расчеты и планы.

Еще 16 октября 1941 г. немецкая группа армий «Север» (генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб) силами восьми полностью укомплектованных

дивизий с 450 танками при значительной поддержке артиллерии и авиации, создав подавляющий перевес в живой силе и технике, нанесла сильный удар на узком фронте в стык наших 4-й и 52-й армий, в составе пяти обескровленных в предыдущих боях стрелковых и одной кавалерийской дивизий, занимавших оборону по р. Волхов на 130-км фронте.

Немецкие войска, создав на участке прорыва восьмикратное превосходство в силах и средствах, преодолели сопротивление советских войск, а затем нанесли удар в общем направлении на г. Тихвин, наступая для соединения с Карельской армией финнов у р. Свирь, с задачей: перерезать сухопутные коммуникации к Ладожскому озеру и лишить Ленинград и оборонявшие его войска последней возможности получать помощь по озеру.

Наши подразделения и части дрались упорно и героически. Они стремились задержать продвижение гитлеровцев на маршрутах, обороняя наиболее важные позиции, пункты и рубежи. Однако уже 23 октября 1941 г. вражеские танки захватили пос. Будогощь и вышли в тыл 4-й армии. Между 52-й и 4-й армиями образовался разрыв, а резервов на этом направлении уже не было. Ставка ВГК срочно перебросила с Ленинградского фронта для закрытия бреши 310 *сд* и 4 *зв.сд*, снятую из-под пос. Синявино, а также переброшенные судами Ладожской военной флотилии из Ленинграда 191 *сд* и 44 *сд* с легким вооружением. Одновременно с небольшим количеством танков сюда подходила 60 *тд*. Это позволило к 27 октября 1941 г. задержать противника в 35 км юго-западнее Тихвина на рубеже р. Ситомля.

Командующий 4-й армией генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев знал, что к концу октября в его распоряжение прибудет 92 *сд*, поэтому решил, удерживая подошедшими силами позиции у р. Ситомля, 1 ноября 1941 г. силами 4 *зв.сд* и 60 *тд* нанести контрудар противнику в центре, а 92 *сд* на левом фланге армии с целью – разгромить будогощскую группировку врага и восстановить оборону по р. Волхов.

Но противник, перебросив 12-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии в этот район, после интенсивной артиллерийской и авиационной подготовки сам атаковал части 4-й армии, которые с большими потерями, отражая удары фашистов только на наиболее важных направлениях, медленно отходили на северо-восток к Тихвину.

В этих условиях по железной дороге Рыбинск – Будогощь на станции Тальцы, Хотцы и Неболчи вечером 30 октября 1941 г. начали подходить первые эшелоны с подразделениями 92 *сд*, которые этой обстановки не знали.

317 *сп* по плану командира должен был замыкать построение боевого порядка и действовать во втором эшелоне или в резерве дивизии, поэтому погрузку по эшелонам осуществил последним без артиллерии, танков и средств поддержки, но после «стратегических маневров» под Ярославлем

выгрузился первым на станции Тальцы в полосе боевых действий войск 4-й армии, практически под огневым воздействием противника.

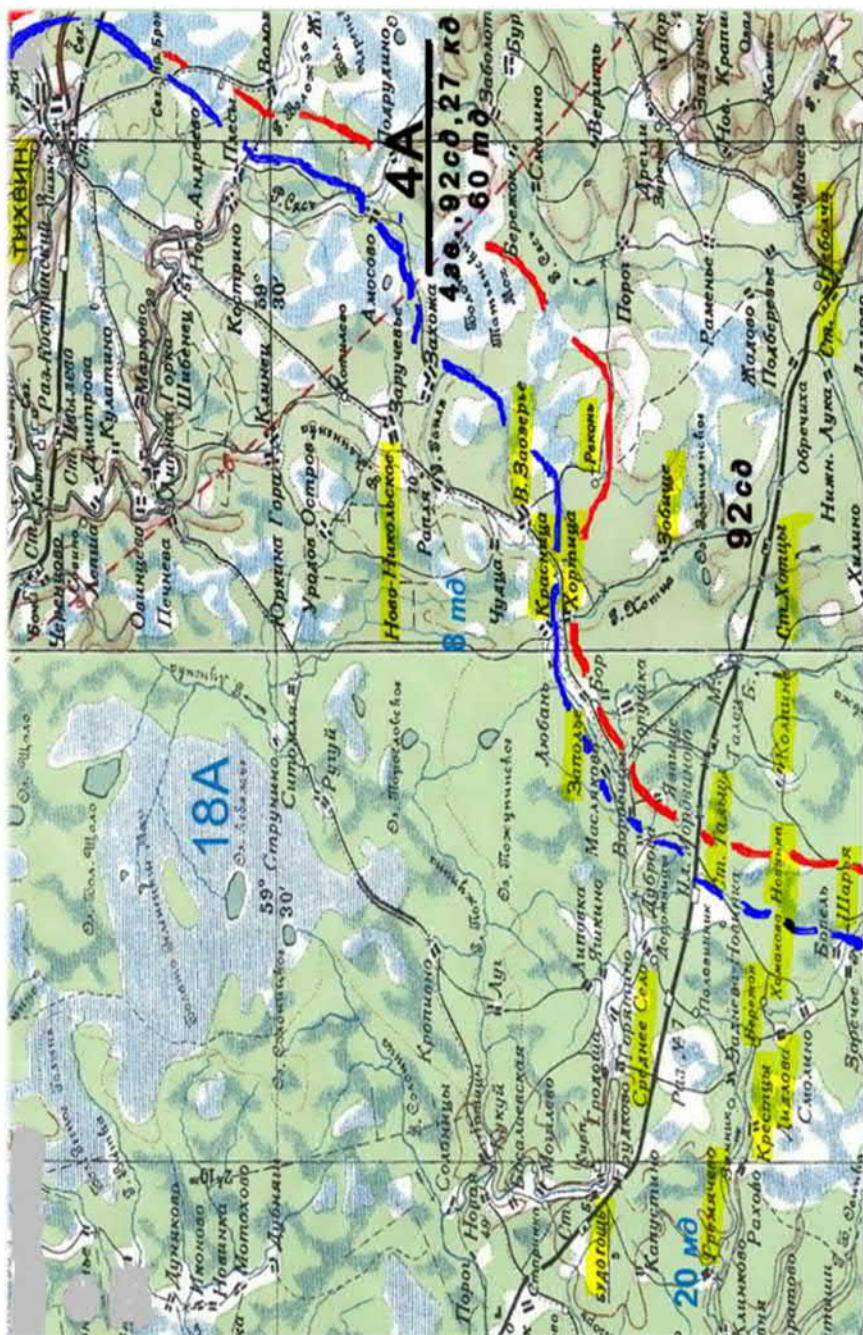
Линии фронта, как таковой, не было. Бои шли по отдельным направлениям с частями и подразделениями 20-й моторизованной дивизии нацистской Германии. Недалеко от станции выгрузки севернее д. Заполье и у с. Петровское сражались ослабленные части 4 *зв.сд* и два полка 60 *тд*. От с. Петровское и южнее железной дороги широкий фронт прикрывали эскадроны 27-й кавалерийской дивизии. На дороге Радостино – Будогощь малочисленные роты 288 *сд* 52-й армии вели тяжелые бои у р. Ситомля.

Конечно, всего этого ни командир 92 *сд* полковник А.Н. Ларичев, ни командир 317 *сп* полковник В.Г. Поляков не знали. Даже военный представитель 4-й армии, который встречал эшелоны на станциях разгрузки, не был в курсе всей обстановки восточнее пос. Будогощь. От него командир 317 *сп* получил задачу: обеспечить выгрузку прибывающих эшелонов 92 *сд* и не дать противнику выйти в район ст. Тальцы. Для этого необходимо было немедленно атаковать противника, овладеть с. Петровское и прикрыть пункты выгрузки с направления железной дороги. Полковника В.Г. Полякова утешало лишь то, что одновременно с подразделениями полка на станцию разгрузки прибыл еще и эшелон с 50-м разведбатом дивизии, а враг в ночное время активных действий не предпринимал, разведку не выслал, наивно полагая, что у русских больше резервов нет.

Для разгрузки техники и лошадей бойцы быстро устроили настилы из подручных средств (шпал, деревьев, бревен, досок). Несмотря на полную темноту, все работали без суеты. Вооружение, боеприпасы и имущество перегружались на повозки. Подразделения немедленно уходили от станции в ближайшие леса, где получали боевую задачу.

Местность в районе предстоящих боевых действий была лесисто-болотистая, пересеченная, с ограниченной дорожной сетью. Вдоль железной дороги и по сторонам от нее находились крупные болотистые массивы «Жидуха» и «Буховское», фактически не проходимые для танков, артиллерии и гужевого транспорта. По окраинам этих болот пролегал единственная дорога к районному центру пос. Крестцы. Вдоль дороги то справа, то слева петляла р. Шарья с крутыми и обрывистыми берегами, на которых расположились небольшие хутора и деревеньки с деревянными постройками. Поскольку болота в этих местах даже зимой замерзают редко, маневр войсками и особенно техникой был крайне затруднен. Не лучше была местность и севернее железной дороги Тальцы – Будогощь. И хотя зима к ноябрю уже легла плотно, грунтовые дороги были скованы морозом еще слабо. Они быстро разбивались, и транспорт по ним двигался с трудом.

В общем, район предстоящих действий был очень сложным. Он требовал организации боя по разобщенным направлениям, крайне затруднял маневр, подвоз боеприпасов и материальных средств. Но не это пугало кадровых

Обстановка на тихвинском направлении советско-германского фронта в ноябре 1941 г.

командиров. Хуже было другое – воины не имели зимней одежды, а конский состав не был переведен на зимнюю ковку. Это сразу поставило дивизию в тяжелое положение.

По замыслу командарма В.Ф. Яковлева 92 *сд* предстояло действовать в направлении Крестцы, Будогощь, которые к этому времени уже были заняты противником. Дальнейшие события стали развиваться стремительно.

Эшелоны с артиллерийскими полками и танковым батальоном дивизии еще не подошли, а армия никаких средств усиления не дала. И тем не менее, в 24-00 30 октября 1941 г. командир 317 *сп* полковник В.Г. Поляков отдал первый боевой приказ, в котором сведения о противнике излагались в самых общих чертах. Задачи батальонам сводились к следующему: 3 *сб* капитана Г.М. Коновалова должен был овладеть с. Петровское; 1 *сб* капитана А.С. Яковлева направлялся вдоль железной дороги на разъезд Мордвиново с задачей занять Среднее Село; 2 *сб* капитана И.С. Маньковского предстояло следовать за 1 *сб* для нанесения удара из-за его левого фланга и разгромить противника в Среднем Селе совместно с 1 *сб*.

Батальоны не были усилены артиллерией и другими средствами. У командиров не было даже карт, а местность они не видели, так как приказ был получен ночью. И все же командиры спешно повели свои батальоны для выполнения поставленных боевых задач. Было довольно холодно. Мороз прихватывал бойцов, одетых по-летнему, не спасали даже шинели, поэтому двигались быстро. Некоторые вспоминали, что только две недели назад на Дальнем Востоке было по-летнему тепло и ярко светило солнышко, а здесь уже плотным слоем лежал снег.

Классическая подготовка к ведению боевых действий, организация боя, то, чему учили в училищах (а все офицеры дивизии: командиры и политработники, в отличие от вновь сформированных соединений, были кадровыми военными, а командир и начальник штаба дивизии перед войной окончили прославленную академию им. М.В. Фрунзе), отсутствовали полностью. Необходимо было прямо с колес, отдавая короткие устные боевые распоряжения, вступать в бой с хорошо подготовленным, обеспеченным всем необходимым противником, который уже имел достаточно большой боевой опыт. И офицеры полка справились с этим.

Первый бой на войне. Он для каждого воина проходит по-разному, но остается в памяти на всю жизнь, потому что необычен. И не всегда первая встреча с врагом бывает успешной. Именно такой бой провел 3 *сб* 317 *сп.*, который после ночного марша к утру 31 октября 1941 г. сосредоточился в низкорослом сосновом лесу недалеко от с. Петровское. Слышны были пулеметные очереди и видны вспышки ракет. Капитан Г.М. Коновалов приказал подразделениям готовиться к атаке, а сам с

командирами рот отправился на рекогносцировку. На опушке леса они встретились с группой прикрытия (несколько красноармейцев в длинных шинелях) из 27-й кавдивизии, которые рассказали, что с. Петровское фашисты заняли более суток назад и у них на вооружении танки, минометы и крупнокалиберные пулеметы и что вся местность у противника пристреляна. Но приказ о наступлении был встречен всеми бойцами батальона с подъемом. Каждому хотелось идти в бой первым.

В 9-00 вспыхнули две красные ракеты, появились цепи бойцов, батальон перешел в атаку. Ротные минометы дали сосредоточенный огонь по церкви и окраинным домам. Пулеметы врага замолчали. Вскоре командир 7-й роты доложил, что захватил четыре дома, но враг ведет сильный огонь из пулеметов и минометов. Подбили два вражеских танка.

Гитлеровцы пришли в себя. Они никак не ожидали атаки наших войск с южной стороны, так как были абсолютно убеждены, что там нет противника. Их огонь из всех средств нарастал. По атакующей пехоте фашисты вели огонь бризантными гранатами, снаряды которых, разрываясь в 5-10 м над землей, устилали местность смертельными осколками. Было видно, как заметались бойцы по оврагу и полю, а затем, не выдержав, побежали обратно. Некоторые остались лежать на снегу. Вскоре минометчики доложили, что боеприпасов больше нет, остался только неприкосновенный запас. Враг сам перешел в контратаку. Его рота автоматчиков наступала на левый фланг батальона, но комбат выдвинул свой резерв – взвод 9-й роты со станковыми пулеметами, и контратака фашистов была сорвана.

Первое боевое крещение показало, что наступление на с. Петровское успеха не имело и батальон понес свои первые потери. Погибли не только солдаты, но и офицеры: командир 8 *ср* лейтенант Ф.Р. Михальков и младший политрук 9 *ср* Г.Е. Пьянков.

И только к концу дня стало известно, что противник имел в с. Петровском до двух батальонов пехоты с танками и артиллерией. Он готовился наступать на ст. Тальцы, на которой этой ночью разгрузились подразделения 317 *сп.*, а у восточной окраины села находился 603 *сп* соседней 4 *зв. сд*, и можно было атаковать фашистов с ними совместно. Но представитель штаба 4-й армии, который должен был координировать действия наших частей, так и не появился.

Стало ясно, что брать село одним батальоном и без разведки нельзя. И все-таки воины 3 *сб* задержали фашистских захватчиков, дальше они уже не наступали. Но многие командиры и бойцы были потрясены первым неудачным боем. Они, оправдывая себя, свой страх, в душе спрашивали, почему с ходу сразу в атаку, без разведки, без средств усиления и достаточного количества боеприпасов.

1 *сб*, выполняя поставленную задачу, ночным маршем вдоль железной дороги достиг разъезда «121 км». Здесь батальон встретил и сменил на боевых позициях 2-й эскадрон 106-го кавалерийского полка. Командир капитан А.С. Яковлев быстро организовал оборону, систему огня. Личный состав окопался и замаскировал свои огневые позиции. А утром 31 октября 1941 г. фашисты мелкими подразделениями без артиллерийской и авиационной подготовки, считая, что им не будет оказано никакого сопротивления, начали наступление на ст. Тальцы. Организованный и мощный огонь рот 1 *сб* был для них полной неожиданностью. Многие из них нашли здесь свою гибель. Бойцы батальона вложили всю свою ярость и ненависть к нагло идущим пьяным фашистам, ведя прицельный огонь из ручных и станковых пулеметов, автоматов и минометов. Враг еще дважды атаковал в этот день, но успеха не имел.

1-й батальон занял рубеж от раз. Мордвиново и до д. Ясновик, укрепился на нем, твердо «оседлав» железную дорогу, и не дал возможности противнику продвигаться дальше вдоль железной дороги к ст. Тальцы.

Фашисты уже установили, что на ближайших станциях идет выгрузка частей дивизии, и стали наносить по ним массированные удары авиацией. Появились потери в людях и материальных средствах. Наряду с бомбами самолеты сбрасывали провокационные листовки. В нашем тылу начали действовать вражеские разведчики и снайперы. Там тоже появились раненые бойцы и командиры.

А представитель штаба 4-й армии все продолжал направлять отдельные подразделения дивизии в разные районы для прикрытия выгрузки, поэтому стрелковые батальоны после разгрузки с ходу вступали в бой и действовали разрозненно. Но это не помешало политотделу 4-й армии в своем донесении отметить: «...развертывание 92-й стрелковой дивизии для боевых действий было осложнено тем, что по мере подхода эшелонов отдельные подразделения, еще не успев сосредоточиться, сразу вступали в бой с марша... На мобильность марша и боевые действия отрицательно сказывалось отсутствие зимнего обмундирования у личного состава и зимней ковки у лошадей. Это приводило к большому отставанию обозов и созданию пробок на дорогах, находившихся под постоянным воздействием вражеской авиации».

317 *сп*, действуя почти на 30-км фронте, сдержал наступление противника и обеспечил выгрузку эшелонов дивизии. К исходу 2 ноября 1941 г. прибыли: управление дивизии; 388-й танковый батальон; 77-й противотанковый дивизион и два стрелковых батальона из разных полков 92 *сд*, а на следующую ночь выгрузились эшелоны с 70-м гаубичным артполком, остальные батальоны 203 *сп* и 60-й легкой артполк.

После того как 3 *сб* не удалось овладеть с. Петровским, командир 317 *сп* ввел в бой свой 2 *сб*, но теперь атаку батальонов своим мощным огнем поддерживал приданный полку 2 *адн* 70 *ган* дивизии под командованием капитана Петра Ивановича Левашова, который ночью 3 ноября 1941 г., сразу же после разгрузки на ст. Хотцы, выдвинулся в исходный район, а к утру занял указанные огневые позиции.

Вновь 317 *сп* была предпринята атака на с. Петровское. Теперь уже наступали на врага два батальона полка, танковая и разведывательная роты 50-го разведбата. Перед атакой произвели артиллерийский налет. Снаряды и мины ложились по обнаруженным целям. Село покрылось дымом. Противник молчал. Но достаточно было пехоте перейти в атаку, как его огневые точки оживали. Их снова подавляли огнем, и стрелковые роты настойчиво рвались вперед. Они достигли окопов на подступах к селу, захватили первые дома. В ряде мест завязалась рукопашная схватка. Гитлеровцы вели огонь из подвалов и чердаков, но наши воины, даже оказавшись в окружении, продолжали сражаться, предпочитая смерть, но не сдались захватчикам.

В этом бою принимал участие начальник политотдела дивизии батальонный комиссар М.М. Гуревич, который дал высокую оценку командирам и политработникам полка за умелую организацию боя, его ведение, личную храбрость и самопожертвование. Похвалил комиссар и воинов-зенитчиков, которые за два дня боев сбили семь самолетов врага.

Противник придавал большое значение удержанию с. Петровское, прикрывавшего выход к важным для него коммуникациям. Он подбросил свежие силы, и, по показаниям пленного, там уже находился моторизованный полк с двумя артиллерийскими дивизионами и танками. Враг, усилив огневое воздействие, вновь отразил наступление наших батальонов.

В этот же день генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев поставил 92 *сд* боевую задачу: наступать в направлении Шарья, Крестцы и овладеть Гремячево. Совместно с дальневосточниками в направлении Крестцы, Будогощь должна была действовать 60 *тд* (в составе двух полков и с небольшим количеством танков), поэтому дивизии необходимо было к утру 6 ноября освободить дорогу на д. Красная Горка, а следовательно, разгромить противника, обороняющегося в пос. Крестцы. Справа в направлении Петровское, Будогощь должна была наступать понесшая большие потери 4 *зв.сд*.

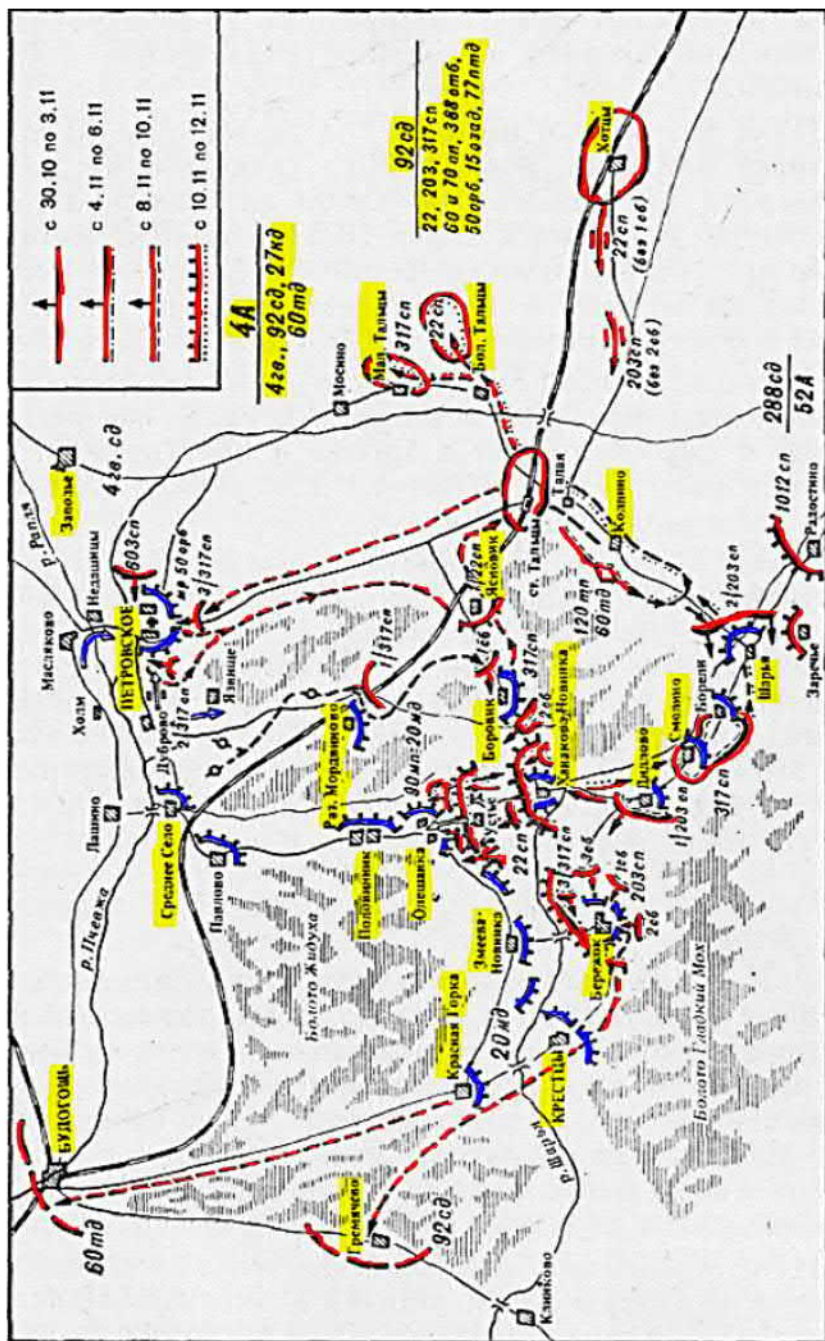
Это был замысел Ставки ВГК, и командующий армией не мог его ослушаться. А Генеральный штаб еще в октябре 1941 г. планировал: сходящимися ударами с севера (54-й армии) и юга (4-я армия) отрезать главную группировку фашистских войск, наступающих на г. Тихвин, разгромить ее и в дальнейшем захватить плацдармы на западном берегу р. Волхов. Замысел хорош, но это на бумаге, «да забыли про овраги».

Из поставленных задач стало ясно, что замысел командующего 4-й армии на контрудар силами левого крыла, принятый еще в конце октября, остался прежним, хотя к этому времени произошли кардинальные изменения в обстановке. В оперативном построении армии образовались две группировки, отстоящие друг от друга почти на 100 км: оборонительная – в центре оперативного построения, отходящая к Тихвину, и наступательная – на левом фланге армии. Конечно, успешное наступление почти трех дивизий при благоприятных условиях могло привести к захвату пос. Будогощь и выходу на коммуникации тихвинской группировки противника, что поставило бы ее в тяжелое положение, но хороший замысел не обеспечивался огневой и авиационной поддержкой, материальными средствами и прикрытием от ударов с воздуха. А наступление полнокровной 92 *сд* в дефиле между огромными болотами приводило к большому сучиванию войск, которые становились мишенью для авиации противника.

Чтобы овладеть д. Гремячево и создать условия для ввода в сражение 60 *тд*, дивизия должна была совершить более чем 30-км марш и наступать тоже на глубину до 30 км. На все это отводилось трое суток, но реальная обстановка, которой не владело командование армией, оказалась намного сложнее. Боевые действия развертывались на стыке с 52-й армией. Но ее части не переходили в наступление, а, наоборот, они отходили под давлением противника. От соседа слева, командира 1012 *сп* 288 *сд*, уже поступила информация, что 3 ноября 1941 г. враг овладел д. Дидлово, остатки полка отошли в район Шарья, Заречье, а это рядом со станцией разгрузки Тальцы. Поэтому, чтобы выполнить задачу, поставленную командармом, дивизии необходимо было за три дня пройти с боями 60 км по труднопроходимой местности, при господстве немецкой авиации в воздухе, по строго обозначенным дефиле между болотами, да еще и без поддержки своей авиации и армейской артиллерии, без снабжения боеприпасами и различным имуществом, и прежде всего зимним обмундированием для солдат, по единственной грунтовой дороге, уже разбитой войсками.

Вот в такой обстановке командир 92 *сд* дивизии полковник А.Н. Ларичев отдал первый боевой приказ, которым были определены задачи частям: – 203 *сп* с *тр* 388 *тб*, 3 *адн* 70 *ган* – авангард дивизии – выступал по маршруту Хотцы, Шарья, где сосредоточивался к 14-00 4 ноября 1941 г., атаковал противника и к исходу 5 ноября 1941 г. должен был овладеть пос. Крестцы, в дальнейшем наступая на д. Гремячево;

– 22 *сп* (который был еще в пути и не разгрузился – авт.) без 1 *сб* с 1 *адн* 70 *ган* – главные силы дивизии – с 15-00 4 ноября 1941 г. должен начать выдвижение по маршруту авангарда в готовности к вступлению в бой;

Бои 92-й стрелковой дивизии с 30.10 по 12.11.1941 г.

– 317 *сп* с *тр* 388 *тб*, 2 *адн* 70 *ган* и батареей 77 *птадн* – второй эшелон дивизии – оставив прикрытие у с. Петровское, с 18-00 4 ноября 1941 г. должен был начать выдвижение по маршруту Ясновик, Ханакова-Новинка. В районе д. Ясновик к полку присоединился 1 *сб* 22 *сп*.

Основные усилия частей дивизии сосредоточивались на решительном уничтожении врага юго-западнее пос. Будогощь и овладении населенными пунктами на коммуникациях фашистской группировки, рвущейся к Тихвину. По замыслу командира, дивизия имела достаточно сил и средств для выполнения этой задачи. Но из-за недостатка времени полки вынуждены были вступать в бой прямо с марша, без предварительного сосредоточения и подготовки.

Только ночью 4 ноября 1941 г. на станцию Хотцы подошли эшелоны с 22 *сп*. Выгрузка полка проходила под воздействием авиации противника. Вражеские самолеты повесили осветительные ракеты на парашютах. На станции и подступах к ней стало светло, как днем. Завывание падающих бомб и взрывы вблизи станции были еще непривычны для бойцов. Тем не менее они быстро разгружали эшелоны от лошадей, техники и имущества и организовано уходили в районы сосредоточения в ближайшие леса – там было безопаснее. Были первые потери, хотя и незначительные, но все же они воспринимались необстрелянными воинами тяжело, поэтому командир полка майор С.И. Соболев в первую очередь принял меры по приведению подразделений в боевое состояние после бомбежки и приступил к выполнению поставленной боевой задачи.

Время на подготовку к наступлению практически не было, а ударить по противнику необходимо было без промедления, пока он не закрепился, не создал в этом районе прочной обороны.

Авангард дивизии 203 *сп*, начав движение со ст. Хотцы рано утром 5 ноября 1941 г., выслал вперед головную походную заставу в составе 2 *ср* от 1 *сб*, который наступал в голове главных сил полка. Командир роты ст. лейтенант Голубничий, умело управляя ротой и средствами усиления, двигаясь в указанном направлении, сходу сбивал охранение и уничтожал разведку противника в населенных пунктах по маршруту движения: Колпино, Шарья, Борели и Смолино. Наступали по одной-единственной труднопроходимой дороге. Повозки и орудия отставали, так как лошади часто скользили и падали, не имея шипов на подковах. Автомобили и трактора застревали в грязи. На отдельных участках создавались пробки, мешающие быстрому движению. Вражеские самолеты постоянно бомбили советские войска.

Во второй половине дня рота подошла к д. Дидлово, до которой оставалось 500-600 м. Разведка доложила, что солдаты противника

шарят по домам, тащат продукты, ведут себя беспечно, нагло и никакой подготовленной обороны нет.

День клонился к закату. Командир роты понимал, что на подготовку к атаке противника, расположившегося в деревне, оставалось крайне мало светлого времени. Если ждать подхода основных сил батальона, то можно упустить внезапность. И он принял решение: атаковать, доложив об этом командиру батальона.

Штурм деревни начался стремительно. Пулеметы, орудия и минометы открыли огонь по деревне. Командир и политрук роты бежали впереди цепи, воодушевляя бойцов на смелые и решительные действия. Это был первый настоящий бой роты с заклятым врагом. И у офицеров, и у солдат желание добиться успеха было велико. Противник в д. Дидлово был захвачен врасплох. Заметив атакующих то в одном месте, то в другом, он пытался пулеметным огнем сдерживать их. Но наши мины и снаряды заставили замолчать пулеметы фашистов. В немцев полетели гранаты. Боевая цепь ворвалась в деревню. Отстреливаясь, остатки вражеского подразделения отошли к лесу вдоль дороги на д. Бережок. Наступившая темнота укрыла их. В д. Дидлово были захвачены 2 штабные машины, 5 минометов, орудие, 8 пулеметов, около 30 винтовок и автоматов. А в роте потери были небольшие.

Еще не улеглось волнение после первого боя, как подошли другие подразделения 1-го батальона. Поступил приказ выйти из деревни в лес, так как возможна бомбежка вражеской авиации.

Население освобождаемых деревень радостно встречало наших бойцов. Оно помогало им в борьбе со спрятавшимися снайперскими группами врага. Так, прочесав лес, бойцы захватили двух солдат и уничтожили офицера.

На следующий день необходимо была освободить д. Бережок, которая располагалась на левом берегу р. Шарья, среди болот и лесов. В ней находилось всего 25-30 домов. Тем не менее, эта деревня с прилегающими лесами и небольшими возвышенностями была выгодной в тактическом отношении позицией. Она запирала выход нашим войскам из самого узкого перешейка дефиле на рокаду (дорогу, проходящую вдоль линии фронта), которая интенсивно использовалась фашистами для переброски войск и запасов через пос. Будогощь на г. Тихвин. Открытые подступы к деревне с юга поддерживались огнем с крутого правого берега реки.

В течение ночи два батальоны 203 *ст* заняли исходное положение по юго-восточной опушке леса для наступления на д. Бережок. Враг освещал местность ракетами, прикрывал подступы к деревне огнем из пулеметов, артиллерии и минометов. Разрывы снарядов и мин были неприличными для дальневосточников. Еще не обстрелянные, они осваивали

боевую обстановку. Чтобы сберечь себя, они окапывались. Кроме того, это хоть как-то согревало легко одетых бойцов.

Утром 6 ноября 1941 г. батальоны капитанов Н.Н. Сергиенко и Е.А. Кошкина после непродолжительного огневого налета нашей артиллерии и минометов с ходу пытались овладеть деревней. Но противник встретил атакующих мощным огнем из всех видов оружия, наши батальоны понесли потери и вынуждены были отойти в исходное положение. Очередные атаки совместно с подошедшими легкими танками результата не дали, хотя бойцы и командиры полка действовали смело и самоотверженно. Горели наши танки, погибала и замерзала пехота. Потери в батальонах росли. Появились обмороженные бойцы. Погиб начальник штаба полка капитан Г.Г. Краснощеков, участвовавший в атаке. Силы фашистов, обороняющихся в деревне, были недостаточно разведаны, не все огневые точки выявлены, а на северо-восточной окраине д. Бережок позднее обнаружили до полутора десятков вкопанных в землю немецких танков. До позднего вечера полк вел бой за деревню. Батальоны еще немного потеснили противника, но полностью освободить д. Бережок не смогли. Вражеские танкисты и пехота отчаянно сопротивлялись, упорно цепляясь за каждое здание.

Сопротивление гитлеровцев все нарастало. 7 ноября 1941 г. командир дивизии полковник А.Н. Ларичев, наблюдая за ходом боя 203 *ст*, пытался разгадать намерения противника, вскрыть его силы. Он знал, что, по имеющимся данным, здесь действовали подразделения 76-го моторизованного полка немцев. Но только после захвата пленных стало ясно, что д. Бережок обороняет 90-й моторизованный полк 20-й моторизованной дивизии фашистов, да еще усиленный танковым батальоном. Атаки фашистов, засевших в деревне, в этот день больше не проводились – все-таки был праздничный день – 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

На следующий день пришлось вводить в бой главные силы дивизии.

В это время 317 *ст* сдал свои позиции у с. Петровское подразделениям 4 *зв.сд* и ночным маршем в обратном направлении выдвинулся к д. Ясновик, которая расположена недалеко от станции разгрузки Тальцы. Но рано утром разведка доложила, что в соседней небольшой д. Боровик, в тылу основных сил дивизии, по данным жителей, расположилось много солдат противника.

Командир полка полковник В.Г. Поляков внимательно осмотрел местность и принял решение на бой: 1 *сб*, идущий впереди, атакует деревню внезапно, сходу, 2 *сб* скрытно обойдет деревню слева, подготовит огонь и не допустит отхода противника.

Бой был скоротечным и протекал точно по замыслу командира полка. Это был единый, неудержимый порыв бойцов. Каждый красноармеец

стремился вперед, чтобы разбить врага. Уже к середине дня противник был разгромлен полностью. Только убитыми он потерял около 350 солдат и офицеров, в том числе командира батальона. Были захвачены оружие, боеприпасы и имущество на легких санях. Взято 20 пленных. Это была уже победа, которая вдохновляла бойцов и командиров – они могут и умеют бить врага не числом, а умением. Но самым главным подарком для бойцов и командиров полка стал захваченный у врага обоз с продовольствием, ведь они воевали уже больше недели в отрыве от главных сил дивизии, а командование армии так и не позаботилось за это время обеспечить полк и артиллерийские подразделения поддержки не только боеприпасами, но и продовольствием, а сухой паек, выданный продовольственной службой дивизии на первые трое суток давно уже закончился. Красноармейцы не только мерзли, но и голодали и при этом вели активные боевые действия.

Успех был явный. Однако 317 *сн* дальнейшего продвижения не имел. Артиллерия и обозы застревали в болотистой местности. На следующий день вражеская авиация нанесла бомбовой удар по колоннам полка. Появились потери среди личного состава, погибло 50 лошадей, тянувших орудия и повозки, а разведка донесла, что дорог на д. Ханакова-Новинка нет, есть только тропы. Полковник В.Г. Поляков понимал, что на постройку через болота и ручьи гадей и мостов для танков, тракторов и обоза потребуется много времени. С разрешения командира дивизии он повел полк обратно в обход болот через ст. Тальцы, Колпино, Шарья и к исходу 8 ноября 1941 г. сосредоточился в районе д. Смолино. 2-й артиллерийский дивизион под командованием капитана Левашова по приказу комдива был направлен для огневой поддержки 22 *сн*.

Главные силы дивизии в составе 22 *сн* с 60 *ан* и 1,2 *адн* 70 *ган*, располагаясь в исходном районе после разгрузки на ст. Хотцы, только 7 ноября 1941 г. получили боевую задачу и к вечеру, совершив марш, сосредоточились в лесу недалеко от д. Ханакова-Новинка с обратной стороны болот, которые не смог преодолеть 317 *сн*. Разведка доложила, что деревня занята противником силами до батальона. Командир полка майор С.И. Соболев с опушки леса произвел рекогносцировку и решил атаковать деревню внезапно рано утром после короткого огневого налета артиллерии и минометов силами 3 *сб* под командованием капитана П.Г. Аничкова, а 2 *сб* ввести в бой на правом фланге и атаковать противника в деревнях Устье и Олешанка. Справа у полка соседей не было, а слева вел бой за д. Бережок 203 *сн*, с которым поддерживалось плотное огневое взаимодействие.

К утру 8 ноября 1941 г. полк скрытно занял исходное положение. 60 *ан* и 2-й дивизион 70 *ган* под командованием П.И. Левашова внезапно произвели огневой налет по д. Ханакова-Новинка. Бойцы дружно атаковали и ворвались в деревню. Завязался ожесточенный бой, но фашисты не дрогнули, а перешли

в контратаку. В критический момент боя командир 1 адн 60 ап вывел свою 2-ю батарею на прямую наводку и расстрелял контратакующих гитлеровцев. Враг не выдержал и отошел, заняв оборону у д. Змеева-Новинка.

В это время 2-й батальон полка начал наступать на д. Устье. Противник яростно сопротивлялся, но, когда взвод полковых пушек своим огнем уничтожил пулеметы фашистов, наступление пошло успешнее. К середине дня 2 сб овладел хутором Бор, его удар был настолько ошеломляющим, что оккупанты поспешно отступили из деревни Устье и стали закрепляться на окраинах д. Олешанка. Стрелковые роты быстро перешли к преследованию отходящего противника, заняли деревню и только тогда стали закрепляться на ее окраине. Командир 22 сн майор С.И. Соболев остался доволен действиями батальона, о чем доложил командиру дивизии и приказал подразделениям перейти к обороне на окраине д. Устье, привести бойцов в порядок, пополнить боеприпасы и готовиться к ночным действиям. Фашисты оставили здесь много трупов своих солдат и офицеров. Были захвачены: бронемашина, два транспортера, шесть повозок, четыре лошади, большое количество боеприпасов и важные штабные документы. В этом бою артиллерия своим огнем уничтожила пять пулеметов, артиллерийскую и две минометные батареи, прямым попаданием разрушила три дзота и наблюдательные пункты врага.

В ночь на 9 ноября 1941 г. майор С.И. Соболев решил: 2 сб наступать на д. Олешанка и, в случае успеха, далее на д. Половинник, а 3 сб не допустить контратаки противника от д. Змеева-Новинка во фланг полка. К этому времени к 22 сн присоединился его 1 сб, который воевал на другом направлении по приказу командарма.

В штабе дивизии, подводя итоги боя, допрашивали пленных фашистов. Один из них сбитый зенитчиками летчик заявил, что вражеские танки провалились к г. Тихвин. Это была страшная новость, в которую командование дивизии не поверило. Однако на следующий день 9 ноября 1941 г. стало известно, что наши войска без единого выстрела оставили город и фашисты перерезали единственную дорогу, по которой еще мог снабжаться окруженный Ленинград. Для соединения с финскими войсками на р. Свирь немецким дивизиям оставалось пройти не более 240 км.

Ставка ВГК сняла с должности командарма генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева, и с 9 ноября 1941 г. руководить 4-й армией было поручено генералу армии К.А. Мерецкову, который до этого с 24 сентября 1941 г. командовал 7-й отдельной армией, остановившей наступление финских войск на р. Свирь. Последовали организационные изменения и пришли подкрепления.

А 92 сд продолжала выполнять поставленную боевую задачу и готовилась к решительному штурму обороны врага в районе д. Бережок.

Командиры рот и батарей на местности уточняли цели, которые предстояло поразить. Выводились на прямую наводку батальонные и полковые пушки. Но чтобы сокрушить оборону противника, нужно было выбить ее основу – танки, которые использовались как неподвижные огневые точки на северной окраине деревни.

Смекалку проявил начальник штаба *3 сб 203 сп* старший лейтенант С.М. Сергеев. Он попросил командира полка майора Г.С. Колчанова выслать в его распоряжение саперов и химиков со средствами уничтожения танков. Совместно с начальником инженерной службы старшим лейтенантом Кравцовым и начальником химслужбы полка старшим лейтенантом Грамотневым они организовали восемь групп истребителей танков в составе: сапера с взрывчаткой, химика с бутылками горючей смеси и красноармейцев *8 ср*, вооружив их противотанковыми гранатами.

Одев всех бойцов в белые маскировочные халаты и проверив их оружие, старший лейтенант С.М. Сергеев доложил командиру полка о сформировании отряда и его готовности к выполнению задачи.

В 4-00 9 ноября 1941 г. группа из 40 истребителей танков по определенному заранее маршруту выдвинулась в район, где были расположены фашистские танки. Не дойдя 50 м до места, бойцы разделились на восемь групп и дальше к танкам двигались ползком. Чтобы бить наверняка, они подползли на расстояние 10-15 м. К их счастью, у танков охраны не оказалось (фашисты тоже мерзли), и бойцы по сигналу нанесли ошеломляющий удар. Они почти одновременно бросили гранаты и бутылки с зажигательной смесью в танки, а затем из автоматов добивали убегающих фашистов. Это явилось сигналом к атаке.

Красноармейцы, ведя огонь на ходу, ворвались на северную окраину д. Бережок и заняли оборону. За ними последовали со своими 45-мм пушками артиллеристы. Фашисты почти никакого сопротивления не оказали, бежали в панике. Отряд не только истребил вражеские танки, но и освободил наши подбитые Т-26 на окраине деревни, в которых находились раненые танкисты. Всего в ночном бою было уничтожено 9 танков врага, а также захвачены склад с военным имуществом и много различного вооружения. Потери группы оказались небольшими. (Семен Михайлович Сергеев прошел всю войну, был несколько раз ранен, а после войны стал генерал-майором и завершил военную службу начальником Краснодарского высшего военного Краснознаменного училища (КВВКУ), которым командовал 16 лет с 1959 по 1975 гг.)

Услышав взрывы на северной окраине деревни, командир полка приказал артиллерии и минометам открыть огонь по вражеским целям на юго-западной окраине д. Бережок. Последовал мощный огневой налет. 1-й и 2-й батальоны

203 *ст*, усиленные танками 388 *тб*, ворвались в деревню и решительной атакой ликвидировали мощный узел сопротивления гитлеровцев. Фашисты не выдержали ударов воинов-дальневосточников, оставили свой опорный пункт и отошли к пос. Крестцы. Были захвачены большие трофеи, в том числе пять исправных вражеских танков, которые оказались без горючего. Только тогда стало понятно, почему они ни разу не пытались контратаковать нашу пехоту, когда она была беззащитной на открытой местности. Фашисты зарыли танки и стремились уберечь их до подвоза горючего.

В прошедших боях противнику был нанесен значительный урон, и он стал бояться, а наши части и подразделения приобрели ценный опыт прорыва хорошо укрепленной обороны врага, невзирая на то, что фашисты полностью господствовали в воздухе. Вражеские самолеты почти беспрепятственно летали над дорогами и боевыми порядками полков, выискивая цели и нанося по ним удары. Гитлеровские асы опускались настолько низко, что казалось, будто бомбардировщик вот-вот заденет верхушки деревьев. Они привыкли уже к тому, что им никто не мешает безнаказанно летать на малой высоте, расстреливать и бомбить. Но наши зенитчики сбили с него эту спесь вседозволенности. В течение нескольких дней они уничтожили более двадцати фашистских стервятников, что заставило фашистских летчиков летать на большой высоте и бомбить далеко не прицельно.

Только 5-9 ноября 1941 г. тыловые подразделения 92 *сд* стали прибывать на станцию разгрузки Неболчи, когда полки уже сражались с фашистами и остро нуждались в материальном обеспечении, особенно в боеприпасах. Станция располагалась в 40 км от района боевых действий, к которому вела одна-единственная разбитая дорога, в течение суток и днем, и ночью заполненная прибывающими и отходящими войсками, эвакуированными ранеными, больными и обмороженными, повозками и машинами с боеприпасами, горючим и другими материальными средствами. Причем эту дорогу, станцию и поселок Неболчи, в котором находились и армейские склады, постоянно бомбила вражеская авиация. В этой обстановке тыловые работники дивизии «растерялись», не сумели организовать бесперебойное обеспечение своих частей, при этом не проявляя никаких активных действий.

Снабжение частей велось с перебоями, и не только из-за бездорожья, горючего поступало мало, а конский состав без зимней ковки и фуража не мог долго работать на скользких и разбитых дорогах (это не рядовые солдаты, которые шли в атаку голодными, не ели по несколько дней и замерзали на снегу). На 9 ноября 1941 г. все еще не было зимнего обмундирования. Количество больных и обмороженных в частях и подразделениях росло. Командиры полков и отдельных батальонов постоянно докладывали командованию об этом. В свою очередь, политотдел дивизии неоднократно

обращался к Военному совету 4-й армии с тревожной просьбой о срочной поставке зимней одежды. Но только когда полковой комиссар Иван Петрович Гарус довел это положение дел до Главного Политуправления РККА и лично начальнику ГПУ, Члену Ставки ВГК армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису, дело быстро сдвинулось с мертвой точки. Лев Захарович, по воспоминаниям Н.С. Хрущева, «был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший, что выражалось в его мании везде видеть врагов и вредителей». Паникеров, дезертиров и уличенных в умышленном ранении самострелов-леворучников он приказывал без суда и следствия расстреливать на месте или перед строем, как предателей Родины, не смотря на чины, ранги и предыдущие заслуги. Поэтому всякие тыловики, снабженцы и другие военные приспособленцы боялись его больше фашистского плена, бомбежек и вражеских снайперов.

Сразу же стало известно, что переодеть в зимнюю одежду личный состав дивизии должно было интендантство Московского военного округа по прибытии воинов-дальневосточников на фронт под Москву, но эшелоны с частями 92 сд Генеральный штаб лихо развернул на север к Ленинграду. Одно дело повернуть стрелки на рабочей карте и перевести на железнодорожных путях, а потом с запозданием предупредить тыловиков, а другое – срочно позаботиться об укомплектовании дивизии всем необходимым имуществом на новом месте предназначения. Ни отставной командующий, ни его член Военного совета, ни армейские тыловики во главе со своим начальником своевременно этим вопросом не озаботились. Требовался толчок, и они его получили. И только теперь интендантская машина завертелась как волчок, потому что Л.З. Мехлиса абсолютно не интересовали вопросы «трудностей» работы тыловиков, они сразу же попадали в разряд предателей и саботажников. А за этим следовал только расстрел без всяких разбирательств: кто и какие накладные должен был своевременно переписать, погрузить и отправить по назначению зимнее обмундирование и другое имущество для дальневосточников. Надо отдать должное Льву Захаровичу: он не забыл свою беседу в г. Рыбинск с командиром 92 сд и его полковым комиссаром и помнил, что все его просьбы-приказы они выполнили точно и в срок.

(К сожалению, история ничему не учит интендантов нашей армии. Недаром великий русский полководец Александр Васильевич Суворов еще в те далекие времена, насмотревшись на их труды, говорил: *«Любого интенданта через год службы можно смело вешать без суда и следствия.»* И в годы Первой мировой войны, когда у солдат на передовой в окопах, в воде и в грязи не хватало сапог, которые расползались, не выдерживая никаких установленных сроков носки, в тылу на десятки километров от линии фронта все мешане щеголяли в новеньких армейских сапогах. Так и сейчас в ходе СВО

на Украине вся Россия всем миром (за исключением олигархов) собирает все необходимое своим доблестным сынам-защитникам, включая и теплые вещи, и другое имущество, а некоторые солдаты и офицеры вынуждены даже покупать форму и обувь за свой счет, потому что она не выдерживает никаких сроков носки «на передке». Но яркие представители МО постоянно упорно докладывают своим согражданам, что все в порядке, никто не ущемлен, не обижен и всем необходимым обеспечен. Тогда почему заместитель МО РФ по тыловому обеспечению ВС РФ генерал армии, Герой РФ Д.В. Булгаков 24 сентября 2022 г. был тихо освобожден от своей должности с интересной формулировкой «в связи с переходом на другую работу»?)

А командование дивизии, чтобы исключить случаи обморожения на передовой, приказало своим подчиненным сократить время пребывания бойцов на боевом дежурстве. В отделениях, взводах, ротах создавали обогревательные пункты. Имевшиеся теплые вещи, захваченные у врага, выдавались только тем, кто продолжительное время выполнял боевые задачи на морозе.

Трудности с питанием вскоре начали испытывать не только подразделения 317 *сп*. А начальник продовольственного снабжения этого полка старший лейтенант И.Т. Чигирь потом вспоминал: «... Поступило распоряжение армейского интенданта – воспользоваться запасами 27-й кавалерийской дивизии, тыл которой базировался в районе станции Тальцы. Когда я явился туда и доложил о цели приезда, то начальник тыла, майор, прямо ужаснулся:

– Какие у меня запасы? Кто это сказал? Разве в армии не знают, что все наши запасы были уничтожены, когда мы оказались в окружении?

Пришлось уйти от майора ни с чем и ехать на станцию Неболчи разыскивать армейские склады. А время шло...»

Не все гладко обстояло и с медицинским обслуживанием. Как показали первые бои, медицинские подразделения не были готовы к приему и обработке большого потока раненых, а также обмороженных и больных бойцов. Трудно было и с эвакуацией их с поля боя, из медпунктов батальонов и полков. Надо было улучшать работу врачей, сестер и санитаров во всей цепи – от поля боя до медсанбата дивизии и армейских госпиталей.

10 ноября 1941 г. командующий генерал армии К.А. Мерецков из подчиненных войск армии создал три оперативные группы: северную, восточную и южную. В состав южной оперативной группы вошла и 92 *сд*. Командовать этой группой было поручено бывшему командарму генерал-лейтенанту В.Ф. Яковлеву, которого практически второй раз от расстрела спас Кирилл Афанасьевич, попросив Ставку ВГК назначить его своим заместителем. (Первый раз это было во время советско-финляндской войны 1939-1940 гг., когда генерал Яковлев 30 ноября 1939 г. был назначен командующим 7-й армией. За десять дней боев армия, наступавшая на

направлении главного удара, понесла большие потери при штурме предполья Линии Маннергейма. И уже 9 декабря 1939 г. он был снят с поста командующего и заменен К.А. Мерецковым, который и попросил И.В. Сталина оставить его своим заместителем. В январе 1942 г. Ставка ВГК назначила Всеволода Федоровича командующим 52-й армией Волховского фронта. И здесь он проявил себя с худшей стороны, не сумев вывести из окружения 2-ю ударную армию, и неудачно, с большими потерями, не добившись успеха, провел армейскую операцию по освобождению г. Новгород. Вновь, 20 июля 1943 г., освобожден от командования и направлен в резерв Главного управления кадров Наркомата обороны СССР. Затем его назначили командующим войсками Белорусского военного округа с задачей мобилизации населения в Красную Армию на освобожденных территориях и проведения восстановительных работ. И с этого мирного поста в феврале 1945 г. он был снят за неспособность руководить. На фронт В.Ф. Яковлев больше не вернулся. А сколько до этого было погублено солдатских жизней от его нерадивых действий и бестолковых устных приказов. Это сейчас можно выдвинуть много причин в его оправдание. К сожалению, такие генералы не перевелись в славных Вооруженных Силах РФ и в настоящее время, время проведения СВО на Украине.)

Казалось, что успех 92 *сд* должен быть использован руководством армии. Но этого не произошло. Частные удачи частей дивизии блекли на фоне общих весьма ощутимых неудач советских войск. До пос. Будогощь оставалось около 20 км, а до д. Гремячево – 12 км. Командир дивизии приступил к перегруппировке сил, организации ввода в бой второго эшелона, с тем чтобы увеличить темп наступления, нарастив удар на пос. Крестцы, тем более что этот удар 92 *сд* должна была наносить только своими силами, потому что командир 60 *тд* генерал-майор танковых войск А.Ф. Попов проинформировал полковника А.Н. Ларичева о том, что его дивизия не может сосредоточиться в назначенном для ввода в бой исходном районе к указанному сроку из-за отсутствия горючего и смазочных материалов, а часть его танков завязла в грязи.

Но это не повлияло на решение комдива – продолжать наступление, оно было смелым и правильным. Дивизия обладала необходимыми силами и средствами. Полки приступили к перегруппировке.

Однако в этот же день из штаба южной оперативной группы 4-й армии поступило срочное распоряжение: наступление дивизии на пос. Крестцы и пос. Будогощь приостановить; одним полком прочно удерживать позиции на рубеже Боровик, Устье, Бережок, а главные силы выдвинуть на северо-восток, в направлении Тальцы, Заполье, Хортица, в целях нанесения удара по тихвинской группировке противника с юга. А вскоре пришло и уточнение.

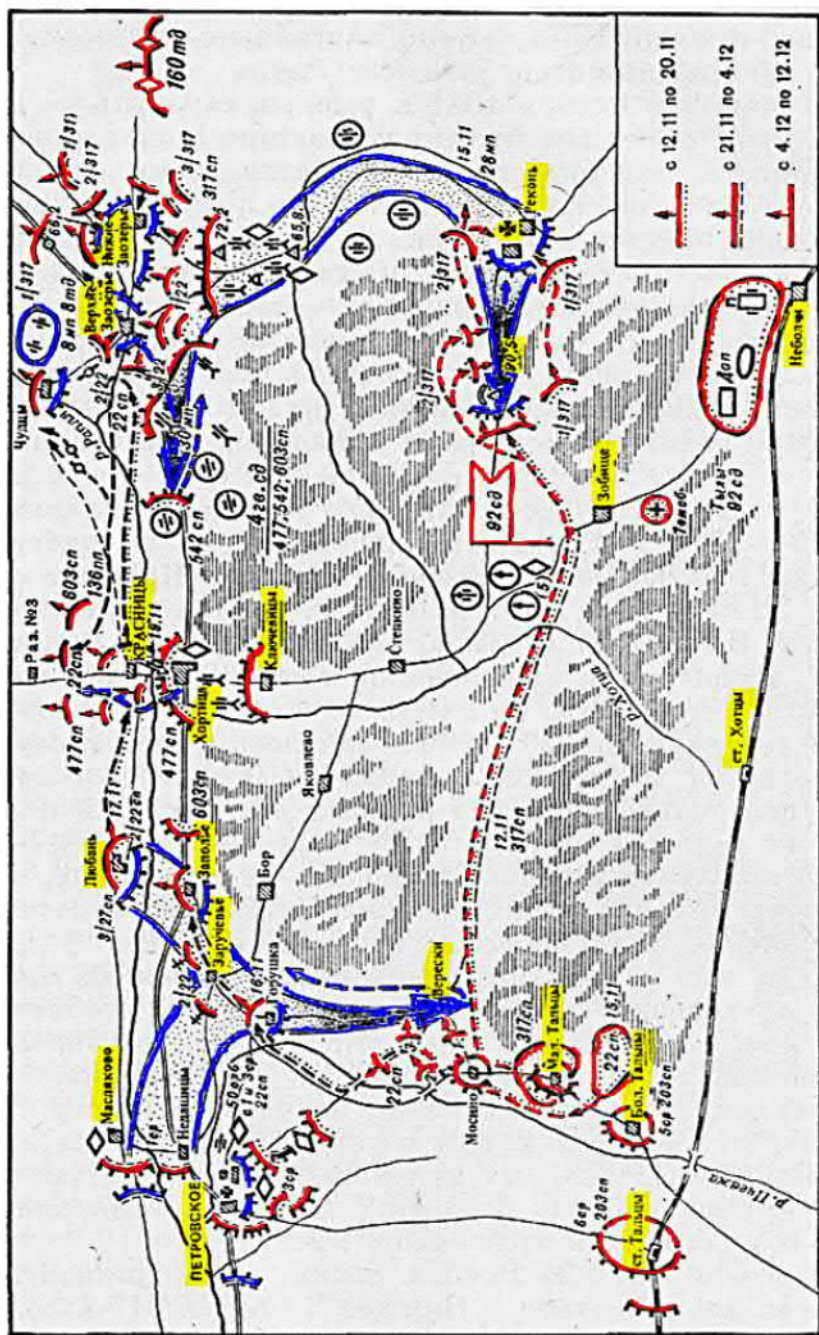
В соответствии с боевым распоряжением: 203 *сп* с *адн* 60 *ап* переходил к обороне на широком фронте от железной дороги на Боровик, Устье и Бережок; 317 *сп* полк должен был совершить марш в район д. Малые Тальцы; 22 *сп* выходил в резерв командарма в район д. Большие Тальцы, 50-й разведбат дивизии, вместо выполнения основных задач, оставался в обороне, сменяя части 4 *зв.сд* у с. Петровское, которые так его и не взяли.

Но полковник А.Н. Ларичев не любил незавершенные задачи. Он выполнил приказ и срочно отправил 22 *сп* в указанный район для решения внезапно возникающих боевых задач армии, а остальные части дивизии, после перегруппировки, вновь атаковали гитлеровцев, засевших в пос. Крестцы, выбили их, нанеся фашистам большие потери. В этом бою особенно отличились артиллеристы. Метким огнем они разрушали дзоты, подавляли огневые точки, оборудованные в подвалах домов. Мастерски стреляли дивизионы, которыми командовали капитаны Звездин и Левашов. Теперь рубеж обороны 203 *сп* еще увеличивался, но это не смущало ни командира полка, ни его храбрых дальневосточников, готовых бить фашистов везде. Первоначальная растерянность некоторых бойцов и командиров прошла. Положительно сказались постоянные тренировки еще в мирное время по боевой готовности, выходу и ведению боевых действий на незнакомой местности и при встрече с грамотным, беспощадным, хорошо подготовленным и обеспеченным врагом.

Ночью была произведена смена частей и подразделений на достигнутых рубежах, и 92 *сд* в составе одного стрелкового полка со средствами усиления скрытно начала выдвижение в заранее указанный район. А командир 20 *мд* фашистов генерал пехоты Ганс Цорн в это время докладывал вышестоящему командованию, что понес большие потери и без средств поддержки и усиления наступать его дивизия больше не может. Он требовал подкрепления, и, с разрешения руководства, немецкие части тоже перешли к обороне, защищая пути снабжения ударной тихвинской группировки врага.

Бои в первой половине ноября показали, что вклинившиеся фашистские войска под г. Тихвин растянулись на 350 км по фронту и уже израсходовали свои резервы, а фланги образовавшегося выступа стали уязвимыми. Это создавало благоприятные условия для перехода в контрнаступление наших войск. Поэтому Ставка ВГК приказала начать разгром врага.

Противник тоже не замедлил воспользоваться слабостью наших позиций южнее Тихвина и уже 9 ноября 1941 г., упредив действия советских дивизий, нанес удар силами своей 8 *мд* на юг через д. Верхнее Заозерье на деревни Реконь и Хортицу, поставив под угрозу окружения части 4 *зв.сд* и создав условия для выхода в тылы 92 *сд*. Если бы фашистским танкам удалось прорваться к станции Неболчи, куда они стремились,

Боевые действия 92-й стрелковой дивизии южнее Тихвины с 12.11 по 12.12.1941 г.

и перерезать пути снабжения наших частей, то это могло бы привести к катастрофическим последствиям не только для левого крыла армии, но и для всех ее сил. Вот поэтому наступление 92 *сд* было приостановлено и ее главные силы начали выдвигаться навстречу наступающему врагу.

Разбросанность полков дивизии по отдельным направлениям на фронте до 70 км не только расплывала ее силы, но и резко усложняла управление частями, а также их снабжение. Но таково было решение возглавившего южную группу генерала В.Ф. Яковлева, который в постановке задач опускался до батальонов и рот.

92 *сд* в составе 317 *сп* (без 3 *сб*), 70 *ган* (без двух *адн*), 60 *ап* (без *адн*) к исходу 11 ноября 1941 г. сосредоточилась в лесах восточнее д. Малые Тальцы. На следующий день вечером 317-й полк совершил ночной марш к д. Зобище, с тем чтобы не допустить наступления противника от д. Верхнее Заозерье на юг и юго-запад к д. Реконь и монастырю.

Марш совершался по бездорожью, в ночной темноте, по лесисто-болотистой местности. Орудия и повозки часто застревали в грязи. Их вытаскивали на руках. Несмотря на переутомление и трудности, бойцы и командиры были готовы прийти на помощь гвардейцам, которым угрожало окружение. В ходе марша воины, наконец-то, были обеспечены зимней одеждой и обувью. Бойцы повеселели. В прошедших боях проявил себя боевой актив из числа красноармейцев и сержантов, многие из них были назначены на должности командиров взводов и отделений.

После д. Зобище на пути 317 *сп* находилась д. Реконь. На ее окраине выделялся монастырь – кирпичные здания, церковь с колокольней и массивные каменные стены. По данным пленного, в этой деревне сосредоточилось до полка вражеской пехоты с танками 8 *тд*. Фашисты готовились к наступлению. В трех километрах юго-западнее монастыря на высоте 90,5 пересекались проселочные дороги, и командир полка полковник В.Г. Поляков предположил, что противник захватил этот узел дорог, поэтому вперед выслал передовой отряд в составе 2 *сб* с 2 *адн* 70 *ган*.

В середине дня 14 ноября 1941 г. командир 2-го батальона капитан И.С. Маньковский установил, что на высоте 90,5 обороняется до роты фашистов. По тому, как те пренебрегали мерами маскировки, было ясно, что подход наших подразделений для них остался незамеченным. Иван Семенович приказал находящемуся рядом на командно-наблюдательном пункте батальона командиру гаубичного дивизиона капитану П.И. Левашову внезапным огнем всех орудий накрыть высоту.

Артиллеристы стали скрытно занимать огневые позиции и готовить данные для стрельбы, а в это время стрелковые роты подошли к врагу довольно близко и полуподковой охватили высоту. Станковые

пулеметы установили в промежутках взводов, чтобы непрерывным огнем поддержать атаку стрелков.

По команде командира батальона артиллеристы открыли огонь. Разрывы снарядов и мин прижали фашистов к земле. Стрелковые роты пошли в атаку. Ворвавшись на высоту, они завязали рукопашный бой, бесстрашно уничтожая ошеломленных фашистов, и, обойдя высоту, ударили во фланг противнику. Командиры смело наступали впереди бойцов, стреляя на ходу и увлекая подчиненных своим примером.

Бой утих так же внезапно, как и начался. По всему гребню высоты и на ее склонах чернели на белом снегу трупы врага. Рота фашистов была полностью уничтожена. Но еще не успели бойцы остыть от атаки, как капитан Маньковский получил донесение от разведки, что из д. Реконь в направлении высоты 90,5 выдвигается колонна противника с танками. Справа от дороги на деревню было болото, поэтому командир батальона тут же, не мешкая, оставил для обороны высоты усиленную стрелковую роту, а другие две направил в лес в обход дороги слева для удара во фланг фашистской колонне, доложив об этом командиру полка.

Командир полка полковник В.Г. Поляков усилил батальон Маньковского еще одним дивизионом. Кроме того, на помощь 2 сб он направил по лесу 1 сб капитана А.С. Яковлева.

Иван Семенович приказал приданным артиллеристам подготовить сосредоточенный огонь по открытому участку дороги, а 45-мм пушкам полковой батареи и дивизиона майора И.П. Болотова ударить по танкам прямой наводкой.

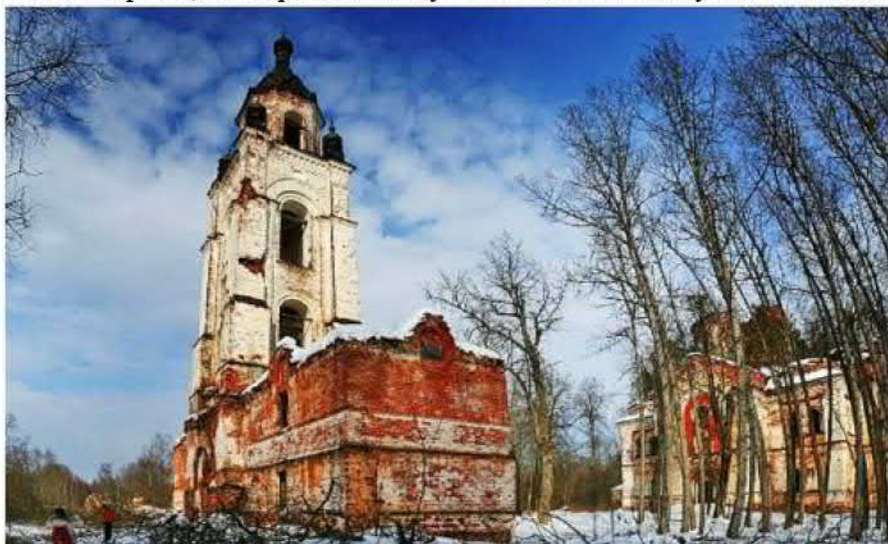
Бойцы стрелковых рот, как будто не было ночного марша и боя, бегом заняли исходное положение для атаки еще до появления противника. Артиллеристы развернули орудия и подготовили исходные данные для стрельбы. Вскоре появилась вражеская колонна. Впереди на малом ходу двигались танки. Пехота фашистов шла ускоренным шагом, торопилась.

Внезапный огневой налет артиллерии и минометов ошеломил противника. В этот же момент противотанковые пушки подбили передние танки, остановили колонну и начали расстреливать остальные машины. Колонна развалилась. Фашисты метались по полю справа и слева от дороги, неся потери от густо разрывающихся снарядов и мин, от огня станковых пулеметов. Наши бойцы не дали возможности врагу продвинуться вперед, и цепи стрелковых рот с криком «Ура!» ринулись на врага. Воины-дальневосточники штыковым ударом завершили свой успех. Бой был непродолжительным, но мощным. На дороге и опушках леса осталась неподвижной почти вся колонна врага. Было обнаружено до 200 трупов фашистских солдат и офицеров. Теперь нужно было использовать успех для овладения д. Реконь.

Командир 92 *сд* уточнил задачи частям дивизии, хотя 317 *сп* и 22 *сп* действовали друг от друга на удалении до 25 км, а 203 *сп* оборонялся еще дальше на западе, в 50 км от главных сил дивизии. При этом 317 *сп* закрывал образовавшуюся брешь между 4 *гв.сд* и 60 *тд* нашей армии, а 22 *сп* уничтожал вражеские части, обходившие левый фланг гвардейцев.

Утром 15 ноября 1941 г. 317 *сп* завязал бой за д. Реконь. По данным разведки, в деревне и монастыре располагалось до полка пехоты 8 *тд* фашистов с танками. Противник превратил этот населенный пункт в настоящую крепость. В двухметровой каменной стене и в домах находились огневые точки, на колокольне – наблюдательный пункт и пулеметы. 1 *сб*, наступавший в первом эшелоне, вышел на опушку рощи южнее деревни, но был встречен огнем минометов и танков противника от монастыря и с восточного берега р. Реконька. Полковник В.Г. Поляков, учитывая, что снарядов для подавления целей в каменных постройках потребовалось бы много, приказал выдвинуть всю пушечную артиллерию 317 *сп* и 60 *ап* на открытые позиции для уничтожения огневых точек в монастыре. С закрытых позиций вели огонь только гаубичная батарея 60 *ап* и 2-й дивизион 70 *ган*. Командир гаубичного дивизиона Петр Иванович Левашов умело ставил огневые задачи подчиненным батареям, находясь на командном пункте командира 1 *сб* капитана А.С. Яковлева, поближе к противнику.

Артиллеристы открыли точный сокрушающий огонь. Пушки сбили наблюдательный пункт на колокольне и подавили орудия противотанковой обороны, поддерживая наступление пехоты. А гаубицы капитана

Реконьский монастырь – Свято-Троицкая Рёконьская пустынь (недействующий)

Левашова уничтожили несколько орудий и пулеметов врага, что обеспечило успех стрелковых рот в атаке.

Батальон капитана А.С. Яковлева, поддержанный мощным огнем артиллерии и минометов, ворвался на южную окраину д. Реконь и выбил оттуда противника. 3-я рота старшего лейтенанта Прохорова первой захватила два дома и отразила контратаку фашистов. Когда фланкирующие пулеметы врага задержали продвижение 1-й роты, артиллеристы под пулеметным огнем поставили 76-мм пушку на открытую позицию и ударили по огненным точкам в монастырской стене, потом перенесли огонь по минометам и вывели их из строя. Рота дружно пошла вперед, ворвалась в монастырь.

Командир 317 *сп*, наблюдая за действиями 1 *сб*, успешно атаковавшего врага в монастыре, направил 2 *сб* в обход монастыря. Капитан И.С. Маньковский бегом повел подразделение через лес на северную окраину деревни. Там, развернув роты, он перерезал пути отхода фашистов по дороге на д. Верхнее Заозерье. Почувствовав угрозу окружения, фашисты начали прорываться на север, но пехота совместно с пулеметчиками вела уничтожающий ружейно-пулеметный огонь по противнику. Минометчики открыли шквальный огонь, сея панику среди фашистских захватчиков. 45-мм пушки начали бить по танкам, но с запозданием. Им удалось подбить только две машины, остальные танки врага вырвалась из западни. Роты не успели сделать завалы на дороге. Одновременно 6-я стрелковая рота 2 *сб* атаковала гитлеровцев на северо-западной окраине села и захватила вражеский обоз.

К 19-00 15 ноября 1941 г. роты 317 *сп*, разгромив фашистов, полностью очистили монастырь в д. Реконь. В селе и на его окраинах было обнаружено убитыми и ранеными более 200 гитлеровских солдат и офицеров. Дальневосточники захватили большие трофеи: 2 исправных танка, 3 миномета, 2 орудия, 10 легких и тяжелых пулеметов, несколько десятков автоматов и винтовок, 14 автомашин, из них 2 штабные, грузовую машину с боеприпасами и автомашину с обмундированием, 8 катушек кабеля и 10 телефонных аппаратов, а также много повозок с боеприпасами и имуществом.

317 *сп* в прошедших боях не имел случаев отступления и невыполнения поставленных задач. Его подразделения разгромили до трех батальонов противника, сбили 18 фашистских стервятников, захватили много трофеев. Бой за высоту 90,5 и монастырь в д. Реконь комиссар дивизии Иван Петрович Гарус впервые назвал «Реконьским побоищем», он вошел в историю боевых действий дивизии.

Это был редкий случай в военных событиях лета и осени 1941 г., когда мы били фашистов, практически равных по своему численному составу и боевому потенциалу, не забывая о том, что в этот период в плен врагу

сдавались без боя целые советские армии, а фашистские войска уже стояли у стен Москвы и наблюдали в бинокли рубиновые звезды Кремля.

Вечером 15 ноября 1941 г. на командный пункт 92 *сд* в д. Зобище прибыл командующий 4-й армией генерал армии К.А. Мерецков вместе с членом Военного совета дивизионным комиссаром М.Н. Зеленковым и начальником штаба комбригом Г.Д. Стельмахом. Выслушав доклад командира дивизии о бое за Реконьский монастырь, К.А. Мерецков согласился с названием «Реконьское побоище». Он объявил благодарность всем воинам-дальневосточникам и, связавшись по телефону с капитаном И.С. Маньковским, поздравил командира батальона с победой, поблагодарил его за храбрость и умелые действия и сказал, что представит его к награждению орденом Ленина. Далее командующий уточнил дальнейшую задачу дивизии, дал ряд указаний, касавшихся способа ведения боевых действий и, с сопроводившими его офицерами, убыл на свой КП.

В результате боевых действий 92 *сд* фашисты были отброшены на 10-12 км, ликвидирована угроза окружения 4 *зв.сд* и выхода противника к ст. Неболчи. Были разбиты значительные вражеские силы, захвачены большие трофеи. Так закончился еще один этап наступления воинов-дальневосточников в сражении за г. Тихвин.

Но о том, что этот бой двух стрелковых батальонов войдет в историю не только дивизии, но и армии, 33-летний капитан Петр Иванович Левашов так и не узнал. Здесь, под Реконьским монастырем Дрегельского района (с центром в с. Неболчи) Ленинградской (ныне Новгородской) области, от

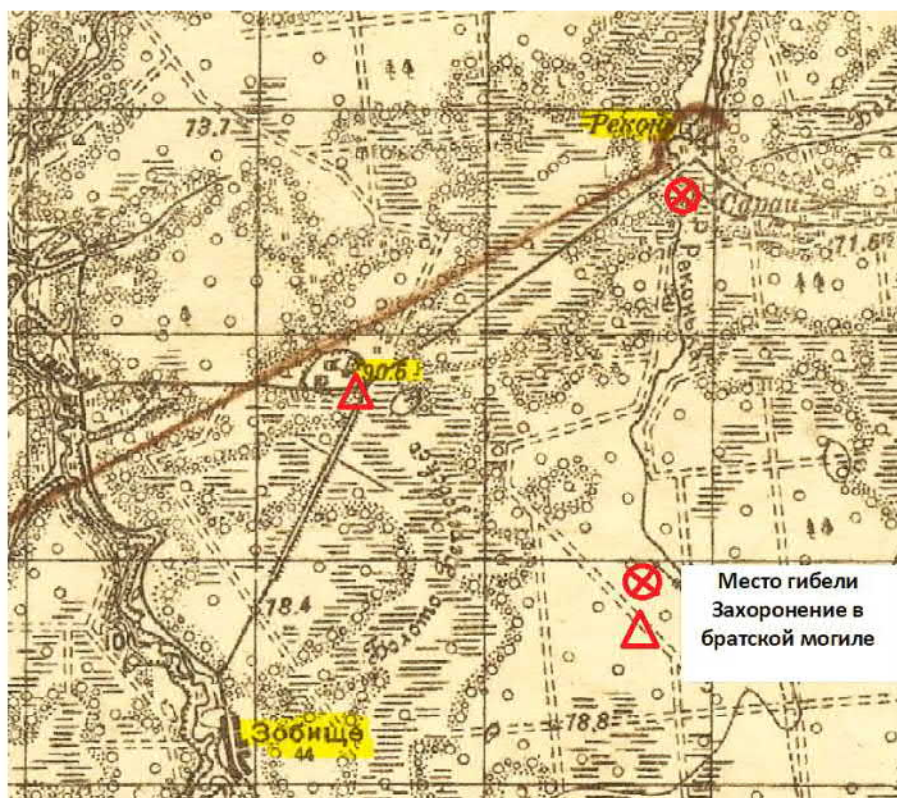
пули фашистского снайпера он погиб смертью храбрых на своем боевом посту практически на переднем крае, находясь на КП командира 1 *сб* капитана Александра Сергеевича Яковлева.

Его вместе с остальными погибшими бойцами и командирами 92 *сд* торжественно под звуки орудийного салюта похоронили в братской могиле на высоте 90,5 в 3 км юго-западнее монастыря.

А командира батареи его дивизиона лейтенанта Г.Я. Гарбуз, который принял на себя командование 2 *адн* 70 *гап* и дальше продолжал выполнять поставленные задачи по уничтожению врага, укрепившегося в монастыре, за этот бой наградили орденом Красного Знамени.

Левашов
Петр Иванович

Петр Иванович так и не увидел своего единственного сына. Он родился далеко в Сибири, потому что его жена Левашова (Шкаликowa) Наталья Яковлевна, будучи беременной, по настоятельной просьбе мужа еще летом 1941 г. уехала рожать на родину к своей матери в деревню Глуховка Калачинского района Омской области. Извещение о смерти капитана Левашова было направлено в ее адрес, а она уже письмом сообщила эту страшную весть его родителям в Краснодар. (Его сын Геннадий вырос, после войны окончил Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии, много лет служил в войсках и в звании подполковника закончил армейскую службу).

Петр Иванович стал первым из большой и дружной семьи Левашовых, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Выразить семье соболезнование пришли братья Ивана Ивановича вместе с женами и детьми. Пришел и Сережа. Братья долго и тихо беседовали. Для них обоих Петр был примером во всем. Они на него равнялись, гордились, старший брат был для младших верной опорой и

защитой долгие годы. Сергей предложил: пока никуда не уходить, а с приближением фронта вступить в Красную Армию и отомстить за смерть Петра. Василий его поддержал. Так печальное известие о гибели брата укрепило в ребятах уверенность и решимость в своих действиях.

На фронте в это время воевал старший брат Александр. А техник-лейтенант Николай Левашов до начала августа 1941 г. защищал небо Ленинграда от налетов фашистской авиации в составе дивизиона особого назначения, который был создан из офицеров и курсантов училища, а затем по приказу ГШ РККА училище было эвакуировано в г. Томск. Вместе с училищем убыл из Ленинграда и лейтенант Левашов.

(Долгие годы и десятилетия родные и близкие не знали подробностей гибели Петра Ивановича и где он похоронен. Отец Иван Иванович после войны часто просил своих военных сыновей, офицеров Николая и Василия, отыскать могилу Петра, чтобы можно было съездить туда, поклониться, а может, и привести в порядок. Но архивы никаких справок не давали, да и повседневная армейская жизнь не всегда позволяла вплотную заняться розысками погибшего брата. И только в середине 1960-х гг. Василий Иванович, уже отчаявшись, обратился к школьникам пос. Любытино Новгородской области с просьбой об оказании помощи в розыске могилы брата, даже не надеясь на какой-либо ответ. И каково же было его удивление, когда вскоре юные пионеры-следопыты прислали письмо, в котором указали точное место захоронения капитана П.И. Левашова – братская могила в д. Верхнее Заозерье Любытинского района Новгородской области. Так родные и близкие узнали, где находится последний приют Петра Ивановича. Об этом не узнал только отец. Иван Иванович умер еще в 1952 г.

Хорошую книгу «Жертвуй собой» о славных бойцах и командирах 92 *сд* написали ветераны, участники Великой Отечественной войны, генерал-майор Петр Васильевич Масленников и полковники Кузьма Евгеньевич Карцев (начальник штаба 92 *сд*, который в послевоенные годы служил и работал в Воронеже на должности старшего преподавателя общевоинской подготовки военной кафедры Воронежского государственного медицинского института) и Петр Тихонович Сагайдак, который в годы войны был начальником штаба стрелкового полка в 159 *сд*, воевал в тяжелых боях летом 1942 г за Воронеж в Подклетном и на Чижовском плацдарме. В 1989 г. эта книга увидела свет. В ней есть упоминания и о командире дивизиона 70 *ган* Петре Ивановиче Левашове.

Но меня, как автора, немного удивило другое, что столь уважаемые люди, описывая победу 317 *сп* 92 *сд* над подразделениями фашистов у Реконьского монастыря, даже не вспомнили в своем произведении о тех потерях, которые понесла дивизия в этих жестоких и кровопролитных боях

с ненавистным врагом. А ведь в этом бою погибли не только фашисты. Они как-то позабыли упомянуть и о смерти командира артиллерийского дивизиона капитана П.И. Левашова, а ведь командиров такого ранга, да еще артиллериста, в дивизии по пальцам можно пересчитать.

По принципу «отряд не заметил потери бойца» авторы этого очерка, продолжая свое повествование, писали, что части 92 *сд*, развивая наступление от Реконьского монастыря на север, 16 ноября 1941 г. вышли к д. Верхнее Заозерье и пытались атаковать противника с ходу. Но все атаки наших войск были отражены. И только в начале декабря противник, оборонявший д. Верхнее Заозерье, был разгромлен.

К этому времени уже освободили г. Тихвин, а к 27 декабря 1941 г. советские войска окончательно отбросили немцев на тот рубеж, с которого фашисты и начали свое наступление. Но развить успех дальше не удалось. В прошедших боях 70 *ган* понес большие потери, особенно в гаубицах и пушках, и 6 января 1942 г. был расформирован, а 92 *сд*, получив новое пополнение, продолжала воевать с фашистами на Волховском фронте в составе 59-й армии. В апреле 1942 г. дивизия вошла в состав 2-й ударной армии фронта, которая еще с января проводила безуспешную наступательную операцию по деблокаде Ленинграда. В это же время в командование войсками армии вступил заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов. В апреле-июне 1942 г. 92 *сд* держала оборону по западному берегу р. Тигода, прикрывая отход войск армии из котла окружения. Остатки дивизии вместе с ее командиром полковником А.Н. Ларичевым погибли в этом районе. Командующий 2-й ударной армии генерал А.А. Власов сдался в плен фашистам и в последующем возглавил РОА предателей, которая воевала на стороне фашистской Германии, в том числе и против советских войск. Знамя 92 *сд* было утеряно, и 30 июля 1942 г. дивизия была расформирована.

Планируемая операция по деблокаде Ленинграда завершилась гибелью главных сил армии. Практически в это же время под Москвой погибала в окружении 33-я армия под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, но, в отличие от Власова, Михаил Григорьевич, будучи тяжело раненным в последнем бою, предпочел фашистскому плену пулю в висок из своего пистолета. Тело отважного генерала первыми нашли немцы, которые и похоронили М.Г. Ефремова с воинскими почестями. И если за бойцами и командирами 2-й ударной армии Волховского фронта из-за предательства ее командарма, сдачи в плен и службы фашистам в советской армии и народе твердо установилось мнение как об изменниках и предателях, то М.Г. Ефремов своей смертью «обелил» даже тех малодушных, которые дрогнули в трудную минуту, спасались в одиночку и сдавались в

плен. Вышедшие из окружения бойцы 33-й армии в мае 1942 г. все были награждены: командиры - орденами Красного Знамени, а рядовой и младший начальствующий состав - орденами Красной Звезды или медалями.

Но это не зачеркивает подвиг окруженных дивизий 2-й ударной армии. Может быть и поэтому авторы столь замечательной книги постарались на ее страницах не писать о потерях дальневосточников 92 *сд* в первых боях.

Реконьский монастырь и деревня не пережили войну, люди здесь больше не селились. К 20-летию Великой Победы в середине 1960-х гг. вышло постановление партии и правительства СССР об упорядочении воинских захоронений, поэтому руководство Любытинского района и местного сельсовета приняло решение перезахоронить останки погибших воинов в одну общую братскую могилу на окраине д. Верхнее Заозерье. Местные жители, подряженные на эту работу, раскопали места погребения воинов в окрестностях деревни, перенесли их останки, обелиски снесли, а сами погребения сровняли с землей.

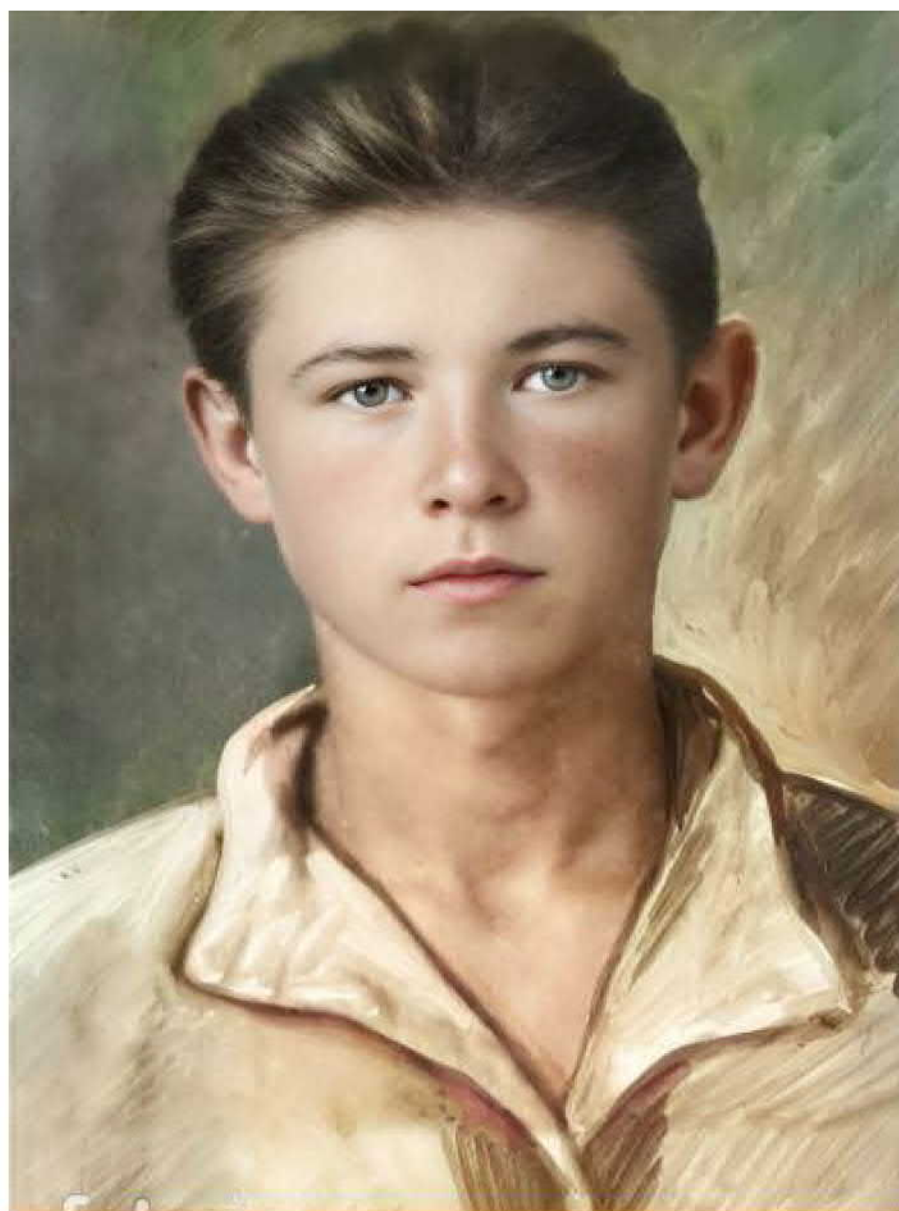
Но местоположение братской могилы, небольшого гранитного обелиска и стенда с 16 мраморными плитами, на которых были выбиты имена 385 воинов 92 *сд*, в том числе и капитана П.И. Левашова, находилось у самого ручья в низине и при разливе часто затапливалось водой. Поэтому к 50-летию Великой Победы деревенский сход решил: мемориал перенести наверх на холм из затопляемой низины. Что и сделали. И вот тогда выяснилось, что внутри ограды в земле у обелиска оказались 8 небольших ящичков, в которых были кое-как наложены останки разных людей (ни одного полностью) из разных погребений. Любытинская районная администрация обратилась за помощью к поисковикам из Архангельского фонда «Поиск», которые в течение двух экспедиций нашли в запаханых погребениях еще 136 бойцов, из них 5 офицеров, в том числе в 9 км к югу от деревни у заросшего лесом тригопункта 90,6 (высота 90,5 – авт.) – останки капитана П.И. Левашова, который на самом деле не был погребен в братской могиле в середине 1960 гг. (его тело было найдено на высоте в стороне от других). Все они были торжественно перезахоронены на холме в восстановленном мемориале 1 октября 1996 г.

К июню 2023 г. братское захоронение в д. Верхнее Заозерье Любытинского района силами специалистов мемориальной группы экспедиции «Долина» в рамках федеральной целевой программы «Увековечивание памяти погибших при защите Отечества на 2019-2024 годы» было восстановлено. В нем покоятся останки 938 советских воинов 92 *сд*, погибших в 1941 г. Установлен бетонный обелиск и мраморные плиты с именными списками погибших. Нет только памятника П.И. Левашову,

и непонятно, кто же будет следить за этим захоронением, если в деревне Верхнее Заозерье по состоянию на 2010 г. проживало всего 8 чел. и к ней нет нормальных дорог с хорошим покрытием, а дорога к Репоньскому монастырю, да и сам монастырь заросли лесом.

Братская могила воинов 92 сд, погибших в 1941 г. д. Верхнее Заозерье

ДИВЕРСАНТЫ

*...Безумству храбрых поем мы славу!
Безумство храбрых – вот мудрость жизни!
О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!*

*Пуškai ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!
Безумству храбрых поем мы песню!..*

Максим Горький «Песня о соколе» (1895)

В конце ноября 1941 г. Василий Левашов и его одноклассник Борис Мащенко в составе команды, сформированной райвоенкоматом, пешком направились г. Ворошиловград. Пока их всех собрали, пересчитали, составили списки, назначали старших, в Краснодоне был уже полдень. Ребята скорее с облегчением, чем с грустью, покидали свой родной город. В областном центре их сразу же посадили на открытые железнодорожные платформы, в которых везли на восток оборудование какого-то завода. Василий с Борисом, уставшие после 50-км перехода, расположились у станка спиной друг к другу и уснули под стук колес. Когда проснулись, была уже станция Миллерово, на которой их пересадили в крытые вагоны-теплушки, оборудованные для перевозки людей, и отправили в Сталинград.

Железная дорога была сильно перегружена, поэтому к месту назначения ребята из Краснодона добрались только через неделю. За эти дни сильно похолодало, и Сталинград встретил их зимой и нерадостным известием.

«Вместо обещанного военного училища нас зачислили в ремесленное училище при Сталинградском тракторном заводе, который производил танки и тягачи. Жили мы в двухэтажных деревянных бараках, которые не отапливались, но часто ночевали в цехе завода. Там всегда тепло», – вспоминал Василий Иванович Левашов.

Повозмущавшись на Краснодонский райвоенкомат, сотрудники которого обещали определить парней в военное училище, а вместо этого направили в ремесленное, ребята смирились. Их несколько успокаивало то, что учились и работали они на оборонном предприятии, которое выпускало современные танки для нашей армии.

Однажды поздним вечером, укладываясь спать, Василий разговорился с высоким светловолосым парнем, расположившимся на соседней койке, и узнал, что тот родом из Краснодона, из района Первомайка. Это был Анатолий Попов. Ребята подружились. Не получая писем из дома, они не знали, что там происходит, и рассуждали, что немцы давно уже оккупировали город, поэтому и нет весточки от родителей и известий от друзей.

Наконец появилась первая радостная новость: фашистские оккупанты выбиты из Ростова-на-Дону, а потом еще более ошеломляющая весть о разгроме немцев под Москвой. Вскоре из Краснодона пришло письмо, в котором родители сообщали, что фронт остановился в 70 км от города, стали возвращаться из эвакуации учреждения, предприятия, возобновились занятия в школах. Вернулись многие жители, покинувшие город. Восстанавливались и начали давать уголь шахты. Родители в своих письмах звали их вернуться домой. И ребята задумались.

Они страстно хотели воевать с ненавистным врагом, а тут такая удача. Друзья стали размышлять, как вернуться в Краснодон, и не только потому, что там родители, а из-за близости к фронту. Дома было больше шансов попасть на войну. Но отъезду домой мешало серьезное препятствие: все они числились работающими на военном предприятии, а за самовольный уход с военного объекта полагалось от 3 до 5 лет лишения свободы. Анатолий Попов предложил рискнуть, его поддержал Василий, но Боря Мащенко в последний момент от поездки домой все-таки отказался: рисковать было чем – свободой.

В середине февраля 1942 г. Василий с Анатолием самовольно покинули училище, но возвращались домой отдельно друг от друга, так, на всякий случай, чтобы не поймали вместе. Но все обошлось. Самым сложным было пройти проверку документов в поезде, ведь паспорта ребят остались в ремесленном училище. Но выручило свидетельство о рождении, которое они не сдавали. Уже через трое суток друзья, каждый своим маршрутом, благополучно добрались до Краснодона.

Город встретил их деловым и сосредоточенным. Чувствовалась близость фронта. Расставаясь, ребята даже не могли себе представить, что через несколько месяцев встретятся снова, но уже при других обстоятельствах.

Василий долго расспрашивал родителей о местных новостях, о том, кто вернулся из эвакуации, и прежде всего о Сергее, но те уклончиво ответили, что, когда пойдет в школу, сам увидит. Это вызвало неподдельный интерес юноши, и на следующий день он быстро собрался, а когда вошел в свой класс, то увидел за партой сияющего брата, родители которого с семьей переехали жить и работать в Краснодон. Сергей продолжил свою учебу в 10-м классе средней школы № 1 им. А.М. Горького. Его попытка

попасть на фронт также не удалась. Все это время он не покидал город, в который вернулся вместе с семьей, потому что оставаться в шахтерском поселке было небезопасно, и прежде всего из-за того, что его мама, член партии ВКП(б) Лидия Даниловна, работала председателем поселкового Совета депутатов трудящихся и в случае прихода оккупантов ей, да и семье, репрессий было не миновать. А из Краснодона Михаил Иванович с женой и детьми должен был вместе с районными учреждениями эвакуироваться в советский тыл. Но обстановка на фронте резко изменилась. Наступление фашистских войск на юге нашей страны было остановлено, и семья Левашовых-младших так и осталась в городе.

В классе были и другие новые ученики, эвакуированные из оккупированных врагом районов, но братьев посадили за одну парту. Ребята внимательно слушали объяснения преподавателей, а когда умолкал голос учителя, с запада отчетливо доносился гул канонады. Эти разрывы бомб и снарядов лишней раз напоминали парням, что фронт близко и что место их не здесь, среди девчонок, а там, на фронте, где льется кровь защитников Родины. В те дни 17-18-летние юноши всерьез опасались, что опоздают на войну.

Наступила весна 1942 г. Занятия в школе по военной подготовке проводил новый военрук, практически их сверстник, который слегка прихрамывал на левую ногу. И ребята по инициативе любителя подурочиться Владимира Загоруйко решили на одном из уроков по строевой подготовке подшутить над молодым учителем и, когда тот скомандовал: «Бегом марш!» - всем классом убежали в парк. Просто так, зная, что преподавателю за ними не угнаться. Команды учителя они слышали, но продолжали бежать. Минут пятнадцать побегали по парку, а затем строем вернулись на школьный двор. Военрука застали на том же месте, где оставили. Остановились и ждали, когда же он начнет их стыдить. Но преподаватель сделал вид, что поверил ребятам, которые «не слышали» его команд.

После занятий класс оставили в школе. Пришел директор. Все подумали, что военрук пожаловался, но директор, не повышая голоса, сказал, что в последние дни был очень занят и не мог представить нового учителя. Оказалось, что этот молодой парень с первых дней войны был на фронте, храбро сражался против фашистов, во время боя был серьезно ранен в

Загоруйко
Владимир Михайлович

ногу, лечился в госпитале и представлен к правительственной награде. Боец был в отпуске и долечивался дома. И только по просьбе директора и направлению райвоенкомата он согласился обучать ребят военному делу, хотя с больной ногой ему очень трудно это делать. Директор через окно своего кабинета видел, как старшеклассники забавлялись. Всем было стыдно за свой поступок, они опустили головы.

А Олег Кошевой в очередном номере школьного «Крокодила» мастерски изобразил группу старшеклассников, убегающих от преподавателя, где многие, в том числе и братья Левашовы, узнали себя.

8 марта 1942 г. в Международный женский день (который стал праздником и нерабочим днем только с 1965 г.) на советско-германском фронте где-то между Ростовом и Таганрогом был тяжело ранен осколком разорвавшейся мины старший брат 29-летний Александр Иванович Левашов. Его воинским санитарным эшеленом отправили в далекий тыл на излечение, но он так и остался на всю жизнь инвалидом.

А Краснодон жил нормальной жизнью. Добывали уголь шахты, работали учреждения, дети ежедневно ходили в школу, хотя многих из них мысль о том, как бы сбежать на фронт, не покидала никогда.

И вот в последних числах марта 1942 г. комсорг выпускного класса Людмила Козырева после уроков предупредила комсомольцев Владимира Загоруйко, Николая Рудова, Василия и Сергея Левашовых, что их вызывают в райком комсомола, но с какой целью не уточнила. Фантазиям ребят не было предела, что они только не передумали за ночь и с утра уже были в райкоме. Но все прошло довольно быстро и буднично. Их проверили, сообщили о том, что решением районного комитета комсомола они рекомендованы для учебы на краткосрочных специальных курсах, после которых они должны будут убыть на боевое задание, и дали им три дня на сборы, больше ничего не разьясняя. На радостях, что о них не забыли, ребята даже не пытались выспрашивать подробности, так как заранее на все были согласны, лишь бы участвовать в войне.

После беседы в райкоме комсомола они явились в районное отделение НКВД УССР. Здесь они увидели двух подружек из соседней школы и девятиклассника Николая Шелупахина. Ребята познакомились. Одну из девушек звали Любовь Шевцова, другую – Шура Панченко. Оказалось, что и они были отобраны для тех же целей.

Им завидовали многие, в том числе и Олег Кошевой, который был младше их по возрасту, а братья гордились оказанным им доверием. Никто толком не знал, кого из них будут готовить, но это не очень волновало. Если такая оперативность и секретность – значит, учеба связана с фронтом. А самым важным для ребят было скорее включиться в борьбу с фашистами. Да,

им, конечно, очень хотелось знать, кем же они станут, но узнать об этом можно было только тогда, когда доберутся до назначенного места.

Накануне отъезда братья Левашовы зашли в комитет комсомола школы, чтобы поблагодарить и попрощаться с товарищами, рекомендовавшими их на учебу. В назначенный день всем им вручили командировочные предписания и поездом отправили в Ворошиловград в областное управление НКВД.

Всего из Краснодона к месту учебы ехало семь человек. Всеобщее внимание сразу же привлекла очень веселая и симпатичная девушка с гитарой. Это была Люба Шевцова. Разговор завязался быстро и непринужденно между шутником Володей Загоруйко и девчонками. Молодость брала свое, и вскоре все вместе пели песни. Люба вручила гитару Сергею Левашову, а сама запела «Катюшу». Все дружно подхватили припев. Всю дорогу до самого Ворошиловграда в купе не прекращалось веселье. Песня сменялась шуткой, веселым рассказом. Чаше других был слышен голос Любы. Она была неутомима, запас веселья неиссякаем. С ней было просто, легко и весело. Когда поезд пришел к месту назначения, всем казалось, что эту девушку они знали очень давно.

В Ворошиловграде ребята разыскали нужное учреждение, предъявили документы, и, после короткой беседы, их посадили в грузовую автомашину. А куда и зачем – все еще было неизвестно. Юные патриоты понимали, что их везут к месту назначения, и думали, что учиться они будут где-то в черте города. Однако уже проехали окраины, а их везли все дальше и дальше в неизвестном направлении. Машина остановилась только в 13 км от города у ворот бывшего дома отдыха «Лысая гора», в котором с начала войны размещалась разведшкола.

Только с прибытием в конечный пункт ребятам наконец-то объяснили, что из них будут готовить радистов для работы во вражеском тылу. Все обрадовались, что им доверяют такое ответственное дело, и несколько дней были под большим впечатлением от этой новости.

Разведшкола занимала все помещения дома отдыха и располагалась на живописном берегу р. Северский Донец. Это место выбрали не случайно, потому что оно было удалено от населенных пунктов и посторонних глаз. В главном корпусе размещался командный и

Шевцова
Любовь Григорьевна

преподавательский состав, а также учебные классы, во втором здании, побольше, разместили парней, а в третьем – девушек. Всех распределили по учебным группам, назначили старших, объявили распорядок дня и предупредили об ответственности за разглашение военной тайны. Василий с Сергеем и Володя Загоруйко оказались зачисленными в одну учебную группу. Им очень хотелось оправдать оказанное доверие и как можно лучше освоить специальность радиста. Других краснодонских ребят встречали редко, как правило, только в столовой, и то издалека.

В начале апреля 1942 г. с вновь набранными курсантами начались занятия. За три месяца нужно было освоить шестимесячную программу подготовки радиста и то, что необходимо партизану, поэтому занятия проводились в течение всего дня с перерывом на прием пищи и сон. К тому же всех курсантов предупредили, что даже эта, загруженная до предела программа может быть сокращена по времени. Все зависело от потребностей фронта в радистах для заброски в фашистский тыл.

Жили ребята на втором этаже здания-казармы, из окон которого открывался красивый вид на реку, но ребятам было не до него. Руководил учебной группой сотрудник НКВД Иванский.

В шесть утра подъем, физзарядка, умывание холодной речной водой, завтрак, занятия. Учились владеть всеми видами стрелкового оружия как отечественного, так и противника, осваивали подрывное дело, искусство ориентирования на местности как в дневное, так и в ночное время с помощью карты и компаса, умению побеждать в схватке с противником и мн. др. Изучали все, но особенно то, что требовалось для овладения специальностью радиста. Именно на это и тратилась большая часть учебного времени. Ведь к концу срока обучения каждый должен был уметь уверенно принимать на слух текст азбукой Морзе со скоростью 80 знаков в минуту и передавать 120 знаков. Не менее важным было также овладеть радиоаппаратурой, на которой предстояло работать после заброски в фашистский тыл. Овладеть настолько, чтобы суметь самостоятельно устранять возможные неисправности. Во вражеском тылу в таких делах можно было надеяться только на самого себя, на свои знания. Сергей не упускал случая глубже разобраться в технике. Он до глубокой ночи просиживал над схемами, старался разобраться в устройстве приемника и передатчика радиостанции. Занимался он этим не ради удовольствия. Если в школьные годы радио было одним из его увлечений, то теперь уровень подготовки каждого по специальности радиста определял степень пригодности его для выполнения боевого задания.

Эта черта характера Сергея – докапываться до самой сути – была по достоинству оценена несколько месяцев спустя, когда он смог

отремонтировать давно заброшенный радиоприемник и регулярно принимать с его помощью сводки Совинформбюро из Москвы.

Загруженность учебными занятиями, которые проводились не только днем, но и ночью, была огромной и не оставляла курсантам свободного времени. Однако в письмах, которые отправляли ребята домой, все выглядело иначе. Они уже приняли партизанскую клятву и не имели права ни родителям, ни друзьям даже намеком обмолвиться о том, где учатся, кем являются, куда и с какой целью будут отправлены.

Но даже по сокращенной программе доучиться им не пришлось. Едва минула половина срока обучения, как поступило распоряжение досрочно выпустить двенадцать человек. В их числе оказались Василий с Сергеем Левашовы и Загоруйко, которого за отличную учебу премировали часами.

Незаметно прошло время. 17 мая 1942 г. первым провожали Владимира. Он в составе небольшой группы забрасывался далеко в тыл для того, чтобы обеспечить связь с нашей разведкой, которая находилась за Днепром. Ребята ему завидовали, ведь он первый, мечтали оказаться на его месте, хотя прекрасно понимали, что для этого задания подходил именно он, потому что даже в минуты опасности Загоруйко не оставляло чувство юмора. Его самообладанию оставалось только позавидовать. (Как потом выяснилось, в составе разведывательно-диверсионной группы из шести человек Владимир был заброшен в тыл врага в район г. Днепропетровска, где участвовал в диверсиях, вел разведку, сообщал командованию данные о дислокации противника на оккупированной территории. Но в конце июля 1942 г. их группа попала в засаду, завязался бой, в результате которого все боеприпасы, питание, оборудование оказались в руках немцев, а группа разведчиков была рассеяна. 8 августа 1942 г. уставший и худой Владимир вернулся домой к маме и сестренке на хутор Водяной, попросил их не говорить о нем ничего односельчанам, а сам устроился возчиком и работал в степи, иногда заезжая домой, пока не встретился с братьями Левашовыми.)

Вскоре пришло время прощаться с товарищами Василию и Сергею. Их на машине привезли в Ворошиловград, где формировались специальные группы для действий в тылу противника. Перед отправкой ребятам предоставили трехдневный отпуск. В Краснодаре им очень хотелось побывать в школе, встретиться с одноклассниками, учителями, но пришлось отказаться от этих встреч, иначе расспросам не было бы конца. Ведь не станешь же объяснять каждому, чем ты занимаешься и что изучаешь. Поэтому свой краткосрочный отпуск братья провели в кругу семьи, самых близких родственников. И очень скоро они убедились, насколько это было оправданно.

Возвратившись в Ворошиловград, братья были включены радистами в одну из разведывательно-диверсионных групп (ДРГ). Им выдали радиостанцию РПО-1, смонтированную в двух одинаковых упаковках по 16 кг каждая, оружие и различное снаряжение, но за линию фронта не перебрали, а направили на доучивание в особый отряд при разведывательном отделе Юго-Западного фронта, который располагался в Воронеже.

Перед отъездом в свободное время братья решили прогуляться по Ворошиловграду и случайно встретили Виктора Третьякевича, соседа Василия по «шанхаю», друга его детства и школьных лет. Все несказанно удивились и обрадовались такой неожиданной встрече. Начались расспросы, ответить на которые было сложно, а врать не хотелось, поэтому Василий отвечал уклончиво, а Сергей помалкивал. То, что ребятам предстоит сложная, ответственная работа, Третьякевич догадался и рассказал братьям, что родители хотят отправить его в эвакуацию на восток, а он останется в Ворошиловграде и будет заниматься «тем же, чем и они». Они расстались, даже не догадываясь, что скоро встретятся снова, но уже при иных обстоятельствах. Характеризуя брату Виктора, Василий рассказал, что знает Третьякевича еще со второго класса, потом три года вместе учились, дружили, даже сидели за одной партией, потому что с ним всегда было интересно, так как его познания обо всем были намного больше, чем у других ребят. Он был одним из самых активных организаторов общественной работы и всегда чем-нибудь руководил: то был вожатым в пионерском лагере, то секретарем комитета комсомола школы, то руководителем струнного кружка и мн. др.

База переброски партизан за линию фронта находилась в Воронеже. Туда поездом и отправилась вся группа разведчиков. Лишь в начале июня 1942 г. они прибыли в Воронеж и разместились в трехэтажном здании гостиницы «Центральная» на проспекте Революции, 44, которое напоминало сказочный терем. (Ребята так и не узнали, что в этом уникальном здании в свое время останавливались такие русские писатели, как А.П. Чехов, Г.И. Успенский, И.А. Бунин, В.В. Маяковский и др.) Здесь, ожидая отправки за линию фронта, находилось несколько специальных групп. В каждой из них оказались знакомые радисты, с которыми вместе учились в разведшколе под Ворошиловградом. Поочередно группы отправлялись на задание. Точной даты вылета никто не знал. Обычно днем братья с товарищами из других групп знакомились с городом, посещали театр, вечерами вместе ужинали в столовой. А утром следующего дня во время завтрака неожиданно узнавали, что сидящих вчера за соседними столиками уже нет – минувшей ночью самолет доставил их в тыл врага. Иногда ребята выезжали на автомашине за город и в целях тренировки связывались по радиис с Центром.

Каждая группа до вылета была обязана пройти парашютную подготовку. Ведь никто из них никогда не летал самолетом и тем более не прыгал с парашютом. До обеда инструктор объяснял устройство парашюта, подвешивал каждого на ремнях и учил, как правильно держать ноги при спуске, как разворачивать свое тело спиной к ветру, чтобы в момент приземления не сломать ноги. Для закрепления полученных знаний каждый курсант по одному разу прыгнул с парашютной вышки. Вся теоретическая и практическая подготовка завершилась ободряющим заверением инструктора, что все парашюты раскроются и он гарантирует это на «все сто».

Однажды братья, уставшие от дневных занятий, медленно поднимались в свой номер. Внезапно здание гостиницы потряс сильный взрыв. Когда они вошли в свою комнату, то увидели, что входная дверь наполовину сорвана, окна выбиты, кровати засыпаны битым стеклом и обвалившейся штукатуркой, вещи разбросаны. Но самое ужасное было за окном. Сброшенная фашистским самолетом фугасная бомба взорвалась во дворе гостиницы, где погибли ребята, ученики школы фабрично-заводского обучения, стоявшие у входа в столовую.

С того дня Воронеж ежедневно бомбили фашистские самолеты. Сперва прилетали ночью и, напуганные огнем зенитной артиллерии, беспорядочно сбрасывали свой смертоносный груз. Затем стали бомбить большими группами в дневное время, но бомбили не военные или промышленные объекты, а сбрасывали бомбы на жилые кварталы в центре города. На глазах у ребят погибло много мирных жителей. Враг стремился посеять панику и страх среди советских людей, но вызывал только ненависть к себе.

Обстановка на фронте резко изменилась. 28 июня 1942 г. немецко-фашистские войска перешли в наступление на юге страны. Воронеж стал еще больше подвергаться жестоким бомбардировкам.

Однажды после очередного налета фашистских самолетов, когда город пылал от пожаров, Василию и Сергею приказали связаться по радио с центром. Они быстро развернули радиостанцию между небольшими, уцелевшими от бомбежки домами, но сразу же были окружены группой горожан. Их приняли за вражеских агентов, которые наводили на цель немецкие бомбардировщики, и весь свой гнев, всю ненависть к фашистским варварам эти жители обрушили на ребят. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы вовремя не подоспел сопровождающий группу командир в форме войск НКВД. Но и ему не сразу поверили. Пришлось предъявить удостоверение.

Через несколько дней город оказался под угрозой захвата противником, и начальник штаба партизанских отрядов Украины Т.А. Строкач приказал всем разведывательно-диверсионным группам, ожидавшим

отправки в тыл врага, перебазироваться в район Сталинграда на противоположный берег р. Волга в рабочий поселок Средняя Ахтуба. Но автомобилей не было, железнодорожный транспорт был забит отходящими тыловыми частями РККА и НКВД, а также многочисленными беженцами из Воронежа и окрестностей. Пришлось объединенным под общим командованием партизанским группам со своим оружием, радиостанциями и всем имуществом переправиться на левый берег р. Воронеж и на попутных машинах, телегах, но в основном пешком, несколько дней добираться до ст. Поворино, а это более 185 км на восток от города. Ночевали в селах или хуторах, а иногда и под открытым небом в лесопосадке или в поле. На ст. Поворино им выделили крытый железнодорожный вагон-теплушку, и обессиленные бойцы стали грузить в него свое имущество. Вскоре их прицепили к воинскому эшелону, в котором перебрасывались войска с Дальнего Востока под Сталинград. С этим эшелон они проехали более 200 км. Затем из-за сильных бомбежек эшелон остановился в чистом поле недалеко от слободы Михайловка – волостного центра Области Войска Донского, преобразованного в 1934 г. в рабочий поселок. Войска начали выгружаться. Партизанские группы тоже покинули вагон и расположились в степи. По радиции связались с Центром и доложили обстановку. До пункта назначения оставалось еще более 250 км. Оттуда сообщили, что за ними высылается автотранспорт. Через три дня прибыли две грузовые автомашины. Бойцы погрузились и отправились к месту расположения базы. Не доезжая до Сталинграда, у села Горный Балыклей на пароме переправились через р. Волга и по левому берегу доехали до пос. Средняя Ахтуба, который расположился на берегу р. Ахтуба – левого рукава Волги, напротив Сталинграда. Самого города не было видно, но грохот фашистских бомбардировок доносился отчетливо и сюда.

В начале августа 1942 г. в поселке разместились не только особый отряд и база разведчиков-диверсантов, но и Штаб партизанского движения Украины во главе со Т.А. Строкачем. Здесь же на окраине поселка находился полевой аэродром, с которого взлетали самолеты с ДРГ для заброски партизан за линию фронта в тыл врага.

Враг, не считаясь с потерями, рвался к Сталинграду, протянувшись на десятки километров по западному берегу Волги. Фронт опять приближался. И скоро ребята узнали из сообщений Совинформбюро, что Ворошиловград и Краснодон заняли фашисты.

Здесь в поселке ребята провели несколько недель. За это время существенно изменился состав группы. Обновлены экипировка, вооружение. Заменена даже радиостанция. Были получены и подогнаны парашюты. Оставалось только сесть в самолет и лететь, но команда все не поступала.

Утром 23 августа 1942 г. братья с товарищами на лодке переправились через р. Ахтуба и углубились в огромный сад. Всех поражало обилие крупных плодов на деревьях. Это видение никак не вязалось с грохотом бомбардировок, который с самого утра почти непрерывно доносился со стороны города. Это немецкая авиация бомбила Сталинград. Только вечером, возвратившись с прогулки, они увидели во дворе дома, где проживала их группа, грузовую автомашину. Все снаряжение было уже погружено. Партизанская группа в составе десяти бойцов: пять коммунистов и пять комсомольцев (из них две девушки) сели в машину и выехали за поселок на аэродром. Наконец-то наступил тот день и час, которого ребята так долго ждали, к которому так долго готовились. На аэродроме они получили все необходимое снаряжение, радиостанции, оружие и продовольствие, подогнали парашюты ПД-10У и в полном снаряжении построились у самолета. На каждом по два парашюта, оружие, боеприпасы, запас продовольствия. Ноги едва выдерживали такой груз. У братьев на груди вместо запасных парашютов радиостанция и блок электропитания, смонтированные в двух упаковках. Не забыли и о традиции: под крылом самолета на плащ-палатках накрыли стол и угостили пилотов.

Проводить группу приехал на легковом автомобиле начальник штаба партизанских отрядов Украины Т.А. Строкач. Тимофей Амвросиевич пожал каждому руку, сказал напутственные слова, и группа разведчиков-диверсантов поднялась в двухмоторный ЛИ-2. Все разместились на сиденьях вдоль борта. Было неудобно – за спиной мешали парашюты.

Уже почти стемнело, когда самолет оторвался от земли и стал набирать высоту. Внизу горел Сталинград, который почти непрерывно бомбила фашистская авиация. Сплошное море огня. Горели даже камни. В тот день немцы осуществили самую мощную бомбардировку города-героя. Пролетая над ним, Василий Левашов вспомнил своих товарищей, с которыми еще прошлой зимой учился в ремесленном училище и работал на тракторном заводе: «Где они теперь в горящем городе? Живы ли?»

Через час на большой высоте перелетели линию фронта, она обозначилась горящими селами и станицами, вспышками осветительных ракет, разрывами зенитных снарядов вокруг самолета. Потом все вдруг успокоилось и самолет в крошечной темноте полетел над оккупированной территорией. Сидели молча, потому что из-за шума двигателей разговаривать было трудно. Время шло. Клонило ко сну, и, чтобы его разогнать, начали петь песни, стараясь перекричать монотонный шум двигателей. Для братьев это был первый полет в их жизни, а впереди еще и первый прыжок с парашютом, да еще в неизвестность ночного неба, и первая встреча с врагом.

«Приближаемся к намеченному рубежу. Все мысли – о том, как

пройдет выброска. *Ведь никто из нас никогда не прыгал с парашютом*, даже не летал самолетом. Правда, в Воронеже нам объясняли устройство парашюта, подвешивали каждого на лямках, разъясняли, как им манипулировать, чтобы приземление, в случае сильного ветра, произошло лицом вперед», – вспоминал Василий Иванович Левашов. (Отвечая на удивленные реплики сослуживцев, друзей, которые так же, как и он, воевали на фронтах Великой Отечественной войны, прошли через страх, муки и ад этих военных лет, но остались живы, Василий Иванович всегда тихо говорил: «Верится с трудом, но так было.»)

Самолет подходил к намеченной точке и стал снижаться до высоты 800 м. Последовала властная команда инструктора: «Приготовиться!» Все встали, поправили прикрепленный груз, парашюты и по пять человек выстроились у обеих дверей. Сергей стал первым у правой двери, а Василий вторым у левой. По команде инструктора: «Пошел!» – бойцы один за другим покинули самолет, проваливаясь в бездну.

Трудно было преодолеть этот барьер. Только усилием воли ребята заставили себя шагнуть за борт самолета в мрак неизвестности. Напряжение было такое, что Василий почти не ощутил никакой боли от динамического удара в момент раскрытия парашюта, только ясно услышал громкий хлопок и увидел над собой большой квадратный светлый купол. Небо было безоблачным. Немного успокоившись, он осмотрелся и в свете луны насчитал еще девять таких же куполов. «Прав был инструктор. Все парашюты раскрылись», – подумал он.

Тишина, спокойствие. Слегка покачивало на ремнях парашюта. Никакого движения. Но это так казалось. Когда внизу стали явственно различаться копыны на скошенном поле, стало заметно, как быстро приближалась земля. Сильным ветром парашют отнесило в сторону. Едва Василий развернул с помощью ремней себя лицом в ту сторону, куда несло ветром, как ощутил удар ногами о землю, который оказался намного сильнее, чем ожидалось. Он тут же мгновенно развернулся всем телом и свалился на спину. Ведь на груди рация, ее надо было уберечь от удара.

«Нас было десять человек: Коба – командир группы, Борбут, Поляков, Головка и еще один из числа старших, фамилия которого забылась, а также пятеро нас, восемнадцатилетних: диверсант Кузнецов Володя, девушки-разведчицы Валя и Клава (их фамилий никто не знал) и мы, радисты Сережа Левашов и я...» – вспоминал Василий Иванович Левашов.

Все приземлились благополучно, только боец Поляков подвернул ногу и сильно хромал, а Сергей Левашов потерял кепку, но главное – не повредили рацию. Ребята запомнили и сделали, как их учил инструктор еще в Воронеже: при встрече с землей падать нужно на спину или бок, но только не на грудь.

Ветром всех разбросало, поэтому собирались в группу больше часа. Командир (кличка Коба, учитель из Ворошиловградской области) светил фонариком, указывая место сбора. По его распоряжению ножами изрезали купола парашютов, зарыли в землю и всей группой стали искать грузовой контейнер. Но в радиусе приземления группы его обнаружить не удалось. А время шло. Приближался рассвет. Пора уходить в укрытие. Пройдя около 3 км, обнаружили на возвышенном участке глубокие траншеи, вырытые в кукурузном поле, в них и укрылась ДРГ, чтобы пересидеть длинный летний день.

На рассвете осмотрелись: недалеко в низине увидели небольшую деревушку, а в 4 км – село, которое располагалось на возвышенности и хорошо просматривалось. В центре этого села на куполе церкви виднелся надутый, словно парус, белый купол грузового парашюта группы.

С потерей ценного груза пришлось смириться. Целый день бойцы сидели в окопах, не зная своего местонахождения, ведь точность заброски самолетом в ночное время допускалась в окружности радиусом 40 км. У командира была топографическая карта, но необходимо было узнать от местных жителей название села, района, найти их на карте и, привязавшись к местности, определить маршрут дальнейшего движения в район поближе к г. Красный Лиман, в котором группе предстояло действовать.

С наступлением темноты командир группы направил разведчицу Валу в деревню с заданием узнать название ближайшего села, района, области, но отправил ее одну, без боевого обеспечения и прикрытия, что вызвало у братьев некоторое удивление (в разведшколе их учили не так). Местность незнакомая, темно, ни дороги, ни тропинки, легко было заблудиться на обратном пути. Так оно, вероятно, и случилось. Валя не вернулась. Братья Левашовы просились у командира послать их на встречу девушке, но тот был решительно против.

Глубокой ночью с болью в сердце, не дождавшись своей разведчицы, группа покинула свое укрытие и пошла на юго-запад. Пройдя около 10 км, бойцы остановились на подходе к большому селу.

Необходимо было срочно уточнить местонахождение и разведать обстановку, поэтому командир не стал рисковать второй девушкой, а послал разведчика Владимира Кузнецова и физически самого сильного бойца группы Сергея Левашова. Ребята, проверив готовность оружия, осторожно подкрались к окраине села, но ничего подозрительного не обнаружили. Кругом ни души. Не слышно даже лая собак. Не создавая шума, разведчики направились в центр села. Действовали они осторожно, не замечая времени, и бойцы группы уже стали волноваться. Но все вокруг было тихо, ни одного выстрела. У здания управления юные разведчики увидели спящего полицая, которого быстро, без шума

обезоружили, заткнули рот, связали за спиной руки и перед самым рассветом приволокли в лесопосадку к своей группе...

Наконец-то советские диверсанты узнали, что находятся на территории Боровского района Харьковской области в 50 км от района предназначения. Теперь уже группа двигались не вслепую, а по намеченному маршруту общим направлением на железнодорожный узел Красный Лиман, который имел не только важное стратегическое значение, но и рядом с городом в 10-15 км располагались мосты через р. Северский Донец.

Местность на пути движения ДРГ была равнинная. Крутом либо скошенные поля, либо еще не убранные кукуруза и подсолнечник, поэтому передвигаться группа могла только в темное время. А перед рассветом бойцы выбирали укрытие и находились там до наступления темноты.

Первым местом дневного укрытия во время перехода послужило подсолнечное поле. Расположились бойцы в подсолнухах рядом с лесопосадкой, вдоль которой проходила проселочная дорога.

На следующий день в 8-00 часов утра был первый самостоятельный сеанс радиосвязи. Командир группы продиктовал текст, и ребята его зашифровали. Потом братья быстро развернули радиостанцию, по подсолнухам разбросали антенну и попытались установить связь с Центром, но никак не получалось. Только когда время сеанса подходило к концу, Сергей, наконец, услышал свои позывные. Оказалось, что их давно слышали. Сказалось отсутствие опыта. Ребята все же успели передать в центр свою первую зашифрованную радиограмму, были счастливы, поздравляя друг друга. А Центр узнал, что группа жива и действует.

Во второй половине дня двое разведчиков остановили на проселочной дороге мужчину, едущего на велосипеде. Разузнали все, что интересовало командира, и отпустили с наказом о встрече с ними не болтать. Велосипедист слово сдержал. Погони за группой не было.

Так началась партизанская жизнь. Днем отдыхали, скрываясь в лесопосадке, кукурузном или подсолнечном поле. Ночью, обходя населенные пункты, двигались дальше по маршруту, который знал только командир, к интересующим объектам. Это было нелегко, так как каждый боец был основательно нагружен. Особенно братья Левашовы. Ведь они несли еще и радиостанцию, вес которой не уменьшался. Кроме того, движение группы сдерживал прихрамывающий Поляков. Во время ночных остановок уходили и возвращались разведчики, собирая информацию, отлучались по заданию подрывники, а Левашовы передавали в центр зашифрованные радиограммы. Особенно Центр интересовала железная дорога Красный Лиман – Купянск, по которой шли постоянно воинские эшелоны с техникой, горючим и войсками в направлении Воронежа.

Настроение у всех было боевое. Удача пока сопутствовала советским разведчикам. Группа, выполнив поставленную задачу, быстро меняла место дислокации. Но выполнять новые приказы становилось все сложнее.

29 августа 1942 г. партизаны совершили длительный ночной переход по степной равнинной местности, но рассвет застал группу в 3-4 км от леса. Пришлось свернуть в сторону и укрыться в ближайшем подсолнечнике. Устроились на отдых, выставив охранение. Пока сохранялась утренняя прохлада, все спали, но к полудню стало сильно припекать солнце. Все проснулись, хотелось пить, но воды ни у кого не было. Фляги опустошили еще ночью во время перехода, а по дороге не попалось ни одного ручья или колодца. Тогда командир взял ведро и вместе с Борбутом и еще одним бойцом-коммунистом отправился в поисках колодца. Наступил вечер, а трое партизан так и не вернулись. Все уже выспались. Стало появляться беспокойство за их судьбу.

В 19-00 часов Левашовы, развернув радиостанцию, стали передавать в Центр очередную зашифрованную радиограмму, текст которой еще до ухода за водой продиктовал им командир. Когда в эфир ушли последние сигналы и братья стали упаковывать рацию, партизаны слышали чужие голоса и топот ног. Говорили то на украинском, то на немецком. Прислушались к разговору и с их слов поняли, что троих разведчиков, ушедших добывать воду, схватили. Теперь враги окружали участок подсолнухов, где расположились оставшиеся члены группы, и рассчитывали захватить их живыми. Партизаны поняли, что окружены. Затем со всех сторон стали раздаваться одиночные выстрелы. Из отрывочно подаваемых команд бойцы группы поняли, что совместно с немцами их атакуют и полицай, которые время от времени кричали, предлагая партизанам сдаться в плен.

Братья Левашовы быстро уничтожили шифровальные записи. Осталось выполнить последний пункт инструкции - взорвать радиостанцию. Оставшиеся бойцы группы живыми сдаваться не собирались. Слева от Василия залег Володя Кузнецов и жестом показал, что надо стреляться. В этот момент ребята реально ощутили, насколько жалко расставаться с жизнью в восемнадцать лет. Но еще больше огорчало то, что никто и никогда не узнает, где и как они погибли. По радио не сообщить. Вечерний сеанс связи только что окончен, до утреннего в такой ситуации еще надо дожить, а на это шансов мало.

Окружившие партизан враги снова стали предлагать сдаваться. Но теперь уже каждого бойца стали называть по имени или фамилии. У командира была записная книжка с нашими именами. Было ясно, что это оттуда. У многих бойцов мелькнула мысль, что трое схваченных их товарищей тоже здесь, их ведут под конвоем и хотят воспользоваться, как живым щитом.

Оставшиеся разведчики-партизаны сидели в подсолнечниках тихо и слышали, как к ним все ближе и ближе приближаются вооруженные враги.

Братья попрощались друг с другом и достали пистолеты. Но в этот момент по цепочке тихо передали приказ заместителя командира коммуниста Полякова: «Приготовить автоматы и гранаты. Как только стемнеет, будем с боем пробиваться.»

Команда командира подействовала отрезвляюще. Растерянность как рукой сняло. В самом деле, зачем стреляться, не израсходовав боеприпасы, не причинив врагу урона. Фашисты хоть и догадывались, что партизаны где-то в подсолнухах, но не знали точно где и, судя по их нерешительным действиям, опасались открытого боя с бойцами группы. Все приободрились, стали готовиться к бою и ждать команды.

Командир шепотом отдавал нужные распоряжения. Наконец наступили сумерки. Поляков демонстративным жестом, показывая всем, вставил взрыватель в гранату и перевел ее в боевое положение. Все остальные мгновенно последовали его примеру.

Когда фашисты приблизились совсем близко, все разведчики по его примеру быстро вскочили и гранаты полетели в сторону врага. Еще не успели отречь взрывы, как раздались автоматные очереди бойцов ДРГ. А когда прекратили стрельбу, то на какой-то миг наступила зловещая тишина, которую нарушил душераздирающий крик раненого фашиста. Затем к нему присоединился второй, третий... Одни враги громко кричали и вопили, другие глухо стонали. У немцев и полицаяв произошло замешательство. Этим воспользовались бойцы и по команде Полякова быстро побежали в сторону, противоположную той, откуда доносились стоны раненых врагов.

Последним отходил Василий Левашов. Он должен был подорвать радиостанцию, как только товарищи начнут отход. Василий отполз в сторону, бросил гранату в рацию и тут же прижался к земле, чтобы не задело осколками, и в этот момент увидел бегущего рядом брата.

«Ложись!» - крикнул Василий, и Сергей рухнул на землю рядом, а вслед за этим разорвалась граната. Осколки со свистом пролетели над спинами. Не задело. Они быстро поднялись и помчались догонять своих.

Враг не ожидал встретить такой отпор и все еще молчал. Это затрудняло ориентировку: ребята могли попасть в засаду.

Пока пробирались в подсолнухах, Василий в темноте не видел, кто бежит впереди. Он был абсолютно уверен, что следует за братом, но когда взошла луна и стало чуть светлее, то с удивлением обнаружил, что впереди не Сергей, а Володя Кузнецов и еще двое партизан – Поляков и Головки. Не было разведчицы Клавды и Сергея Левашова. Они остановились, чтобы сориентироваться, передохнуть и дождаться своих. Кругом обманчивая

тишина. Разведчики знали, что где-то рядом засада, и не одна, но враги были напуганы дружным ударом партизан и боялись обнаружить себя. Совещаясь, бойцы заметили погоню, открыли стрельбу по преследователям и стали отходить в лес. Когда до него оставалось меньше километра, они услышали за спиной одиночные выстрелы и автоматные очереди. Перетрусившие каратели осмелели и решили пострелять вдогонку разведчикам ради своего оправдания. Ребята огрызнулись короткой автоматной очередью и вошли в лес. Каждый тогда подумал, что кто из оставших двоих разведчиков в темноте попал в засаду врага.

На окраине леса бойцы легли на землю и, всматриваясь в сторону, откуда пришли, еще надеялись, что кто-нибудь из своих еще появится. А там, где произошла схватка с карателями, творилось что-то непонятное. Разразилась перестрелка, взвились в небо осветительные ракеты. Возможно, каратели, в темноте все перепутав, палили друг в друга. Долго еще продолжалась эта стрельба в подсолнухах, а разведчики все лежали на окраине леса и всматривались в освещаемое полной луной поле. Но никто так и не появился.

Это произошло на поле колхоза «Новз Життя» («Новая жизнь») недалеко от села Александровка Краснолиманского района Донецкой области (ДНР) в 30 км от г. Красный Лиман. Группа разведчиков-диверсантов, которую готовили более трех месяцев, просуществовала всего пять суток, так и не дойдя до района, в котором по планам командования должна была действовать, и не выполнив поставленной боевой задачи. (К сожалению, такова участь была не только этой одной ДРГ. Согласно документам Штаба партизанского движения, смертность среди заброшенных в тыл противника разведывательных групп составляла 93%. Только на Украине с начала войны и до лета 1942 г. НКВД было подготовлено, оставлено или заброшено для действий в тылу 1 565 партизанских отрядов и групп общей численностью 34 979 человек, а к 10 июня 1942 г. на связи осталось всего 100 групп.)

Только поздно ночью разведчики углубились в лес, нашли ручей и долго утоляли жажду. В составе группы осталось только четверо. Без командира, карт, рации, боеприпасов, продовольствия они способны были лишь на то, чтобы присоединиться к другой партизанской группе или отряду. С этой надеждой бойцы шли по лесу, который оказался не таким уж дремучим. К утру они вышли на берег р. Оскол, впадающей в р. Северский Донец, и здесь устроили привал. Неширокая, хорошо просматриваемая полоса леса шла по берегам этих рек. Трое суток бродили бойцы по этому лесу, передвигаясь только ночью, так как днем сразу были бы замечены. На третий день ДРГ вышла к р. Северский Донец и уже в светлое время, не таясь, пошла по берегу. По пути разведчики встретили паренька лет тринадцати,

который охотно отвечал на все вопросы, внимательно рассматривая автоматы ППП на груди у бойцов. От парнишки они узнали, что находятся недалеко от г. Красный Лиман Донецкой области, который менее двух месяцев назад 8 июля 1942 г. был оккупирован германскими войсками.

За эти три дня голодных скитаний и поисков советских партизан они так никого и не встретили. И лишь после войны стало известно, что в этом районе действовал Славянский партизанский отряд, носивший оперативное название «Отряд „К“», под командованием героя гражданской войны М.И. Карнаухова, который с октября 1941 г., имея базу в Лиманском лесу, громил врага по берегам р. Северский Донец, устраивая налеты на немецкие транспорты. Партизаны разгромили полевой лагерь фашистов, немецкие гарнизоны и заставы в с. Пришиб, с. Маяки, с. Большая Ереховка, с. Красный Яр вблизи г. Изюма, где уничтожили до 100 гитлеровцев и их пособников. При разгроме штабного обоза врага, который следовал в Славянск, партизаны захватили важные документы, которые были переданы через линию фронта командованию Красной Армии. И только в мае 1942 г. после массированных бомбежек партизаны оставили свой район, перешли линию фронта и отошли вместе с частями РККА. Но в сентябре 1942 г. реорганизованный отряд под командованием М.И. Карнаухова снова перешел линию фронта и более трех месяцев успешно наносил удары по немецким гарнизонам в районе Славянска и Красного Лимана. В декабре 1942 г. небольшая группа партизан во главе с командиром была захвачена немцами в плен, и в январе 1943 г. в с. Новоселовка Краснолиманского района их расстреляли. Местные жители тайно похоронили «Батю» на опушке леса, а через год партизаны из «Отряда „К“» торжественно перезахоронили своего командира в г. Славянске.

(Василий Иванович Левашов так и не узнал, что знаменитый командир партизан Краснолиманского района Михаил Иванович Карнаухов в начале 1930-х гг. был директором Амвросиевского цементного завода и одновременно преподавал военное дело в местной школе фабрично-заводского ученичества в городе, где он родился и рос. Зато Михаила Ивановича хорошо знал его отец и дядя, Петр Гаврилович Антифеев.)

Передвигаясь по лесу вдоль берега, оставшаяся группа разведчиков вышла к железнодорожному мосту через р. Северский Донец на линии Красный Лиман – Славянск. Совсем недавно здесь проходила линия фронта. Вблизи моста они обнаружили просторную землянку, построенную советскими бойцами, в которой и расположились. Невдалеке еще сохранились некоторые оборонительные сооружения. Стали думать, как быть дальше. Благоразумие подсказывало, что оставаться в этой полоске леса бессмысленно, партизан они не нашли, связи с местными жителями

нет. Старшие, коммунисты Поляков и Головки, решили выходить из леса, переходить на легальное положение и идти дальше в Донбасс, а если представится возможность, присоединиться к партизанам или подпольщикам. Кузнецову и Левашову оставалось только подчиниться.

На противоположном берегу виднелось село, но железнодорожный мост был взорван. После отдыха и раздумий разведчики решили переправиться на противоположный берег Северского Донца и в ближайшем же селении появиться легально. В полуразрушенном блиндаже у моста партизаны спрятали оружие и все, что могло выдать членов группы при встрече с оккупантами или полицией. Продумали и разработали легенду о том, как они здесь оказались, откуда и куда идут. Оставалось переправиться на противоположный берег.

Можно было перейти реку по разрушенному мосту, но подходы к нему были заминированы. Оставалось только переплыть, но не все умели плавать. Продвигаясь вдоль берега, на противоположном берегу Володя Кузнецов увидел притопленную лодку, а так как Левашов умел хорошо плавать, то его послали ее осмотреть. Василий переплыл реку, столкнул наполовину заполненную водой лодку с мели и, подталкивая ее, направил к месту стоянки группы. Общими усилиями бойцы перевернули ее вверх дном, закопали отверстия и спустили на воду. Убедившись, что лодка не тонет, они сели в нее вчетвером и ладонями стали грести к противоположному берегу.

Оружия с ними больше не было, и теперь самым главным для разведчиков должна была стать выдержка и смекалка. Они поднялись на противоположный высокий берег и по железнодорожному полотну направились к видневшемуся впереди селу. Пошел дождь и изрядно их вымочил.

Уже темнело, когда бойцы вошли в село, все же надеясь, что пройдут незамеченными, но вдруг услышали чей-то окрик. Мужской голос требовал, чтобы они остановились. Все повернулись и увидели человека в штатском, который бежал в их сторону. Когда окликнувший подбежал, разведчики обнаружили, что он вооружен винтовкой, а на рукаве – белая повязка. Василий не сразу сообразил, что перед ним «живой» полицейский, настоящий предатель, изменник Родины, который прислуживал оккупантам. Бойцы подошли вплотную и стали вокруг него. Четверо, а он один. Винтовку с плеча ему не снять. Ждали команды.

Полицейского интересовало, кто они такие, как оказались в селе, откуда и куда идут. Но Поляков раньше других понял, как следует вести себя в случае, если принято решение легализоваться, и уже вступил в разговор с полицейским, рассказывая тому выдуманную легенду. Остальные стояли рядом и слушали их.

Выслушав старшего, полицейский потребовал документы, но их у

бойцов, конечно, не было. Тогда он заявил, что задерживает всех как подозрительных до утра и будет держать под охраной до прибытия инспектора полиции из г. Славянска, который должен их проверить. Повернувшись спиной к разведчикам, полицейский направился к ближайшим домам. Поляков за ним. Остальные, явно не желая, тоже. Пришлось входить в новую роль, как договорились раньше, хотя такой поворот судьбы их несколько встревожил. Немного поразмыслив, они все же пришли к выводу, что никакого провала пока нет. При переходе на легальное положение подобной ситуации все равно им не избежать, надо только держаться спокойно и ничем себя не выдавать.

Через несколько минут полицейский привел разведчиков в дом одинокой женщины, в котором им предстояло провести ночь. От хозяйки узнали, что село носит название Райгородок, а в нескольких километрах от него находится г. Славянск. По знакомым названиям Василий понял, что это уже Донецкая область, а отсюда совсем недалеко и до Ворошиловграда.

Вскоре слух о «пришельцах из-под Воронежа» быстро распространился по селу, и в комнате, где их разместили на ночь, собрались женщины разных возрастов из соседних домов. У каждой кто-нибудь из близких сражался в Красной Армии. Они пришли расспросить, не приходилось ли ребятам встречать их родственников. Ведь разведчики выдавали себя за людей, мобилизованных на строительство оборонительных сооружений под Воронежем, а с приходом в те места немецких войск возвращаются к себе домой в Донбасс.

Женщины пришли не с пустыми руками. Каждая принесла хоть что-нибудь из еды. Это было более чем кстати, ведь бойцы трое суток ничего не ели, лишь изредка жевали едва съедобную зелень. Сердобольные женщины кормили молодых мужичков и расспрашивали каждая о своем. Полицейский в комнате не было. Он караулил во дворе, как бы не сбежали задержанные, поэтому бойцы тоже постарались узнать от женщин побольше об особенностях жизни на оккупированной территории, чтобы не попасть впросак при встрече с полицейским инспектором на следующий день. В этот вечер о бегстве они не помышляли.

Впервые за много дней ночь прошла спокойно. Бойцы спали мертвецким сном в доме на полу, на соломе, да еще под охраной полицейского, и только утром, надевая свои пиджаки, по едва заметным признакам догадались, что в их карманах побывала чья-то рука. Но это был напрасный труд: там ничего компрометирующего не было.

Утром, когда бойцы уже встали, в дом снова пришли женщины. Их собралось еще больше, чем вчера. Некоторые из них снова принесли еду. Затем начались расспросы о событиях на фронте, рассказы о

нелегкой жизни на оккупированной территории, где фашисты хозяйничали уже год, угоняя молодежь в Германию.

В разгар оживленной беседы вошел инспектор полиции из Славянска. Он рассчитывал произвести ошеломляющий эффект своим внезапным появлением, но этого не получилось. Его просто не заметили. И он какое-то время молча наблюдал за всем происходящим. Когда его заметили, все сразу умолкло и повернулось к нему. Инспектор строгим голосом спросил ребят, не партизаны ли они, но только Поляков собрался ответить, как его опередила одна из женщин, которая встала на их защиту. Тут же, не сговариваясь, ее поддержали и другие. Эта неожиданная поддержка сразу разрядила обстановку и подействовала на полицейского инспектора, который уже иным тоном, переходя на шутку, не стал задерживать ребят (хоть проверка должна была занять две недели), разрешил отдохнуть и идти дальше. К тому же он назвал свою фамилию и предупредил, что в пределах Славянского района ребят никто не задержит, потому что их проверил «сам» инспектор полиции.

Разведчикам очень повезло, хотя они никак не могли понять, почему инспектор был к ним столь милостив и что за этим скрывалось. Но фамилию полиция запомнили. Вначале они удивились, что их так просто отпустили, но по распоряжению Полякова не стали торопиться уходить, чтобы не вызвать подозрений и убедить полицейских в своей легенде, демонстрируя полное спокойствие. Только после полудня все вместе отправились в путь.

Шли по открытой проселочной дороге вдоль правого берега Северского Донца, на которой часто попадались села. Вскоре на левом берегу, где был сплошной лес, появилась вооруженная группа людей. Их можно было принять за партизан, если бы один из них не прокричал, требуя остановиться. Переправившись на лодке, четверо полицейских потребовали документы, но услышав от Полякова, что их проверил инспектор славянской полиции, тут же сменили тон и отпустили бойцов, разрешив им идти дальше.

В ближайшем селе последний раз разведчики отдыхали вместе. Дальше решили идти по-одному, чтобы не привлекать внимания полицейских. Перед расставанием, обращаясь ко всем, Поляков сказал: «Действовать группой нам больше не придется. Каждый в отдельности должен найти партизан или подпольщиков и присоединиться к ним. Кто не сможет этого сделать, пусть переходит линию фронта и возвращается в штаб. Желаю всем удачи.»

Левашов дал Володе Кузнецову адрес проживающих в Краснодаре родителей, пригласил его зайти по пути движения к линии фронта и первым, распрощавшись, покинул товарищей.

Василий решил идти на восток, в сторону фронта, но вначале зайти в Краснодар, до которого оставалось около 200 км. Идти одному было,

действительно, удобнее. Меньше подозрений. Теперь Левашов шел по территории Донбасса, зная названия городов, их взаимное расположение. Это позволяло, не прибегая к посторонней помощи, избирать наиболее короткий маршрут. И если в составе партизанской группы он передвигался только ночью, а весь длинный день отсиживался в укрытии, то теперь все было наоборот. На ночь он просился к кому-нибудь из местных жителей на отдых, а ранним утром отправлялся в путь, преодолевая за день гораздо большее расстояние.

Одинокий путник внимания не привлекал, но трудности все же оставались. Главные из них – еда и ночлег. Еду приходилось просить у местных жителей, которые и сами жили впроголодь, да и стыдно молодому здоровому парню. Еще сложнее было с ночевкой. Жителям оккупированных областей запрещалось принимать на ночлег посторонних без разрешения полиции. Но главным беспокойством Василия оставался все-таки брат Сергей, неизвестность его судьбы. Что он скажет его родителям, когда придет в Краснодон? В своих предположениях он больше склонен был считать, что Сергей при выходе из окружения наткнулся на вражескую засаду и в перестрелке погиб. Ведь уже после того, как группа добралась до леса, в подсолнухах возобновилась стрельба, взвивались в небо осветительные ракеты.

Однажды днем, проходя по единственной улице маленькой деревни, Василий зашел в небольшой дом почти на окраине и постучал в дверь. В доме была молодая женщина с девочкой лет шести. Она приветливо улыбнулась, когда тот вошел. Левашов, глядя в ее большие голубые глаза, никак не мог произнести то, ради чего зашел. Но деваться некуда, и он попросил хлеба. Лицо женщины сразу же изменилось и стало строгим. Она стала корить его, что они, мужики, вместо того чтобы их защищать, бросили на немцев, а сами ходят и еще просят у них же хлеба. Сраженный ее справедливым упреком, Василий невнятно пробормотал извинения, с опущенной головой вышел из дома и медленно побрел прочь. Горько, очень горько было слышать эти слова, но они были справедливы. Уже за деревней он услышал детский голос и, обернувшись, увидел бежавшую к нему маленькую девочку. «Возьмите, мама сказала!» - и она вложила в ладонь парня большой кусок хлеба. Вложила и тут же убежала. Более дорогого куска хлеба Василий Иванович Левашов за всю свою долгую жизнь в руках не держал...

Шел он быстро и на четвертый день, 5 сентября 1942 г., в полдень с возвышенности увидел свой родной город, знакомые места. Сердце учащенно забилося. Здесь как будто ничего не изменилось. Внешне все выглядело по-старому, но этого нельзя было сказать о людях. Они стали

осторожными, замкнутыми. Уже в Краснодаре Василия Левашова поразило зрелище, когда навстречу ему двое фашистов с оружием вели местного жителя со связанными руками. Он не знал, кто это, но предположил, что коммунист, советский патриот. По законам конспирации, как их учили, необходимо было вначале зайти к кому-нибудь из знакомых и узнать о судьбе своих близких, но по дороге Василий, еще издали всматриваясь в каждого встречного, не встретил никого, кто мог бы об этом знать. Какая-то неведомая сила влекла его к своему дому.

Еще издали он увидел во дворе маму и сразу же попал в ее объятия. Тут же появился и отец. Радуюсь встрече, обнимая и успокаивая родителей, Василий в то же время мучительно думал, что скажет им о Сергее, ведь они в последнее время были всегда вместе. Он был почти уверен, что Сергей погиб при выходе из окружения, но об этом пока рассказывать не собирался. На всякий случай он уже придумал свою версию, как их разлучили. И когда мама сказала, что ждут его уже три дня и замучили Сергея вопросами, с трудом скрыл радостное волнение. Тяжелейшая ноша была сброшена с плеч.

К родственникам за Сергеем послали младшего брата, предупредив, чтобы ничего не говорил о возвращении Василия. 15-летний Анатолий и раньше недолюбливал двоюродного брата, потому что мама постоянно ставила «этого отличника» в пример Василию и ему, а после его возвращения в Краснодар, да еще с нелепым рассказом, в который верилось с трудом, о том, как и где они расстались с Василием, в их доме воцарилась тревожная атмосфера. По ночам он слышал, как родители долго тихонько о чем-то переговаривались, мама плакала, а отец старался ее успокоить, хотя и сам не находил себе места в течение этих долгих трех суток и все у него валилось из рук. Но сейчас Толя понимающе кивнул и умчался выполнять поручение.

Сергей не мог отказать в просьбе тете Марусе. Отложив все дела, он вместе с младшим братом направился к ним домой. Три дня назад он заверил своих родственников в скором возвращении Василия и теперь шел как на пытку, предвидя новые расспросы.

Когда Сергей с сосредоточенным лицом и каплями пота на лбу от «предстоящего допроса», немного согнувшись, просунул голову в дверь и увидел за столом Василия, который доедал свой обед, то растерялся, не веря своим глазам. Неожиданность была полная. Ребята впервые по-мужски обнялись, а потом долго рассказывали друг другу о том, как возвращались в Краснодар после расставания в поле, когда были окружены фашистами. Впервые братья поняли, как много значат друг для друга.

Когда они остались одни, первым прорвало Сергея. Когда он пришел в Краснодар, то впервые соврал всем, ответив на вопрос: «Где Василий?»

– что он скоро придет, хотя сам был уверен, что брат и остальные члены группы, попав в засаду, погибли на колхозном поле у села Александровка. Только его мама не поверила и знала все, а отец, дядя Ваня и, особенно, тетя Маруся с нетерпением ждали возвращения Василия. Его страшно мучила совесть, и при расспросах он не мог смотреть Марие Гавриловне в глаза. А она, по-матерински понимая, что что-то произошло с ее сыночком, отказывалась верить самой себе, молилась и старалась, работая по дому и во дворе, отогнать все страшные мысли, которые преследовали ее и днем, и ночью. Сергей впервые почувствовал, как болит его молодое сердце, и никак не мог простить себе самому физически сильному члену разведгруппы, что оставил своих братьев-товарищей, в том числе и Василия, погибать на поле боя. «Неужели струсил?» – эта мысль постоянно в течение всех этих дней преследовала его.

Из длинного сбивчивого рассказа двоюродного брата Василий узнал, что Сергей отстал от группы сразу же, как только все побежали к лесу за Поляковым. Дыхание сбилось, он остановился и перешел на шаг, осторожно, не создавая шума, пробираясь в высоких подсолнухах. Но он был еще выше (рост 184 см, размер обуви – 46). Пришлось передвигаться ползком. Когда он достиг края подсолнечного поля, взошла луна, и он сразу увидел лес. Несколько минут лежал, прислушиваясь. Никаких подозрительных звуков. Сергей поднялся в полный рост и быстрым шагом устремился к лесу, на подходе к которому услышал стрельбу. Где-то в оставленном районе раздавались автоматные очереди, взвивались в небо осветительные ракеты. Карателей что-то заставило встревожиться. «Вероятно, группа столкнулась с преследователями и ведет бой», – подумал он и стал быстрее пробираться глубже в лес, стремясь подальше уйти от места, где разведчики были окружены. А в это время отважная четверка лежала недалеко в стороне на опушке этого же леса и пристально во все глаза рассматривала поле подсолнечников в ожидании и с надеждой, когда из него выбегут отставшие бойцы.

Сергей хорошо запомнил поле совхоза «Новая жизнь», где была разбита их ДРГ, и географические координаты места последней их остановки. Передвигаясь по лесу, он постоянно думал, что делать дальше: «Присоединиться к партизанам или подпольщикам, но где их найти и как установить с ними связь?» Оставалось только одно: идти на восток, переходить линию фронта, а по пути зайти в Краснодар, узнать судьбу своих близких. Сергей, как и все разведчики, был одет в гражданскую одежду, поэтому он быстро придумал себе дежурную версию и, когда приблизился рассвет, вышел из леса и смело зашагал по проселочной дороге. Справа и слева то кукуруза, то подсолнечник, то скошенное поле, усеянное копнами снопов. На одну

из них Сергей присел отдохнуть, потом лег, положив ладонь под голову и уснул. Проснулся он не от шума. Чувство опасности подсказало: не время спать. Ощупал карманы. Пистолет на месте, записная книжка тоже.

На востоке занимался рассвет. Часы показывали около пяти. Сергей поднялся и пошел по дороге. Усталости уже не чувствовалось, но очень хотелось есть и пить. Он шел и готовился к открытой встрече с врагом, постоянно думая, как это произойдет, ведь документов у него нет. Выдавать себя за местного жителя было бессмысленно, потому что он не знал ничего о здешних местах. И Сергей решил говорить часть правды, что он житель Донбасса, который был в Харькове, а теперь возвращается домой. Он свернул с дороги и спрятал пистолет, но оставил свою записную книжку, в которой еще до войны начал вести личные записи. Конечно, о том, что связано с разведшколой и заброской в тыл противника, очень коротко и завуалированно, но при внимательном прочтении можно понять, кто автор этих записей, каковы его политические убеждения. Это был большой риск, о котором Сергей вскоре очень пожалел.

Впереди показалась повозка. Лошадьми правил пожилой мужчина. У него за спиной сидела средних лет женщина. У Сергея было много вопросов, но он прошел мимо, не поворачивая головы, хотя мельком заметил, что они рассматривали его, не скрывая любопытства.

Дальше дорога вела к селу. Час был еще ранний. На улице ни души. Лишь в одном дворе показалась женщина. В этот двор и завернул Сергей. Поздоровавшись, он попросил у хозяйки воды. Ответив ему на приветствие, женщина быстро поняла, что этому парню нужна не только вода, поэтому пригласила его в хату. Сергей никак не ожидал встретить такое радушие в оккупированном немцами селе. Он присел к столу и, с трудом скрывая голод, принялся за еду. Хозяйка налила молока, отрезала хлеба, а сама, наблюдая за ним, рассказала, что ее сын служил в Красной Армии, но где воюет и что с ним она не знала.

Только после ее рассказа о сыне напряжение, в котором находился Сергей, спало. Он ел и внимательно слушал хозяйку. А она говорила о горькой жизни при оккупантах, проклинала фашистов, особенно их пособников - местных полицаяв. Этот рассказ для молодого разведчика прозвучал как хорошая ориентировка на дальнейший путь. Он расспросил дорогу, поблагодарил за гостеприимство и отправился дальше.

Пожилая женщина указала кратчайшую дорогу к переправе на противоположный берег р. Северский Донец в направлении на Ворошиловград (Луганск). Путь предстоял не близкий - через Красный Лиман, Северск, Золотое, а там уже рукой подать до Краснодона, и Сергей Левашов уже открыто, избегая леса, в котором, по словам гостеприимной

хозяйки, немцы и полицаи-каратели устроили засады, пошел по проселочной дороге к переправе. По пути иногда встречались местные жители, которые с живым интересом рассматривали его.

В полдень впереди показался лес. Сергей догадывался, что это - узкая полоска леса вдоль р Северский Донец. Той реки, на берегу которой, только на 100 км ниже по течению, несколько месяцев назад он учился в разведшколе, а значит, скоро будет или мост, или переправа через нее. Но этот мост и река появились как-то сразу из-за поворота. У входа на него стояли два вооруженных полицаи и внимательно рассматривали Сергея. На другой стороне три немца чем-то занимались у орудия, не обращая никакого внимания на подходившего парня. Поворачивать и прятаться было уже поздно. И Сергей уверенной походкой, широким шагом пошел прямо на полицаев, охранявших мост. Каратели тоже не спускали с него глаз, но рассматривали его не с подозрением, а с интересом. Это придавало уверенности. Поравнявшись с ними, он чуть улыбнулся и учтиво поздоровался, чем снова удивил стражей немецкого порядка. Они поспешно, даже с какой-то долей почтения, ответили на приветствие и посторонились, чтобы пропустить Сергея. Не сбавляя темпа, молодой разведчик уверенно прошел мимо них и зашагал

Левашов
Сергей Михайлович

по мосту. Высокий, красивый, уверенный в себе парень не вызвал у полицейских никакого подозрения, поэтому его никто не окликнул и не остановил. А Сергей Левашов оправданием такого поведения врага посчитал отсутствие на голове кепки, которую он потерял во время прыжка. Все местные жители, в том числе и полицаи, имели головной убор, а к мосту подходил «высокий, городской пижон со стильной стрижкой», что явно не совпадало с представлением о партизанах у охранников моста. Может быть это и спасло молодого разведчика.

Обрадованный удачей, Сергей ускорил шаг, уже зная, что там, где лес, там каратели, а следовательно, надо идти по открытой местности, это не так привлекает внимание фашистских прихвостней. Дальше он двигался быстрее, нигде не останавливаясь надолго, питаясь придорожной зеленью.

К вечеру Сергей входил в небольшое село. Пора было подумать о ночлеге. Он вошел во двор ближайшего дома и попросил хозяйку пустить переночевать. Та ответила, что пустит, если Сергей принесет записку от полицейского с разрешением. Сергей подошел к дому, на который указала женщина, постучал и вошел. В комнате полицейского участка сидели два предателя.

Возрастом постарше - за столом, молодой - у окна на скамье. Сергей поздоровался и объяснил старшему цель прихода. Тот внимательно выслушал, задал несколько вопросов, а потом неожиданно приказал второму обыскать парня. Молодой полицейский поставил винтовку в угол и, с опаской глядя на крупную фигуру Сергея, приступил к обыску. Вначале запустил грязные руки в карманы брюк, затем обшарил пиджак, вытащил записную книжку и положил на стол. Это были личные дневниковые записи Левашова. Старший полицейский начал медленно ее листать и читать отдельные места. На одной странице он задержал свое внимание, шевеля губами и кряхтя. Сергей почувствовал себя на грани провала. Придуманная легенда могла быстро разрушиться. Он серьезно заволновался, его пробил холодный пот. Лево́й рукой Левашов стал выпирать пот на лбу и натянувшийся рукав пиджака оголил часть руки. В этот момент любознательный полицейский увидел там наручные часы. Они были уникальные, их выдавали перед заброской в фашистский тыл только радистам ДРГ. Об этом знала немецкая контрразведка, но не знали полицайи. Подонок оторвал голову от блокнота, и глаза его загорелись.

– Часы маешь (имеешь)? – произнес он, внимательно наблюдая за левой рукой Сергея, который мгновенно сообразил, кто перед ним, и решил использовать момент.

– Могу подарить! – сказал Левашов, демонстративно расстегнул ремешок и положил часы на стол. Тот быстро их взял, стал рассматривать, а блокнот придвинул к Сереже. Сделка состоялась, и его тут же отпустили с написанной каракулями запиской-разрешением на ночлег.

Жадность полицая в этот раз спасла Сергея от неминуемого ареста. Он вышел из полицейского участка, но, после пережитого, оставаться здесь не собирался. Записку на всякий случай положил в карман и направился по дороге на выход, считая, что лучше переночевать в поле, чем в этом селе. Ему не жалко было наручных часов, которые пришлось преподнести полицаяу в обмен на свободу, но очень неприятно было столкнуться с мерзостью.

Сразу же за селом Сергей свернул с дороги и присел отдохнуть в тени огромного сказочного дуба. Вспомнив о записной книжке, он подобрал сухую ветку, вырыл в земле, под деревом, неглубокую ямку, опустил туда свой дневник и засыпал землей. Интересы личной безопасности оказались превыше всего. И, пока было еще светло, стал быстро уходить подальше от этого села.

Было еще довольно тепло, поэтому Левашов больше не просился на ночлег в поселках и селах, а ночевал в открытом поле. И снова в путь домой, в Краснодар. Вскоре на его пути завиднелись терриконы заброшенных и неработающих шахт. Теперь, даже не расспрашивая встречных, Сергей мог воочию убедиться, что вступил на территорию Донбасса.

А в это время отважная четверка разведчиков трое суток искала советских партизан в Лиманском лесу...

До Краснодона было уже недалеко. Оставалось пройти около 10 км. Но вначале Сергей завернул в рабочий поселок шахты № 3-бис, который располагался по пути, и его невозможно было обойти. Ему необходимо было узнать, что происходит в Краснодоне, живы ли его родители и сестры.

В этом поселке прошло его детство. Здесь вместе с Леной Шитиковой и сестренкой Линой они играли в Чапаева, ходили на рыбалку, варили уху. Вокруг исхожена каждая тропинка, обследован каждый овраг. С волнением всматривался Сергей в знакомые места и вскоре увидел школу, в которой учился. Он осторожно обошел дом, где до недавнего времени жила их семья, отворил калитку, вошел в соседний двор, в котором было все ухожено и росло много цветов, поднялся по ступенькам и постучал в дверь.

На пороге его восторженно встретила Аня Карлова, которая схватила его за руку и сильным движением привлекла к себе, стараясь быстрее ввести в дом, подальше от чужих глаз. Она помогла умыться похудевшему и уставшему с дороги Сергею, выставила на стол все, что было в их доме из еды, ответила на все его вопросы и уложила спать на приготовленную в отдельной комнате постель. Узнав, что с родителями и сестренками, которые оставались в Краснодоне, все благополучно, они живы и здоровы, проживают в квартире по старому адресу, уставший физически, переполненный впечатлениями, молодой боец мгновенно уснул. Он спал крепким сном и проснулся, вопреки укоренившейся привычке, на следующий день только поздним утром.

2 сентября 1942 г., попрощавшись с Аней и ее мамой, Сергей уже через два часа увидел первые краснодонские постройки. Внешне город почти не изменился, потому что сдали его советские войска без боя. Вначале он решил побывать у родителей Василия и направился на улицу Пархоменко. Иван Иванович и Мария Гавриловна были дома. Ему обрадовались и встревожились одновременно, потому что знали, что ребята учились в Ворошиловграде вместе. Сергей, успокаивая свою тетю Марусю, не мог смотреть ей в глаза, потому что сам уже не верил в возвращение брата.

Домой на улицу Садовую он пришел вечером, когда стемнело. Вошел без стука и произвел переполох. Его появление вызвало бурю восторга, и встреча затянулась до глубокой ночи. Все с упоением слушали рассказы сына и брата, который старательно обходил то, о чем упоминать не полагалось. А когда сестры улеглись спать, мать строго спросила Сергея: «Так, где же Вася? Вы же на задание уходили вместе!» Этим вопросом она ввела Сергея в замешательство. Лидия Даниловна уже давно знала об этом от командиров и преподавателей школы радистов, которые при отступлении

случайно зашли в их дом и, увидев фотографии и похвальные грамоты сына, намекнули матери о деятельности братьев.

Сергей слушал маму и удивлялся такому совпадению. После этого стал откровеннее и рассказал все о последнем бое, о его предположении, что Василий погиб, и о том, что не решился об этом сказать его матери.

А за стеной их квартиры гулял со своими друзьями новый сосед-подоконник, невысокого роста с маленькими вечно бегающими глазами, полицай Мельников. Их пьяная ругань, песни, смех были хорошо слышны Сергею...

Все следующие дни оказались для Сергея вечностью, он не имел покоя, чувствовал себя так, словно был виновником гибели своего брата, но тете Марусе при встречах так и не рассказал о своих предположениях, хотя Лидия Даниловна ему настоятельно советовала честно признаться во всем. Все это время он старался какими-нибудь делами по дому отвлечь себя от грустных мыслей. И когда отец предложил ему заняться ремонтом двери в летнюю кухню, с радостью взялся за дело. Только он снял ее с петель, как появился Анатолий. Сергей понял, что это за ним. Не ожидая приглашения, он молча отложил инструмент, сказал что-то сестре Ангелине и направился за Анатолием, которому по пути не задал ни одного вопроса, так как был уверен, что его позвали на очередной «допрос». Сергей шел и обдумывал, как дальше вести себя, что в утешение сказать родителям Василия. Так что встреча с живым и здоровым братом для него была больше, чем награда.

Сергея рассказал также, что в Краснодоне создано гестапо, а из местных предателей организована полиция, но при этом он встретил много парней, которые не смогли эвакуироваться с предприятиями и учреждениями города, и бывший одноклассник Жора Арутюнянц приглашал к себе домой. Узнал Сергей и о том, что в городе действуют советские патриоты. Но кто они? То ли местные подпольщики, то ли приходящие из леса партизаны? В любом случае мысль о том, чтобы присоединиться к тем, кто уже действует в городе, казалась вполне реальной. Теперь вопрос о ближайших действиях братьев предстояло решать вместе.

Вскоре к Василию домой пришел Володя Кузнецов, которому он при расставании дал свой домашний адрес. Его покормили и уложили спать. На следующий день друзья-разведчики поговорили об обстановке, о возможных планах, но Кузнецов не захотел оставаться в Краснодоне, а пошел дальше на восток, надеясь перейти линию фронта. Да и братья к тому времени еще не определились в своих будущих действиях.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*Вперёд, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.
Смелей вперёд, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы - молодая гвардия
Рабочих и крестьян.*

А.И. Безыменский (текст песни)
«Вперед, заре навстречу» (1922)

Обстановка в оккупированном Краснодаре была тяжелой. Бездействовал водопровод, и воду приходилось носить из соседних деревень, преодолевая расстояние в несколько километров. Не подавалась электроэнергия, за исключением нескольких десятков домов в центре города, в которых размещались фашисты и их учреждения. Люди жили при лучинах, спички стали огромным дефицитом. Не было магазинов, больниц, поликлиник, не работали школы, почта, телеграф, радио и мн. др.

Официально власть в городе осуществлял бургомистр, назначенный фашистами из местных предателей. Он опирался на полицию. Но всей вражеской карательной машиной руководил жандармский пост. Оккупанты, опираясь на этот аппарат, под страхом смерти держали в повиновении местное население. В дополнение к этому они вели тонкую пропагандистскую работу и выпускали фальшивые советские газеты, в которых из сводки Совинформбюро извлекали две-три фразы и меняли их вымышленными, грубо искажая действительный смысл того, что на самом деле сообщали наши средства массовой информации. Так, фашисты старались сеять сомнения в правдивости сообщений Советского информационного бюро об обстановке на фронте. Но это никак не могло повлиять на патриотический порыв молодежи города.

Через несколько дней, успокоившись от пережитых волнений и встреч, братья Левашовы, Василий и Сергей, решили действовать вместе. Мысль о том, чтобы присоединиться к советским патриотам, которые действовали в городе, казалась им вполне реальной, поэтому вначале они решили навестить некоторых бывших одноклассников и узнать, как они настроены, что думают об обстановке, что собираются делать.

Сентябрьским утром они направились на окраину города в

Арутюнянц
Георгий Минаевич

небольшой частный дом, расположенный в очень уютном, утопающем в зелени месте, в котором проживала семья одноклассника. Еще в начале месяца при встрече в городе Георгий Арутюнянц пригласил Сергея к себе в гости. Жора был высоким парнем с типичной для выходца из Армении внешностью. Он увлекался литературой, музыкой и прекрасно знал Василия, потому что учился с ним в одной школе, в одном классе все десять лет, и Сергея, хотя познакомился с ним только в выпускном классе уже во время войны.

Встретились ребята по-дружески. Жора пригласил в комнату, завел патефон, но не стал спрашивать ребят ни о чем, а рассказал подробно о своих приключениях при неудавшейся эвакуации на восток и о том, что в Краснодоне осталось много бывших учеников, которые по различным причинам не смогли эвакуироваться. Потом он сообщил братьям, что днем у него назначена встреча с Земнуховым, и предложил пойти вместе. Братья согласились, тем более что именно Иван был одним из комсомольских работников школы, кто предложил их кандидатуры в райкоме комсомола для направления в разведшколу.

Земнухов был на год старше ребят, окончил 10-й класс еще в 1941 г., мечтал учиться и стать юристом, но не сложилось, и в начале 1942 г. был назначен старшим пионервожатым школы № 1 им. А.М. Горького. Все ребята Ваню очень уважали. В нем сочетались строгость старшего товарища с доброжелательностью к окружающим. Внешность Ивана больше смахивала на ученого, чем на ученика: открытый лоб, волосы зачесаны назад, очки, поэтому в шутку его называли «профессором». В школе он увлекался поэзией, любил не только читать, но и сочинял сам бодрые, полные оптимизма стихи и декламировал их на школьных вечерах.

Земнухов
Иван Александрович

Встреча с Иваном была назначена в парке. Как только прошли ворота – на открытом месте, которое просматривалось со всех сторон, увидели Земнухова и еще нескольких парней. Братья очень удивились

выбранному месту. Рядом с Иваном на двух скамьях, поставленных напротив друг друга, сидели одноклассник Василия Володя Осьмухин, Анатолий Орлов, который учился в соседней школе, и совсем незнакомый парень в спортивной куртке. Все были на год младше Земнухова, за исключением незнакомца, которого тот представил как Бориса Главана. Позже ребята узнали, что молдаванин Главан родился и вырос в Бессарабии, которая в 1940 г. вошла в состав Советского Союза и стала частью Молдавской ССР. С первых дней войны Борис добровольцем воевал в истребительном батальоне по борьбе с диверсантами, работал на строительстве оборонительных сооружений на Украине, а с августа 1941 г., как знающий румынский язык, служил в действующей армии переводчиком при штабе 296 сд. На фронте он вступил в комсомол и в звании старшего сержанта летом 1942 г. в составе своей дивизии, участвуя в тяжелых оборонительных боях, попал в окружение. Вырвавшись из вражеского кольца, пришел в Краснодар, где осенью 1941 г. поселились его родители. В оккупированном городе он появился в августе 1942 г.

Главан
Борис Григорьевич

Встретились приветливо, но сдержанно. Эмоций открыто не выражали. Расселись на скамейках и еще раз убедились, что их было видно со всех сторон. Иван специально избрал для встречи именно этот участок парка: кто подумает, что собравшиеся днем молодые люди обсуждают планы борьбы против фашистов, да и внезапно замеченным никто к ним подойти не мог. Разговора не получалось. Никто не решался на откровенность в присутствии незнакомца парня. Наконец, Иван разрядил обстановку, сообщив, что доверяет Борису. Сразу наступило оживление. Начали обсуждать обстановку на фронте и как поступать дальше.

Иван Земнухов догадывался, что братья Левашовы недавно заброшены на оккупированную территорию, но все же решил проверить их, задав провокационный вопрос о статье в газете «Комсомольская правда» за 21 июля 1942 г., в которой якобы сообщалось о боях под Краснодоном, чем

Орлов
Анатолий Александрович

Осьмухин
Владимир Андреевич

вызвал неподдельное возмущение Сергея. (Василий промолчал, потому они не могли в тот момент сказать Ивану и остальным ребятам, что в дни, когда в Краснодон вошли оккупанты, они находились по ту сторону фронта и, обеспокоенные за судьбу родного города, не пропускали ни одного сообщения и точно знали, что Краснодон в сводках не упоминался.) Но этот разговор послужил для них хорошим уроком. Всем стало понятно, что оккупанты выпускают фальшивые газеты.

В те сентябрьские дни 1942 г. фронт находился в 360 км восточнее Краснодона. Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои в Сталинграде и на Кавказе. Каждый понимал, что Родина в опасности, но никто ни на секунду не сомневался в победе нашей армии, и это заставляло ребят торопиться с решением вопроса: как поступать дальше, как нанести хоть какой-нибудь ущерб фашистам здесь в тылу. Против подполья никто не возражал, только Главан был сторонником того, чтобы всем комсомольцам мелкими группами уходить на восток, переходить линию фронта и вступать в Красную Армию. Молчавший до этого Осьмухин вдруг предложил обратиться за советом к Лютикову.

Филиппа Петровича знали многие. В годы Гражданской войны он воевал в рядах Красной Армии против войск Деникина, в 1925 г. за успехи в деле восстановления шахт был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в предвоенные годы работал начальником электромеханических мастерских. Член ВКП(б). С приходом немцев в Краснодон Лютиков скрывался, потому что прекрасно понимал, что в первые дни оккупации был бы арестован и казнен только за то, что коммунист. Он дождался момента, когда оккупанты начнут набирать из местных жителей специалистов для восстановления шахт, и в августе 1942 г. пришел в дирекцион к его начальнику Швейде, как к главному представителю немецкой администрации в городе, и предложил свои услуги, не скрывая от барона, что он коммунист. Это было невероятным, но именно необычность шага,

Лютиков
Филипп Петрович

С приходом немцев в Краснодон Лютиков скрывался, потому что прекрасно понимал, что в первые дни оккупации был бы арестован и казнен только за то, что коммунист. Он дождался момента, когда оккупанты начнут набирать из местных жителей специалистов для восстановления шахт, и в августе 1942 г. пришел в дирекцион к его начальнику Швейде, как к главному представителю немецкой администрации в городе, и предложил свои услуги, не скрывая от барона, что он коммунист. Это было невероятным, но именно необычность шага,

предпринятого Лютиковым, подействовала на немцев, и его не только приняли на работу, но и назначили техническим руководителем электромеханических мастерских. Рабочих катастрофически не хватало, и самый главный в городе немец принимал всех желающих, несмотря на то что некоторые из них были коммунистами (Ф.П. Лютиков, Н.П. Барakov и др.). Знания и опыт Филиппа Петровича, высокообразованного специалиста по восстановлению шахт, вскоре очень оценило руководство дирекциона и стало прислушиваться к его мнению при решении вопросов о том, кого из местных жителей следует или не следует принимать на работу в электромеханические мастерские. Это вызывало недовольство гестапо и жандармерии, но они вынуждены были помалкивать, ведь самым строжайшим предписанием из Берлина было приказано всемерно оказывать всестороннее содействие барону и любой его звонок напрямую в Берлин мог стоить им не только должности, но и отправки на фронт, чего они страшно боялись.

По формальным признакам Лютиков был пособником оккупантов. Но ребята понимали, что это лишь прикрытие, маскировка нелегальной, подпольной деятельности, и предложение Володи Осьмухина вызвало интерес и в то же время вопрос, почему именно ему в голову пришла такая мысль.

Эта встреча не привела ни к какому результату и не стала началом создания подполья. Она была не первой, да и не последней, только несколько менялся состав и проводились они в других местах города. Земнухов и его преданные друзья просто выявляли настроения, пожелания, устремления каждого из вновь прибывших на встречу. Готовности многих юношей и девушек, оказавшихся в оккупированном Краснодоне, к активным действиям против врага было много. И тогда уже для всех было очевидно, что нужно что-то предпринимать против фашистских оккупантов. Энтузиазма хоть отбавляй, а опыта никакого. Вот и тратили время на дискуссии о том, что и как делать. Хотя эта первая встреча с школьными товарищами в городском парке очень обрадовала братьев Левашовых, потому что у них появилось твердое убеждение: к линии фронта не уходить, а вместе с краснодонскими парнями организовать борьбу против фашистов в родном городе.

Земнухов настойчиво искал связь с партийным подпольем, но на осторожное упоминание Осьмухина о необходимости обратиться к Лютикову, возможно, и не обратил бы внимания, если бы не Н.Г. Соколова. Эту женщину как активистку города, председателя городского совета женщин-общественниц Иван знал еще с довоенных лет и уже не раз встречал ее в оккупированном Краснодоне. Но каждый раз после встречи с ней у него оставалось впечатление, что она хочет сказать что-то, но не

Соколова
Налина Георгиевна

решается. Вначале Земнухов сам предпринял попытку встретиться с Ф.П. Лютиковым, но тот от разговора с ним уклонился. Тогда Иван решил на откровенный разговор с женщиной и тихо попросил Налину Георгиевну организовать ему встречу с Филиппом Петровичем. Она пообещала и назвала место и время.

Воодушевленный Иван сообщил об этом своим ребятам и в назначенной день ушел на встречу. Соколова выполнила свое обещание, но Лютиков от знакомства с «настойчивым молодым человеком» отказался, предложив Налине Георгиевне самой поддерживать связь с молодежью. Прождав более двух часов в назначенном месте, оскорбленный и обиженный Земнухов вернулся в дом Арутюнянца, где его нетерпеливо ожидали Василий Левашов и Жора. Но Иван пришел мрачный, раздраженный и упавшим голосом произнес: «Встреча не состоялась!» Друзья были немало удивлены. Они ожидали чего угодно, но только не этого, и начали наперебой предполагать, что это какое-то недоразумение, на что Земнухов со злобой ответил:

– Что вы из меня болвана делаете? Никакого недоразумения здесь нет. Лютиков просто не захотел иметь с нами связь. Считает, что это опасно. Ведь мы для него мальчишки.

Отказ от встречи с лидером комсомольцев, каким по праву считал себя Земнухов, был воспринят Иваном как оскорбление и недоверие не только к нему, но и ко всей патриотической молодежи города, и от дальнейших попыток наладить и поддерживать связь с Филиппом Петровичем он и остальные ребята отказались. Скорее всего, опытный подпольщик расценил поступок Земнухова как явное нарушение правил конспирации. Ведь он хорошо был осведомлен о всех беседах, которые вел Иван с комсомольцами, оставшимися в оккупированном Краснодоне, через ребят, работавших вместе с ним в мастерских, и в первую очередь через Володю Осмухина, с отцом которого Филипп Петрович был еще до войны в дружеских отношениях, хорошо знал сына, доверял ему и давал различные поручения.

Фашистская оккупация не могла не отразиться на взаимоотношениях между людьми. Появившаяся сдержанность и осторожность были оправданны и объяснимы. Каждый человек имел основания опасаться предательства со стороны отдельных неустойчивых личностей. Но, несмотря на это, к Ивану Земнухову сохранилось и уважение, и доверие. Многие юноши и девушки стремились узнать, что же думает Земнухов о сложившейся

обстановке, как ведет себя по отношению к оккупантам, что собирается делать. Иван безусловно был лидером. Но им интересовались не только комсомольцы. К Ивану внимательно присматривался бывший преподаватель истории М.Г. Евсеев, который тайно прислуживал оккупантам и был опаснее любого полицая. Он очень хотел склонить к предательству своих бывших учеников, особенно тех, кто имел среди них авторитет. Но у Евсеева ничего не получилось. Иван вовремя распознал личину предателя в своем бывшем учителе.

В конце сентября 1942 г. кто-то постучал в дверь квартиры Василия Левашова. Он вышел и чуть не вскрикнул от радостного удивления. Перед ним стоял и улыбался Виктор Третьякевич, которого братья случайно встретили в Ворошиловграде сразу же после выпуска из разведшколы. Оказалось, что только вчера вечером семья Третьякевичей пешком добралась из Ворошиловграда в Краснодар и поселилась в своем старом домике.

В течение двух часов друзья откровенно рассказывали друг другу о минувших делах. Оказалось, что Третьякевич с приходом оккупантов был направлен в партизанский отряд, который действовал в том же лесу, где была и диверсионная группа с Василием Левашовым, только на десятки километров ниже по течению р. Северский Донец. Этот лес оказался не очень надежным укрытием для партизан, поэтому они постоянно меняли свое месторасположение. Тем не менее это не помешало им своей активной деятельностью создать впечатление, что в этом районе действуют значительные силы мстителей, и держать фашистов в постоянном страхе. С первых же дней Виктор Третьякевич включился в активную боевую деятельность: ходил с товарищами в разведку и приносил сведения о противнике, участвовал в засадах и нападениях на фашистских солдат и вскоре стал настоящим бойцом.

А когда партизанскому отряду стало труднее действовать в узкой лесной полосе, командир направил Виктора и других комсомольцев в Ворошиловград для ведения подпольной работы. Но и здесь были свои трудности. Однажды товарищи предупредили его, что квартира, в которой он проживал с родителями, попала под подозрение гестапо. Создалась опасность ареста, и руководитель подпольного Ворошиловградского горкома комсомола Надежда Фесенко порекомендовала Третьякевичу

Третьякевич
Виктор Иосифович

перебраться в Краснодон, где он до войны проживал с родителями, с заданием создать в городе комсомольское подполье. Так вместе с отцом и матерью Виктор снова оказался в Краснодоне.

После долгого разговора и воспоминаний двух друзей сам собой напрашивался вопрос: а что же дальше? И Василий решил посвятить Виктора в содержание бесед с Земнуховым, но оказалось, что тот уже успел встретиться с Иваном и договорился завтра днем собраться у Жоры Арутюнянца. На эту встречу Третьякевич пригласил и Левашова. После этого они тепло расстались до следующего дня.

Вскоре после ухода Виктора зашел брат Сергей. Он рассказал, что появилась возможность устроиться на работу в гараж дирекциона, в котором содержалось больше десятка грузовых и легковых автомашин фашистов. Это могло послужить прикрытием основной деятельности ребят, если они останутся в Краснодоне для подпольной работы, а разговор с Виктором, скорее всего, свидетельствовал об этом.

Дирекцион создали оккупанты и разместили его в просторном двухэтажном здании школы № 1 им. А.М. Горького. Прибывшие из Германии специалисты должны были в кратчайшие сроки с помощью местной рабочей силы восстановить разрушенные шахты и добывать на них уголь для фашистской Германии. Служащие дирекциона носили форму военнослужащих немецко-фашистской армии и вели себя как хозяева на земле Донбасса. Вот их работу и обеспечивал гараж с машинами, которые требовали обслуживания, а иногда и ремонта.

Оказалось, что Сергей еще вчера ходил искать работу в электромеханические мастерские, но ему посоветовали зайти на следующий день. А

Барakov
Николай Петрович

сегодня начальник мастерских Н.П. Барakov сказал, что сможет помочь ему устроиться на работу в гараж дирекциона. (Лишь после освобождения Краснодона советской армией все узнали, что коммунист Николай Петрович Барakov был активным членом подпольной партийной организации города и много усилий приложил, чтобы шахты района не «выдали на-гора» ни одной тонны угля на нужды фашистской Германии.)

Василий рассказал брату о встрече с Третьякевичем и посоветовал ему подождать с ответом до завтра, надеясь, что вопрос о их совместных дальнейших действиях, с приходом в Краснодон Виктора, быстро решится.

Лето 1942 г. слишком затянулось. Уже сентябрь на исходе, но никаких признаков осени не чувствовалось. Природа как будто замерла. Ни дождя, ни прохлады. Ночью Василий спал на веранде и просыпался очень рано, едва только занимался рассвет.

Встреча была назначена в полдень 28 сентября 1942 г., но из дома он вышел заранее до условленного времени, чтобы не спеша пройти по излюбленному маршруту через парк мимо клуба им. Ленина. До войны здесь собиралась молодежь и можно было встретить кого-нибудь из друзей. Не стал исключением и этот день. У клуба Василий увидел знакомое лицо аккуратно одетого, как в довоенное время, в белую рубашку с галстуком Олега Кошевого.

Кошевой
Олег Васильевич

Они поздоровались, обменялись рукопожатиями и немного поговорили, когда шли через парк к главным воротам, вспоминая школу. Оказалось, что Олег вместе с родственниками тоже пытался эвакуироваться на восток, но сумел добраться только до Новочеркасска. Дальше дороги были перерезаны немцами. Пришлось возвращаться в Краснодар, который уже был захвачен фашистами.

Левашов попытался вызвать Олега на откровенный разговор и спросил, где его комсомольский билет, чем немало смутил юношу. Его большие карие глаза с длинными ресницами испытывающе посмотрели на Василия. Кошевой немного помолчал, а потом сказал, что свой комсомольский билет он уничтожил, когда возвращался из эвакуации. При проверке документов фашистский патруль мог бы его обнаружить, и тогда неизвестно, что бы с ним стало. После этого неудобного для обоих вопроса они быстро расстались.

В доме Жоры Арутюнянца играл патефон, который крутил Виктор Третьякевич. Георгий встретил Василия у входной двери и провел в комнату. Минут десять слушали музыку, беседуя о житейских делах. Затем пришел Иван Земнухов. Все знали друг друга, и не только по школе. После взаимных приветствий внимание всех сосредоточилось на Викторе. Третьякевич понимал, что все ждут его слова. Сдержанно улыбаясь, он обвел всех взглядом и сказал, что пора помогать Красной Армии, которая несет большие потери, и включаться в борьбу. А для придания важности момента сообщил, что подпольный обком комсомола, «членом которого он является», помнит о них, наслышан о их работе и прислал его для более лучшей организации подпольной работы в Краснодаре и окрестностях.

Воодушевленные ребята наперебой стали его расспрашивать о делах подпольщиков и партизан Ворошиловграда, и Третьякевич, с некоторой гордостью, рассказал им, как воевал в партизанах, был связным и доверенным лицом «самого» секретаря подпольного обкома партии и командира партизанского отряда, о подпольной работе комсомольцев Ворошиловграда, но о разгроме партизан и гибели командира И.М. Яковенко он промолчал, надеясь потом, как-нибудь, рассказать об этом. Затем он сообщил всем собравшимся, что накануне они с Земнуховым уже обсудили вопрос о создании подпольной комсомольской организации во главе со штабом. «А так как избирать нас некому, сами объявим себя членами штаба...» И, продолжая дальше, предложил избрать: начальником штаба организации – Ивана Земнухова, ответственным за агитационную работу, информацию и выпуск листовок – Георгия Арутюнянца, а командиром назначить наиболее опытного, прошедшего школу подготовки НКВД по работе в тылу врага Василия Левашова, чем немало его смутил. (Сам В.И. Левашов в своих воспоминаниях по природной скромности этот факт не подтверждает, но и не опровергает. Об этом в своих мемуарах повествует Г.М. Арутюнянц.) Оставалось только определить, кто же будет комиссаром организации, но из четырех собравшихся только Третьякевич не имел должности, поэтому политическим руководителем Георгий предложил избрать его. Возражений не поступило, и все согласились. Первыми членами вновь созданной подпольной организации стали ребята из группы Земнухова.

Затем Третьякевич поставил вопрос об ответственности за сохранение тайны в организации и предложил при вступлении в ее ряды давать клятву, а за основу взять текст партизанской присяги, слова которой и Виктор, и Василий помнили наизусть. Обсудили еще возможные кандидатуры для привлечения в подпольную организацию, в том числе и девушек, а когда договорились о следующей встрече и уже собирались расходиться, Третьякевич, явно испытывая удовольствие от предстоящего, сделав паузу, многозначительно сказал всем, что знает, кто в городе распространяет листовки. Это была подпольная группа подростков во главе с Сергеем Тюлениным. Все так и ахнули. Никто не мог даже подумать, что этот озорной парнишка первым включился в борьбу против оккупантов, поэтому сразу же решили пригласить его на свою встречу завтра. Воодушевленные, они разошлись.

Домой Левашов и Третьякевич возвращались вместе. Недалеко от здания полиции их пути расходились, и в этот момент Виктор неожиданно предложил Василию встретиться и познакомиться с Тюлениным, который должен был его ждать на базарной площади. Василий знал не только хорошо Сергея в лицо, но и многие его довоенные проделки, но разговаривать

с ним ему никогда не приходилось, поэтому с удовольствием согласился.

Тихо переговариваясь и посматривая по сторонам, друзья подошли к условленному месту. Начинало темнеть, но нигде ни души. И вдруг из-за стены киоска бесшумно появилась фигура парня. Это был Тюленин. Заметив, что Третьякевич не один, он попытался пройти мимо. И только после того, как Виктор его окликнул, Сергей повернул в их сторону.

Еще вчера вечером Тюленин сам пришел к дому Виктора и предложил ему немного пойтись. Третьякевич хорошо знал Сергея, потому что они в старших классах учились в одной школе и тот был признанным вожаком своих сверстников – мальчишек. Весь «шанхай» до войны знал его как озорного мальчишку, драчуна. Если где-то происходило «крупное сражение» между двумя большими группами ребят, то можно было не сомневаться, что главным организатором был Тюленин. И если в ходе этой «битвы» кому-то из участников здорово перепадало, то гнев родителей пострадавших ребят всегда обрушивался на его голову. Он привлекал ребят своей энергией, удастью, задором, и Виктор никак не связывал предстоящий разговор с мыслями о подполье, еще и потому, что до войны именно Третьякевич, когда был секретарем комсомольской организации школы, не рекомендовал принимать Тюленина в комсомол. Но с первых же слов Сергея понял, что плохо знал своего соседа. За год войны многое изменилось, изменился и Тюленин, который уже знал, что Третьякевич интересовался у некоторых ребят подпольщиками Краснодона, поэтому прямо без подготовки спросил у Виктора, имеет ли тот связь с партизанами, и, не дав ему опомниться, сразу же предложил вступить в его «проверенную» группу «хороших» ребят, «которые тут кое-что делают». Виктор был не только озадачен, он был ошеломлен услышанным. Даже в хорошем сне Третьякевич не мог себе этого представить, поэтому сразу согласился и стал подробно расспрашивать Сергея о его группе, о подпольной работе в оккупированном Краснодоне. Расходились они уже друзьями, договорившись о встрече на завтра.

И теперь перед Левашовым остановился стройный юноша. Открытое лицо, смелый взгляд голубых глаз. Одет скромно, но аккуратно. Познакомились, пожали друг другу руки. Разговор зашел о положении на фронте, о боях за Сталинград и Кавказ. Сергей был абсолютно уверен, что победа

Тюленин
Сергей Гаврилович

будет за нашей армией и придет время, когда «эти завоеватели будут драть до самого Берлина». В непринужденной беседе он признался, что его кумиром является Павка Корчагин – главный герой романа Николая Алексеевича Островского «Как закалялась сталь» (1932). Василий с интересом слушал рассуждения Тюленина и все больше убеждался, что его представления о нем отстали по меньшей мере года на три. И это был результат только первой их встречи.

Но поговорить долго не удалось. Наступал комендантский час, поэтому Третьякевич передал Сергею приглашение прийти завтра к трем часам дня к Земнухову, и они разошлись.

Василий Левашов поспешил к своему брату Сергею на улицу Садовую, который уже ждал его и очень обрадовался, когда узнал, что положено начало созданию подполья. Заканчивалась неопределенность. Теперь стало ясно, что они остаются в Краснодоне и включаются в подпольную деятельность. Он рассказал Василию, что в этот день побывал в гараже дирекциона и, хотя смутно представлял новые свои обязанности, доброжелательный коллектив рабочих ему понравился. Да и они с интересом слушали молодого осведомленного человека, который смог объяснить им обстановку на фронтах войны и проинформировать о военных событиях.

На следующий день собрались на квартире у Земнухова, куда пригласили и Тюленина. Все с интересом слушали Сергея, в группе которого уже было оружие, и понимали, что до этого не имели о нем никакого представления, хотя и знали его очень хорошо по мирной школьной жизни. Сергей оказался самым осведомленным человеком в городе, поэтому его буквально забросали вопросами, но Третьякевич напомнил, что пора приступать к делу, и возбуждение ребят утихло. Вначале Тюленин подтвердил свое согласие в составе группы вступить в организацию и действовать против фашистов совместно. Это вызвало улыбки радости на лицах ребят, и все единогласно решили ввести его в состав штаба как командира боевой группы, а потом рассмотрели другие вопросы: проверки и приема в члены организации новых ребят, обеспечения безопасности организации – и утвердили первоначальные задачи по сбору информации, оружия и выпуску листовок. Для этого нужен был радиоприемник, чтобы слушать последние известия и принимать сводки Совинформбюро. По предложению Василия, решили поручить это Сергею Левашову, который еще до войны увлекался радиолюбительством и сохранил многие радиодетали. Осталось дело за малым – найти неисправный радиоприемник и наладить его.

Когда уже завершали обсуждение всех вопросов, раздался стук в дверь комнаты, где они заседали, и кто-то из домашних позвал Ивана к выходу.

Он быстро вышел, а через минуту вернулся, ведя за собой Олега Кошевого. Василий не ожидал, что они вновь так скоро увидятся, но общее оживление, вызванное его приходом, скоро улеглось. Олег тоже включился в общую дискуссию, особенно по вопросу приема в организацию.

Следующее заседание штаба наметили провести у Виктора Третьякевича. На этом деловая часть завершилась. Но никто уходить не торопился. Шла оживленная беседа. У Тюленина расспрашивали подробности о делах его группы. Олег рассказывал о том, как он неудачно попытался эвакуироваться на восток. Отвечая на вопросы, Кошевой все время посматривал в сторону Василия, а потом достал из внутреннего кармана, положил на стол свой комсомольский билет и рассказал всем, что Василию в парке он сказал неправду, а затем поведал уже не выдуманную, а действительную историю о том, как он его сохранил.

На следующий день утром весь город узнал, что ночью фашисты зверски расправились над 32 шахтерами, коммунистами и беспартийными в городском парке за то, что те отказались работать на оккупантов по восстановлению разрушенных шахт. Эта жестокая казнь стала мощным толчком для ребят к переходу от совещаний и разговоров к действиям.

Собравшись в доме у Виктора, куда кроме членов штаба подошел еще и Володя Осьмухин, подводя итоги двух дней, Третьякевич сказал, что с приходом в организацию действующей группы Тюленина в количестве девяти человек положено начало создания подпольной организации, а не только ее руководящего органа – штаба. Сергей предложил всем подключиться к сбору оружия, которое его группа уже начала добывать, чтобы в последующем перейти к более активным действиям в тылу врага. Затем окончательно отредактировали текст клятвы. В ходе обсуждения текста встал вопрос о названии организации и вспомнили, что накануне Тюленин, рассказывая о действиях своей группы, упомянул, что листовки, которые они несколько раз выпускали, подписывались инициалами М.Г., что означает «Молодая гвардия». Все посчитали, что эти слова из неофициального гимна ВЛКСМ «Вперед, заре навстречу!» вполне уместны в качестве названия подпольной комсомольской организации. И после того как внесли в текст клятвы упоминание о названии, поочередно по-одному вставляли и перед лицом своих товарищей торжественно клялись мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села... Каждое слово клятвы звучало сурово и грозно:

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной, многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем, хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. Если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты. Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

На этом тайное собрание закончилось, все стали поодиночке расходиться, чтобы довести его решения до членов подпольных групп, а последующие совещания, которые проводились довольно часто, стали называться заседанием штаба. Последними из хаты вышли Василий Левашов и Третьякевич. У порога на лавочке сидела мама Виктора Анна Иосифовна, которой младший сын не без гордости сказал: «Смотри, мама, идут командир и комиссар.»

Так 30 сентября 1942 г. была создана героическая подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия» (в составе 25 человек), которая стала символом стойкости, верности долгу и клятве, нестигаемости духа, презрения к смерти для всех молодых людей нашей Родины.

Дальнейшие события разворачивались стремительно. Каждый старался внести свой вклад в развитие и становление подпольной организации Краснодона, к созданию которой готовились более двух месяцев.

Процесс формирования подполья шел быстро. Сергей Левашов и другие парни, кто приходил на встречи с Земнуховым, сразу вошли в ее состав и с первого же дня включились в работу. Предварительные беседы Ивана с комсомольцами и молодежью города дали свои плоды. Все они были настроены по-боевому и предложение вступить в подпольную организацию воспринимали с благодарностью. Вступали в «Молодую гвардию» и в одиночку, и группами. Радовало всех и то, что они взялись за создание комсомольского подполья по собственной инициативе, а не по указанию старших-коммунистов, которые не сочли нужным помочь в этом деле даже советом, а предпочли остаться в стороне.

К двум лидерам – Ивану Земнухову и Виктору Третьякевичу тянулись многие юноши и девушки, которые искали выход из создавшегося положения в оккупированном городе и не знали, как помочь нашей армии в разгроме страшного и ненавистного врага.

Так, в начале октября 1942 г. уже под вечер в дом Третьякевичей пришел Анатолий Ковалев, с которым Виктор вместе учился в школе № 4 им. Ворошилова. Это был хорошо всем известный в городе спортсмен-тяжеловатлет. Равного Анатолию среди сверстников в силе никого в Краснодоне не было.

Ребята не были друзьями, поэтому Виктор понимал, что в оккупированном городе так просто в гости не приходят. Значит, дело важное.

Так и оказалось. После ничего не значащих вопросов Анатолий предложил Третьякевичу вместе создать партизанский отряд. Он был уже не первым в городе, кто пытался вовлечь Виктора в борьбу против фашистов, поэтому его это предложение немного развеселило. Разговаривая с Ковалевым полушутливым тоном, он узнал, что вместе с ним пытаются создать свой партизанский отряд и другие спортсмены города: борцы Борисов и Пирожок, а также боксер Михаил Григорьев. Виктор согласился, но о «Молодой гвардии» пока не сказал ни слова.

На следующий день, когда собрались члены штаба, он рассказал об этом эпизоде. Но когда встал вопрос о приеме группы спортсменов в организацию, оказалось, что некоторые ребята видели Ковалева и Григорьева на улице вместе с полицейскими, поэтому вначале поручили Олегу Кошевому выяснить причину этой встречи.

Проверка дала неожиданный результат. Оказалось, что ребят остановили полицейские случайно и стали предлагать им поступить на работу в полицию. Те, конечно же, отказались.

Всех четырех комсомольцев приняли в «Молодую гвардию», но сразу же дали задание: используя знакомство, поступить на работу в полицию, для того чтобы добывать интересующую штаб информацию.

Ребят уговорили с большим трудом, но с этого момента молодоговардейцы знали все о планах фашистов по угону молодежи в Германию, маршруты патрулирования, время и место облав и полицейских засад. Молодые патриоты по ночам смело надевали белые повязки полицейских, брали с собой листовки, разбрасывали их на улицах, приклеивали на дверях квартир и досках объявлений.

В это же время братья Левашовы, проходя мимо клуба им. Ленина, увидели высокого парня, лицо которого показалось знакомым. Присмотревшись, узнали Ивана Туркенича. Василий хорошо знал его по школе, хотя и был на четыре года младше. Знал он и то, что Туркенич – лейтенант и воевал на фронте. Но как и почему он оказался здесь? Что собирается делать в оккупированном Краснодоне?

На очередном заседании штаба «Молодой гвардии» Левашов рассказал об этой встрече, но оказалось, что Третьякевич уже знал об этом от Анатолия Ковалева. Решили обязательно с ним встретиться. И вечером Третьякевич и Земнухов зашли в клуб, когда там шла репетиция. Они дождались перерыва, подошли к Туркеничу и предложили прогуляться по парку. Иван вначале держался настороженно, а потом расслабился и стал рассказывать смешные истории, а когда Третьякевич предложил ему «сыграть новую роль», сразу понял, зачем эти двое пришли, и лишь спросил: «Когда и куда мне пожаловать?» На том и расстались.

На следующий день Сергей Тюленин встретил Ивана у клуба и проводил в «шанхай» к дому Третьякевича, где уже собрался весь штаб. Родители Виктора под видом прогулки вышли из дома, чтобы следить за обстановкой

Туркенич
Иван Васильевич

вблизи и в случае опасности своевременно предупредить ребят. Туркенич оказался в центре внимания. Он рассказал об ожесточенных боях на Дону, в которых участвовал, пленении, побеге, о нелегком пути в оккупированный Краснодар. Отвечая на многочисленные вопросы, он никак не мог понять, чем вызвано такое повышенное внимание к его боевому пути, а когда Земнухов сказал, что «наша подпольная комсомольская организация будет не только листовками заниматься, но и боевыми делами», многое разъяснилось. «Нам нужен боевой командир, и ты, Ваня, вполне подходящая кандидатура», — завершил Иван. Решение было единогласным.

Василий Левашов облегченно вздохнул, потому что груз ответственности с него был снят. Он никогда не был лидером и к этому не стремился, да и в школе НКВД учился на радиста, а не на диверсанта-разведчика. На столь высокую должность в организации Василий согласился только из уважения к своему другу Третьякевичу и теперь с удовольствием принял к действию решение товарищей — создать и возглавить группу подпольщиков, проживающих в центре города, оставаясь при этом членом штаба. Но и для молодого лейтенанта РККА столь быстрое предложение возглавить подпольную организацию стало неожиданным. Он был смущен и одновременно польщен оказанным доверием.

Теперь за подготовку и руководство боевыми операциями в организации отвечал командир «Молодой гвардии» Иван Васильевич Туркенич, который прекрасно понимал, что рано или поздно в городе найдутся «доброжелатели» из числа соседей или знакомых, которые за определенное вознаграждение выдадут фашистам молодого лейтенанта РККА. Он был слишком заметной фигурой, и рассчитывать остаться в городе неузнанным и незамеченным не приходилось. Поэтому Иван еще до встречи с молодогвардейцами решил упредить подонков и сам явился на биржу труда, устроился на работу, а потом стал на учет и в полиции, рассказав, что его часть была разбита, а он вернулся домой, чтобы работать и жить. Пригодился и его опыт игры на музыкальных инструментах, а оккупантам как раз очень нужен был такой человек в театральном коллективе в открывшемся для немецких солдат и офицеров клубе (шахтерский клуб им. В.И. Ленина).

Эта тактика открытого поведения в городе, где многие хорошо знали высокого, симпатичного Туркенича еще до войны, сыграла огромную роль в деле дальнейшей скрытой от посторонних глаз подпольной работе. Тайная агентура жандармерии и полиции долго следила за ним, но ничего подозрительного не выявила, а когда его стали приветствовать на улице знакомые немецкие офицеры и солдаты, то и вовсе отстала. Туркенич, не таясь, вполне открыто ходил по городу, встречался, разговаривал, беззаботно шутил. Немецкая администрация даже предлагала ему возглавить творческий коллектив, но Иван скромно отказался и появлялся на сцене клуба в качестве актера или музыканта.

Когда Василий Левашов сообщил брату, что штаб «Молодой гвардии» поручил ему наладить работу радиоприемника и принимать сводки Совинформбюро из Москвы, он искренне обрадовался. Ведь еще до этого разговора Сергей не раз думал о том, чтобы наладить свой детекторный радиоприемник, с помощью которого он еще в школьные годы делал первые шаги в радиолюбительстве. Но, к сожалению, это было ненадежное средство, и он искал другой выход. Сергей вспомнил, что в поселке шахты № 3-бис в сарае у Ани Карловой видел неисправный радиоприемник, который еще до войны вышел из строя. Он давно собирался к Ане, но различные обстоятельства каждый раз препятствовали этому. Теперь, получив задание штаба, он заторопился в поселок. И такое совпадение личного желания с долгом его даже развеселили.

Возвращения Сергея Левашова из поселка ждали с нетерпением все. Никто ведь точно не знал, сохранился ли в сарае у Ани неисправный радиоприемник. А если и сохранился, то как его из поселка в город доставить? Ведь встреча с полицией ничего хорошего не сулила.

В день, когда Василий ожидал возвращения брата, многие из молодых подпольщиков, в том числе и Левашовы, были приглашены на квартиру к заместителю бургомистра...

Членам штаба подпольной комсомольской организации приходилось довольно часто, практически ежедневно, собираться, чтобы посоветоваться, обсудить, договориться, проинформировать друг друга и решать всевозможные вопросы: проверка кандидатов для вступления в «Молодую гвардию», выпуск листовок, которые писали от руки, и мн. др. Собираться постоянно в чьем-либо доме или квартире было опасно. Это очень скоро привлекло бы внимание полиции. Поэтому в целях конспирации приходилось почти каждый раз назначать очередную встречу в новом месте и, как правило, по вечерам. Но вечером долго не засидишься. Комендантский час начинался с девяти вечера. Все должны быть дома. Конечно, ребята ходили по городу и после комендантского часа, но

каждое такое появление было связано с риском быть задержанным полицейским или немецким патрулем, что грозило большими неприятностями. И вот однажды представился удобный случай...

Стремление юношей и девушек быть в обществе авторитетных ребят было еще до войны, а затем проявилось и в оккупированном Краснодоне. Молодежь иногда собиралась у кого-нибудь из девушек на квартире. Из этого тайны не делали, и прежде всего потому, что непременным участником таких встреч был сын заместителя бургомистра, бывший одноклассник Ивана Земнухова, Георгий Стаценко, который был на несколько лет старше остальных, потому что дважды оставался на второй год. В 1941 г. Георгий был призван в армию, но дезертировал и укрывался до прихода немцев. В оккупированном городе он слонялся целыми днями по улицам и часто встречал своих школьных знакомых: Олега Кошевого, Ивана Земнухова, Георгия Арутюнянца, Василия Левашова, Василия Пирожка и др.

Стаценко не дружил с ребятами, но тянулся к ним, потому что ему очень нравилась одна девушка из их компании – Августа Сафонова, а не убеждения юных патриотов. Ввязываться с ним в споры было не только бесполезно, но и опасно. На прямой вопрос Георгий, не думая, отвечал: «Мне жилось хорошо при Советской власти, да и сейчас неплохо». Стаценко, конечно, знал, что ребята по-другому относятся к фашистской оккупации, иначе понимают долг советского человека, но все равно был непременным участником обычных молодежных вечеров. И вот однажды он пригласил всю компанию к себе домой.

Идти или не идти на квартиру к заместителю бургомистра? Ребята всерьез обсуждали этот вопрос, прекрасно понимая побудительные мотивы этой затеи. И, наконец, дружно решили: идти. Ведь связь с его сыном могла пригодиться для подпольной деятельности организации.

Но девушка, из-за которой Стаценко организовал этот вечер, взаимностью ему не отвечала и отказалась от приглашения. Пришлось ее упрашивать, и она с трудом, но согласилась.

На эту вечеринку решили идти не поодиночке, а группой. Собрались для этого у ворот парка и по улице Садовой медленно направились в нужную сторону. По пути остановились сначала у дома Олега Кошевого, подождали его, затем у дома Сергея Левашова, но тот еще не вернулся от Ани. Ему оставили записку с указанием адреса, а сами пошли не спеша дальше. Потом постояли у калитки, ведущей во двор дома заместителя бургомистра для того, чтобы как можно больше явных и тайных прислужников оккупантов увидели их.

Вначале на вечеринке присутствовала мать Георгия. Она не вмешивалась в разговоры молодежи, но внимательно рассматривала каждого из

гостей. Хотела знать, с кем водится ее сын. А когда она ушла, стало веселей, к тому же появился Сергей Левашов, который дал понять, что радиоприемник доставлен. Это придало еще больше веселья, особенно тем, кто был посвящен в дело. Начались шутки, смех, затем танцы под патефон.

Когда приблизился комендантский час и настала пора расходиться по домам, Иван Земнухов, пошептавшись с Третьякевичем, обратился к Стаценко с просьбой попросить своего отца продлить вечер. Георгий вернулся не сразу, но с сияющим лицом. И вечер продолжался. Затем ребята, естественно, пошли провожать девушек, которые жили в разных концах города. А потом сами стали возвращаться по домам. И каждый хотя бы один раз был остановлен полицейским патрулем. Но ответ: «Мы были в гостях у сына бургомистра...» — пояснений не требовал, потому что еще до заступления патрулей на дежурство Стаценко-старший сообщил в полицию о своем решении. Никто в эту ночь не был доставлен в полицию. Всех задержанных тут же отпускали.

А ребята из этого сделали вывод, что если кто-нибудь из подпольщиков, возвращаясь домой позже установленного часа будет задержан вражеским патрулем, то своеобразным пропуском должна послужить отговорка: «А я был на вечере у сына бургомистра».

Однажды в городе Главан познакомился с симпатичной девушкой, острой на язычок, Майей Пегливановой, которая после нескольких встреч предложила Борису вступить в их подпольную группу и вместе бороться против ненавистного врага. Он обещал подумать и сразу же доложил штабу о их разговоре. Решили направить в поселок Первомайка, где жила и училась девушка, Земнухова вместе с Борисом.

На следующий день после встречи друзья не узнали Ивана — таким радостным они его никогда еще не видели. Хотя он и старался не давать волю своим чувствам, но еле сдерживался. Даже сквозь толстые стекла очков было заметно радостное сияние глаз Земнухова.

Пегливанова
Майя Константиновна

Попов
Анатолий Владимирович

Громова
Ульяна Матвеевна

рых – девушки. Руководителем комсомольцы избрали Анатолия Попова, но центром всей группы, ее вдохновляющим звеном, конечно, была волевая, целеустремленная девушка – донская казачка Ульяна Громова. Все были настроены по-боевому, рады присоединиться к подпольщикам города и работать совместно.

Новость, которую сообщил Иван Земнухов, не только радовала, но и воодушевляла. Не меньше были обрадованы и первомайские комсомольцы сообщением о том, что в Краснодоне создано комсомольское подполье. Единогласно члены штаба решили ввести Громову в свой состав и пригласили ее на очередное заседание.

Вместе с Ульяной пришли Анатолий Попов и Виктор Петров. Быстро

Петров
Виктор Владимирович

Иван рассказал членам штаба, что ему удалось установить связь с комсомольцами поселка Первомайка, которые создали свою подпольную группу во главе с Ульяной Громовой, Анатолием Поповым и Майей Пегливановой, которая, к удивлению Бориса Главана, оказалась не только секретарем комсомольской организации школы в поселке, но и членом райкома комсомола. Да и для Василия Левашова это стало приятной новостью, потому что с Анатолием Поповым он уже был знаком по учебе в ремесленном училище и работе на тракторном заводе, а особенно по побегу из Сталинграда прошлой зимой.

Свою группу они создали раньше, и в ее составе было уже 19 человек, половина из кото-

познакомились, расселись вокруг стола, а потом завязалась оживленная беседа. В конце своего неторопливого рассказа спокойная и рассудительная Громова обвела всех присутствующих взглядом и тихо спросила ребят, знают ли они, что в составе их группы сын одного из недавно расстрелянных фашистами в городском парке шахтеров.

– Кто же он? – почти хором воскликнули ребята.

– Виктор Петров, с которым вы только что познакомились, – и Ульяна повернула лицо к Виктору. Тот сидел с опущенной головой. Воцарилась тишина. В сознании каждого рисовалась картина зверской расправы оккупантов над советскими патриотами.

Первомайцы предложили создать партизанский отряд и уйти в лес, но Туркенич твердо ответил, что время еще не пришло, а пока будем действовать как подпольная комсомольская организация.

Так в «Молодую гвардию» вливалась самая многочисленная группа молодых патриотов, а штаб пополнился новым членом.

Сергей Левашов, устроившись на работу в гараж дирекциона, вначале стремился войти в коллектив так, чтобы ему доверяли, но и сам присматривался к новому окружению. С первого дня к нему стали обращаться некоторые рабочие с просьбой рассказать о событиях на фронте, но кто они, друзья или предатели, он не знал, поэтому с осторожностью отвечал на вопросы. Только намного позже оказалось, что среди рабочих гаража подонков не оказалось. Люди искренне хотели знать, когда начнется изгнание фашистских завоевателей с родной земли.

В гараже дирекциона рабочие не только ремонтировали автомашины, но и военную технику фашистов: мотоциклы и бронетранспортеры. Поэтому Сергей сразу же задумался, как в ходе ремонта этой техники обеспечить ей серьезную поломку, но не в гараже, а когда она будет подальше от Краснодона. Он прекрасно понимал, что в одиночку такую задачу не решить, поэтому присматривался к другим ребятам, кого можно было еще привлечь.

Вскоре у Сергея Левашова нашлись единомышленники. Вначале они вместе обдумывали, а затем и осуществляли запланированную поломку вражеской боевой техники. А по вечерам его главной заботой стал неработающий радиоприемник, который необходимо было срочно наладить. Но все оказалось не так-то просто. Этот ремонт дался нелегко. Во-первых, не было схемы и приходилось ломать голову в поисках неисправностей, а, во-вторых, ремонтом приемника Сергею приходилось заниматься в подвале без электричества, при тусклом свете коптилки, ведь через стенку жил полицейай Мельников. К этому времени он уже знал, что этот фашистский прихвостень ведет слежку за их квартирой.

Его упорству можно было позавидовать. Радио заговорило. Усилия Сергея оказались не напрасными. Теперь у молодогвардейцев появилась возможность регулярно слушать Москву, получать достоверную информацию о событиях на фронте. Он стал ежедневно слушать сводки Совинформбюро, записывать, обобщать за неделю и передавать брату.

В середине октября 1942 г. в городе были расклеены афиши, в которых сообщалось о предстоящем наборе мужчин и женщин, юношей и девушек в возрасте от 15 до 45 лет для отправки в Германию. Расписывались райские условия жизни для тех, кто туда поедет. Организаторы геббельсовской пропаганды, основанной на лжи и подтасовках,

пытались выдать принуждение за добровольное согласие населения оккупированного города и поселков поехать на работы в Германию. И многие в эту ложь поверили. В Краснодоне была создана биржа труда, где составлялись списки и проводилось медицинское освидетельствование. Пригодных для тяжелой физической работы оформляли для отправки и вручали им повестки. А явку на сборный пункт обеспечивала полиция, силой оружия сгоняя население.

Эту ложь нужно было опровергнуть.

На заседании штаба молодогвардейцы решили обратиться с призывом к населению. Подготовить листовку поручили Василию Левашову. Он быстро набросал текст, представил его членам штаба и с небольшими изменениями передал всем группам для размножения и распространения не только в Краснодоне, но и в поселках района. Это была первая проба коллективных усилий комсомольского подполья. Срыв отправки советских людей в Германию был бы хорошим началом работы «Молодой гвардии».

Каждый участник подпольной организации должен был написать не менее 15-20 листовок и распространить их на участке, который был за ним закреплен. Эту работу выполняли все молодогвардейцы без исключения, в том числе и члены штаба.

Вечером, когда уже стемнело, но еще не наступил комендантский час, ребята вышли в город. Проходя вдоль заборов, они незаметно подбрасывали листовки у калиток каждого двора. А наиболее отчаянные, такие как Сергей Тюленин и его группа, распространили их не только на своем участке, но и почти во всех людных местах города. Одну листовку приклеили на рекламном щите у входа на биржу труда, рядом с немецкой афишей, расписывавшей прелести жизни в Германии. Другие – у входа в клуб, где обычно вывешивались объявления о мероприятиях в зрительном зале, на телеграфных столбах, на дверях учреждений, на киосках, на рыночной площади, там, где чаще всего бывал народ.

Утром жители города и поселков находили их и внимательно читали:

«Не верьте щедрым обещаниям немцев. Обманым путем вас хотят увести на каторжные работы в фашистскую Германию и превратить в послушных рабов. Вас заставят работать на военных заводах и производить оружие для фашистов. Этим оружием немецко-фашистские захватчики будут убивать наших братьев и сестер, отцов и матерей, будут разрушать наши города и села, захватывать все новые и новые территории. Не поддавайтесь ни угрозам, ни уговорам оккупационных властей! Всеми путями уклоняйтесь от поездки в Германию. Вступайте в партизанские отряды. Этим вы приблизите час победы над врагом! Смерть немецким оккупантам!...» А далее следовала сводка Совинформбюро, обобщенная за последнюю неделю

Сергеем Левашовым, в которой рассказывалось о стойкости защитников Ленинграда и Сталинграда, о возрастающей мощи советской армии, о разрывании партизанского движения в оккупированных областях. Эта листовка полностью опровергала ложь, распускаемую оккупантами.

Наступил день отправки первой партии советских граждан в Германию. С утра каждого подпольщика занимала мысль – сколько людей прибудет на сборный пункт? Никто не рассчитывал на полный срыв вербовки, но когда на сборный пункт явились лишь десятки вместо отобранных биржей сотен мужчин и женщин, – это был успех. Он обрадовал и вселил уверенность в молодогвардейцев. Они впервые поняли, как они нужны людям, что они реально действуют и приносят пользу общему делу освобождения Родины от фашистских оккупантов.

Однажды вечером Василий зашел к Сергею, чтобы взять очередную сводку Совинформбюро, принятую им по радио. Неожиданно ему навстречу поднялся Загоруйко, который первым был выпущен из разведшколы и заброшен в фашистский тыл не в составе группы, а один. Володя рассказал братьям, как нелегко ему пришлось под чужой фамилией вживаться в оккупированном еще в 1941 г. Днепропетровске, но встреча с нашим разведчиком, которого Володя должен был обеспечить радиосвязью, так и не состоялась. Пришлось покинуть незнакомые места, где нет ни родственников, ни знакомых, и сотни километров пройти по занятой врагом территории. Теперь, когда все это было позади, Загоруйко с радостью принял предложение вступить в «Молодую гвардию» и пополнил ряды подпольной группы Василия Левашова, в которой уже были брат Сергей, Юрий Виценовский, Владимир Осьмухин и Анатолий Орлов. При этом двое из них – Орлов и Осьмухин работали в электромеханических мастерских под руководством Ф.П. Лютикова и часто выполняли его поручения, Сергей Левашов трудился в гараже дирекциона, а Виценовский – на восстанавливаемой немцами шахте. Кроме того, по заданию штаба Володя Осьмухин и Толя Орлов вместе с Жорой Арутюнянцем мастерили печатный станок и все привлекались к написанию и распространению листовок, а также к сбору оружия.

В конце октября 1942 г. в состав «Молодой гвардии» вошла еще одна большая группа патриотов-подпольщиков поселка Краснодон во главе с Николаем Сумским (14 человек), а также

Виценовский
Юрий Семенович

Сумской
Николай Степанович

группа девушек во главе с Анной Соповой и ребята из отдельных шахтерских поселков. Подпольная организация быстро росла и уже насчитывала около семидесяти человек. Но значительный численный рост состава подполья не говорил о том, что в нее принимали всех подряд без разбора. Вначале кандидата внимательно изучали, вдруг он тайный агент гестапо или полиции, потом проверяли, при этом для каждого разрабатывался свой способ проверки, и лишь убедившись, что этот человек предан делу беспощадной борьбы с врагами и оправдает доверие товарищей, его включали в состав одной из подпольных групп, и он торжественно перед лицом своих друзей-подпольщиков давал партизанскую клятву. Если же проверка не обеспечивала стопроцентной гарантии, то члены штаба просто воздерживались от вовлечения этого товарища в «Молодую гвардию».

Штаб постоянно напоминал командирам подпольных групп, что организация является боевым отрядом и должна постоянно пополняться оружием, собранным на полях прошедших боев или добытым у врага.

Бывая вечерами в клубе им. Ленина, где часто назначались встречи подпольщиков, ребята обратили внимание на то, что немцы, приходившие туда, поступали несколько беспечно, они снимали ремни с личным оружием, вешали их на спинки кресел, сдвинутых к задней стенке зрительного зала, и шли танцевать. Иван Туркенич предложил похитить это оружие. Вместе с Василием Левашовым они разработали план и вскоре благополучно его осуществили.

Сопова
Анна Дмитриевна

Для хищения оружия выбрали вечер, когда в городе на ночлег остановилась большая немецкая автоколонна. Это означало, что в клуб зайвится много гитлеровцев. Так и случилось.

Иван Туркенич все руководство взял в свои руки. Особое внимание он обратил на то, чтобы обезопасить подпольщиков от провала. Никто не должен быть схвачен. Действия молодых патриотов были продуманы до мелочей. Вечером они заняли удобные для предстоящих действий места. Кроме немцев в клубе были и полицейские.

Один из них все время прохаживался вблизи мест, где находилось оружие, поэтому нейтрализовать его поручили Сергею Левашову и Василию Борисову как самым физически крепким подпольщикам, но только в том случае, если тот заметит ребят, которые будут похищать оружие, и попытается их схватить или поднять тревогу.

Наступил условленный час. Сергей Тюленин оборвал электрические провода, и свет в зале погас. От неожиданности все притихли. Умолкла музыка, а подпольщики начали действовать. Отвлекающая группа юношей и девушек сгруппировалась в правом углу зала у сцены, и кто-то в темноте запел песню «Из-за острова на стрежень». Все дружно подтянули. И вдруг неожиданность. С противоположной стороны зала, как бы бросая вызов, донеслись звуки той же песни, но только на немецком языке. Оказалось, что немцам известна наша русская народная песня. Стали петь громче, кто кого перепоеет. Это было очень кстати. Полицейский ослабил наблюдение за немецким оружием. Этим воспользовались ребята из группы Тюленина: в темноте они вытащили из кобур шесть фашистских пистолетов и благополучно скрылись. Полицейский так ничего и не заметил. Левашову и Борисову силу применять не пришлось, хотя они все время находились вблизи и не спускали с него глаз. В разных концах зала стали чиркать зажигалками, но это не помешало подпольщикам незаметно покинуть его. Свет в зале восстановить так и не удалось, поэтому пропажу оружия фашисты обнаружили только тогда, когда местные жители из клуба уже ушли.

Василий Левашов как один из руководителей организации постоянно работал над расширением рядов подпольщиков и по поручению штаба готовил тексты листовок, включая в них переданную братом информацию о положении на фронтах, потом ее обсуждали на заседании и распространяли в городе, окрестных поселках и селах. Он так же, как и все, писал и распространял листовки, которые чуть ли не каждый день появлялись в городе, участвовал в боевых операциях, занимался сбором и захватом оружия и боеприпасов. И вскоре подпольщики перешли к диверсионным действиям против оккупантов.

Группа молодогвардейцев ночью в степи возле села Шевыревка подожгла скирды немолоченного хлеба, подготовленного к отправке в действующую гитлеровскую армию. А Сергей Левашов в ту же ночь пробрался в гараж и вывел из строя три находившиеся там немецкие автомашины. Через несколько дней Володя Осьмухин с группой Сергея Тюленина напали на охрану, сопровождавшую стадо домашнего скота, отобранного у краснодонцев, и разогнали его по степи. Молодогвардеец Юрий Виценовский, слесарь шахты № 1-бис, подписал многожильный

стальной канат, и, когда стали опускать клеть с грузом, он лопнул. Тяжелая клеть при падении полностью разрушила в шахтном стволе опалубку, энергетические коммуникации и вентиляционные устройства.

Две боевые группы Тюленина и Левашова устроили засаду у железнодорожного моста недалеко от станции Семейкино. Рядом проходила автомобильная дорога, ведущая на Ворошиловград, по которой всю ночь двигались колонны немецких машин. И только перед рассветом одна из машин отстала от остальных. Сергей Тюленин быстро бросил противотанковую гранату и попал прямо в мотор. Раздался взрыв. Шофера и рядом сидящего фашиста убило. Остальные немцы выскочили из кузова и стали подходить к мосту, в насыпь которого уперлась подбитая машина. В этот момент сидевшие сверху молодогвардейцы открыли огонь из пистолетов и винтовок и перебили всех фашистов. В наступившей тишине они быстро собрали оружие врага, ремни с патронташами и скрылись в темноте. В другой раз эти же боевые группы молодогвардейцев в составе 12 человек уничтожили фашистскую автоколонну из трех автомобилей с имуществом и боеприпасами на дороге между Краснодоном и небольшим городом Свердловск (с 2016 г. Должанск).

Однажды в клубе им. Ленина шел спектакль артистов из Луганска «Цыганка Аза». Для оккупированного Краснодона это было событием. Все, у кого была возможность, старались попасть на представление. Были в зрительном зале и некоторые подпольщики, в том числе и братья Левашовы. В первом антракте, выходя из зрительного зала, Василий увидел знакомое лицо... Любы Шевцовой, которая, как всегда веселая, что-то оживленно рассказывала подругам, сидящим около нее, и вначале даже не поверил своим глазам. Не обнаруживая себя, он присмотрелся внимательно и убедился, что это все же она. Затем в фойе клуба быстро разыскал Сергея и вместе с ним коротко рассказал остальным членам штаба, присутствующим на представлении, о своей знакомой. Это вызвало неоднозначный интерес, ведь Шевцова – радистка, и тревогу: «Что делает в оккупированном Краснодоне?» Не хотелось верить в провал, но положение обязывало подпольщиков быть осторожными. Вопросов много, а ответ нужен был незамедлительно. Мало ли что могло произойти за это время.

Страсти, бушевавшие на сцене во втором акте, уже не волновали ребят. Хотя глаза и смотрели на актеров, но мысли были заняты другим. Как поступить? Не хотелось упускать удобного случая привлечь очень нужного человека в подпольную организацию. Но сдерживала неизвестность. Наконец, приняли решение пойти на риск: отозвать Любу от подруг, поговорить с ней и все выяснить. Сделать это поручили Василию Левашову.

В следующий антракт он с волнением подошел к Любе и ее компании, остановился напротив и стал на нее пристально смотреть. Одна из подруг заметила молодого симпатичного человека и что-то шепнула Любе. Шевцова безразлично взглянула в его сторону, какое-то мгновение всматривалась в лицо Василия, а затем вихрем сорвалась с места и бросилась к нему на шею. Смущенный, покрасневший парень не успел даже ничего произнести и ошарашенный стоял в ее объятиях в толпе выходящих из зала удивленных и улыбающихся зрителей.

Шевцова
Любовь Григорьевна

Люба, как всегда, инициативу взяла в свои руки. Подхватив под руку ошарашенного Василия, она увлекла его в фойе, усе-лась на подоконник и попыталась поговорить. Но они оказались в центре внимания, вокруг стали собираться любопытные ротозои. Пришлось выйти на улицу.

После такой восторженной встречи Василий уже ни в чем не сомневался, а она горячо говорила, что наконец-то узнала, кто в городе распространяет листовки. Левашову стало стыдно. Ведь эта красивая, хрупкая девушка ни на секунду не засомневалась в нем, который тоже каким-то образом оказался в Краснодоне после выпуска из разведшколы НКВД. Узнав у Любы, что ее радиостанция находится в Луганске, и договорившись о встрече на завтра, они поспешили в зал. А там их уже ждали удивленные подружки и друзья. Василий вернулся к товарищам, сообщил им, о чем разговаривал с Любой, и только потом вспомнил, что ничего не сказал ей о Сергее. Его больше ни о чем не спрашивали, так как сами были свидетелями столь яркой и радостной встречи.

На следующий день братья Левашовы пришли к Шевцовой домой. О том, что Василий будет не один, Люба не знала, поэтому, когда они вошли в квартиру, Шевцова встретила Сергея так же восторженно, как накануне Василия в клубе.

Ефросинья Мироновна, мать Любы, заметила разницу в том, кого и как встретила ее дочь, и расценила, разумеется, по-своему. И когда позднее угощала ребят чаем, то Сергею уделяла чуть больше внимания. Люба по этому поводу хохотала. Ей очень понравилось, что ее мама так старательно обхаживает Сергея.

Оказалось, что после окончания разведшколы Люба была оставлена в

оккупированном Ворошиловграде (Луганске) в составе разведывательно-диверсионной группы для обеспечения связи с центром. Ее рация размещалась в доме № 56 по улице Заречной. Оттуда она и выходила в эфир, передавая в центр зашифрованные радиogramмы. Но однажды было замечено, что к этому дому стала проявлять интерес полиция. То ли немцам удалось запеленговать станцию, и они пытались установить ее точное местонахождение, то ли кто-то проявил неосторожность и навлек подозрения на себя и своих товарищей, с которыми встречался. Рацию пришлось перенести в другое место, откуда Люба продолжала выходить в эфир. Но случилась новая беда. Гестаповцы арестовали одного из членов группы. Правда, через некоторое время он был опущен, так как улики, подтверждающих его антифашистскую деятельность, у оккупантов не было, но за ним могли наблюдать и установить слежку за другими членами группы, с которыми тот встречался. И действительно, вскоре было замечено, что Любой заинтересовалась фашистская контрразведка. Однажды квартиру, где она временно проживала, посетили два немецких офицера и один в штатском. К счастью, Люба в это время находилась в Краснодаре. Она ездила навестить свою маму и только тогда, когда вернулась в Ворошиловград, узнала, что в дом приходили гестаповцы и за ней ведется наблюдение. Шевцова решила связаться с руководителем группы и просить его разрешения увезти рацию в Краснодар. Но связаться с руководителем не удалось. Почувствовав опасность, члены группы между собой уже не встречались. Пришлось Любе возвратиться домой. В этот момент и произошла встреча ребят в клубе.

Через несколько дней после этой беседы Люба вступила в «Молодую гвардию», быстро включилась в работу подпольщиков, внеся веселое оживление и задор.

Вскоре Шевцовой заинтересовалась полиция. Осторожно, чтобы не вызвать гнева новых хозяев, полицейские поинтересовались, откуда она приехала, на что Люба без малейшего стеснения нагло соврала, что училась, потом работала в одном из военных госпиталей, а когда Красная Армия стала «драпать», ее отпустили домой. Полициям ничего не оставалось, как поверить на слово.

С этого времени судьба Шевцовой стала тесно связана с «Молодой гвардией». Это была ее стихия. Непоседливая, энергичная Люба распроставляла листовки, вела разведку, добывала медикаменты. Она стала активным членом подпольной молодежной организации, ей нравилось рисковать и действовать. Рядом с ней были такие же бесстрашные непоседы-сверстники, которые, как и она, люто ненавидели оккупантов.

Иван Туркенич помог ей устроиться на работу в лояльное немцам кафе-варьете (пригодилось участие в художественной самодеятельности). Это

кафе размещалось в здании городского клуба им. В.И. Ленина, в котором уже работали и выступали другие жители Краснодона, в том числе и молодоговардейцы Василий Гуков и Анатолий Лопухов.

Певунья и танцовщица, сообразительная и острая на язык, отчаянная и бесстрашная, Люба имела успех. А ее шаловливые, а то и откровенно хулиганские песенки-частушки очень нравились немцам, особенно, когда она, пританцовывая, кружилась, показывая свои красивые ножки и ажурное белоснежное нижнее белье. Это приводило в восторг молодых вражеских офицеров.

Красивая, яркая, модно одетая, веселая, с точеной фигуркой, Любовь Шевцова ходила по улицам города под ручку с немецкими офицерами, провожаемая презрительными и недоуменными взглядами своих земляков. Она ловила на себе эти взгляды, но улыбалась в ответ так, как могла только она: шаловливо, обаятельно, кокетливо. Девушка знала, что эта страшная игра помогала ей легко проходить туда, куда не было доступа остальным для сбора разведывательной информации. И Люба играла без перерыва. Даже наедине с матерью, самым близким ей человеком, она не разрешала себе до конца выходить из роли, которую создала сама для большинства жителей оккупированного Краснодона.

Штабу «Молодой гвардии» необходимо было наладить связь с подпольным обкомом партии, и Шевцова, несмотря на грозящую опасность, поехала в Луганск и сообщила руководству подполья области о молодежной организации Краснодона. Связь была налажена, и старшие товарищи рекомендовали руководству молодогвардейцев использовать Любу и Василия Левашова как разведчиков-радивистов, умеющих работать на радиопередатчиках. После этой успешно проведенной операции ее единогласно ввели в состав штаба «Молодой гвардии».

Шевцовой хватало на все: она не только распространяла листовки, но и собирала и передавала сведения другим подпольным организациям, помогала держать связь с ними, снова ездила в Луганск, Каменск и другие населенные пункты, установила контакт с партизанским отрядом Боково-Антрацита. Об этой стороне ее деятельности никто из членов штаба, а тем более рядовые молодогвардейцы, не только не знали, но даже не догадывались.

Самообладание Любы было наиболее ценным ее качеством. Даже в минуты самой большой опасности она вела себя так же, как в обычных условиях. Каких усилий ей это стоило, можно только догадываться. Но внешне Люба всегда сохраняла бодрость, веселье, остроумие. И вскоре все подпольщики в этом убедились.

Штаб «Молодой гвардии» в первую очередь очень интересовала рация Шевцовой, которая хранилась на конспиративной квартире в Луганске. И

Люба все предприняла для того, чтобы доставить ее в Краснодар, но там, где она хранила рацию, ее не оказалось. (Отважная девушка, которой 8 сентября 1942 г. исполнилось 18 лет, не знала, что в это время ее рация была уничтожена, а немецкие контрразведчики давно охотятся за ней как за советской радисткой, которую выдал гестаповцам бывший соратник по ДРГ Шпак, хозяин явки. К поискам «пианистки» были привлечены большие силы гитлеровских спецслужб.) Оказавшись без радики, Люба продолжала собирать разведывательную информацию и передавать ее в центр иным путем. (С этой целью в начале декабря 1942 г. Шевцову на ее квартире в Краснодаре дважды посетил представитель разведцентра, переброшенный самолетом на территорию Ворошиловградской области. Об этих встречах Люба никому не рассказывала. Не имела права. О них узнали лишь 20 лет спустя, разбирая архивы НКВД.)

На заседаниях штаба молодогвардейцы часто спорили, высказывая разные, иногда абсолютно противоположные, точки зрения на выполнение тех или иных задач. Это продолжалось и при Любе, но она всегда умела хорошей шуткой быстро разрядить обстановку. Постепенно в штабе «Молодой гвардии» образовались две коалиции во главе с неизменными лидерами – Земнуховым и Третьякевичем, и споры стали составной частью каждого заседания. Причем у Виктора группа поддержки из членов штаба была больше, чем у Ивана, поэтому Земнухов на очередном заседании в начале ноября 1942 г. предложил в состав штаба ввести Кошевого ответственным за безопасность в организации (начальником разведки). Олег и так был практически постоянным участником всех совещаний, на которых присутствовал его лучший друг Земнухов, но с этого момента он стал обладателем права голоса при принятии окончательных решений по тому или иному вопросу деятельности «Молодой гвардии».

На этом решении штаб подпольной организации в составе девяти человек полностью сформировался, хотя Жора Арутюнянц, Иван Туркенич, Сергей Тюленин, Ульяна Громова и Любовь Шевцова практически ежедневного участия в его работе не осуществляли. У них были конкретные поручения, и они с ними успешно справлялись.

Подпольная комсомольская организация Краснодона по своему составу была многонациональной. В нее вошли не только русские и украинцы, но и белорусы, и азербайджанцы, и армяне, и молдаване, и представители других национальностей. Один из подпольщиков группы Ковалева, Вася Пирожок, был потомком запорожских казаков, а Ульяна Громова – донская казачка. Такое разнообразие национального состава не мешало сплоченности «Молодой гвардии». Все ее члены беспредельно верили друг другу, верили в победу над ненавистными фашистами.

Еще в октябре на заседании штаба было решено создать подпольную типографию, с тем чтобы тексты листовок не писать от руки, а печатать большими тиражами и распространять по городу. Эту работу поручили Георгию Арутюнянцу. Но не было шрифта, станков, да и никакого опыта. Никто из молодых патриотов никогда в жизни не печатал; не набирал в типографиях и не представлял себе, как это делается.

Группа Сергея Тюленина в развалинах здания редакции районной газеты собрала много металлических букв, а недостающие молодые умельцы вырезали из кусочков резины. Печатный станок собственной конструкции смастерили Осьмухин и Орлов вместе с Арутюнянцем, в доме которого на окраине Краснодона и оборудовали подпольную типографию.

В начале ноября 1942 г., накануне 25-й годовщины Великого Октября, станок заработал. Когда готовили к выпуску первую печатную листовку, произошел курьезный случай. Василий Левашов, Иван Земнухов, Владимир Осьмухин, Виктор Третьякевич и Георгий Арутюнянец стали набирать текст. Буква за буквой вставляли и закрепляли в специальное устройство. Укладывали буквы, естественно, слева направо, как обычно пишут. Тиснули первый экземпляр, посмотрели на него и дружно рассмеялись: текст отпечатался наоборот. Пришлось переделывать. С тех пор отпала надобность писать листовки от руки. Теперь они печатались. Невзирая на опасность, это делали ребята из центральной группы под руководством Василия Левашова, который эти листовки писал на основе сводок Совинформбюро, принятых по вечерам в подвале его братом Сергеем. Потом они обсуждались на заседании штаба, а Арутюнянец, Осьмухин и Орлов размножали уже подготовленный текст. Все трудились самоотверженно.

А ведь в то время в Краснодоне не было электричества, радио, газет, не было правдивой информации о положении на фронте, и фашисты распустили слух, что Сталинград пал, захвачена Москва, что Красная Армия разбита и больше не существует. У населения создавалось впечатление, что война проиграна, и нет смысла оказывать сопротивление врагу. Но молодогвардейцы в своих листовках опровергли эту ложь, поддерживали веру советских людей в победу нашей армии.

В ночь на 7 ноября 1942 г., в преддверии дня Великой Октябрьской социалистической революции, юные патриоты водрузили восемь красных флагов на самых высоких зданиях в г. Краснодоне и прилегающих к нему поселках, а на заборах, стенах домов расклеили свои первые листовки, отпечатанные типографским способом, в которых подробно пересказывалось содержание доклада И. В. Сталина, сделанного 6 ноября 1942 г. в Москве на торжественном заседании Моссовета.

Город не знал о подполье, но в этот день почувствовал его силу. Ведь развевалось алое полотнище даже на здании немецкого дирекциона, вместо фашистской свастики. Оккупанты и полиция не знали о «Молодой гвардии», и всю деятельность молодых подпольщиков они приписывали партизанам, приходящим из леса. Разгневанные жандармы обрушились с ругательствами на полицию и требовали немедленно убрать красные флаги. Те бросились исполнять приказание своих хозяев. Сняли один флаг, другой, третий ... Но на крыше школы № 4 им. Ворошилова красный стяг продолжал гордо реять. Это группа Сергея Тюленина вместе со своим командиром проявила находчивость, заминировав подходы к флагу и установив предупреждающие таблички на немецком языке. Только к вечеру напуганные жандармы и полицейские сумели снять флаг, когда приехали в город вызванные из Луганска немецкие саперы, которые и определили, что мины были учебными.

Впервые за время оккупации люди в Краснодоне улыбались и плакали от радости, что о них не забыли, о них помнят. Приподнятое настроение было и в гараже среди рабочих, где работал Сергей Левашов. За ним уже прочно утвердилось репутация самого информированного человека. Пришлось ему и в этот праздничный день рассказывать о положении на фронте, о ходе оборонительных сражений, которые ведет Красная Армия. Встретившись вечером, братья долго смеялись над очередной проделкой Сережи Тюленина, который одурачил жандармов и полицейских Краснодона.

На следующую ночь в городском парке молодогвардейцы убили предателя-полицая, оставив на его груди грозную записку: «Это ждет каждого врага Родины». Полицейские стали бояться и теперь патрулировать выходили только когда их было не менее пяти человек.

Участившиеся провалы действий полиции убедили руководство фашистской администрации в неблагонадежности некоторых полицейских, и, не имея доказательств, Ковалева и Пирожка вскоре выгнали за «недисциплинированность». Леонова и Григорьева уволили из полиции несколько позже. Это дело было не для них. Не могли же ребята притворяться и принимать участие в карательных акциях фашистских прихвостней против советских людей. Но даже их короткое пребывание в полиции сослужило немалую пользу всей организации.

«Молодая гвардия» была комсомольской подпольной организацией, хотя в ее состав вступали и отдельные не комсомольцы, такие как Сергей Тюленин и большинство ребят его группы. Поэтому было решено: этих проверенных ребят, достойных молодых патриотов, проявивших себя в деле борьбы с врагом, принимать в комсомол в подполье. В оккупированном Краснодоне после торжественного приема им вручали

временные комсомольские билеты, отпечатанные в подпольной типографии. Такие же комсомольские билеты были выданы и тем молодоговардейцам, которые сдали свои документы в партийные органы перед заброской в фашистский тыл. Временный комсомольский билет под № 1 был торжественно вручен Василию Левашову Олегом Кошевым в клубе им. Ленина днем, когда там еще никого не было, а двери были открыты.

Вечером 21 ноября 1942 г. Сергей Левашов, как уже стало обычным, после работы в гараже в строго назначенное время стал прослушивать и записывать очередную сводку Совинформбюро. Москва передавала экстренное сообщение, в котором говорилось:

«На днях наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяжением 30 км на северо-западе (в районе Серафимовичи), а на юге от Сталинграда - протяжением 20 км, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 60-70 км... Таким образом, обе железные дороги, снабжающие войска противника, расположенные восточнее Дона, оказались прерванными. В ходе наступления наших войск полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизия противника. Нанесены большие потери семи пехотным, двум танковым и двум моторизованным дивизиям противника. Захвачено за три дня боев 13 тыс. пленных и 360 орудий, а также много пулеметов, минометов, винтовок, автомашин, большое количество складов с боеприпасами, вооружением и продовольствием. Противник оставил на поле боя 14 тыс. трупов солдат и офицеров. В боях отличились войска генерал-лейтенанта Романенко, генерал-майора Чистякова, генерал-майора Толбухина, генерал-майора Труфанова, генерал-лейтенанта Батова. Наступление наших войск продолжается».

Сергей слушал и не верил своим ушам. «Неужели началось?» – непрерывно билось у него в голове. Он с нетерпением дождался прихода брата, и они вместе дождались повторения этого экстренного сообщения Совинформбюро. Словами не передать той радости, которую испытали они, когда слушали голос Левитана. Дословно все переписав, Василий ушел, чтобы завтра сообщить эту радостную новость всем молодоговардейцам. Ночью он никак не мог уснуть. Несколько раз писал и переписывал текст очередной листовки с этим сообщением и, еле дождавшись утра, чуть ли не бегом направился к Виктору Третьякевичу.

К этому времени в подпольной организации было уже четыре радиоприемника, поэтому эта новость одновременно стала известна Олегу Кошевому, через его дядю Н.Н. Коростылева, Николаю Сумскому и

Владимиру Жданову из подпольной группы поселка Краснодон, а также Степану Сафонову, верному соратнику и помощнику Сергея Тюленина.

23 ноября 1942 г. ударные группировки советских фронтов соединились в районе Калача и замкнули кольцо вокруг 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью более 300 тыс. человек из состава 6-й полевой и 4-й танковой армий врага. Такого поражения гитлеровская армия еще не знала. Фашистские захватчики испытывали шок и потрясение. Это стало ощущаться и в Краснодоне. Немцы перестали вести себя с местным населением нагло, по-хамски, как с холопами.

Лишь намного позже ребята узнали, что контрнаступление Красной Армии под Сталинградом началось утром 19 ноября 1942 г. Войска Юго-Западного (командующий генерал Н.Ф. Ватутин), Донского (командующий генерал К.К. Рокоссовский), а затем и Сталинградского (командующий генерал А.И. Еременко) фронтов, прорвав оборону противника, устремились по сходящимся направлениям на Калач, находящийся в тылу противника. Главные удары фронтов были нанесены по позициям, занятым в основном румынскими и итальянскими дивизиями.

Начальник электромеханических мастерских Николай Петрович Барakov и Филипп Петрович Лютиков уже давно вошли в доверие к оккупантам, особенно к начальнику дирекциона барону Швейде, и успешно решали свою главную задачу: не дать немцам восстановить шахты. О действиях комсомольского подполья они знали от Владимира Осьмухина, работавшего под их началом не только в мастерских. (Но об этом Василий Левашов узнал только после войны.)

Высококачественный уголь Донбасса очень был нужен фашистским оккупантам. Он требовался им для железнодорожных перевозок, восстанавливаемых коксовых заводов и доменных печей. Но Краснодон угля не давал, потому что все шахты были затоплены. А чтобы начать работы, нужно прежде всего откачать воду. Ее откачивали, но вода не убывала. Подъемные машины ремонтировали очень медленно. Ремонтные работы велись только тогда, когда на шахте присутствовал кто-нибудь из немецких сотрудников дирекциона или явных предателей из своих. В остальное время рабочие занимались чем угодно, только не ремонтом.

Но однажды барон Швейде потребовал от Баракoва, чтобы тот лично показал, как идут восстановительные работы на шахтах, и приказал через час подготовить свою машину к выходу. Николая Петровича охватило беспокойство. Внезапный приезд начальника дирекциона позволил бы ему своими глазами увидеть, что никто из рабочих ничего не делает. Необходимо было срочно предупредить людей на шахтах, но на какую из них поедет главный немец Краснодона – никто не знал, а времени не хватало.

Николай Петрович знал, что в гараже дирекциона работает Сергей Левашов. Знал он и о том, что тот уже не одну военную автомашину вывел из строя. Теперь нужно было в течение 2-3 часов не выпускать из гаража машину начальника дирекциона и спасти положение. За это время можно было успеть предупредить рабочих всех близко расположенных шахт.

Но дать такое задание Сергею от своего имени Бараков не мог. Тогда в это дело был посвящен Володя Осьмухин, который прибежал в гараж, запыхавшись и ничего не объясняя, шепнул на ухо Сергею распоряжение и исчез. Он не сказал, от кого распоряжение исходит, а до выезда исправной и заправленной машины оставалось несколько минут. А тут еще сомнения в достоверности приказа. Нелегко пришлось Сергею. Лишь в последний момент он решился на крайние меры и подложил скобу под скат заднего колеса. Как только машина тронулась с места, образовался прокол. Пока меняли скат, Сергей приготовил новую неисправность – разъединил контакт зажигания. В общем, держал в гараже машину начальника дирекциона столько, сколько было надо.

Потом вечером они с братом гадали, что все это значило, но Осьмухин так и не признался, от кого исходил этот приказ. Можно было только догадываться. Узнали об этом много времени спустя.

В начале декабря 1942 г. с разрешения бургомистра П.А. Черникова и военного коменданта Краснодона майора Гендемана при шахте № 1-бис для местного населения открылся городской клуб им. Горького, в котором была организована концертная бригада и кружки самодеятельности. По замыслу гитлеровцев, клуб должен был стать очагом антисоветской пропаганды, поэтому необходимо было подобрать подходящего для такой работы директора из продажных местных жителей, который бы выполнял их волю на этом посту. За советом оккупанты обратились к инженеру Н.П. Баракову, видя в нем своего пособника.

Вначале Николай Петрович вежливо отказывался, но позже, посоветовавшись с Ф.П. Лютиковым, решил, что не стоит упускать возможности провести на пост директора клуба своего подпольщика, а уже через него наладить связь с активно действующей «Молодой гвардией».

В свое время от беседы с Земнуховым Лютиков уклонился, но, когда убедился, что комсомольцы действуют без его указаний на свой страх и риск, решил попытаться возглавить работу молодых подпольщиков через своего человека. Поэтому на должность директора клуба Бараков посоветовал оккупантам назначить Евгения Мошкова.

22-летний коммунист Евгений Яковлевич Мошков служил в авиационной части на Кавказе. С началом войны был направлен на фронт. Под г. Миллерово его часть попала в окружение. Бежав из плена, он

возвратился в оккупированный Краснодар, где жили его мама и сестра. Здесь же Евгений установил связь с партийным подпольем и по их поручению выполнял ряд заданий.

Мошков
Евгений Яковлевич

Оккупанты не поставили под сомнение рекомендацию человека, которому доверяли. Тщательно проинструктированный Мошков вначале не соглашался, но после обещаний военного коменданта города, что все работники клуба не будут отправлены в Германию на работы, дал свое согласие. Одновременно Володя Осьмухин в разговоре то с одним, то с другим членом штаба, как бы между прочим, упоминал имя Евгения Мошкова и намекал на целесообразность установления с ним связи как с представителем партизан или коммунистов-подпольщиков. И ему не пришлось тратить много усилий.

Члены штаба: Третьякевич, Земнухов, Кошевой и Василий Левашов – под видом устройства на работу, пришли к Евгению в тот момент, когда тот осматривал помещения клуба. Мошков уже знал, зачем эти четверо пришли в клуб, но больше часа водил их по служебным помещениям, рассказывая о планах клубной работы, и лишь потом провел в свой кабинет, усадил всех на стулья и начал с вопроса:

– Кто вы такие?

– Мы – комсомольцы, а ты коммунист. Вот мы и пришли к тебе.

Лицо Мошкова утратило строгое выражение, и на его губах появилась улыбка. Это была улыбка человека, который прекрасно знал, кто к нему явился и с какой целью пожаловал.

Он, не перебивая, внимательно выслушал ребят, разузнал все о составе и организации работы между штабом и подпольными группами, а потом подвел итог их беседе:

– Не слишком ли много известно каждому из подпольщиков о всей организации? А вдруг провал? Если хотите, чтобы серьезные люди имели с вами связь, немедленно наведите порядок. Прежде всего – строжайшая конспирация. Даю вам неделю на исправление. Потом приходите – будем разговаривать. Если это вам не подходит, считайте, что никакого разговора между нами не было. Я не знаю вас, а вы меня.

На том и расстались.

С этого дня члены штаба «Молодой гвардии» постоянно были в тесном контакте с Мошковым: советовались, информировали о делах и

планах. Теперь ни один важный вопрос подпольной работы не решался без его согласия, одобрения и участия.

И вскоре Евгений стал оформлять на работу в клуб молодых подпольщиков. Это освобождало ребят от отправки на работы в Германию.

Почти все руководящие должности в клубе заняли участники подпольной комсомольской организации. Иван Земнухов стал администратором, Виктор Третьякевич - руководителем струнного оркестра. В хоровом, танцевальном, драматическом коллективах и струнном оркестре были в основном молодоговардейцы.

Василий Левашов, Володя Загоруйко и Жора Арутюнянц хорошо играли на мандолине, поэтому вошли в коллектив струнного оркестра. Кошевой вначале не собирался идти устраиваться в клуб, чтобы иметь возможность все свое время отдавать подпольной работе. Но вскоре полицейские принесли Олегу повестку, обязывающую его пройти медицинскую комиссию и в назначенный день явиться на биржу труда для отправки в Германию. Вот тогда он немедленно оформился на работу, иначе ему пришлось бы переходить на нелегальное положение и создать дополнительные трудности для своей семьи. В числе коллектива струнного оркестра числился и Сергей Левашов. Но его привело в клуб не опасение получить повестку, потому что работа в гараже дирекциона была вполне надежной гарантией от этого. Сергея влекло в свой коллектив.

Клуб стал центром всей работы молодых подпольщиков и позволил вполне легально в любом составе собираться и решать свои дела, не рискуя привлечь внимание тайной агентуры и полиции. Для работающих в клубе фашисты установили бронь, поэтому в случае получения повестки не нужно было прятаться. Здесь стали работать практически все члены штаба: Третьякевич, Земнухов, Кошевой, Левашов, Шевцова, Арутюнянц и Тюленин. Только Туркенич по-прежнему работал в клубе им. Ленина.

Евгений Мошков оказался хорошим организатором и довольно строгим директором. Не прошло и недели со дня оформления ребят на работу, а в клубе уже регулярно проводились репетиции струнного оркестра, хора, танцевального и драматического коллективов. Мошков торопился. Нужно было подготовить большой концерт. Этого требовали оккупанты.

Над репертуаром никто голову не ломал. Просто составили программу, состоящую из русских и украинских народных песен и танцев, эстрадных номеров. А если немцы выскажут свое недовольство, то Евгений Мошков заранее подготовил ответ, чтобы не исполнять номера провокационного содержания.

Вскоре немецкий комендант в сопровождении офицеров появился в клубе. Евгений был готов провести немцев по всем помещениям, но

вовремя вспомнил, что в комнате, где проходили репетиции струнного оркестра, лежит изуродованный портрет Гитлера, который ему дали в комендатуре и приказали вывесить на видном месте в зрительном зале. Он прекрасно знал, что ребята подрисовали главному фашисту бараньи рога, пышные усы и козлиную бороду, поэтому стал думать, как бы миновать эту комнату, если немцы задумают произвести осмотр всех помещений. Но волнения его были напрасны. Дальше директорского кабинета фашисты не пошли. Их интересовала только программа концерта. Изучив ее, они остались недовольны, но Мошков сумел убедить немецких офицеров, что необходимо постепенно приучать местное население к новым порядкам. С такими доводами немцы не стали спорить, и подготовка к первому концерту продолжилась.

По городу были развешаны афиши, которые приглашали жителей Краснодона на концерт самодеятельных артистов в клуб им А.М. Горького 5 декабря 1942 г. Многие помнили, что этот день еще в прошлом году был праздничным – День Конституции СССР. Не знали этого только фашисты.

В назначенное время все места в зрительном зале были заполнены, за исключением первого ряда. Зрители сидели тихо и ждали. К началу концерта ни одного немца в зале не было.

Открылся занавес. Никаких декораций, никаких украшений. Из-за кулис вышел Иван Земнухов. В поношенном темно-сером костюме, в очках, объявил о начале концерта и сам первым прочитал свое стихотворение, посвященное М.Ю. Лермонтову.

Зал, затаив дыхание, слушал, а Земнухов читал все громче, все выразительнее. Хлопали дружно и долго. После него выступал струнный оркестр под руководством Виктора Третьякевича. Зазвучала мелодия украинской народной песни. Братья Левашовы, празднично одетые, сидели рядом и играли на мандолинах, наблюдая за происходящим в зале. Вдруг с шумом открылась дверь и в зрительный зал вошли трое немецких офицеров из фашистской комендатуры. Пока они медленно двигались к первому ряду, появился Мошков, который по ступенькам спустился со сцены в зал и встретил фашистских офицеров. Гитлеровцы, улыбаясь, пожали Евгению руку, что вызвало немалое удивление не только среди молодогвардейцев, но и собравшихся жителей, потому что обычно при встречах немцы не только руки не подавали, но и не отвечали на приветствие.

Утратив веру в скорую победу, фашистское руководство вынуждено было считаться с тем, что у них в тылу на временно захваченной территории проживают миллионы советских граждан, которые могут стать партизанами или подпольщиками. Оккупанты надеялись превратить этот клуб в инструмент идеологической обработки жителей Краснодона в

антисоветском духе, поэтому и пожимали руку Мошкову как своему пособнику, пытаясь такой милостью поощрить его старания.

Евгений усадил немцев в первом ряду, и концерт продолжился. После исполнения струнным оркестром нескольких музыкальных номеров на сцене снова появился Иван Земнухов и объявил следующий номер. Ребята чувствовали, что концерт удался, но на такой успех не рассчитывали. Почти каждый номер сопровождался громкими аплодисментами. Люди истосковались и чувствовали себя здесь, в клубе, как в довоенные годы, когда слышали или сами исполняли многие из этих песен, танцев и стихов. Лишь присутствие троих в фашистской форме напоминало им о том, что враги топчут нашу землю, терзают наших людей, что они здесь, в городе, даже в этом зале.

Когда объявили «Цыганочку» и на сцену из-за кулис стремительно вырвались двое, исполнителей можно было и не называть. Все и так знали, что в таком быстром темпе плясать могли только Люба Шевцова и Сережа Тюленин. Их публика помнила еще с тех пор, когда они были школьниками и с этой же сцены не раз демонстрировали свое искусство.

Когда концерт был закончен, объявили танцы. И пока в зале переставляли стулья, некоторые исполнители потихоньку покинули клуб.

А ночью запылала биржа труда. Это была работа Тюленина, Шевцовой и Лукьянченко. Полностью сгорели списки советских людей с адресами, с заполненными рабочими карточками медицинского освидетельствования и удостоверениями—«аусвайсами», предназначенных к утону на принудительные, каторжные работы в нацистскую Германию. Сбежавшиеся со всех концов города жандармы и полиция не смогли потушить пожар. Более двух тысяч юношей и девушек из Краснодона и района были спасены от насильственного вывоза. Следов поджигателей обнаружить не удалось. Начальник жандармерии гауптвахмистр Зонс боялся признаться начальству в своем бессилии и доложил, что пожар биржи произошел вследствие замыкания электрических проводов, чем вызвал гнев начальника жандармерии Ровенского округа, члена фашистской партии, гауптмана Эрнста-Эмиля Ренатуса (он отлично знал, что в Краснодоне нет электричества).

Красная Армия наступала на широком фронте. В обороне немцев образовалась огромная брешь. Вражеские войска отходили, прикрываясь арьергардами только на отдельных направлениях. Одновременно фашисты гнали на запад большие колонны советских воинов, оказавшихся в плену. На дворе зима, а они одеты по-летнему. Голодные, обмороженные военнопленные были больше похожи на живых мертвецов. Попытки жителей Краснодона хоть как-то их покормить пресекались конвоирами. А ослабевших фашисты тут же, на глазах у всех, добивали выстрелом в голову.

Молодогвардейцы, потрясенные увиденным, решили достать из тайников оружие, перестрелять конвоиров и освободить пленных. Евгений Мошков, узнав об этом замысле, впервые повысил голос:

– Прекратить это самоубийство! Я требую этого!

А потом спокойно объяснил, что дать свободу голодным, замерзающим людям – это не спасение. Большинство пленных так измождены, что просто не способны на побег. Их нужно освобождать в одиночку или мелкими группами, укрывать в семьях, где есть возможность накормить, обогреть, переодеть.

Но пленных нужно было спасти от верной гибели. Решили все еще раз обдумать, разведать, где они будут размещены на ночлег, а потом принять решение, как их освободить. Вскоре в клуб подошли Иван Туркенич и другие члены штаба.

Колонна военнопленных, которая проследовала в утренние часы, была первой, но не последней. В городе она не задержалась и проследовала дальше на запад. Иван Туркенич направил связного в поселок Краснодон с распоряжением командиру местной группы подпольщиков Николаю Сумскому заняться освобождением пленных, которые на ночь должны были остановиться в их поселке.

К вечеру в Краснодон прибыла новая колонна. Большую часть военнопленных разместили во дворе здания бывшей поликлиники. Остальных разместили в школе с. Водяное и в здании первомайской больницы.

Командир принял решение: создать из подпольщиков три группы и освободить пленных. Его поддержали все члены штаба. Инструктаж всех подпольщиков проводил лично сам Иван Туркенич, у которого уже был опыт побега из фашистского плена. Пленных необходимо было не только освободить, но и надежно укрыть от полиции.

Первой центральной группой вместе с Туркеничем руководил Василий Левашов. Пленных разместили на ночлег во дворе поликлиники под открытым небом. Им предстояло спать на мерзлой земле, чуть присыпанной соломой. Когда туда подошли молодогвардейцы, то с удивлением обнаружили, что двор огорожен колючей проволокой, за которой собралось много народа. Охрану военнопленных поручили полицаям, которые к ограде никого не подпускали. Но к вечеру их число заметно сократилось, и люди стали подходить вплотную и передавать пленным еду. В это время девушки подошли к воротам лагеря и разговорами стали отвлекать полицейских, а ребята в нескольких местах приподняли вверх колючую проволоку и по одному выпускали пленных, которые, смешавшись с толпой, быстро передавались местным жителям. За короткое время было выпущено на свободу около тридцати человек. Но вскоре появился

дополнительный наряд полиции и всех жителей стали отгонять от проволочного заграждения. Освобождение пленных пришлось прекратить.

Домой Левашовы возвращались вместе, все еще находясь под впечатлением от увиденного, в резких выражениях проклиная фашистских оккупантов. Сергей рассказал о делах в гараже, а потом сообщил, что сосед-полицай усилил наблюдение за их квартирой и часто по ночам караулил его во дворе.

Этой же ночью из здания больницы в пос. Первомайка местной группой подпольщиков под руководством Туркенича и Земнухова был освобожден 21 военнопленный. А в с. Водяное пленных разместили на ночлег в сельской школе, в которой еще до войны работала мама Володи Загоруйко. Поэтому он хорошо знал расположение помещений и даже имел ключ от запасной двери. Глубокой ночью через эту дверь группа Сергея Тюленина проникла в школу и выпустила на свободу 17 человек. Полицейский, несший охрану у главного входа, так ничего и не увидел.

Но самая значительная операция по освобождению военнопленных была проведена позже под руководством Евгения Мошкова, который сам подбирал и инструктировал в свою группу людей. В нее вошли самые подготовленные и физически крепкие молодоговардейцы: Сергей Тюленин, Василий Пирожок, Василий Борисов, Сергей Левашов и еще несколько молодоговардейцев вместе с Иваном Туркеничем. Ребята тщательно готовились. Ведь предстояло применить не только хитрость, но и оружие. Перед выходом провели предварительную разведку и рано утром ушли к хутору Волчанскому Каменского района Ростовской области, близ которого был расположен лагерь военнопленных, притом каждый захватил с собой дополнительно гражданскую теплую одежду.

К этому времени ребятам уже было известно, что лагерь был переполнен пленными, которые содержались в ужасных условиях. Они были обречены на смерть от голода и холода.

Подойдя ночью скрытно, подпольщики произвели внезапное нападение и подняли такую стрельбу, что охранники приняли их за прорвавшееся через фронт подразделение Красной Армии и в панике стали разбегаться, попадая под огонь наших ребят. Когда подпольщики ворвались в ворота, узники лагеря встретили их радостными возгласами. Они тоже думали, что это Красная Армия, и все, кто был способен двигаться, были уже на ногах. Все пленные, быстро переодевшись в гражданскую форму и прихватив оружие перебитой фашистской охраны, вырвались на свободу и направились в сторону фронта. Об этом Василию Левашову потом вдохновенно с чувством выполненного долга рассказывал брат Сергей.

В эти же дни в Каменске полиция задержала Ольгу Иванову. Ребята быстро собрали деньги на подкуп полицейских, и она была освобождена.

Комсомольцы-подпольщики работали с увлечением. Чем опаснее было задание, тем с большей гордостью оно воспринималось. Всем хотелось ускорить разгром немецко-фашистской армии, приблизить час освобождения советской земли. Арсенал подпольщиков постоянно пополнялся: так, группа Василия Левашова недалеко от с. Водяное напала на вражескую машину с оружием, перебила охрану, а вооружение и боеприпасы скрытно доставила на склад подпольщиков. «Молодая гвардия» действовала и приводила в трепет врага.

В середине декабря 1942 г. от каменных партизан в штаб «Молодой гвардии» прибыл связной, который принес письменное указание комиссара партизанского отряда прислать двух отважных подпольщиков для совместных действий. На заседании штаба было решено отправить к ним двух Василиев – Пирожка и Левашова. Вернувшись обратно, ребята доложили, что помогали партизанам при подрыве железной дороги у ст. Должанская, по которой двигались эшелоны с вражескими танками, автомашинами и снарядами.

В это же время связная областного коммунистического подполья Любовь Шевцова, вернувшись из Луганска, сообщила членам штаба «Молодой гвардии», что Виктор Третьякевич соврал. Он не был направлен командиром партизанского отряда в Краснодар, потому что его отряд был полностью уничтожен фашистами еще в начале сентября 1942 г. Третьякевич стал оправдываться, но всех возмутило то, что он не сказал правду. С должности его сняли, оставив членом штаба, а комиссаром организации по предложению Шевцовой выбрали Олега Кошевого. Но как ни скрывали эту информацию, очень скоро об этом узнали почти все члены организации.

Вернувшийся с задания Василий Левашов не поверил, что его друга освободили от должности комиссара подпольной организации, и стал убеждать остальных членов штаба, что это ошибка, что Олег хороший исполнитель, но не может быть комиссаром «Молодой гвардии» не только в силу своего возраста и небольшого авторитета среди подпольщиков, а прежде всего, что он не являлся лидером, таким каким был Третьякевич. Но последующие события убедили его, что в работе штаба практически ничего не изменилось. Виктор, как и раньше, на каждом заседании всю инициативу брал в свои руки и продолжал дальше командовать, хотя номинально уже не являлся комиссаром молодых подпольщиков. (Свою правду Василий Иванович отстаивал на протяжении всей своей жизни, убежденно доказывая, что одним-единственным комиссаром «Молодой гвардии» был только Третьякевич, независимо от того, что в течение 16 лет Виктора официально считали одним из предателей организации.)

На следующем заседании штаба Олег и Иван Земнухов предложили

создать боевой ударный партизанский отряд, связаться с партизанами под Каменском и совместно с ними ударить с тыла по фашистам, чем помочь наступающим бойцам Красной Армии. Это предложение было горячо поддержано, и уже 19 декабря 1942 г. был сформирован молодежный партизанский отряд «Молот». В него вошли пятнадцать самых отважных, самых крепких и выносливых молодогвардейцев, в том числе три девушки (сестры Иванцовы и Валерия Борц), все приняли новую присягу партизан и, разделившись на пятерки, стали готовиться к походу, с нетерпением ожидая вызова. Командиром назначили Туркенича, комиссаром – Кошевого.

Ольга Иванцова установила связь с ростовскими партизанами. Были подготовлены оружие, боеприпасы, а также запасены продукты для отряда. Перед своим уходом ребята решили обеспечить семьи всех молодогвардейцев углем и дровами. Но получить уголь при немцах было не так-то легко. Олег Кошевой через своего дядю все же достал наряд на уголь, который возили все вместе, помогая один другому, по три человека на тачку, а дрова взяли, разобрав деревянные крепления небольшой заброшенной шахты. Но выход молодых партизан по различным причинам постоянно откладывался.

Тогда Кошевой и Земнухов стали настаивать на организации личной встречи с руководителями ростовского отряда. Те не возражали, но, к сожалению, встреча так и не состоялась. А вскоре пришло указание от руководства ростовских партизан, что отряд «Молот» остается в Краснодаре, для него подготовят базу и оружие, их группа станет ядром нового партизанского отряда. Этот отложенный выход молодогвардейцев сильно подорвал авторитет штаба.

В конце декабря 1942 г. события на советско-германском фронте развивались стремительно, фронт приближался к Краснодару. Тогда юные молодогвардейцы решили поднять восстание в городе, чтобы разбить немецкий гарнизон и присоединиться к наступающим частям Красной Армии. Оружие и боеприпасы стали переносить и прятать в подвале старой городской бани. Одновременно ряды подпольной организации пополнялись проверенными ребятами. В ее составе уже было более ста участников – юношей и девушек (самому младшему – 14 лет), а на тайном складе подпольщиков имелось 15 автоматов, 80 винтовок, 10 пистолетов, 300 гранат, около 15 тысяч патронов, 65 кг взрывчатки, несколько сотен метров бикфордова шнура...

25 декабря 1942 г. немцы отмечали католическое Рождество. По этому поводу оккупанты установили в клубе пушистую, увешанную разноцветными игрушками елку. Слева от нее укрепили свой флаг – огромное красное полотнище с белым кругом и черной свастикой посередине. В зале проходили торжественные мероприятия и показ

кинофильма. Воспользовавшись моментом, Сергей Тюленин спрятался, а когда все ушли и остался один сторож, тихо, без шума, сорвал фашистское знамя и заодно выколол глаза на портрете Гитлера.

Знамя, привезенное из Германии бароном Швейде, долго и безуспешно искали оккупанты, тогда сторожа клуба и десять заложников пригрозили расстрелять, если к следующему дню флаг не будет возвращен. На заседании штаба Тюленина строго предупредили за самовольную инициативу и приняли решение фашистский флаг вернуть. Тогда Сергей разорвал этот стяг на мелкие куски и подбросил к зданию клуба.

Иногда с востока ветер доносил отзвуки далекой канонады. Советские войска подходили к Донбассу. Молодогвардейцы готовились к решительному открытому бою с врагом. Начать восстание планировали ночью 31 декабря 1942 г., взорвав здание дирекциона, в котором фашистами планировалась встреча Нового года с концертом и банкетом для немецких офицеров и русских подонков-предателей. После взрыва шесть молодогвардейцев должны были войти прямо в зал и забросать оставшихся в живых врагов гранатами. В целях конспирации и прикрытия своих действий после акта возмездия члены штаба должны были сразу же собраться на вечеринку к девушке, не имеющей никакого отношения к «Молодой гвардии». Туда же пригласили и сына заместителя бургомистра Георгия Стаценко.

В это время немецкая контрразведка, гестапо, полиция и жандармерия активизировали усилия по поимке и ликвидации комсомольско-коммунистического подполья в районе Краснодона. Гитлеровцы долгое время тщетно пытались раскрыть организацию, и на ее след напали совершенно случайно, даже не подозревая об этом.

Все началось с кражи подарков для немецких солдат, которые на автомашинах доставлялись на фронт в канун Нового года. Гитлер приказал своим тыловикам вручить каждому солдату, находящемуся на передовой, «новогодний подарок фюрера» – пакет с сигаретами, шоколадом, бутылкой шнапса. Фюрер надеялся, что эти подарки поднимут боевой наступательный дух армии. И немецкие автоколонны потянулись к линии фронта.

В каждой машине перевозилось 6 – 8 мешков «подарков фюрера», в каждом из которых было 100 пачек сигарет «Люкс», 2 кг шоколада в плитках по 50 гр, 25 флаг со шнапсом и свежая почта.

Одна из таких колонн остановилась на отдых в Краснодоне. Спустив на ночь воду из радиаторов, водители и солдаты, сопровождавшие груз, разошлись для отдыха по домам.

В это время в доме Виктора Третьякевича проходило очередное заседание штаба, на котором присутствовали и члены первомайской группы – Анатолий Попов и Виктор Петров. На заседание пригласили Евгения Мошкова,

за которым в клуб сходил Василий Левашов. Обсуждали план нападения на дирекцион.

Около часа ночи, когда заседание близилось к завершению, в дом Виктора, как вихрь, ворвались Сергей Тюленин и Валерия Борц. Они с пылом рассказали, что немецкие машины с новогодними подарками стоят без охраны около городской управы, и предложили их «огрбить». Это сообщение, конечно, заинтересовало всех, даже Мошкова. Ведь после нападения на дирекцион ребята готовились уходить навстречу фронту, а продовольствия явно не хватало.

Быстро согласовав свои действия, юные подпольщики (кроме Попова и Петрова) оделись и вслед за Сергеем направились в центр города, где у аптеки стояла немецкая грузовая автомашина, крытая брезентом, в кузове которой были большие мешки с картонными посылочными коробками. В самой машине и вокруг поблизости никого. Не видно было и ночных полицейских патрулей. Ребята тихо открыли задний борт. В кузов вскочили Сергей Тюленин и Валерия Борц, которые быстро стали подавать мешки с посылками. Но где их прятать? Вспомнили, что недалеко жили Сергей Левашов и Анатолий Лопухов, но к Сергею нельзя, там рядом живет полицай, который постоянно за ним следит. Стали перетаскивать мешки во двор к Лопухову, которого разбудил Жора Арутюнянц, Полуодетый, полусонный Анатолий открыл дверь и, увидев целую группу ребят с мешками, вначале удивился, но потом быстро сбежал в дом за ключом. Что-то невнятное сказав проснувшейся матери, Анатолий быстро присоединился к ребятам и открыл сарай. Туда и стали перетаскивать мешки с почтой. И в этой суматохе чуть не прозевали опасность.

К машине приближались двое полицейских. Первыми их заметили Евгений Мошков и Олег Кошевой. Они приготовили оружие и пошли навстречу полицаям. Те видели на фоне белизны снега снующие фигуры людей, но приняли их за немцев, не ожидая такой дерзости.

Вдруг от идущих навстречу прозвучало грозное требование по-русски:

– Руки вверх! Бросай оружие!

Борц
Валерия Давыдовна

Лопухов
Анатолий Владимирович

Две винтовки соскользнули на снег, руки полицаев взметнулись вверх. Даже сами молодогвардейцы не ожидали, что так легко и быстро пройдет разоружение полицейского патруля.

— Кругом! Бегом, марш! — подал Мошков новую команду.

Полицейские быстро повернулись и с поднятыми руками побежали в обратную сторону, обезумев от радости, что их не убили.

Все в очередной раз обошлось удачно. Затевать стрельбу было не в интересах подпольщиков. Когда все утихло и довольные своей добычей молодогвардейцы быстро разошлись по своим домам (некоторые прихватив с собой по мешку «подарков фюрера»), полицейские осторожно забрали свои винтовки, брошенные ребятами на обочину дороги, а утром доложили начальству, что происшествий не случилось. И пока немцы не обнаружили пропажу почты, все было тихо.

На рассвете один из водителей вышел, чтобы прогреть мотор своей автомашины, и вдруг увидел, что мешки с подарками, которыми был наполнен кузов, исчезли. Насмерть перепуганный немец поднял тревогу. Военный комендант Краснодона майор Гендеман сразу же отдал приказ: предупреждать всех офицеров войсковых частей, проходящих через город, тщательнее следить за охраной имущества.

А в городе начался переполох. Была поднята на ноги вся полиция. В домах начались повальные обыски. Но искали пропажу почему-то на окраинах города. А в это время молодогвардейцы, переложив посылки в свои мешки, на санках, мимо здания полиции, перевезли весь груз в клуб. И это не вызвало у полицаев никакого подозрения, потому что местные жители уже давно приспособили санки и детские коляски для перевозок вещей, которые они меняли на продукты.

В этот же день вечером Василий Левашов зашел к брату и сообщил ему о задании штаба подготовить две грузовые машины для обеспечения операции после разгрома дирекциона и ухода в лес. Сергей загадочно улыбнулся, рассказал Василию, что в гараже стоит немецкий отремонтированный бронетранспортер на гусеничном ходу, и предложил его тоже угнать. Так и порешили.

На следующий день, 30 декабря 1942 г., ребята, как ни в чем ни бывало, пришли на работу в клуб. До назначенного часа возмездия оставалось чуть более суток. Решение было принято, задачи поставлены, уточнялись лишь только отдельные моменты действий юных подпольщиков в новогоднюю ночь.

Наступило долгожданное 31 декабря 1942 г. Все уже было готово к восстанию. Каждый подпольщик знал до тонкостей свою задачу. Одновременно молодогвардейцы готовили нападение на здания городской

полицейской и полиции пос. Первомайка, а отдельным членам организации была поставлена задача – уничтожить этой же ночью остальных руководителей немецкой администрации, жандармерии, гестапо и полиции. Василию Левашову и Володе Загоруйко поручалось ликвидировать полицейского, охраняющего вход в дирекцион со двора, а Сергей Левашов вместе с Анатолием Орловым должны были подогнать две грузовые автомашины в условленный час к зданию дирекциона, на которых все участники после операции отправились бы в лес, навстречу фронту.

Ждали только команды, но большевики посчитали, что выступление молодогвардейцев преждевременно, и запретили его проводить, так как на торжество, организованное немцами, «хозяева» пригласили не только подонков-предателей, но и местных работников, среди которых оказались и члены партии из других подпольных организаций (в том числе Ф.П. Лютиков и Н.П. Бараков). Да и советские войска были еще далеко от Краснодона, поэтому фашисты легко могли расправиться не только с молодыми патриотами, но и со всеми жителями города, если учесть, что у оккупантов был приказ – за одного убитого немца расстреливать 50 человек мирного населения, а за одного убитого румына – 20, а на новогоднее торжество было приглашено только немцев более 50 человек. Поэтому большевики посчитали, что преждевременное выступление молодогвардейцев могло сорвать намеченные планы и погубить много мирного населения.

Но это решение старших-коммунистов стало очередным сильным ударом для всех молодогвардейцев, особенно по штабу. Все так горели желанием уничтожить оккупантов и их прислужников в своем родном городе, что не могли успокоиться, требовали объяснений, и прежде всего от Мошкова. Евгений и сам был расстроен. Он долго отмалчивался, а потом не выдержал и сообщил членам штаба: Виктору Третьякевичу, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому и Василию Левашову:

– Потому что Лютиков сам приглашен на этот банкет. И ему очень надо там быть!

Услышав объяснения, ребята отстали от Мошкова, но поняли, что он сгоряча проговорился, назвав имя руководителя партийного подполья.

Восстание пришлось отложить. Все ребята были расстроены, но, чтобы не вызвать подозрений, вечеринку отменять не стали. Только группа Сергея Тюленина вышла за город и взорвала несколько немецких машин. Этого запретить им уже никто не мог.

Вечером в новогоднюю ночь на квартире у Ксении Толстеновой собрались парни и девушки, всего 14 человек, 10 из которых – молодогвардейцы, в том числе братья Левашовы, Загоруйко, Арутюнянц, Земнухов, Кошевой, Клава Ковалева, Аня Сопова и Третьякевич. Было весело, они

пели, сочиняли стихи, пародии, играли в «почту», танцевали под патефон. В полночь Виктор произнес тост: «За Родину! За Победу!» Вскоре Иван Земнухов ушел, сославшись на болезнь отца, а все остальные веселились до утра, особенно Третьякевич и Загоруйко. Оба были просто в ударе. Все настолько развеселились, что уже любой пустяк вызывал смех. Было как-то по-особому хорошо и тепло. Ребята знали, что это последний вечер в домашних условиях, потому что через несколько дней они собирались покинуть Краснодон и уйти навстречу фронту. Но молодые мстители даже не подозревали, каким черным станет новый день для некоторых из них.

Расходились, когда уже занимался рассвет. Братья Левашовы шли вместе до сгоревшей биржи, затем разошлись каждый к своему дому. Василий прилег на кровать, но долго не мог уснуть, хотя всю ночь не сомкнул глаз. Потом забылся и внезапно очнулся от какого-то смутного беспокойства. Долго лежал, пытаясь снова уснуть. Но сон не шел. В голову лезли всякие мысли.

Уснуть он больше не пытался. В полдень 1 января 1943 г. Василий решил зайти к Третьякевичу и вместе с ним пойти в клуб. Недалеко от дома Виктора он обратил внимание на невысокого паренька из группы Тюленина Володю Лукьянченко, который подавал какие-то знаки. Левашов подошел к нему и узнал, что к Третьякевичам идти нельзя, потому что Виктора арестовали, а в его доме устроили полицейскую засаду. Также Василий узнал, что паренька поставил здесь Сергей Тюленин, чтобы останавливать и предупреждать всех проходящих молодогвардейцев, а сам умчался оповещать остальных ребят.

Предчувствие не обмануло. Организация в опасности. Озадаченный Левашов направился в клуб, куда должны подойти остальные молодогвардейцы. Нужно было успеть их предупредить. Когда он миновал рыночную площадь, то навстречу ему выехала конная пара, запряженная в сани, на которых лежал со связанными за спиной руками Мошков, охраняемый немецким жандармом и полицаем. Евгений узнал Василия, но головы не повернул, только чуть скосил глаза в его сторону и выразительно посмотрел.

Сани с арестованным промчались мимо, а Левашов ускорил шаг. Еще издали он увидел немецких жандармов, которые вышли из парадной двери клуба. Василий догадался, что в помещениях производится обыск. Не глядя на фашистов, он прошел мимо, завернул в переулок и по параллельной улице направился к центру города. Нужно было предупредить всех ребят о начавшихся арестах, а также решить, что делать дальше.

Вначале он зашел к брату, с которым только утром расстался. Сергей уже не спал, а сидел за столом и крутил патефон, слушая танго. О начавшихся арестах он не знал, но это сообщение воспринял спокойно.

Пока они разговаривали, к брату пришли две девушки из числа тех, кто был на новогоднем вечере, – Августа Сафонова и Ксения Толстенева, и тоже рассказали ему, что в городе начались аресты.

Обстановка требовала действий. Вдвоем решили, что необходимо немедленно сообщить об арестах всем молодогвардейцам. Сергей направился к Ивану Земнухову, а Василий пошел по улицам в центр города в надежде встретить своих знакомых ребят. Возле клуба им. Ленина он увидел Володю Загоруйко, рассказал ему о случившемся и вдвоем вошли в фойе клуба в надежде встретить кого-нибудь из подпольщиков, но почти носом к носу столкнулись с Георгием Стаценко.

Тот вначале хотел пройти мимо, сделав вид, что их не узнал, но потом передумал, остановился и бросил злорадно:

– Ну что, допрыгались?

Этого ребята от него никак не ожидали, поэтому застыли на месте ошеломленные, ведь тот всего лишь несколько часов назад смеялся и веселился вместе с ними у Ксении Толстеновой.

В это время Сергей Левашов дождался возвращения домой Ивана Земнухова, которому и сообщил, что арестованы Мошков и Третьякевич, а за что – неизвестно. Иван постарался успокоить Сергея, потребовал передать всем молодогвардейцам прекратить панику, не ходить в клуб и на квартиры к Евгению и Виктору, а также собрать экстренное заседание штаба.

Левашов поинтересовался у Земнухова, что тот собирается делать, и по молчаливому выражению лица Ивана догадался, что он собирается идти в полицию. Сергей понимал, что отговорить его невозможно, но все же попытался. Ваня успокоил своего товарища, сказав, что еще не знает, что будет делать, но сам уже понимал, что не изменит своего решения, и принялся, не спеша, обдумывать линию своего поведения.

Благодаря группе Сергея Тюленина весть об арестах быстро распространилась среди молодых подпольщиков, многие посчитали, что это провал, так как в этот же день был арестован и Иван Земнухов, который сам добровольно пришел в полицию, пытаясь выручить своих друзей.

Василий Левашов с Володей Загоруйко долго еще ходили по городу в поисках подпольщиков. Пытались найти Ивана Туркенича, но безуспешно. Зашли к Кошевому, дома не застали, но вскоре встретили его в городе. Олег тоже бродил в поисках товарищей, чтобы обсудить создавшуюся обстановку и принять решение о дальнейших действиях. Решили собраться в доме у Виценовского. Володя Загоруйко отправился за Сергеем Левашовым и Георгием Арутюнянцем, а Василий и Олег сразу пошли к Юрию.

Когда все собрались, ребята закрылись в отдельной комнате и стали обсуждать положение. Они предполагали, что Мошкова, Третьякевича

и Земнухова арестовали не за участие в деятельности «Молодой гвардии», ведь о причастности ребят к подполью немцы вряд ли что-нибудь знали. Скорее всего враги нашли похищенные «подарки фюрера». А так как подарки хранились в клубе, то фашисты и арестовали директора клуба Мошкова, администратора Земнухова и руководителя струнного оркестра Третьякевича, полагая, что они по своему служебному положению обязаны были знать, что хранится в помещениях клуба.

Собравшиеся молодогвардейцы прекрасно понимали, что ребят будут мучить, избивать, выпытывая, кто еще, кроме них, участвовал в ограблении немецкой автомашины, но они также свято верили в их стойкость, что те никого не выдадут. В то же время, мало ли что может произойти в сложившихся условиях, поэтому не стоит рисковать безопасностью подпольщиков. Из постоянных членов штаба «Молодой гвардии» на этом последнем заседании присутствовало всего лишь трое: Василий Левашов, Георгий Арутюнянц и Кошевой, поэтому, подводя итог, 16-летний Олег взял всю ответственность за принятие решения на себя и предложил:

– Невозможно предугадать, как дальше будут развиваться события. Всякое может произойти. Поэтому я предлагаю принять такое решение: всем нашим подпольщикам разобрать оружие, немедленно уходить из Краснодона и укрыться в соседних хуторах или двигаться в сторону фронта навстречу Красной Армии.

Его поддержали все единогласно и после этого быстро разошлись, чтобы скорее сообщить о принятом решении всем подпольным группам.

В тот же вечер Василий Левашов встретился с подпольщиками первомайской группы Анатолием Поповым и Виктором Петровым, рассказал об арестах двух членов штаба и командира боевой группы и передал решение штаба всем подпольщикам немедленно покинуть поселок. В это же время остальные ребята доводили решение штаба до других подпольных групп.

Домой Василий Левашов пришел лишь ночью, и то на короткое время, чтобы спрятать временный комсомольский билет, который вложил в узкое пространство между механизмом и задней стенкой корпуса старинных часов. Об этом он сказал только двоюродной сестре Наталье Мазаевой, проживавшей с ними, и попросил ее передать его кому следует, когда освободят Краснодон. Она уже знала о начавшихся арестах и понимала, что Василий должен уходить из города, поэтому спросила, не нужна ли ее помощь. Не веря, что это возможно, он все же попросил сестру достать ему регистрационную карточку с биржи труда, но Наталья спокойно ответила, что возьмет.

Ночь Василий Левашов провел у Виценовских. А на следующий день Сергей проводил его в поселок шахты № 12, где раньше проживал с

родителями до переезда в Краснодон. Здесь по его просьбе Василия приютила семья Бондаренко, их бывшие соседи и друзья. А сам, несмотря на зимнюю стужу, в кепке и легкой куртке вернулся в Краснодон, где опасность быть схваченным врагами с каждым часом возрастала.

Прощаясь, Сережа заверил брата, что в Краснодоне задерживаться не будет и на следующий же день уйдет в г. Новочеркасск, где в то время проживала его старшая сестра Евгения. Вечером он возвратился в Краснодон, но готовиться к уходу не стал. Его мама, Лидия Даниловна, уже знала об арестах и, предчувствуя беду, первой об этом заговорила, настаивая на том, чтобы ее единственный сын немедленно собирался в дорогу. Но тот отмалчивался, а утром, как обычно, ушел на работу.

Через два дня, 4 января 1943 г., в поселок к Василию пришла младшая сестра Сергея 13-летняя Ангелина, которую на окраине Краснодона на вновь установленном посту задержали и обыскали немецкие жандармы и полицейские. Она принесла продукты в дорогу и регистрационную карточку биржи труда, заполненную на его имя. Еда, даже самая скромная, представляла большую ценность, но регистрационная карточка... Василий никак этого не ожидал и с благодарностью вспомнил сестру Наташу. (Этот документ потом не раз его выручал.)

На следующий день Ангелина неожиданно пришла снова и, отозвав Василия в отдельную комнату, тихо сообщила, что прошлой ночью за ним приходили полицаи, арестовали его отца и Сергей просил, чтобы он немедленно уходил из поселка. Василий поинтересовался у Лины, когда же брат сам уйдет в Новочеркасск, но она ничего не знала, а только сообщила, что он продолжает ходить на работу. Это немного удивило.

В это время Лидия Даниловна, узнав об аресте Ивана Ивановича, совсем потеряла покой. Она уже не требовала, а просила, умоляла сына немедленно уйти из Краснодона. Но Сергей вначале молча выслушал ее просьбы, а потом с некоторым раздражением сказал, что уходить не собирается, хотя еще недавно сам высказывался и поддерживал решение штаба «Молодой гвардии». Мать, предчувствуя беду, не могла найти себе места.

Василий, взволнованный рассказом сестры об аресте отца и тем, что его ищет полиция, размышлял, куда идти: в Краснодон, в полицию, чтобы выпустили отца, или в Донецкую область к родственникам. Попрошавшись с приютившими его хозяевами дома, Левашов, еще не решив окончательно, пошел в сторону Краснодона. С высоты, на которую он взобрался, уже была видна окраина города и жандармский пост на мосту. Стоит только спуститься – и возврата к свободе уже не будет. Долго стоял он в раздумье. Потом, скрепя сердце, повернул в противоположную сторону.

Василий Левашов шел в юго-западном направлении за пределы

области в Амвросиевку, где родился и где еще жили родственники. Путь предстоял неблизкий, более 150 км, по зимним дорогам, по территории, занятой врагом. Уходя все дальше от Краснодона, он с тревогой размышлял о случившемся, его больше всего беспокоила судьба товарищей: удалось ли им уйти? Но за брата Сергея почему-то был спокоен. Может, потому, что тот, в момент прощания, заверил Василия, что в Краснодоне долго не задержится.

Еще засветло Василий добрался до шахтерского поселка Верхняя Краснянка. Попросился переночевать. Хозяйка долго колебалась, потом все же пустила в неотапливаемую пристройку. Голодным и в холоде провел он эту ночь. Продукты были, но в сыром виде их есть не будешь, а переживания и тяжелые мысли подавляли холод и голод.

Рано на рассвете Василий был уже в пути. Необходимо было за зимний короткий день пройти пешком около сорока километров и до наступления темноты быть в г. Антрацит. Маршрут движения был знаком еще с детства, когда отец брал его с собой в командировку в Донецк, но тогда они путешествовали на грузовой машине и летом, а теперь он шел пешком по проселочным дорогам, по тропинкам, протоптанным в лесу, зимой.

Погода была сухая, морозная, и к вечеру Василий уже входил на окраину Антрацита. Теперь необходимо было позаботиться о ночлеге, но куда бы он ни обращался, ему везде отказывали. Так он безуспешно обошел более десятка домов. Всюду выражали сочувствие, но без разрешения полиции на ночлег не пускали. Уже темнело, когда он подошел к отдельно стоящему дому на высоком фундаменте, у порога которого возилась молодая женщина, откалывая лед со ступенек и промывая их теплой водой. Василий поздоровался. Женщина выпрямилась, повернулась к нему и улыбнулась. Левашов оторопел от ее неземной красоты и, смущенный ее обаянием, не знал, что сказать. Молчание неприлично затянулось, и он, наконец-то, вымолвил:

– Вы не смогли бы пустить меня переночевать?

Продолжая улыбаться, она осмотрела внимательно смущенного Василия, а потом уверенно произнесла:

– А что, пушу!

После многочисленных отказов он не поверил, подумал, что ослышался, и нерешительно мялся у порога.

– Чего стоишь? Вытирай ноги и заходи! – сказала девушка и выразительным жестом бросила мокрую тряпку к его ногам. Вася вытер свои ботинки и вслед за ней вошел в дом, разделся и снял обувь.

Молодая хозяйка указала рукой на сундук и предложила сесть. Затем вышла из дома по своим делам, а он сидел и размышлял: что бы это

значило? Его размышления прервал скрип открывающейся двери. Из другой комнаты вышла пожилая круглолицая женщина, похожая на сову своим маленьким горбатым носом, посмотрела на него тяжелым взглядом, поздоровалась сквозь зубы и вышла через наружную дверь.

Вскоре до Василия донеслись голоса двух женщин, разговаривающих на повышенных тонах. Слов было не разобрать, но о смысле нетрудно было догадаться. Старшая отчитывала младшую за то, что та пустила переночевать какого-то парня.

Василий стал готовиться к худшему, понимая шаткость своего положения. Но вскоре пожилая женщина вернулась и, ничего не сказав, удалилась в свои покои. За ней сразу же вбежала молодая, осветила комнату улыбкой, сказала что-то ободряющее и снова исчезла. Ее долго не было. Наконец, скрипнула входная дверь. Василий с улыбкой повернул голову, чтобы встретить свою избавительницу, но... в прихожую входил полицейский.

Что только не промелькнуло в его голове за это короткое время. Вспомнились даже довоенные приключенческие фильмы, в которых красивая обаятельная шпионка завлекала парней, чтобы выдать затем полиции.

Вошедший полицейский поздоровался, снял с плеча винтовку и направился в соседнюю комнату. Молодая женщина, пристроившись почти вплотную, проследовала за ним, стараясь попасть в ногу. На ходу она повернулась к ошарашенному Василию и, улыбаясь, показала язык.

Эта озорная выходка стала для него милее всех улыбок. Ведь она означала, что ночлег обеспечен, безопасность гарантирована. Жаль только, что у этой доброй, обаятельной женщины муж – изменник Родины. Полицей не потребовал документы, не задал ни одного вопроса, хотя целый час они сидели за столом, ели суп, приготовленный из продуктов Левашова. Ночь прошла спокойно, в тепле, и рано утром Василий, попрощавшись, продолжил свой путь.

Следующую ночь он провел в г. Снежное. В этот раз ему повезло с первой же попытки устроиться на ночлег. Но вначале Василий долго высматривал дом, куда надо обратиться. И сразу удача. Дверь открыла молодая, довольно бойкая и веселая женщина. Она сразу поняла, что ему нужно, и без лишних вопросов пригласила в дом.

Муж хозяйки в первые дни войны погиб на фронте, и после года одиночества молодая вдова приняла в свой дом бежавшего из фашистского плена бывшего бойца Красной Армии. Так он и прижился. Вскоре веселой вдове пришла в голову идея пристроить и Василия в качестве «примака» к одной из своих подруг. Ему было не до веселья, но предотвратить задуманный ужин с приглашением «невесты» он не мог. Людям, более года находящимся под фашистской оккупацией,

разобщенность была уже неспособна. И они рады были даже придуманному поводу, чтобы собраться небольшой компанией. Они догадались, что Василий не ищет пристанища в их городе, и весь замысел со сватовством превратили в веселое времяпрепровождение.

Утром, поблагодарив хозяев за ночлег, за доброту и гостеприимство, Левашов отправился дальше, к вечеру намереваясь быть в Амвросиевке.

Погода благоприятствовала. Все эти дни ни метели, ни снегопада, ни трескучих морозов. Это означало, что в пути задержек не будет и не придется еще раз проситься к чужим людям на ночлег.

Когда уже стемнело, показались дома на окраине Амвросиевки, но что его там ожидает, Василий не знал, ведь поселок был в оккупации больше года и никаких сведений о родственниках в Краснодон за это время не поступало. Ему только было известно, что брат матери, Антифеев Петр Гаврилович, бухгалтер по профессии, эвакуировался на восток. А его семья, жена и двое взрослых детей, остались в оккупированном поселке. Двоюродный брат Юрий был ровесником Василия, а сестра Клавдия – немного старше. К ним и направился Левашов, еще не зная, можно ли найти у них хотя бы кратковременный приют. Последний раз в Амвросиевке он был еще мальчишкой, но, ни к кому не обращаясь за помощью, быстро нашел и улицу Чапаева, и знакомый дом, ведь в доме рядом он родился. А когда постучал в дверь и на пороге увидел двоюродного брата, очень обрадовался, что застал всех троих живыми и здоровыми.

Родственники тоже обрадовались и одновременно удивились появлению Василия, ведь этим он ставил их в опасное положение. Все местные жители имели удостоверение личности, выданное оккупантами, а он такого документа не имел, поэтому всякая задержка у них была чревата опасностью ареста. А то, что его рано или поздно выдадут тайные осведомители гестапо, сомневаться не приходилось. Посоветовавшись с тетей Валею, Василий решил через три дня идти в поселок Кутейниково и там с помощью родственников получить разрешение на проживание.

За дни, пока Левашов был в Амвросиевке, он близко сошелся с Юрой Антифеевым, который обладал решительным характером. Они оказались единомышленниками, и Василий, доверившись ему, не таясь, рассказал о своем участии в «Молодой гвардии» и о провале подполья. Двоюродный брат ответил взаимностью и тоже рассказал о своих планах. Юра вместе со своим другом устроился на работу в мастерскую, где ремонтировалась фашистская техника. Там они намеревались захватить один из отремонтированных танков и угнать его на советскую сторону. Пока же, работая в мастерской, вредили, как могли.

Как и договаривались, на четвертый день утром Левашов отправился

в поселок Кутейниково Амвросиевского района Сталинской (Донецкой) области. Предстояло пройти всего около 15 км, поэтому Василий шел, не торопясь и размышляя, с кого начать посещение родственников, у кого из них больше возможности приютить его до прихода Красной Армии. Так в раздумьях и прошли два часа пути. Ближе всех оказался дом двоюродной сестры Софьи Калмыковой, которая проживала с мужем Петром и тремя маленькими детьми в частном доме по ул. Партизанской. Молодая семья Калмыковых, несмотря на трудности оккупационного режима, приняла его очень тепло. Петр работал на элеваторе и иногда в карманах приносил зерно. Этим в основном семья и питалась.

С первых часов пребывания в этом поселке Василий Левашов почувствовал, что продержаться здесь до подхода наших войск будет легче, чем в Амвросиевке. Люди больше общались, доверяя друг другу. (Об истинной причине такой атмосферы в Кутейниково Василий со временем стал смутно догадываться уже тогда, но узнал гораздо позже.)

Вечером к Калмыковым забежала девушка, ровесница Василия, и о чем-то долго разговаривала с двоюродной сестрой, иногда украдкой с любопытством разглядывая его. Когда она ушла, Вася поинтересовался у Софьи, зачем она приходила и как ее зовут. Оказалось, что это дочка соседней Евдокия Федоренко и ее привело в дом Калмыковых девичье любопытство, потому что в окно она увидела, как днем к соседям пришел молодой симпатичный парень. Но отец у этой девушки работал в полиции, и Василий понял, что, по крайней мере, одному из полицейских уже точно известно о появлении в поселке постороннего человека.

На следующий день он навестил других родственников. Это была семья еще одного брата матери Антифеева Владимира Гавриловича. Вместе с ним жили его жена Мария (тетя Маня), две взрослые дочери Лидия и Милана (Мила) и сын Саша, подросток. Антифеевы уже знали о его появлении в поселке. Встретили приветливо. Долго расспрашивали о родственниках в Краснодоне. Потом обсуждали, как быть. Тогда эту проблему решить было очень трудно: надо прокормить взрослого парня, устроить на ночлег. А главное – разрешение на проживание. Строгость режима оккупации требовала оформления прописки, но этот вопрос сразу решен не был, поэтому Василий проживал то у Антифеевых, то у Калмыковых, надеясь на скорое освобождение.

Но вскоре его затянувшееся проживание стало беспокоить родственников. Первым об этом завел разговор дядя Володя, сказав, что попытается оформить Василию прописку. Он взял у Левашова свидетельство о рождении, регистрационную карточку биржи труда и через несколько дней сообщил, что его вызывают в полицейскую управу.

Василий понимал, что в полиции будет не беседа, а допрос, поэтому готовил себя к тому, чтобы не сказать лишнего. Но как только он вошел в комнату, куда ему было велено явиться, то не поверил своим глазам. За столом сидела... Евдокия Федоренко, та самая, которая прибегала к двоюродной сестре несколько дней назад на него посмотреть. Она улыбнулась ему, как давнему знакомому, предложила сесть, а затем вручила свидетельство о рождении с отметкой о прописке по ул. Энгельса в доме дяди. Левашов молча озадаченно смотрел на девушку, которая внимательно рассматривала его лицо и что-то записывала. Только потом выяснилось, что Дуся оформляла для него документ, удостоверяющий личность, и в графе «особые приметы» описывала черты его лица.

Уходил из управы Василий окрыленным – его не только прописали, но и выдали удостоверение личности, как местному жителю. Евдокия избавила Левашова от нежелательных вопросов полицаев. Теперь родственники чувствовали себя спокойней, а он с нетерпением стал ждать прихода Красной Армии.

(Много лет спустя от юных следопытов Кутейниковской средней школы Василий Иванович узнал, что бывший староста поселка И.К. Попаденко был советским патриотом, оставленным на оккупированной территории по распоряжению НКВД, и сделал на этом посту много полезного для советских людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. Ведь прежде всего от старосты зависело решение вопроса о прописке и выдаче удостоверения личности.)

В 20-х числах января 1943 г., когда Левашов уже две недели жил у своих родственников в пос. Кутейниково, зимним утром, разговаривая за столом, Василий случайно посмотрел в окно и внутренне содрогнулся, увидев на улице подходящего к дому брата отца, Николая Ивановича Левашова. Вася знал, что тот со своей семьей тоже жил в Краснодаре, но зачем пришел, кого ищет и какие страшные вести он принес?

Никому не говоря ни слова, он быстро поднялся и выскочил в коридор навстречу, чтобы первым и без свидетелей встретить дядю, который молча вошел, обнял его и тихо произнес:

– Сережу расстреляли... И не только Сережу. Тебе в Краснодар нельзя, – едва сдерживая слезы, произнес дядя Коля.

– А что с папой? – тут же спросил Василий.

– Его выпустили, но ищут тебя.

Новость потрясла не столько своей жестокостью, сколько тем, что именно Сергей оказался в руках палачей. От фашистов ждать жалости не приходилось, но вопрос: «Почему же он своевременно не ушел?» – всю жизнь мучил Василия.

«Здесь, в этом пристанционном поселке, Сергей Левашов родился. Здесь он сделал первые в своей жизни шаги. Здесь же меня застала весть о его гибели от рук фашистских палачей. Весть тяжкая. Ведь нас связывали не только родственные узы. Мы с Сергеем были большими друзьями...» – вспоминал Василий Иванович.

Уже потом в тихой и продолжительной беседе Николай Иванович рассказал Васе и родственникам своего старшего брата, что после того как тот покинул Краснодар, город был наводнен жандармами, прибывшими из Ворошиловграда (Луганска). Хожение жителей по городу было ограничено до предела. И днем и ночью производились аресты не только молодоговардейцев, но и других подпольщиков. А потом всех расстреляли.

В этой обстановке родители ни на минуту не забывали о Васе. На семейном совете они решили предупредить сына о том, что его возвращение в Краснодар недопустимо. Взять на себя эти заботы они просили младшего брата отца Николая Ивановича Левашова, который уже через несколько дней был в Кутейниково и сообщил всем о случившемся.

Лишь через десять месяцев, в ноябре 1943 г., Василий в разговорах с отцом и другими родственниками узнал подробности кровавого января в Краснодаре.

«Весь период, начиная с момента массовых арестов подпольщиков и до бегства оккупантов с их пособниками из Краснодона, моих родителей не оставляли в покое. Вскоре после ареста отца забрали корову – единственную кормилицу всей семьи. Отца арестовывали трижды, надеясь выведать мое местонахождение. Многократно приходили в дом полицейские с обыском. Искали, конечно же, меня.

В тот период Краснодар был переполнен фашистскими войсками. Вероятно, это были тыловые части отступающих от Сталинграда фашистских войск. Во дворе нашего дома стояли две немецкие грузовые автомашины, покрытые брезентом. В доме, помимо нашей семьи, размещалось шесть немецких военнослужащих. Они заставили мою мать стирать их белье. Стиркой завалили, а в благодарность – хотя бы кусок хлеба! Видно же было, что семья голодает. Младший брат Толя в поисках еды попытался заглянуть под брезент автомашины. Один из немцев заметил это, поднял шум и чуть не пристрелил брата.

С очередным обыском явились двое полицейских. Осмотрели укромные места. Меня не обнаружили. Тогда они решили обратиться за помощью к немцам, с трудом объясняя, что сын хозяев партизан и, если он объявится, его надо задержать и передать полиции. Суть просьбы немцы вряд ли уловили, но то, что сын хозяев этого дома партизан, немцы поняли. И вот тут произошло неожиданное: теперь каждый раз от завтрака,

обеда и ужина они часть еды стали отдавать семье. Немцы резко изменили отношение к моим близким в лучшую сторону.

Еще тяжелее было в семье брата моего отца Михаила Ивановича Левашова. После ареста Сережи в их дом каждый день приходили полицейские и занимались мародерством. Казалось, брат больше нечего. Тем не менее приходили, рылись в барахле и что-нибудь да уносили. Ближайшим соседом по дому для семьи Левашовых был полицейский Мельников. Это он шпионил за Сережей. После ареста Сережи часами просиживал в засаде в надежде схватить и меня, если я там появлюсь. От этого вечно пьяного полицейского Мельникова и удалось узнать, что 15 января Сережа Левашов был расстрелян и сброшен в шахту...» – вспоминал Василий Иванович.

14 февраля 1943 г. советские войска освободили Краснодон. Начала работать Чрезвычайная государственная комиссия по выявлению боевой деятельности и причин гибели участников «Молодой гвардии», писались статьи в газетах и журналах, собирал материал для своей знаменитой книги А.А. Фадеев, вся страна уже говорила о подвиге молодых героев Краснодона, но об этом ничего не знал Василий Левашов – член штаба и один из организаторов «Молодой гвардии». Он находился на оккупированной врагами территории, хотя до передовых позиций Красной Армии оставалось не более 60 км.

Спустя годы, проводя собственное расследование причин ареста и гибели его друзей-молодогвардейцев, Василий Иванович сделал свои выводы и стал считать, что виной этой трагедии послужила в первую очередь личная беспечность не только рядовых членов организации, но и некоторых ее руководителей. Ведь и раньше молодогвардейцы реализовывали на рынке добытые у врага сигареты, водку и другое имущество, а вырученные деньги поступали в кассу организации, которой ведал Иван Земнухов. На этот раз, после кражи «подарков фюрера» перед Новым годом, нужно было повременить, слишком уж рьяно немцы и полиция вели расследование, но молодые патриоты были так самонадеянны, что и предположить не могли, что «такой пустяк» приведет к гибели всей «Молодой гвардии».

Еще в период формирования подпольной организации командир Иван Туркенич предложил ввести строгую дисциплину, разбить всех на пятерки во главе с командирами, члены которых не должны были знать и взаимодействовать друг с другом. Это же требование к руководителям «Молодой гвардии» было и у Евгения Мошкова при первом знакомстве. Предложение хорошее, и все его поддержали, но дальше того, что разбили всю организацию на пятерки по территориальному признаку и хорошим отношениям между собой, дело не пошло. И виной этому стали сами идейные вдохновители и создатели организации: Земнухов и

Третьякевич, которые, уверовав в свои силы и непогрешимость, в течение всего короткого времени существования организации первыми нарушали все незыблемые законы подпольной конспирации. Они приглашали на заседания штаба, которые проводились практически ежедневно, любого рядового подпольщика, не возражали и даже приветствовали, если кто-нибудь из них сам без приглашения приходил к ним и включался в дискуссию по любому вопросу деятельности организации. Такое же отношение к конспирации было и в присоединившихся подпольных группах из поселков. Только Иван Туркенич приходил на эти заседания в случае обоснованной необходимости, также поступала и Любовь Шевцова. Вот поэтому рядовые члены «Молодой гвардии» в большинстве своем практически ничего не знали о их существовании.

Если в самом городе Кошевой и Земнухов подходили ответственно к обеспечению безопасности и приему в состав организации, то в примкнувших группах из поселков такой строгости не было. Достаточно было, чтобы кто-нибудь из уже действующих и проверенных подпольщиков поручился за нового члена и тот автоматически без всякой проверки принимался в организацию и мог свободно посещать даже заседания штаба в Краснодоне. Отсутствие дисциплины, нарушение всех мыслимых и немыслимых законов конспирации и погубило всю организацию в столь короткие сроки.

Собравшиеся в доме у Виценовского после первых арестов трех руководителей «Молодой гвардии» члены штаба совершенно правильно определили их причину, потому что сигареты «Люкс» из украденных «подарков фюрера» стали появляться в городе, в поселках, на рынках, и даже в ресторане. Полиция при очередной облаве 1 января 1943 г. на городском рынке поймали 12-летнего подростка Мишу Пузырева, который торговал этими сигаретами. Мальчишку избили, пригрозили избить маму, и он признался, что сигареты ему дали Евгений Мошков и Виктор Третьякевич.

Начальник полиции Соликовский вместе с нарядом выехал в клуб и, обнаружив пропавшие мешки с немецкими подарками, избил и арестовал директора Мошкова. Потом арестовали Третьякевича, который после новогодней вечеринки спал дома, несмотря на предупреждения Сергея Тюленина. А Земнухов, пытаясь их выручить, сам пришел в полицию и был арестован как соучастник кражи.

В полиции их сильно избивали, но молодогвардейцы, не стовариваясь, все сводили к обыкновенному воровству, вызванному страшной бедностью. Даже после побоев они говорили настолько убедительно, что им поверил сам начальник полиции. Но об этом не знали остальные члены организации. Испугались многие, но лишь один сразу же написал донос, в котором раскрыл неуловимую подпольную организацию.

Это был член первомайской группы Геннадий Почепцов. Он и стал главным предателем всей «Молодой гвардии», потому что на протяжении двух месяцев свободно посещал все совещания молодых патриотов и знал очень многих подпольщиков не только своей группы, но и руководителей организации. А ведь этот трус и подлец давал клятву перед лицом своих товарищей, и ему поверили.

Это и стало как раз тем непредвиденным случаем, из-за которого на последнем заседании штаба было принято решение: всем подпольщикам немедленно покинуть Краснодон и поселки.

Каждый член организации был лично предупрежден об угрожающей опасности, но, к сожалению, не все осознали ее серьезность и остались дома, на что-то надеясь. Особенно этим отличились практически все участники подполья из шахтерских поселков. Молодость, неопытность, наивность стали для ребят главными врагами.

Фашисты давно имели все данные о деятельности подполья, но считали, что это дело рук партизан, приходящих из леса. И только после предательства им стало понятно, откуда в городе и окрестностях появлялись в большом количестве листовки, кто вывешивал флаги, поджиг биржу, саботировал работу по восстановлению шахт и мн. др.

Начались аресты подпольщиков.

В ночь на 4 января 1943 г. взяты были почти все члены первомайской группы. В самом же Краснодоне большинство молодогвардейцев выполнило указание штаба и за несколько часов до прихода полицаев покинуло свои дома, собираясь укрыться у знакомых в ближайших деревнях. Вместо сбежавших молодогвардейцев арестовывали их родителей, братьев, и даже сестер с грудными детьми.

На следующий день в здании полиции стали допрашивать арестованных. Молодогвардейцев жестоко избивали плетью, резиновым шлангом, проволокой, чтобы заставить их дать показания и выдать своих сообщников, но юные патриоты упорно молчали, и это больше всего бесило гитлеровцев и полицаев. Их поражала чудовищная стойкость этих еще совсем юных подпольщиков. Фашисты не верили, что ребята, школьники могли сами без участия взрослых организовать в подполье и действовать безнаказанно столь долго под носом у тайной полиции и многочисленной своры осведомителей и предателей из числа местных жителей. Камеры были переполнены. Допросы, пытки и избиения продолжались круглосуточно. Одни палачи сменяли других.

Краснодон – город небольшой. Весть о ночных арестах разнеслась по нему быстрее ветра. Скоро не было в городе человека, который не знал бы об этом страшном событии.

Обеспокоенные члены большевистского подполья обратились к Ф.П. Лютикову за советом, что можно сделать, чтобы выручить ребят, но осторожный Филипп Петрович направил их к...Любе Шевцовой, сказав, что она «большой человек» и через нее «можно большие дела делать». К этому времени барон, узнав реальную обстановку на фронте от «своих людей» из Берлина, быстро покинул Краснодон и «по срочным делам» уехал в Германию. Это развязало руки гестапо. Ярые фашисты давно собирались уничтожить всех коммунистов города и «гнездо партизан» – Центральные электромеханические мастерские во главе с коммунистами Н.П. Баракowym и Ф.П. Лютиковым, которые находились под защитой барона и были им как кость в горле. Поэтому, не дожидаясь возвращения Швейде (хотя он и не собирался возвращаться), сотрудники гестапо вместе с жандармерией и полицией уже 5 января 1943 г. днем, подъехав к мастерским на нескольких машинах и подводах, быстро окружили район и арестовали всех рабочих вместе с их руководителями, в том числе и молодогвардейцев Владимира Осмухина, Анатолия Орлова и Анатолия Николаева, которым Филипп Петрович не советовал покидать Краснодон, вопреки приказу штаба «Молодой гвардии». Одновременно в городе были арестованы все зарегистрированные (выданные провокаторами) коммунисты и комсомольцы, которые ежедневно обязаны были являться в полицию на регистрацию и делать отметку о своем нахождении.

На следующий день арестовали работников гаража дирекциона, в том числе и Сергея Левашова, который в течение этих январских дней добросовестно ходил на работу. Всех арестованных подвергли нечеловеческим пыткам. Партийное подполье Краснодона было обезглавлено и практически перестало существовать, хотя свою основную задачу – не дать фашистам ни одной тонны краснодонского угля – оно выполнило.

Весть об аресте молодогвардейцев Георгий Стаценко воспринял как должное и очень удивился, когда в городе повстречался с некоторыми из них. Он тут же рассказал отцу, что Вася Левашов звал его в партизанский отряд, а Ваня Земнухов показывал антифашистские листовки и читал стихи собственного сочинения, высмеивающие немцев. Вместе они составили свой донос, и Василий Стаценко тут же отнес его в жандармерию. Накануне там побывала еще одна из соучениц арестованных молодогвардейцев. Она также утверждала, что в подпольной организации состоит более ста человек и полиция арестовала далеко не всех. Количество преданных подпольщиков постоянно росло, и их аресты продолжались теперь почти каждый день и ночь. Фашисты лютовали. За «недостаточно активную работу» немцами был арестован даже бургомистр Краснодона П.А. Черников и находился в тюрьме вместе с родителями молодого-

гвардейцев. Его «почетное» место занял Василий Стаценко, который впоследствии и подписал приказ о расстреле всех подпольщиков.

Но, смотря на избиения и пытки, молодые патриоты продолжали молчать, никого не выдавали и не признавались в принадлежности к подпольной организации. Взбешенные упорством подпольщиков, гитлеровцы все больше распаялись. Все страшнее, все кошмарнее становились истязания. Но как ни лютовали гитлеровцы, они не смогли поставить юных патриотов на колени, сломить их дух. Юноши и девушки стойко перенесли все тяжкие испытания, выпавшие на их долю...

В середине января 1943 г. всех подпольщиков фашисты казнили. Их тела сбросили в шурф шахты № 5 на окраине Краснодона, а по городу распустили слухи о том, что «Молодую гвардию» предал комиссар организации Виктор Третьякевич. И многие поверили в это.

Гремели залпы артиллерийских орудий на востоке. От разрывов содрогалась земля, огромные зарницы полыхали в ночном небе, но фашисты ценой огромных потерь сдерживали напор советских войск на подступах к Донбассу. В эти дни в городе появилось много советских солдат, бежавших из плена и пробиравшихся к линии фронта. Жандармы чуть не каждую ночь устраивали облавы, хватали местных жителей, укравших беглецов. Опустевшие камеры опять были полны.

Избегав ареста в начале января 1943 г., Юрий Виценовский вместе с Михаилом Григорьевым, Владимиром Загоруйко, Анатолием Ковалевым и Анной Соповой готовили освобождение подпольщиков, но не успели. А вскоре и сами были арестованы.

После долгих скитаний по окрестным хуторам возвратились в родной город Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Валерия Борц и сестры Иванцовой. Но их родители уже знали о зверствах фашистов по отношению к их товарищам и смогли убедить своих детей немедленно покинуть город, что и спасло жизни некоторым из них. Мама Валерии, Мария Андреевна Борц, побывав в застенках полиции, своими глазами видела, каким жестоким пыткам и истязаниям подвергались арестованные молодогвардейцы, прямо сказала своей упрямой и непослушной дочери: «В Краснодон тебе пути нет, здесь тебя ждет смерть. То, что они (фашисты –авт.) вздумают сделать с нами, они сделают, и ты не сможешь помочь ничем, а Родине ты можешь еще принести пользу. Помни одно, не попадайся живой в руки извергов, лучше умри в борьбе». И, не теряя ни минуты, снова быстро собрала дочь в дорогу к родственникам в Луганск (Ворошиловград).

Но таких слов и такой силы убеждения не нашлось у Лидии Даниловны Левашовой для своего единственного сына. А ведь она всю свою жизнь была активным пропагандистом, передовиком, членом партии,

хорошо знала, чем занимался ее сын в подвале по вечерам, и прекрасно понимала, что ему не будет никакой пощады от фашистских нелюдей. Во время ареста Сергея единственное, что она успела сделать, так это передать основную улику против ее сына – хранившийся в доме радиоприемник – случайно зашедшей двоюродной сестре Василия Наталье Мазаевой, чтобы та где-нибудь его спрятала или выбросила. Но предупредить сына об опасности не успела.

Лидия Даниловна до конца жизни не могла простить себе того, что не смогла убедить Сергея уйти из Краснодона. А если бы смогла, если бы успела? Изменилось бы что-нибудь? Ведь все действия сына показывали, что он вполне осознанно не хотел уходить. И его брат, Василий Левашов, не найдя объяснения его поступку, считал, что причиной этому могло быть только одно: он опасался за судьбу своих близких, как бы на родителей и сестер не обрушилась страшная кара за его подпольные дела. Но то, о чем думал в эти дни Сергей, мы уже никогда не узнаем. Знаем только то, что он не струсил, не просил о пощаде, стойко перенес все истязания и, стоя на краю пропасти шурфа, оттолкнул тащивших его полицаяв, сам прыгнул в ствол шахты, успев крикнуть «Привет родителям!»...

О смерти родного брата Сергея сестра Валентина Левашова узнала на следующий день от вечно пьяного соседа подонка-полицая Мельникова, но родителям рассказала лишь через два дня, когда немного подготовила свою маму. Это было страшное известие не только для семьи Михаила Ивановича, но и для всех Левашовых.

Ночью 31 января 1943 г. были казнены последние узники «Молодой гвардии» в Краснодоне, и только одному удалось сбежать из-под расстрела. Это был Анатолий Ковалев.

Ровно через две недели после этой казни, 14 февраля 1943 г., на улицах Краснодона появились первые советские танки. Люди толпами бежали за своими освободителями. Они смеялись и плакали от радости. Каждому хотелось рассказать о своем горе, об ужасах фашистской оккупации.

Сестры Сергея Валя и Лина сразу же побежали в полицию, чтобы отыскать камеру, в которой содержался их брат. Стены камер все были испи-саны, на полах кровь, но они искали знакомый почерк и, наконец, нашли: «Прощайте, папа, мама, Валя, Лина и мой брат. Иду в неизвестность. Серж».

Как только Краснодон был освобожден, у шурфа шахты № 5 собрались толпы народа. Ни днем, ни ночью не покидали люди это скорбное место, ждали, когда начнут поднимать на поверхность их казненных детей. Руководство работами по подъему останков расстрелянных патриотов поручили отцу одной из казненных и сброшенной в шурф девушки Лидии Андросовой Макару Тимофеевичу, который вместе с другими за

короткое время выполнил это тяжелое для него поручение.

Вот тогда город узнал о чудовищных преступлениях гитлеровцев и их прислужников. Не удалось им скрыть следы нечеловеческих пыток коммунистов и комсомольцев, расстрелянных и сброшенных в шурф. День и ночь дежурили у ствола шахты родные погибших, с трудом, в основном по одежде, опознавая своих близких. Они воочию увидели всю страшную картину зверств, учиненных оккупантами над арестованными подпольщиками...

1 марта 1943 г. в городском парке в самом центре Краснодона в братской могиле с воинскими почестями были похоронены герои-антифашисты, пятьдесят восемь коммунистов и комсомольцев.

Сразу же после освобождения города были приняты меры к розыску тех, кто предал подполье. Был задержан бывший участник «Молодой гвардии» Почепцов. Следствию стало известно, что он несколько дней содержался в тюрьме вместе с молодогвардейцами, а затем был освобожден по непонятным причинам. И вскоре от арестованного НКВД следователя полиции Кулешова узнали всю страшную правду предательства.

После проведенного расследования изменники Родины М. Кулешов, Г. Почепцов и В. Громов предстали перед судом военного трибунала. Все трое были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. 19 сентября 1943 г. у городской бани на окраине Краснодона, в развалинах которой еще недавно хранилось оружие «Молодой гвардии», предателей поставили у каменной стены и на глазах у жителей города и окрестных поселков расстреляли. Когда все разошлись, трупов предателей уже не было видно. Каждый из присутствующих перед тем, как уйти, бросил в них камень.

13 сентября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР молодогвардейцам Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Любви Шевцовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Три участника «Молодой гвардии» были награждены орденом Красного Знамени, 35 — орденом Отечественной войны I степени, 6 — орденом Красной Звезды, 64 — медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Орденом Отечественной войны I степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени посмертно был награжден и Сергей Михайлович Левашов.

И только семь молодогвардейцев, по непонятным причинам, так и не были представлены к правительственным наградам в 1943 г., в том числе один из основателей и активный член штаба «Молодой гвардии» Василий Иванович Левашов.

После войны зверски замученным подпольщикам «Молодой гвардии» в Краснодоне и других городах Советского Союза установили памятники. На черном мраморе, среди имен других молодогвардейцев, отдавших свою жизнь за освобождение нашей Родины, золотыми буквами выбито и имя прекрасно сложенного, высокого, красивого, одаренного парня, преданного и верного друга, внимательного, чуткого, заботливого сына и брата – Сергея Михайловича Левашова, которому 16 декабря 1942 г., за месяц до казни, исполнилось 18 лет. Он всегда был в постоянном труде и поиске, ни одной минуты праздного безделья, а своей энергией, жизнелюбием заражал всех вокруг. Все эти душевные качества Сергея Левашова сочетались с широким кругозором, его интересовало все: книги, музыка, природа, спорт, радиотехника, фотографирование, авиамodelи. Даже трудно себе представить, кем бы стал в жизни этот удивительный парень: изобретателем, конструктором, великим ученым или спортсменом, если бы не страшная смерть от рук фашистских захватчиков. Его светлый образ навсегда сохранится в памяти потомков как пример беззаветной любви к своей Родине, к свободе.

Левашов
Сергей Михайлович

Именем Сергея Михайловича Левашова названы улицы в Краснодоне и поселке Кутейниково Амвросиевского района ДНР.

Вечная ему память!

ОСВОБОДИТЕЛИ

«...Встанем...

*Герои России останутся в наших сердцах
до конца.*

Встанем...

И вспомним всех тех, кого в этом огне потеряли,

Кто шел умирать за свободу, а не за медали.

Я знаю, что мы обязательно встретимся с вами.

Встанем...

И песню затянем,

Встанем...»

Автор и исполнитель песни «Встанем»

Я.Ю. Дронов «Shaman» (2022)

Наступил февраль 1943 г. Морозы усилились. На запад потянулись вражеские тыловые части. Вслед за ними вдоль железной дороги по пути из Амвросиевки разрозненными группами брели румынские солдаты, которые иногда останавливались, заходили в лесопосадку, бросали там свое оружие и, облегченные, выходили на дорогу, продолжая свой путь. Когда они дошли до Кутейниково, то все были безоружны. Немцы пытались восстановить боевой дух своих союзников и, не однажды на глазах у местных жителей, немецкие офицеры хлестали по лицам румынских командиров за «утерю» солдатами личного оружия.

Фашисты отступали. На запад они переводили и лагерь с советскими военнопленными. В Краснодоне их перегоняли пешком, а через Кутейниково везли по железной дороге, которая при оккупантах действовала. Однажды, февральским морозным утром такой эшелон прибыл на станцию. Жители поселка, узнав об этом, сбежались к эшелону и пытались хоть что-то из еды передать умирающим от голода и холода пленным. Но фашистские солдаты под угрозой расстрела не подпускали к вагонам никого. Мороз, вагоны не отапливаются, никакой еды фашисты сами не дают и жителям не разрешают, обрекая тех на смерть. За один день стоянки эшелона около двухсот пленных умерли от голода и холода. Когда эшелон ушел, на станции остались окоченевшие обнаженные трупы, на которых не было даже белья, сложенные, как шпалы, в штабеля. С умерших все снимали еще в вагонах свои же пленные, которые надеялись выжить. Местные жители похоронили их в братской могиле. Все безымянные.

В один из этих дней Николай Иванович Левашов-старший преподнес Василию новость:

– Краснодар, наверное, уже освобожден, но краснодонская полиция для нас с тобой еще существует. Вчера вечером она целым обозом остановилась в Кутейниково. Но можешь не волноваться, сегодня утром они отправились дальше на запад. Надо же было случиться такому совпадению, ведь среди полицаяев были и такие, кто знал нас в лицо.

Теперь стало ясно, что в Краснодаре нет больше оккупантов и вот-вот Красная Армия освободит весь Донбасс.

Но обстановка резко изменилась. Немецко-фашистские войска сумели остановить наше наступление на рубеже реки Миус. Неоднократные попытки Южного фронта перейти в наступление весной и летом 1943 г. не привели к желаемому результату. Противник на «Миус-фронте» создал три мощные оборонительные полосы общей глубиной 40-50 км, и все атаки советских войск были отражены. Фронт застыл, не дойдя 60 км до пос. Кутейниково.

Василий Левашов, недолго думая, стал собираться в путь навстречу к линии фронта в надежде перейти ее. Но через знакомых он узнал, что вероятность успешного перехода к своим на этом направлении почти равна нулю. Всюду минные поля, проволочные заграждения и много вражеских войск.

Безделье утомляло, но вскоре появились первые знакомства. Двоюродная сестра Мила Антифеева познакомила его с Василием Бебешко, который частенько заходил к ней в гости и был ровесником Левашова. После нескольких, ни к чему не обязывающих разговоров Василий проникся к своему тезке доверием и уже считал его надежным товарищем во всех отношениях. Однажды при случайной встрече в поселке тот задал неожиданный вопрос:

— Тебе, наверное, уже приходилось убивать фрицев?

Левашов не нашелся, что ответить, лишь только чуть улыбнулся, но понял, что тот тоже видит в нем советского патриота и пытается вызвать на откровенный разговор.

Вскоре Бебешко познакомил Василия со своим приятелем Иваном Раковым. Потом еще с двумя. В первые дни знакомства ребята пытались создавать видимость, что только пытаются организовать борьбу против оккупантов, но постепенно сознались, что они уже давно составляют группу патриотов. Левашов, не раздумывая, присоединился к ним пятым. Однако вскоре выяснилось, что был и шестой. Им оказался отец одного из парней. Довольно энергичный для своих лет мужчина невысокого роста с короткой бородой и усами. Этот человек фактически и руководил молодыми патриотами поселка.

Кроме железнодорожной станции в Кутейниково работал элеватор, на который свозилось зерно с крестьянских полей для обработки и хранения с последующей отправкой в Германию. Но все же основным военным объектом

был немецкий аэродром, расположенный недалеко от поселка, на котором базировалась разведывательная авиация. Самолеты «Фокке-Вульф» FW 189, взлетавшие с этого аэродрома, были больше известны в советских войсках как «рама» за своеобразную форму конструкции. С самого начала войны все знали, что если в небе над расположением наших частей появлялась такая «рама», жди налета фашистских бомбардировщиков.

Командир этой авиационной части, немецкий полковник, неделями жил в доме у Антифеевых, занимая лучшую комнату. В его отсутствие там располагался гестаповец. В общем, соседство по дому у Василия Левашова было интересное, но с точки зрения его безопасности было даже к лучшему. Не знал фашист, что живет под одной крышей с подпольщиком, которого разыскивали вся краснодонская полиция, гестапо, и не только они.

На немецкий аэродром часто совершала налеты наша авиация. Днем прилетали штурмовики, а ночью – «У-2». Немцам постоянно требовалось восстанавливать взлетно-посадочную полосу, убирать уничтоженную взрывами бомб технику, ремонтировать постройки. Эти работы выполнялись советскими военнопленными, которые содержались в лагере вблизи поселка. Василий очень удивился, когда узнал, что пленных этого небольшого лагеря охраняют не немцы, а такие же бывшие советские военнопленные. Установить и поддерживать связь с одним из таких охранников поручили Ивану Ракову и Левашову.

Вначале Василий сомневался в разумности такого шага, но вскоре понял, что ошибался. Иван Раков был уже знаком с одним из охранников, которого звали Николаем. Тот был одет в немецкую форму, но без знаков различия. Высокий, стройный, светлые глаза и волосы, правильные, приятные черты лица – «чистокровный ариец». Весь его облик как бы олицетворял честность, порядочность и никак не соответствовал образу предателя.

Когда ребята встретились с ним, то разговор как-то не клеился, и виной этому была ненавистная фашистская форма Николая. Он быстро понял, какие эмоции вызывает у ребят его наряд, поэтому постарался подробно рассказать, как все случилось: вначале окружение, потом плен. В концлагере оставались считанные дни до смерти от голода, болезней, антисанитарных условий содержания. А тут появляются агитаторы из тех, кто изменил Родине. Сытые, откормленные, они предлагали ради сохранения жизни последовать их примеру. В отчаянии Николай решил на хитрость: дать согласие, чтобы поправить здоровье, а потом бежать к своим. Поправить здоровье удалось. Удалось даже вызвать расположение оккупантов, которые доверили ему возглавить небольшое подразделение таких же бывших пленников, как он сам. Оставалось только выбрать удобный момент и перебежать к своим. Конечно, хотелось не просто вернуться на советскую

сторону, но и нанести фашистам максимально возможный урон: перестрелять летный состав авиационной части, сжечь самолеты и только потом уйти за линию фронта к своим. Николай планировал осуществить такое выступление не в одиночку. Были у него единомышленники и среди таких же, как он сам, и среди тех, кто содержался за колючей проволокой. Да и на помощь местных подпольщиков он тоже рассчитывал. Ведь Иван Раков до войны учился в аэроклубе, летал на учебном самолете, но потом по здоровью был отчислен. Его познаний в авиации было достаточно для того, чтобы разработать разумный план уничтожения самолетов на земле.

Видно было, что Николай очень нуждался в общении с ребятами, поэтому встречи проходили регулярно. На аэродроме он бывал каждый день, сопровождая пленных, поэтому хорошо знал обстановку и всегда сообщал подпольщикам важные разведывательные сведения о количестве самолетов, базирующихся на аэродроме, средствах противовоздушной обороны, о результатах налетов советской авиации. Но ему не давала покоя мысль: простят ли ему то, что он согласился стать изменником Родины и надел фашистскую форму. И хотя Василий всячески старался развеять его сомнения, но где-то в глубине души и сам не верил в это. Ведь он уже тогда знал отношение НКВД к тем бойцам и командирам Красной Армии, которые вышли из окружения или бежали из плена.

Но однажды Николай пришел в поселок позже обычного, разыскал Ивана Ракова и взволнованно сообщил:

– Немцы что-то пронюхали о наших планах. Завтра весь лагерь переводят неизвестно куда.

Больше подпольщики его не видели.

Лето 1943 г. было в разгаре. Немцы готовились к обороне, поэтому многих местных жителей в принудительном порядке направили рыть окопы и траншеи. Все пятеро молодых патриотов попали в их число. Посоветовавшись, ребята решили: не уклоняться, ехать вместе со всеми, а на месте решить, что делать.

До Амвросиевки всех везли в вагонах, затем стали размещать в частных домах города. Немецкий солдат отбирал по два человека и пальцем указывал, в каком доме размещаться. Так, волею случая, Василий оказался на постое в доме у своей двоюродной сестры Лидии Панкратовой.

«Утром всех повели на работу. В нескольких километрах восточнее Амвросиевки сооружался оборонительный рубеж. Предстояло рыть траншеи, ячейки для пулеметных точек. В качестве надсмотрщиков были немецкие солдаты, но их было немного. Да и вели они себя по отношению к местному населению гораздо человечнее, чем в предыдущее время. Если вспомнить сорок первый год, то можно было утверждать,

что в нашу страну ворвалась отпетая банда убийц и грабителей, которой внушили мысль о превосходстве немецкой нации над другими народами. Теперь, потерпев поражение под Москвой, а затем под Сталинградом и будучи отброшенными Красной Армией на рубежи осени 1941 года, немцы утратили прежний боевой дух, веру в свою исключительность. В большинстве своем и в победу они уже не верили. Все это отразилось на состоянии и поведении немецких солдат, приставленных к нам в качестве надзирателей...» – вспоминал Василий Иванович.

Но и население оккупированных территорий уже не сомневалось, что скоро придет освобождение, хотя страх перед оккупантами все еще оставался. И ребята начали действовать: где шуткой, а где и серьезным словом воздействовать на рабочих, побуждая их к саботажу и возвращению домой. На третий день, показав пример, подпольщики первыми покинули создаваемый их руками фашистский оборонительный рубеж, а вслед за ними в одиночку и группами потянулись остальные. Вскоре ни одного жителя Кутейниково среди работающих на окопах не было.

А в это время далеко на северо-востоке под Курском на советско-германском фронте события развивались стремительно. Еще 5 июля 1943 г. фашистские войска, решив взять реванш за поражение под Сталинградом, сосредоточили против советских войск Центрального и Воронежского фронтов 50 полностью укомплектованных и подготовленных дивизий (в том числе 18 танковых и моторизованных) общей численностью более 900 тыс. чел. и перешли в наступление. Используя свои новейшие «чудо-танки» PzKpfw V «Пантера» и PzKpfw VI «Тигр», фашисты стремились разбить группировку наших войск в районе Курской дуги, перехватить инициативу и в дальнейшем наступать на Москву. Свою наступательную операцию немцы назвали «Цитадель». Но советские войска, заранее подготовив мощные оборонительные рубежи, в течение семи дней в упорных ожесточенных боях нанесли врагу не восполнимые потери в живой силе и уничтожили более половины ударной мощи фашистов – его танки. Красная Армия не дала врагу возможности прорвать свою главную полосу обороны, заставила его остановиться, вынужденно перейти к обороне на неподготовленных рубежах и, без всякой оперативной паузы, 12 июля 1943 г. перешла в наступление, окружая и громя элитные части фашистской Германии.

Курская битва, которая проходила на территории Курской, Орловской, Белгородской, Харьковской областей, завершилась полным разгромом немецкой группировки и стала крупнейшим в истории сражением с участием танковых армий и корпусов. В ней участвовало более 2,1 млн чел., более 6,2 тыс. танков и 4,5 тыс. самолетов. А ее кульминацией стало Прохоровское танковое сражение.

Сражение на Курской дуге завершилось победой Красной Армии и стало завершающим этапом коренного перелома всей Великой Отечественной войны. Гитлеровская Германия на советско-германском фронте больше не проводила своих стратегических наступательных операций. Фашисты уже никогда не имели превосходства над советскими войсками – ни в живой силе, ни в военной технике.

А в августе 1943 г. немецкие войска, понеся колоссальные потери, быстро отходили на правый берег Днепра, прикрываясь только арьергардами. Одновременно карательные части сжигали наши населенные пункты, взрывали все сооружения, мосты, дамбы, расстреливали мужчин, юношей, и даже мальчишек, которые не выполнили их приказ об эвакуации в тыл с немецкой армией. Фашисты старались оторваться от наступающих советских частей и занять подготовленный еще весной оборонительный рубеж, который назвали «Восточный вал».

Победа под Курском и переход РККА в общее наступление по всему фронту позволили войскам Южного фронта перейти к подготовке Донбасской наступательной операции. Активность нашей авиации кратно возросла. Днем жители Кутейниково видели, как совершали налеты на фашистский аэродром девятки штурмовиков, а по ночам слышали и ощущали, как дрожит земля от ударов наших ночных бомбардировщиков. С каждым днем всем становилось понятнее, что в ближайшее время следует ожидать наступления Красной Армии. Василий Левашов радовался вместе со своими новыми друзьями. Наконец-то он сможет вернуться к своим в Краснодар и в составе Красной Армии дальше гнать фашистских оккупантов с нашей земли.

13 августа 1943 г. началось наступление советских войск на донбасской земле, в ходе которого уже 23 августа была освобождена Амвросиевка. Но противник внезапно нанес контрудар силами двух танковых и одной пехотной дивизий и глубоко вклинился в боевые порядки наших войск, создав критическую обстановку для соединений 2-й гв. армии Южного фронта. Завязались кровопролитные бои, в которых обе стороны несли ощутимые потери.

Командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров и командир 13-го гвардейского корпуса генерал-майор П.Г. Чанчибадзе приняли решение ввести в бой 295-ю стрелковую дивизию, которая лишь несколько дней назад прибыла из Кубани, где получала новое пополнение, разгрузилась на станции Должанская в 30 км к югу от Краснодона, вошла в состав 13 *зв.ск.* и, совершив 120-км марш пешим порядком, сосредоточилась в поселке Амвросиевка.

С востока непрерывно доносились отзвуки артиллерийской канонады. Молодые патриоты Кутейниково вновь собрались обсудить свои

дальнейшие действия. Прежде всего нужно было повлиять на местную молодежь, чтобы она не поддавалась угрозам оккупантов, которые будут пытаться угнать всех на запад. И действительно, через несколько дней по улицам поселка стала разъезжать специальная автомашина и через мощный усилитель на ломаном русском языке передавать приказ военного коменданта о том, что всем жителям Кутейниково необходимо покинуть свои дома и уходить на запад. За невыполнение – расстрел на месте. О зверствах фашистских нелюдей жители поселка уже знали не понаслышке и хорошо понимали, что оккупанты не пощадят никого – ни взрослых, ни детей.

Семья Калмыковых стала собираться. Петр с Софией попросили Василия помочь им в дороге, ведь на их руках было трое маленьких детей. Вася не забыл, с каким теплом встретила его двоюродная сестра со своим мужем еще зимой, и с тяжелым сердцем согласился.

По пыльным дорогам потянулись люди, покидая родные места. У каждого – двухколесная тачка с самым необходимым. У многих к тому же – маленькие дети. Все верили, что это ненадолго, что Красная Армия, быстро наступая вперед, не позволит немцам далеко угнать мирных жителей. Так оно в последующем и получилось. Но до этого часа каждая семья испытала много горя.

В это время советские войска, умело используя огонь артиллерии и удары авиации, наконец-то переломили ситуацию и 30 августа 1943 г. перешли в наступление, атаковав фашистов и овладев юго-западной окраиной Кутейниково. Уже на следующий день 31 августа части 295 *сд* освободили весь поселок и железнодорожную станцию.

Несколько дней Калмыковы, как и многие другие семьи, скитались по чужим селам. Левашов не находил себе места. Его мучения видели родственники и, когда он все же решился им сказать, что собирается самостоятельно идти на восток, навстречу фронту, посоветовавшись, отпустили его. Василий извинился перед сестрой и ее мужем за то, что покидает их, но уходить на запад он уже физически больше не мог.

«Теперь я шел один, налегке. Никаких вещей со мной не было. Прохожу через село, из которого только начинают выгонять жителей. Следую без поддержки дальше. Впереди показалось еще одно селение. Похоже, что оно уже покинуто. Когда вступил на его окраину, увидел странную картину. С противоположного конца в село врвался конный отряд. Все с зажженными факелами. Я понял, что это каратели. По-одному они подскакивали к домам и поджигали кровлю. Разогретые на солнце соломенные крыши мгновенно вспыхивали. Я продолжал идти навстречу приближающемуся отряду. Видал, что почти в каждом дворе убитый скот. Но людей уже нет. Ясно, что жителей выгнали, домашний скот расстреляли, теперь жгут дома.

Мне благоразумнее было бы повернуть назад, но мальчишеское упрямство не позволяло показать, что мне страшно. Слева и справа уже бушевали пожары, уничтожая все, что поддавалось огню. А я все шел, не сворачивая. Любому карателю ничего не стоило дать короткую очередь в мою сторону, но те творили свое мерзкое дело и меня будто не замечали. (Вначале всегда страшно, потом страх начинает раздражать, а потом уже становится наплевать на опасность – авт.) Горящее село осталось позади. Я продолжал свой путь на восток. Впереди снова населенный пункт. Что же в нем происходит? Логически рассуждая, можно было предположить, что это селение еще раньше должно было быть уничтожено. Ведь оно ближе к фронту, чем то, которое на моих глазах жгли каратели. Но уже издали видно, что пожаров нет. Выхожу на окраину. Много немцев, но и жители тоже есть. Я подумал, что в первую очередь выселялись и сжигались те села, которые немцы намеревались оставить без боя. А это, в которое я входил, немцы, очевидно, собирались удерживать за собой. То, что я увидел на восточной окраине села, подтвердило мое предположение. Недалеко от дворов были вырыты глубокие траншеи, оборудованы пулеметные ячейки. В окопах уже расположились немцы. Кто с винтовкой, кто с автоматом. Тут же рядом станковый пулемет. Я понял, что немцы на этом участке оторвались от наступающих наших войск, заблаговременно оборудовали оборонительный рубеж и в полной готовности ждут появления Красной Армии.

Что же мне делать? Как уйти к своим? Незамеченным не пройдешь. Траншея тянется сплошной линией. И вся заполнена немцами, готовыми открыть огонь. Правда, многих разморила жара, и они дремлют. Но это до первого выстрела. Осматривая пространство перед траншеей, куда, собственно говоря, мне и требовалось пройти, я заметил стадо пасущихся коров. Расстояние до него около двух километров. И тут пришла в голову мысль: что, если я, не таясь, под видом пастуха перемахну через немецкую траншею и направлюсь к пасущемуся стаду? Ведь немцы, которые наблюдают за обстановкой, наверняка подумают, что я пастух и иду к своим животным. Для большей убедительности я выломал длинную палку и, демонстративно ею размахивая, направился вперед. Усилив воли сдерживая себя от нервных движений, я подошел к пулеметной точке, где сидело четверо немцев, и совсем близко от них перепрыгнул через траншею. Не останавливаясь и не оглядываясь, медленным шагом, вразвалочку стал удаляться я от немецких позиций. Иду и жду: вот-вот прозвучит выстрел. Но ни выстрела в спину, ни крика не последовало. Расчет оказался верным.

Миновав стадо пасущихся коров, я вышел на проселочную дорогу, которая тянулась вверх на возвышенность, параллельно лесопосадке. Я остановился и осмотрелся. Немцы теперь далеко позади. Из винтовки

или пулемета меня уже не достать, а из орудия по одному человеку стрелять не будут. Я вздохнул с облегчением и по проселочной дороге зашагал вверх. Я еще не знал, к какому селу ведет эта дорога, но был уверен, что приведет к своим. Еще несколько километров пути – и я, наверное, увижу своих. Как удачно все получилось!

Радость оказалась преждевременной. Слева от дороги я увидел немцев. Их было много. Они скрывались в лесопосадке. В разных позах – кто сидя, кто лежа – прятались они в тени деревьев от жаркого солнца. Здесь же стояли замаскированные орудия, нацеленные на восток. Я продолжал идти своей дорогой, скосив глаза налево. В напряжении ждал, что вот-вот что-то произойдет. Меня в лучшем случае завернут обратно. Но немцы на меня – ноль внимания.

До следующего села мне оставалось несколько километров.

Уже виден купол церкви. Но какая еще неожиданность меня там ждет? И вдруг я увидел своих. Мне навстречу шел офицер, теперь уже в погонах, и несколько бойцов. Тоже в погонах. Радость, которую я испытал в тот момент, непередаваема.

Я шел по улице к центру села. Вскоре около меня остановился бронев-автомобиль. Молодой лейтенант спросил, показывая рукой на запад:

- Ты оттуда?
- Да, я оттуда!
- Немцев видел?
- Видел.
- Где они?
- В лесопосадке.
- Покажешь?
- Покажу.
- Садись в машину!

Я вскочил в бронемашину, и мы поехали по той же дороге, по которой я пришел в село. Меня охватила радость: я вступаю в бой.

- Немцев много? – поинтересовался лейтенант.
- Много. У них там и орудия замаскированы.
- Что же ты сразу не сказал! Это артзаслон. Стой! Поворачивай назад! Иначе от первого же снаряда сторим, как спичка.

Машина развернулась в обратную сторону. Не доезжая до церкви, остановилась.

– Спасибо тебе за то, что предупредил. Сейчас иди за церковь. Туда из нашего тыла машины подвозят боезапас. Любая из них возьмет тебя и отвезет подальше от линии фронта.

Кратчайшим путем я направился к указанному месту, но у церкви

начали рваться фашистские снаряды. Это стреляли те немцы, которых час назад я видел в лесопосадке. Окружным путем я добрался до места разгрузки боеприпасов и попросился в автомашину, идущую в тыл. Водитель с удовольствием согласился подвезти меня и пригласил сесть в кабину. Через полчаса я был в Кутейниково. Уже при подъезде я увидел последствия боя: разрушенные дома, пожары, необрунные трупы немецких солдат. Некоторые жители уже успели вернуться в поселок, но моих родственников еще не было...» – спустя десятилетия вспоминал Василий Иванович.

Это была игра со смертью.

(Признаться честно, прочитав эти страницы воспоминаний и реально представив себе все события, произошедшие с Василием в момент перехода линии фронта, я, как автор, просто не поверил: неужели так может повезти. Если бы это были строки приключенческого романа для юношей, то была бы простибельна такая бравада и весь вымысел был бы на совести автора, но это воспоминания человека, который прошел через всю войну, видел много смертей своих друзей и товарищей, и не верить ему я не могу, не имею такого права поставить под сомнение его, пережитые сотни раз за свою жизнь, воспоминания. Реальность оказалась намного серьезней и страшнее. Я снова читал и перечитывал эти строки, испытывая внутреннюю тревогу и напряжение, хотя в глубине души понимал, что Василий Иванович остался жив...)

Странная штука судьба. Сколько в нашей жизни, особенно военной, нелепых смертей. Одни погибают безмянными от разрыва шального снаряда, так и не дойдя до линии фронта в составе маршевых подразделений, другие – в первые мгновенья боя, впервые в жизни поднявшись в атаку, а Василия Левашова судьба хранила, даже тогда, когда он совершал явно безрассудные мальчишеские поступки, играя со смертью и преодолевая свой страх. Что это? В какой же рубашке его родила мать? У меня нет однозначного ответа...)

На следующий день утром Василий Левашов уже шагал на призывной пункт полевого военкомата, расположенный в 40 км от Кутейниково в селе Успенка Амвросиевского района. На дворе был уже сентябрь 1943 г. Его путь проходил через Амвросиевку, где он повстречал своих знакомых ребят, в том числе Василия Бебешко, Ивана Ракова и Юрия Антифеева. Все были очень рады встрече и наперебой рассказывали Василию, как не поддались угрозам фашистов, пытавшихся угнать их на запад, и прятались в заранее подготовленных и хорошо замаскированных укрытиях (погребках). Ребята были довольны, что будут призваны в армию, и ждали отправки на фронт.

Вскоре Василий Левашов в пешем строю в составе маршевой роты шел вдогонку за фронтом, который был уже далеко. Новобранцам предстояло

преодолеть путь свыше 200 км. В пути, во время привалов, молодой политработник в новенькой форме и погонах часто проводил с бойцами политбеседы. Он рассказывал, что они будут служить и воевать в прославленной 295-й стрелковой дивизии, бойцы и командиры которой покрыли ее знамя неувядаемой славой в боях за освобождение городов и сел нашей Родины. Внимательно слушающие новобранцы были еще в своей гражданской одежде, не приняли присягу, но не перебивали офицера и узнали многое об успехах частей дивизии, их нумерации, о мужестве воинов на фронте и партизан в тылу врага. В качестве одного из примеров молодой политработник привел мужество и стойкость подпольщиков из Краснодона. Василий не поверил своим ушам, это известие стало для него «как гром среди ясного неба». Оказывается, о «Молодой гвардии» уже знала вся страна. Вот это была новость! Он еле сдержал себя, никому ничего не рассказал и после беседы, в приподнятом настроении, всерьез задумался о том, что надо кому-то сообщить о своей судьбе, чтобы все стало известно Штабу партизанских отрядов на Украине.

К этому времени дивизия с боями продвигалась вперед, освобождая шахтерские поселки, села, хутора, город Иловайск (4 сентября) и, самое главное, – столицу Донбасса – город Сталино (Юзовка, Донецк) 8 сентября 1943 г. Не останавливаясь на привалы, громя противника днем и ночью, части 295 *сд* в составе 13 *зв. ск* 2-й гв. армии, завершив освобождение донецкой земли, наступали с боями в Запорожской области и к 21 сентября 1943 г. вышли к реке Молочная, на правом высоком берегу которой фашисты заблаговременно оборудовали сильно укрепленную полосу обороны – стратегический оборонительный рубеж «Вотан», проходящий от Азовского моря, вдоль правого берега р. Молочной до Днепровских плавней и соединялся с линией «Пантера», создавая непрерывный Восточный вал от Азовского до Балтийского морей. Фашистское командование придавало огромное значение обороне этого рубежа, от удержания которого зависела единственная сухопутная артерия снабжения крымской группировки немецкой армии, а «воротами в Крым» был г. Мелитополь.

Оборона немцев по западному высокому берегу р. Молочной (превышение до 80 м) состояла из сплошного противотанкового рва, переходящего местами в эскарпы, а на некоторых направлениях фашисты руками согнанных местных жителей, военнопленных красноармейцев и узников мелитопольской тюрьмы соорудили три таких рва. За противотанковыми заграждениями шла система сооружений полевого типа: окопы, пулеметные площадки, огневые позиции для минометов и противотанковых орудий, блиндажи, дзоты и бронеколпаки, которые соорудили специально переброшенные из Берлина немецкие саперно-инженерные части.

Рельеф местности у р. Молочной как природное препятствие благоприятствовал немцам и давал возможность наблюдения на значительную глубину расположения советских войск.

20–21 сентября 1943 г. наступающие советские войска 2-й гвардейской армии освободили города Молочанск и Большой Токмак, но прорвать линию обороны «Вотан» сходу не смогли. Фашисты хорошо окопались на Пришибских высотах, прикрытых извилистыми берегами рек Молочная и Чингул.

Наступила небольшая оперативная пауза, которой воспользовались и немцы, и дивизии 2-й гвардейской армии. Непрерывно прибывало пополнение из освобожденных районов Донецкой и Запорожской областей, подвозились боеприпасы, имущество, продовольствие.

Еще в середине сентября 1943 г. маршевая рота с молодым пополнением из Амвросиевского района прибыла в свою 295-ю стрелковую дивизию, штаб которой располагался в небольшом поселке 1-го отделения совхоза им. Ворошилова Великотокмакского района Запорожской области в ложине между высотами. Небольшое помещение сторожки дивизионные умельцы из комендантской роты приспособили под баньку, в которой прибывших новобранцев, в том числе и Левашова, постригли налысо, помыли и переодели в военную форму. Теперь они стали похожи как близнецы-братья и поначалу с трудом узнавали друг друга. Затем их сфотографировали и выдали новенькую красноармейскую книжку. Василий вместе с другими принял военную присягу, которая для него была уже третьей по счету, и стал настоящим солдатом РККА. Воевать в рядах прославленной дивизии ему предстояло в районе, где когда-то давно, еще в прошлом веке, жили его предки. Василий об этом знал и очень этим гордился. Одного не знал, да и не мог знать молодой боец, что совсем недалеко в составе войск 5-й ударной армии Южного фронта уже воюют его друзья-молодогвардейцы рядовые пехотинцы Георгий Арутюнянц и Анатолий Лопухов, а командир «Молодой гвардии» ст. лейтенант Иван Туркенич уже был «большим начальником» – помощником начальника штаба 473-го артиллерийского полка 99 *сд*.

После принятия присяги несколько новобранцев со средним образованием, в том числе и Левашова, отобрали для учебы в школе сержантов. Во время беседы с офицером отдела кадров дивизии, который занимался отбором кандидатов на учебу, Василий рассказал ему о своей подпольной деятельности и о желании сообщить о себе в Штаб партизанского движения Украины. Тот внимательно его выслушал... и тут же с сопровождающим солдатом-конвоиром направил Левашова в военную контрразведку.

Его допросили. Василий, не таясь, рассказал следственным органам, что в августе 1942 г. в составе диверсионно-разведывательной группы был заброшен в тыл, но их отряд попал в немецкую засаду, поэтому он вступил

в подпольную комсомольскую организацию Краснодона и являлся ее членом до начала арестов в январе 1943 г. В детали он вдаваться не стал, так как все-таки давал присягу и подписку о неразглашении.

Левашову не поверили и посадили в сарай под арест, в котором он просидел долгих десять дней. Его неоднократно вызывали на допросы и подробно расспрашивали о действиях «Молодой гвардии», судьбе товарищей, о его личном участии в краснодонском подполье (благо, что не били, выбивая «правдивые» показания). Сидя в сарае, он уже не раз пожалел о том, что решился рассказать правду о своей деятельности в составе ДРГ и о подполье офицеру отдела кадров дивизии, ведь его ребята уже воевали, били ненавистных фашистов, а он здесь в сарае «прохлаждался». Просидев под арестом в одиночестве несколько дней, Василий на очередном допросе не выдержал и стал настойчиво требовать, чтобы его отправили на фронт в действующую часть, а не держали в сарае как дезертира. Ему до глубины души было обидно за то, что ему не поверили. Но это не подействовало. Офицер СМЕРШа с непробиваемым, каменным лицом выслушал его требования и... обратно под конвоем отправил его в ненавистный сарай.

Через неделю пребывания под арестом к нему посадили еще одного арестованного молодого бойца. Они разговорились. Парня многое интересовало, и Василий, не таясь, ответил на все его вопросы. (Что поделаешь – молодость, очень не хочется верить, что перед тобой предатель или просто провокатор. Также открыто он ранее предлагал вступить в организацию сыну бургомистра – предателю Георгию Стаценко). Вскоре бойца-соседа освободили из-под ареста, и Василий снова остался в одиночестве.

На десятый день Левашова вызвали на очередной допрос, но беседа оказалась очень короткой, что немало удивило Левашова:

– У тебя все в порядке. Если хочешь на фронт, завтра утром могу отправить, – сказал офицер контрразведки.

И отправил. На следующее утро он посадил Левашова в машину, которая везла новое пополнение на передний край. (Только много лет спустя Василий Иванович, вспоминая этот случай, понял, что парнишка, с которым он так откровенно разговаривал, был подослан офицерами СМЕРШа, вот поэтому его больше не стали ни о чем расспрашивать).

И все же начальник отдела контрразведки СМЕРШ 295 *сд* подполковник А.А. Федюшин отправил запрос в адрес руководства Центрального штаба партизанского движения, которое подтвердило рассказ Левашова, но интереса к дальнейшему использованию подготовленного радиоспециалиста в тылу врага больше не проявило. Да и в числе предателей «Молодой гвардии» он не числился.

Новобранцев привезли в расположение 1038-го стрелкового полка, разбили на небольшие команды и направили в разные места. Все они

еще были в своей гражданской одежде и в основном призваны полевыми военкоматами уже в Запорожской области. Василий выгодно отличался своей новенькой военной формой и этим гордился.

Группу новобранцев, в которую попал Левашов, вел сержант. По дороге он рассказал, что их распределили во 2-й стрелковый батальон, который находился в тылу, во втором эшелоне полка, чем сразу же испортил настроение Василию. Тем не менее, сержант предупредил, что хотя пули противника туда не достают, но снаряды...Объяснять было не нужно, потому что они периодически рвались то здесь, то там.

Когда молодые бойцы пришли в район расположения батальона, бывалый сержант посоветовал спрыгнуть в траншею и без надобности не высовываться, что они и сделали. Вскоре появился комсорг батальона младший лейтенант В.Е. Белов.

Вначале он рассказал новобранцам о боевом пути 295 *сд*, о планах наступления к Днепру, а потом напомнил бойцам, что они будут воевать во 2 *сб* 1038 *сп*, и назвал имена командиров полка и батальона. Затем лейтенант стал беседовать с каждым новобранцем в отдельности. Когда очередь дошла до Левашова и комсорг узнал, что тот родом из Краснодона, то оживился и стал задавать различные вопросы, связанные с деятельностью «Молодой гвардии». Василий после всех проверок уже решил для себя больше никому ничего не рассказывать, воздержаться от признаний, потому что не имел с собой подтверждающих документов, но, глядя в открытое лицо комсорга, который был не намного старше, его добрые, веселые глаза, не удержался и рассказал все о своих друзья-подпольщиках.

Виктор Евграфович приподнял брови от удивления, внимательно выслушал, не перебивая, Левашова и даже стал что-то записывать в свой блокнот, а потом спросил:

– А комсомольский билет у тебя есть?

Пришлось Василию, со вздохом, еще раз объяснить, что еще перед заброской в тыл противника он, как и все его товарищи, еще под Сталинградом сдал свой комсомольский билет в Штаб партизанского движения Украины.

После беседы с комсоргом Левашова определили в пулеметную роту батальона, подносчиком патронов в расчет пулемета «Максим», под командованием младшего сержанта И.К. Овчинникова, выдали винтовку Мосина и поставили на все виды довольствия.

А ведь он мог стать связистом, разведчиком. Но теперь, бегая по огненным позициям вместе со всем своим имуществом и винтовкой, Василий таскал еще дополнительно две тяжелые металлические коробки с лентами, снаряженные 250 патронами, дополнительную воду для охлаждения пулемета, копал окопы и выполнял много другой работы по указанию командира.

Иван Корнеевич, 31-летний командир расчета, оказался земляком, родом из г. Красный Луч Луганской области. Он воевал на фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. и был для новобранцев непрекаемым авторитетом. Кроме командира и Василия Левашова в составе расчета было еще 5 человек. Все учили матчасть, постоянно тренировались в действиях при оружии, а также правильно изготавливаться и стрелять из винтовки и пулемета, а потом разбирали и тщательно их чистили. Наука побеждать давалась нелегко, особенно снаряжение новых брезентовых лент патронами, это было «просто жуть». Ладони рук сразу же покрылись кровавыми мозолями, лопались и при каждом прикосновении сильно болели. Но Василий не сдавался, не жаловался, а продолжал упорно осваивать все секреты солдатской науки. Наблюдая за ним со стороны, командир расчета часто подсказывал новобранцу, как лучше, быстрее и с наименьшими усилиями выполнить ту или юную поставленную задачу. Левашов быстро усваивал, ему не требовалось повторений, и это нравилось младшему сержанту Овчинникову.

В последних числах сентября 1943 г. 2 сб и его пулеметная рота ночью скрытно выдвинулись на передний край и заняли окопы. Теперь перед бойцами была только нейтральная полоса, а за ней позиции немцев, которые беспрерывно то в одном месте, то в другом освещали местность ракетами, стреляли из пулемета трассирующими пулями. Бывалые воины объяснили Василию, что фашисты это делают каждую ночь из опасения ночной атаки красноармейцев или действий наших разведчиков.

В это время фашистское командование издало приказ, в котором требовало от своих солдат обороняться до последнего человека. Офицерам вменялось в обязанность расстреливать на месте каждого, кто дрогнет или побежит с поля боя. В тылу передовых подразделений немцев были выставлены сильные заградительные отряды эсэсовских частей с пулеметами. Обороняющимся фашистам выдали дополнительный «шнапс», в три раза увеличили денежное довольствие, и они на заранее подготовленном рубеже оказывали отчаянное сопротивление нашим наступающим подразделениям, которое можно было сравнить лишь с действиями смертников.

На следующее утро на передний край к пулеметчикам впервые пришел командир пулеметного взвода лейтенант И.Т. Антонов. Он только что вернулся из госпиталя после ранения. Иван Трофимович рассказал бойцам последние новости с фронта, познакомился с новичками. А потом, обращаясь ко всем, спросил: «Кто из вас знает, что такое активная оборона?» Все молча переглянулись. И он объяснил, что пока мы не наступаем, то должны своими активными действиями не давать покоя противнику ни днем, ни ночью. И чтобы фашисты не могли свободно

разгуливать на своих позициях, необходимо постоянно вести по ним прицельный огонь из винтовок с разных позиций.

Лейтенант так увлек молодых бойцов своим рассказом об активной обороне, что еще до его ухода в другой пулеметный расчет все превратились в снайперов, выслеживающих неосторожного противника. Немцы, конечно, почувствовали активность красноармейцев, но попытались их одурачить. Они надевали на ствол своей винтовки каску и высовывали ее из окопа, но наши бойцы без труда научились отличать обманный прием от фактической оплошности противника.

Через несколько дней вечером пулеметчикам приказали ночью сменить позицию, выйти вперед на окраину лесопосадки, а утром своим огнем поддержать наступление подразделений 2 сб и освободить хутор Шевченко, который располагался в низине между высотами в 1 км южнее села Ворошиловка и в 7 км северо-западнее пос. Малый Токмак на левом берегу небольшой, с заросшими кустарником топкими берегами, речки Чингул, притока р. Молочная. Остальные части дивизии также переходили в наступление на бывшее немецкое поселение (колония) Аль-Мунталь, расположенное за р. Чингул ближе к Пришибским высотам недалеко от западной окраины пос. Малый Токмак. (Еще при Екатерине II на земли Таврической губернии, на берега р. Молочная, переселились этнические немцы и организовали свои сельскохозяйственные колонии (поселки), в которых проживали вплоть до Великой Отечественной войны.)

Всю ночь бойцы не спали, зарываясь в землю на новом месте, но основное успели сделать: когда советская пехота ранним утром перешла в наступление, их пулемет огнем на фланге поддержал атаку рот 2 сб. Но и фашисты не дремали. Они с господствующих высот быстро обнаружили их пулеметную точку и открыли минометный огонь. Василий вместе с Володей Трошиным быстро прыгнули в небольшой окопчик, который успели вырыть на двоих, и прижались к его противоположным стенкам. С каждым близким разрывом вражеской мины их обдавало горячей воздушной волной, а иногда и землей. Левашов впервые попал под вражеский минометный огонь, поэтому, как новичок, не стесняясь, спросил у Трошина:

– Что это такое?

Владимир был польщен. Ему хоть и было страшно, но все же его спрашивал одноклассник, который, судя по рассказам, уже стрелял из автомата ППШ по немцам, поэтому решил подшутить над Василием и сказал, что это над ними взрываются дополнительные заряды наших мин, которые пролетают в сторону немцев. И Левашов, наивная душа, поверил. Но когда обстрел прекратился, они увидели страшную картину. Вокруг на небольшом расстоянии, даже в паре метрах от их

окопа, дымилось множество воронок от фашистских мин. Наводчик пулемета убит, а его помощник тяжело ранен. Только тогда Василий понял, что Трошин пошутил, но не обиделся, а был даже ему благодарен, потому что легче перенес этот обстрел.

Пока фашисты вели огонь по пулеметному расчету, советская пехота довольно быстро выбила боевое охранение немцев из хутора. Пулеметчики, похоронив своего товарища и передав раненого санитарам, по безлюдной улице вышли на западную окраину хутора и вновь стали быстро занимать оборону, установив свой «Максим» в оставленном вражеском окопе. Едва они успели все подготовить для стрельбы, как немцы перешли в контратаку. Наша пехота быстро залегла, а фашисты, поднявшись во весь рост и стреляя на ходу, явно рассчитывая на неподготовленность наших бойцов, стремились своей психической атакой восстановить утраченное утром положение. Но за станком пулемета лежал сам командир, младший сержант И.К. Овчинников, который приказал Трошину лечь рядом и выполнять обязанности помощника наводчика, подавая пулеметную ленту. И когда немцы подошли поближе, Иван Корнеевич, с каким-то внутренним напряжением и силой, длинными очередями стал прицельно бить по приближающейся цепи врага. Он мстил врагу за своих погибших друзей. Вслед за ним застрочили пулеметы справа и слева. Фашисты падали как подкошенные, остальные замедлили шаг, а некоторые устремились назад. Левашов и пехотинцы стали стрелять по бегущим немцам из винтовок. Их дружный огонь нанес фашистам значительные потери и заставил залечь. Ночью немцы отошли на исходные позиции за речку Чингул, но и на следующий день больше попыток вернуть утраченные позиции не пытались.

Над всей полосой обороны дивизии на противоположном берегу р. Чингул господствовала высота 115,5, которая имела важное тактическое значение. С ее вершины фашисты просматривали все боевые порядки частей и подразделений 295 *сд*. Враги постоянно обстреливали не только траншеи батальонов первого эшелона, но и позиции нашей артиллерии, и даже отдельные группы бойцов, машины и повозки. Было принято решение – высоту взять.

30 сентября 1943 г. после мощной 30-минутной огневой подготовки подразделения 1038 *сп* штурмом овладели этой высотой и, не снижая темпа наступления, продвинулись в глубину обороны противника еще на 4-5 км, наступая на юго-запад вдоль Пришибских высот, освободив хутор Вишневский и колонию Нейдорф. Батальоны захватили новый рубеж вдоль посадки у дороги, который находился уже в тылу фашистских войск, оборонявших пос. Пришиб, частично отрезав группировку врага от баз снабжения и эвакуации, и стали быстро окапываться.

Противник никак не ожидал такого развития событий, ведь оборонительные позиции на линии «Вотан» считались неприступными. К тому же успешный прорыв стрелковых батальонов 1038 *сд* 295 *сд* в тыл противника позволил частям 151 *сд* и 3 *зв.сд* корпуса также перейти в атаку и освободить пос. Пришиб (Гейдельберг).

Опомнившись, фашисты открыли ураганный огонь из всей своей артиллерии по подразделениям полка. С воздуха позиции батальонов и рот непрерывно атаковала немецкая авиация. Это был кровешный ад. На поле боя столкнулись две грозные силы, и победу одержать могли только самые смелые и стойкие.

Советские солдаты, находясь теперь уже на обратных скатах Пришибских высот, отчетливо видели, как со стороны немецких колоний Октоберфельд, Нейнассау и хутора Ровное, выстроившись словно на парад, справа и слева от оставшейся единственной дороги на пос. Пришиб в контратаку пошли цепи немецкой пехоты силами до полка при поддержке более двадцати танков, поднимая густые клубы дыма и пыли.

К этому времени бойцы и командиры 1038 *сн* уже успели окопаться и подготовить систему огня. Практически вся артиллерия дивизии и полка заняла новые огневые позиции, подготовила данные для стрельбы и открыла ответный огонь, а по мере приближения врага в бой вступили минометчики и пулеметчики. Неоценимую помощь в отражении атаки фашистов и уничтожении, в первую очередь, его танков оказал 1095-й армейский артиллерийский полк, батареи которого смело выдвинулись в боевые порядки стрелковых батальонов и огнем прямой наводкой били по вражеским машинам.

И советские солдаты не только отразили атаку фашистов, уничтожив их хваленые «тигры» и «пантеры», но и расширили участок прорыва. Фашисты захлебнулись в собственной крови, но и в наших подразделениях было много раненых и убитых. В этом бою умело и стойко воевал и красноармеец Василий Левашов, уничтожая ненавистного врага.

Немецкая оборона была сломлена. Части дивизии закрепились на новых рубежах и временно перешли к обороне. Успех 295 *сд*, и прежде всего 1038 *сн*, позволил не только дивизиям 13 *зв. ск* перейти в наступление на всем фронте и расширить плацдарм, но и соединениям соседней 44-й армии Южного фронта.

Но радость столь удачной атаки и захвата неприступных Пришибских высот омрачило одно страшное событие, произошедшее с тыловыми частями 295 *сд* в ночь на 1 октября 1943 г.

Командующий Южным фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин принял решение: ввести в бой свой резерв – 11 *тк* в полосе наступления 295 *сд*, где

наметился успех. С этой целью он отдал боевое распоряжение № 00240/ОП командиру 11 танкового корпуса: к 5-00 1 октября 1943 г. скрытно в полном составе совершить ночной марш, сосредоточиться в районе, который ранее занимала 295 *сд*. Командный пункт корпуса к утру должен был находиться в поселке 1-го отделения совхоза им. Ворошилова. Сроки были сжатые, и командир корпуса сразу же отдал устный приказ своим бригадам на выдвижение с соблюдением всех мер маскировки. Танкисты торопились занять указанный район и к утру замаскировать все свои боевые машины.

Но в этом поселке еще оставались подразделения технического обеспечения, которые занимались ремонтом подбитой и неисправной техники 295 *сд*, часть тыловых подразделений, склады и отделение медсанбата с выздоравливающими после ранений бойцами и командирами дивизии.

Сторожевое охранение из состава выздоравливающих красноармейцев под утро услышала гул моторов приближающихся танков, которые шли в полной темноте без опознавательных знаков и приняло их за немецкие, которые прорвались через передний край нашей обороны. По тревоге была занята круговая оборона, а личный состав вооружился и привел в боевую готовность все исправные отремонтированные орудия. Завязался неравный бой. Танкисты сходу развернулись в боевой порядок и тоже открыли огонь по неизвестно откуда взявшемуся «противнику». Только когда рассвело, разобрались, что воюют со своими.

И если за весь день 1 октября 1943 г. потери 295 *сд* на переднем крае составили: убитыми 8 чел. и ранеными 31 чел., то в этом «бою» от огня своих же танков дивизия потеряла только убитыми 101 бойца, в том числе начальника штаба 819 *ап* капитана М.М. Ваганова, зам. по политчасти этого же полка подполковника Я.Р. Банкрашкова и старшего уполномоченного контрразведки СМЕРШ Петрова (который в течение десяти дней держал Левашова в сарае под арестом), также были выведены из строя два 45-мм ПТО, 82-мм миномет, пять ПТР и четыре ручных пулемета.

Об этом чрезвычайном происшествии доложили Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину, назначили комиссию по расследованию случившегося. И хотя импульсивный командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор П.Г. Чанчибадзе вначале во всем обвинил командира 295 *сд* полковника А.П. Дорофеева, комиссия установила, что виноваты танкисты, которые не выслали вперед разведку и походное охранение. Командира 11-го танкового корпуса генерал-майора Н.Н. Радкевича с должности сняли и отправили с понижением на Дальний Восток до конца войны, непосредственных виновных судили и отправили в штрафбат. Корпус так и не был введен в бой на этом участке и через три дня также скрытно ночью убыл в другой район.

(К великому сожалению, это был не единственный случай за годы Великой Отечественной войны, и запись об этом происшествии была сделана только в журнале боевых действий 295 *сд*, остальные командиры и командующие скромно промолчали, даже словом не обмолвились, а ведь по нерадивости их подчиненных бесславно погибли более 100 советских воинов.)

Для развития наступления в дивизии уже не хватало сил и средств, тем более что противник на это направление подтянул все свои резервы и ценой огромных потерь стремился восстановить положение по Пришибским высотам, атакуя позиции частей дивизии каждый день по 2-4 раза силами пехотных батальонов при поддержке танков, артиллерии и авиации. Часто в этих боях происходили рукопашные схватки, но советские воины удержали отвоеванные позиции. Тысячи немецких солдат навечно остались лежать в степях под Токмаком. Большие потери понесли и наши войска, только одна 295 *сд* за эти дни потеряла убитыми и ранеными 1 129 чел. Хоронить погибших в могилах-граншеях помогало и гражданское население освобожденных районов.

В эти дни всего в 30 км севернее от района, где сражался Василий Левашов, 9 октября 1943 г. у балки Широкая, недалеко от села Васильевка, расположенного на левом берегу плавней р. Днепр (ныне левый берег Каховского водохранилища), тяжелое ранение в шею получил его друг и соратник по «Молодой гвардии» красноармеец-пехотинец 111 *зв.сн* 40 *зв.сд* Георгий Арутюнянц (от его роты в живых осталось только 8 чел. из более чем 100), а на следующий день 10 октября 1943 г. в этом же районе в соседней дивизии был ранен еще один выживший молодогвардеец Анатолий Лопухов, который, приписав себе один год, воевал в 107 *зв.сн* 34 *зв.сд* 5-й ударной армии Южного фронта рядовым красноармейцем на должности стрелка-пехотинца.

Тяжела была служба у пехотного солдата и младшего командира, продолжительность их жизни на войне – буквально несколько часов. Кому как повезет, кто-то погибал при первой же бомбежке, а кто-то оставался жив и воевал дальше. Пехотинец в любое время года и в любую погоду находился под открытым небом или в землянке, а между боями совершал марши пешком, по бездорожью, по полям, лесам и болотам, по непролазной грязи, иногда даже спал и принимал пищу прямо на ходу. Многие бойцы, которым удалось выжить в этой нечеловеческой боине, прошли своими ногами тысячи километров вместе с оружием, боеприпасами, снаряжением, скаткой, личными вещами и продовольствием «НЗ», вес которых нередко составлял чуть ли не 30 кг...

На две недели линия фронта застыла, никто – ни наши, ни немцы – не имел возможностей, сил и средств наступать. Только 14 октября 1943 г. 295 *сд* сдала свою полосу наступления 302 *сд* и вышла во второй

эшелон корпуса для отдыха и восстановления боеспособности. Пополнения личным составом практически не было из-за больших потерь не только в одной дивизии, но и в других соединениях 2-й гвардейской армии. Личного состава в стрелковых подразделениях не хватало, и полковник А.П. Дорофеев принял решение свести все малочисленные подразделения в один сводный стрелковый батальон в каждом полку. И уже через неделю 21 октября 1943 г., сменив на переднем крае две дивизии корпуса, 295 сд без особого успеха атаковала позиции врага.

20 октября 1943 г. Южный фронт был переименован в 4-й Украинский и, наконец-то, войска левого крыла прорвались к г. Мелитополь, завязав бои на его улицах. Фашисты стали перебрасывать все свои резервы к «воротам на Крым», этим воспользовались дивизии 13 *зв. ск* и перешли в наступление. И опять отличилась 295 сд, которая совместно со своими соседями 3 *зв. сд* и 24 *зв. сд* перешла в наступление и в течение двух дней продвинулась более чем на 10 км, освободив крупное село Трудолюбовка. Но продолжить развивать наступление обескровленные полки дивизии, в которых осталось около 300 активных штыков «царицы полей»-пехоты (по штату 5-6 тыс.), не смогли и вынуждены были перейти к обороне у поселка с красивым названием Радостный. В это время советские части облетела хорошая весть – 23 октября 1943 г. полностью освобожден г. Мелитополь.

Василий Левашов вместе со своим поредевшим пулеметным расчетом, выполняя обязанности по службе за двоих, ни на минуту не покидал поле боя и благодаря науке выживать, которой постоянно учил его и других молодых красноармейцев младший сержант Овчинников, остался жив в этой крошечной человеческой мясорубке.

27 октября 1943 г. командующий 2-й гвардейской армии в полосе наступления обескровленных дивизий 13 *зв. ск* ввел в бой свой резерв хорошо подготовленный и укомплектованный 2-й гвардейский механизированный корпус. Мощный удар этого корпуса прорвал оборону врага на большом фронте и в образовавшуюся брешь в его боевых порядках устремились дивизии 13 *зв. ск*, в том числе и 295 сд.

Фашисты, стремясь вывести свои главные силы из-под удара советских войск, стали отходить, прикрываясь небольшими арьергардами, за Днепр. В эти дни, не зная ни отдыха, ни сна воины дивизии, сбивая заслоны противника с промежуточных оборонительных рубежей, продолжали наступать на юго-запад к побережью Черного моря, чтобы окружить немецкую группировку войск, обороняющуюся в Крыму.

Но осень входила в свои права. Небо затянуло черными тучами, и пошли затяжные морозящие дожди. Пыльные степные дороги превратились в одночасье в разбитые колени, наполненные мутной жидкой грязью. Лошади

выбивались из сил, машины буксовали, сапоги разлетались буквально за недели, но промокшие до нитки бойцы и командиры шли вперед, не снижая темпов наступления, по пятам отходящих фашистов, выбивая их из населенных пунктов Запорожской области. И кровь бойцов вскипала в жилах от вида сожженных сел, убитого домашнего скота и изможденных жителей, которых фашисты не успели угнать в рабство.

29 октября 1943 г., в день юбилея – 25-летия ВЛКСМ, пройдя с боями более 50 км по раскисшим дорогам и колонным путям, освободив хутор Солодкий, села Ново-Ивановка и Менчикур, части 295 *сд* захватили большие трофеи, которые немцы не успели вывезти: 120 тыс. мин и снарядов, 5 т бензина, 3 т керосина, до тонны масла, 120 т зерна и 20 т муки. В этот же день согласно боевому распоряжению 2-й гвардейской армии №01891 ОП/ дивизия вышла из состава 13 *зв. ск* и стала резервом командующего.

Вечером, как-только стемнело, подразделения остановились на отдых, выставив боевое охранение. Во 2 *сб* к пулеметному расчету младшего сержанта Овчинникова подбежал рассыльный и, запыхавшись, обратился к Василию Левашову:

– Тебя вызывают в политотдел!

Оказалось, политотдел организовал встречу комсомольского актива дивизии в честь юбилея ВЛКСМ. За праздничным ужином вспоминали героев-комсомольцев, их подвиги, пели фронтовые и комсомольские песни. Получилось все очень интересно и запоминающе. Ведь все это – в походно-боевой обстановке. Левашов до этого дня и не подозревал, что числился в полку активистом комсомольской организации, он только догадывался, что это дело рук комсорга батальона младшего лейтенанта В.Е. Белова, с которым за эти дни не раз встречался в боевой обстановке и выполнял некоторые его поручения. Но ему было приятно, и только поздней ночью Василий, окрыленный, вернулся в свой батальон, но отдохнуть не пришлось. Необходимо было передать свои позиции подразделения дивизии второго эшелона корпуса, а самим выдвинуться в тыл – в район сбора.

В 5-00 30 октября 1943 г. еще ночью передовые батальоны 295 *сд* прошли исходный пункт и начали совершать марш на юго-запад по рокадам вдоль линии фронта в направлении на пос. Скадовск к берегу Черного моря. В первый день с трудом прошли в пешем порядке 52 км, остановившись на ночной привал в большом селе Верхние Серогозы. В ходе движения немцы на отдельных участках наносили бомбовые удары своей авиацией по колоннам частей дивизии.

Но предстояло преодолеть еще не менее 250 км по раскисшим дорогам, а сроки поджимали, и командование приняло решение: дальше двигаться, по возможности, на любом транспорте, и прежде всего на

гужевом, который доставали всеми правдами и неправдами у местного населения, с последующим возвращением. Движение пошло повеселее, и на следующий день войска преодолели гораздо большее расстояние.

Часть маршрута пролегла по северной части территории заповедника Аскания-Нова. Кровь стыла в жилах солдат и офицеров от вида убитых бизонов, зебр, пятнистых оленей, страусов и других редких животных и птиц, которых в звериной злобе уничтожили перед своим бегством из Северной Таврии фашистские нелюди. Разграбив все, что попало под руки, они дотла сожгли все строения научно-исследовательского института – заповедника.

2 ноября 1943 г. в 16-00 дивизия сосредоточилась в селе Каланчак (с 1967 г. поселок городского типа), а уже к исходу следующего дня подразделения 295 *сд* заняли оборону на широком фронте по берегам Каржинского залива, Каланчакского лимана и далее по северному берегу реки Каланчак до одноименного села. Оборона была очаговая и в основном опиралась на село Карга, деревни Тарасовка и Украинка, а также на постройки колхоза им. С.М. Буденного. Был захвачен в плен 31 солдат немецкой армии, которые сдались добровольно. Наконец-то советские части вышли к побережью Черного моря, завершив окружение фашистских войск в Крыму.

Личному составу был предоставлен долгожданный отдых, но долго радоваться этому не пришлось. Уже через сутки, 5 ноября 1943 г., дивизия получила новый приказ: срочно выдвинуться на север в район легендарной Каховки, которая была освобождена советскими войсками три дня назад, 2 ноября 1943 г. И снова пешком по раскисшим дорогам в походных колоннах бойцы и командиры 295 *сд* двинулись в путь. Им предстояло пройти более 100 км.

При подходе головы колонны дивизии к железнодорожной станции Брилевка в небе появилась группа бомбардировщиков и истребителей противника, которая начала сбрасывать бомбы и обстреливать пушечно-пулеметным огнем подразделения 295 *сд*. Гул и визг пикирующих самолетов врага, частая дробь авиационных пушек и пулеметов, громовые раскаты взрывов – весь этот адский грохот рвал барабанные перепонки, глушил подаваемые команды и распоряжения. В открытом поле спрятаться было негде. Выбегая из строя, солдаты бросались на чахлую, исковерканную сотнями машин и повозок стерню, открывая огонь из всех видов оружия по фашистским самолетам. А те, словно стервятники, продолжали кружиться над полем, вновь и вновь неся смерть, пока их не отогнали советские истребители. К счастью, налет фашистской авиации особого вреда не нанес.

На следующий день поздним вечером 6 ноября 1943 г. части дивизии подошли к указанному району, сменили войска 417 *сд* 2-го гвардейского механизированного корпуса, которые, по факту, еще днем оставили свои позиции и стали переходить к обороне, несмотря на то что в течение всего светового дня под постоянными бомбежками фашистской авиации совершили 60-км марш. Приказом командующего армией 295 *сд* перешла в оперативное подчинение 1 *зв. ск* под командованием генерал-лейтенанта И.И. Миссан. Командный пункт дивизии расположился в 10 км южнее г. Каховка в деревне Коробки. 1038 *сн* переходил к обороне на левом фланге дивизии в самой Каховке и далее по берегу р. Днепр вниз по течению до деревни Ключевая. 1042 *сн* занял позиции севернее города в селах Любимовка, Софиевка и Елизаветовка, а 1040 *сн* расположился во втором эшелоне дивизии.

Самый большой район на левом фланге 1038 *сн* и дивизии, по фронту более 10 км, от пос. Малая Каховка до деревни Ключевая занимал 2-й стрелковый батальон, поэтому его взвода и роты всю ночь готовили свои позиции к круговой очаговой обороне. В боевое охранение непосредственно на берегу у разбитой переправы через Днепр на правый берег к г. Берислав (наплавной понтонный мост, который ранее имел важнейшее значение на дороге из Киева в Крым) командир 2 *сб* капитан И.У. Гащенко выставил свою пулеметную роту, усилив ее расчетами противотанковых ружей.

Одновременно с инженерным оборудованием позиций для борьбы с разрозненными группами гитлеровцев, которые продолжали бродить по камышовым зарослям, были выделены хорошо подготовленные группы бойцов от каждого батальона.

Пулеметному расчету младшего сержанта Овчинникова определил место занятия обороны на берегу Днепра, поставил боевую задачу и приказал за ночь оборудовать огневую позицию сам командир роты капитан П.А. Терещенко. В вечерних сумерках бойцы увидели позади себя деревянное двухэтажное здание оригинальной архитектуры. На карте оно обозначалось как дом отдыха. Все обрадовались, предвкушая ночной отдых, наконец-то, под крышей. Но не тут-то было. Иван Корнеевич строго сказал:

– Пока не оборудуем пулеметную точку, никакого отдыха не будет!

Овчинников торопился не зря. Он знал, что и справа, и слева от них никого нет и в случае, если немцы переправятся на левый берег, вся надежда только на свои силы и пулемет. Поэтому все, в том числе и командир расчета, вместо отдыха трудились всю ночь.

На рассвете 7 ноября 1943 г., в праздничный день 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в 200 м от здания дома отдыха, между стволами огромных деревьев появилась пулеметная ячейка

с круговым обстрелом. Год назад в эту ночь Василий Левашов вместе со своими товарищами-подпольщиками расклеивал листовки и вывешивал красные флаги на зданиях и самых высоких точках оккупированного фашистами Краснодона и близлежащих поселках, а теперь... работа не прекращалась и днем. Скрытно от противника, который закрепился на противоположном берегу, пулеметчики оборудовали для себя укрытие-блиндаж, связав его ходом сообщения с основной позицией.

Когда все основные работы по инженерному оборудованию были завершены, бойцы стали внимательно изучать окружающую обстановку, но, как ни всматривались в противоположный берег, никаких признаков нахождения там фашистов не обнаружили. Не видно было ни огневых точек, ни передвижения солдат, хотя ночью в стороне иногда раздавались одиночные выстрелы. Пулеметчики также старались соблюдать осторожность и не дать противнику заблаговременно обнаружить и засечь их огневую точку.

Всех очень интересовал вопрос о том, кто же соседи справа и слева и где они. Ночь прошла спокойно, и на следующее утро командир приказал Левашову и Кулагину:

– Пройдитесь вдоль берега вниз по течению. Кто-то же должен быть у нас слева.

Приказ есть приказ, и Василий вместе с наводчиком пулемета по заброшенной проселочной дороге, протянувшейся вдоль берега Днепра от дома отдыха на юг, отправились в разведку. Кустарник прикрывал их от взора противника, а противоположная западная сторона реки просматривалась очень хорошо, так как освещалась солнцем. Пройдя около 1 км, они увидели на стороне противника фигуру в серо-зеленой шинели. Немецкий солдат двигался, как и они, вниз по течению.

– Ну, что? Спугнем? – предложил Левашов.

Срабатывала привычка не давать покоя противнику, привитая лейтенантом Антоновым. Они залегли в кустах, Василий прицелился и выстрелил. Немец упал. «Видно прикинулся убитым», – подумали бойцы, не веря, чтобы с такого большого расстояния он попал. Минут десять они, лежа, выжидали, когда он поднимется, чтобы снова выстрелить. Но так и не дождались, пошли дальше. Не обнаружив никаких соседей слева, они возвратились обратно тем же путем. На стороне противника изменений не произошло, только яркое солнце высвечивало серо-зеленую шинель немца, в которого стрелял Левашов.

Следующей ночью после дежурства у пулемета вместе с двумя другими товарищами Василий крепко спал в блиндаже. Вдруг сквозь сон он услышал взволнованный шепот Володи Трошина:

– Тревога! Немцы переправились!

Сна как не бывало. Левашов схватил свой новенький автомат и по узкому ходу сообщения вместе с другими бегом направился к пулемету. Подбежал и удивился. «Максим» был нацелен не в сторону противоположного берега, а на дом отдыха. К его прицелу уже прильнул младший сержант Овчинников, в любой миг готовый открыть огонь.

— Немцы зашли к нам в тыл. Приготовьте оружие и ждите команды! — чуть слышно произнес командир.

Все прислушались. Со стороны дома доносились едва уловимые звуки. Ясно, что там передвигались люди. Конечно, это немцы, но сколько их и с какой целью переправились?

Шум усилился, стал ближе. И вдруг в тревожной тишине застрочил пулемет. Все от неожиданности вздрогнули. Это Иван Корнеевич решил, что уже пора и нажал на гашетку. Трассирующие пули устремились вперед и на какие-то мгновения высвечивали то контуры дома, то очертания деревьев. Туда же, вслед за пулеметными трассами, посыпались и наши очереди. Всего пятеро бойцов, но они подняли такую стрельбу, словно их было не меньше взвода.

Противник не ожидал встретить такой отпор, но быстро пришел к себе, и пулеметчики услышали, как над их головами в ветвях деревьев протрещали разрывные пули, а затем из темноты со стороны дома донеслись редкие автоматные очереди. Это отстреливались немцы. Постепенно стрельба стихла. Немцы ушли или затаились. В тревожном напряжении, держа оружие наготове, бойцы ждали до утра, а когда рассвело, они увидели трех убитых фашистов, одетых в зеленые маскировочные халаты. Двое лежали у входной двери дома, а третий был убит на пути между домом и пулеметной точкой.

Ночную стрельбу, конечно, слышали многие. Утром пришел командир пулеметной роты капитан Терещенко. Он осмотрел убитых и сказал:

— Это были немецкие разведчики. Они приходили за «языком». Немцам нужно было кого-нибудь из вас захватить живым и доставить на тот берег. А там допросить с пристрастием. Но, вероятнее всего, они рассчитывали увести с собой кого-нибудь из наших офицеров. Поэтому сразу пробрались в дом.

Расчет установить пулемет не в здании и даже не рядом, а в 200 м от него, оказался верным. В последующие дни противник активных действий не проявлял, и бойцы поочередно несли боевое дежурство у своего пулемета. А созданные в каждом полку передовые отряды продолжали уничтожать фашистов, которые разрозненными группами прятались в плавнях, не давая им возможности прорваться в степные просторы и соединиться с немецкими войсками, блокированными в Крыму.

Наступила оперативная пауза в наступлении советских войск. Части дивизии стали получать новое пополнение, вооружение, имущество,

боеприпасы, проводить занятия по тактической и огневой подготовке, готовиться к преодолению такой крупной водной преграды, как Днепр.

В это время Василий Левашов из газет, а также из писем от родных и знакомых из Краснодона, узнал о мученической смерти своих боевых товарищей, о предательстве организации Почепцовым, который выдал оккупантам членов штаба молодогвардейцев и всю Первомайскую группу. Узнал он и том, что «основным» предателем организации московская комиссия считала Виктора Третьякевича, который, по ее мнению, не выдержал бесчеловечных пыток и рассказал врагам все о деятельности и составе «Молодой гвардии».

Василий никак не мог поверить, что его лучший друг – предатель. Все, что угодно, только не это. А после писем от своего отца, который побывал в застенках полиции, сидел в одной камере с молодогвардейцами и лично видел, как Третьякевича полумертвого приволакивали с допросов и на следующий день опять избивали, стараясь любой ценой заставить его предать не только подпольщиков Краснодона, но и Луганска, а тот молчал, Левашов стал абсолютно убежден, что его друга оболгали враги. Но самое обидное для молодого патриота было то, что в эту провокацию поверили не только следователи и члены московской комиссии, но и некоторые молодогвардейцы, которые остались живы.

И Василий Левашов не стал молчать. Он начал писать письма своим оставшимся в живых товарищам: Георгию Арутюнянцу, Анатолию Лопухову, Ольге Иванцовой, Радике Юркину, которые подтвердили его сомнения и выразили уверенность, что Виктора Третьякевича оклеветали. Особую поддержку он получил от Арутюнянца как члена штаба, стоявшего у истоков создания «Молодой гвардии». Вдвоем они посчитали, что провал организации стал трагической случайностью.

Пока шла проверка и уточнение личности Василия Ивановича Левашова, проекты указов Президиума Верховного Совета СССР и приказа начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК были готовы, поэтому в списки награжденных он не попал. Второй приказ № 91/Н о награждении оставшихся молодогвардейцев медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, подписанный начальником Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенантом П.К. Пономаренко, был подписан уже после всех проверок 21 сентября 1943 г.

Но и в этом приказе фамилии члена штаба и одного из организаторов «Молодой гвардии» Василия Левашова не было. Кроме него еще шестерых молодогвардейцев, по не совсем понятным автору причинам, так и не наградили, причем трое из них были казнены вместе со всеми еще 15 и 16 января 1943 г. Это Василий Гуков, Юрий Полянский и Надежда Петрачкова.

Награды, даже медалью, не удостоились также: Анатолий Ковалев, единственный, кто из подпольщиков сумел бежать из-под расстрела, но потом без вести пропал в Запорожской области; Василий Борисов, который, выполняя последнее указание штаба «Молодой гвардии», ушел вначале в Ворошиловград, а затем вместе с матерью Анастасией Антоновной отправился в г. Новоград-Волынский Житомирской области к родному брату Ивану, участнику Новоград-Волынского подполья, и стал связным партизанского отряда. Вместе с братом он распространял листовки и партизанские газеты среди населения, снабжал партизанский отряд солью, спичками, махоркой, которые Борисовы получали за работу в часовой мастерской, принимал участие в диверсиях на железной дороге, помогал пленным перебираться к партизанам, но в конце августа 1943 г. гитлеровцы по доносу провокатора арестовали Василия, Ивана и Анастасию Антоновну Борисовых и 6 ноября 1943 г. после жестоких пыток расстреляли в числе 126 подпольщиков г. Новоград-Волынского.

Не награжден был и Виктор Третьякевич.

Но этим же приказом г-л П.К. Пономаренко в числе членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» медалью «Партизану Отечественной войны» I степени наградил бабушку и мать Олега Кошешова – Коростылеву Веру Васильевну и Кошевую (Кашук) Елену Николаевну, хотя к деятельности как своего сына, так и всей подпольной организации они практически не имели никакого отношения, как, впрочем, и подавляющее большинство остальных родителей. К тому же Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. за активную помощь, оказанную подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в борьбе с немецкими захватчиками, Е.Н. Кошешова была награждена орденом Отечественной войны II степени.

(Эти указы и приказы были зачитаны в конце сентября 1943 г. в клубе им. В.И. Ленина в Краснодоне перед всеми оставшимися в живых молодоговардейцами и родителями погибших героев, чем уже тогда вызвали волну негодования среди них. А некоторые обратили внимание и на то, что к награде не был представлен Василий Левашов, который, в отличие от «других», ничем себя «не запятнал». И по Краснодону поползла людская молва, что его так «поощрили» за ту правду о деятельности организации, ее комиссаре, которую он старался довести до различных руководящих органов.)

Об этом знали все, но кроме разговоров дальше дело не пошло. Ни командир Туркенич, который был награжден этими приказами орденом Красного Знамени и медалью, ни Арутюнянц, награжденный орденом Красной Звезды и медалью, а тем более оставшиеся в живых рядовые члены организации, также не обделенные высокими наградами и

повышенным внимание властей, официально не высказали даже недоумения по этому поводу. А природная скромность Василия Ивановича не позволила ему об этом напомнить ни товарищам, ни командирам, ни начальникам. Но самое удивительное это то, что за два месяца непрерывных боевых действий подразделений 295 сд на подступах к Днепру плечом к плечу со всеми, простым красноармейцем, подносчиком патронов, бил ненавистных фашистов живая легенда всей страны, член штаба и один из организаторов «Молодой гвардии» Василий Левашов. Но об этом не знали не только рядовые бойцы, но и офицеры 2-го стрелкового батальона, а тем более полка и дивизии. Лишь только ближайшее окружение иногда замечало повышенное внимание к их товарищу со стороны секретаря комсомольской организации батальона младшего лейтенанта В.Е. Белова.

На войне люди быстро взрослеют, ведь не зря выслута лет на фронте увеличивается в три раза по сравнению с мирной жизнью.

Еще в октябре 1943 г. Василия утвердили политбойцом пулеметной роты 2-го стрелкового батальона, и это назначение ни у кого не вызвало подозрений и сомнений. Ведь он уже был опытным бойцом, который умел стрелять практически из всех видов стрелкового вооружения, даже из трофейного, уничтожая врага. Левашов никогда не отказывал в помощи и совете другим молодым бойцам. Это вызывало уважение старослужащих, но особенно новобранцев. К его мнению стали прислушиваться. Вскоре он был назначен на должность помощника наводчика пулемета в своем расчете. Василий Левашов, в который раз, снова, не взирая на предыдущие заслуги, становился авторитетом для своих товарищей-сослуживцев.

17 ноября 1943 г. части дивизии на основании боевого распоряжения командующего 2-й гвардейской армии сдали свой оборонительный рубеж подразделениям 86 и 33 *гв. сд* и сосредоточились в с. Большая Маячка. На следующий день 295 *сд* вышла из состава 1 *гв. ск*, в полном составе совершила очередной марш через песчаные кучугуры (холмы, дюны высотой до 20 м) и вошла в состав подвижной оперативной группы армии (резерв), расположившись в больших селах Раденское, Костогрызово и Большие Копани.

В этом районе части дивизии располагались более месяца, постоянно его совершенствуя в инженерном отношении (даже с привлечением местного населения), а также получали пополнение, новое вооружение и различное имущество, проводили занятия по тактической, огневой подготовке, готовились к форсированию Днепра и дальнейшему освобождению советской земли от фашистских захватчиков.

Только 1038 *сн* 8 декабря 1943 г. вместе с 3 *адн* 819 *ап* по приказу командующего вошел в оперативное подчинение 1-го гвардейского

укрепрайона и, совершив очередной 100-км марш на юг в район рыбацкого поселка Прогнон на Кинбурнском полуострове, совместно с подразделениями 1 *зв. УРа* перешел к обороне побережья Днепровско-Бугского лимана и Черного моря, сменив части 24 *зв. сд*, освобождавшей полуостров и понесшей большие потери.

2-й стрелковый батальон в ночь на 11 декабря 1943 г. сменил подразделения 71 *зв. сп* в пос. Покровка и перешел к обороне на побережье Черного моря и Ягорлыцкого лимана. Воевать бойцам и командирам предстояло в памятном, историческом районе, где еще в октябре 1787 г. русские войска под командованием генерал-аншефа Александра Васильевича Суворова разбили турецкий десант, который пытался овладеть русскими укреплениями на Кинбурнской косе. В этом сражении Суворов был дважды ранен, под ним убиты две лошади, но он не покинул поля боя. Только 600 турок, спрятавшихся в камышах, смогли ночью вплавь и на гребных лодках вернуться на борт своих кораблей, а около 4 000 погибло. Потери русских составили 2 офицера и 136 солдат убитыми и 17 офицеров и 300 солдат ранеными. Победа русских войск при Кинбурне была первой в Русско-турецкой войне 1787-1791 гг.

(Василий Иванович Левашов так и не узнал, что в роте связи 71 *зв. сп* служил его друг, подпольщик из пос. Кутейниково Василий Григорьевич Бебешко, который был призван вместе с ним Успенским РВК Амвросиевского района в начале сентября 1943 г. К этому времени его тезка неоднократно проявлял отвагу и мужество в наступательных боях с фашистами, исправляя повреждение линий телефонной связи под артиллерийским и минометным огнем противника, и был уже дважды награжден медалью «За отвагу», хотя второй раз представлялся командиром полка к ордену Красной Звезды. В эту ночь они были в шаге друг от друга, но так и не встретились. Фронтовая судьба всего один раз предоставила им такую возможность.)

Зима вступала в свои права. 21 декабря 1943 г. 295 *сд* вновь вошла в состав 13 *зв. ск*. Отдохнувшие и полностью укомплектованные полки уже следующей ночью выдвинулись к переднему краю, сменив подразделения двух стрелковых соединений на фронте более чем 70 км, перешли к обороне вдоль левого берега Днепра, построив боевой порядок отдельными опорными пунктами в одну тонкую линию от озера Домаха (у Антоновского моста через Днепр) до острова Соколин. В этом районе немецко-румынские войска удерживали небольшие плацдармы у железнодорожного моста через Днепр, а также на больших и малых островах устья Днепра. В оказавшихся на поверхности затопленных паромов и крупнотоннажных баржах фашисты устроили пулеметные огневые точки, с которых уверенно

простреливали старое и новое русло могучей реки. Все это обеспечивало немецкому командованию действенный контроль за Днепровско-Бугским лиманом и беспрепятственный вывоз по воде имущества, награбленного в Херсоне и других оккупированных населенных пунктах.

25 декабря 1943 г. 1038 *сп*, успешно выполнив поставленную боевую задачу на Кинбурнском полуострове, сдал свои районы обороны подразделениям 1 *зв*. УРа и уже через два дня сосредоточился побатальонно во втором эшелоне своей дивизии на широком фронте в населенных пунктах Алешки, Большая Кардашинка и Голая Пристань.

Перед фронтом дивизии в плавнях оборонялись подразделения 42-й румынской пехотной дивизии и 370 *нд* немцев. Командир дивизии полковник А.П. Дорофеев решил: выделить две стрелковые роты от 1038 *сп*, усилив их учебной ротой и двумя батареями дивизионной артиллерии, на штурм вражеских опорных пунктов на островах и баржах, а остальным приступить к непосредственной подготовке к преодолению широкой водной преграды и бою на правом берегу Днепра. Штурмовые подразделения в ожесточенных схватках справились с поставленной боевой задачей: часть немецко-румынских гарнизонов была уничтожена, остальная бежала. В этом им неоценимую помощь оказали истинные патриоты земли русской: местные рыбаки и жители прибрежных сел и хуторов, которые не только обеспечили штурмовые группы лодками и другими переправочными средствами, но и самыми короткими и скрытными путями, маневрируя в густых зарослях камыша извилистых рек и речушек, впадающих в Днепр, позволили бойцам скрытно подобраться к опорным пунктам врага и нанести фашистам сокрушительный удар. Эти бои местного значения шли в болотах по пояс, а иногда и по грудь в ледяной воде и в дальнейшем спасли от верной гибели не одну сотню бойцов и командиров 295 *сд*.

Благодаря успешным действиям рейдовых отрядов полка на островах устья Днепра части дивизии перенесли свой передний край ближе к Херсону и его пригородам непосредственно на противоположный берег великой русской реки.

В это же время, включая и новогоднюю ночь 1944 г., остальные подразделения 1038 *сп* занимались совершенствованием своих оборонительных рубежей во втором эшелоне дивизии. Только пулеметные роты батальонов заняли огневые позиции непосредственно на берегу Днепра, но теперь значительно ниже по течению, как раз напротив г. Херсон. На противоположном берегу, немного левее от места расположения расчета И.К. Овчинникова, возвышался огромный элеватор, с которого немцы хорошо просматривали оборону советских войск на всю глубину боевых порядков. И даже деревья с опавшей листвой не могли укрыть позиции пулеметчиков.

И снова расчет младшего сержанта Овчинникова стал быстро оборудовать свою огневую точку. Им немного повезло: на позиции уже был оборудован дзот теми бойцами, которые до этого держали здесь оборону. Кулагин и Левашов сразу же установили в нем свой пулемет, а потом вместе со всеми вырыли и оборудовали землянку. Правда, их временное укрытие получилось неглубокое и тесное, потому что близко находились грунтовые воды, но в нем было просторнее, чем в дзоте. Затем недалеко в стороне создали и замаскировали открытую пулеметную ячейку для стрельбы в любом направлении, потому что амбразура дзота позволяла стрелять только в ограниченном секторе. Днем пулемет убирали в дзот, а с наступлением темноты устанавливали в открытую ячейку. Но противник все же обнаружил пулеметную точку Овчинникова и решил ее уничтожить.

Однажды, под вечер, когда солнце склонялось к закату и хорошо освещало берег, на котором располагался их пулеметный расчет, раздались орудейные выстрелы. Подошедшая к берегу фашистская самоходно-артиллерийская установка «Фердинанд», вооруженная 88-мм пушкой, прямой наводкой стала бить по дзоту младшего сержанта Овчинникова. Красноармейцы быстро заняли укрытие в своей землянке, которую сотрясало от близких разрывов вражеских снарядов. Казалось, что вот-вот вместе с бревнами перекрытия они взлетят на воздух. Двенадцать выстрелов, двенадцать близких прицельных разрывов, а потом наступила звенящая тишина. Бойцы выбрались из землянки только когда стемнело и сразу же к дзоту, в котором был установлен пулемет. Он был полностью разрушен. Немного рассуждая, пулеметчики взялись за лопаты и стали в кромешной темноте разбрасывать землю и бревна. И, когда нашли свой «Максим» целым и невредимым, все радостно вздохнули. Теперь необходимо было пулемет разобрать и почистить. Этим и занялись, вспоминая добрым словом командира взвода, который учил молодых солдат разбирать и собирать пулемет с закрытыми глазами. Через два часа боеспособность расчета была полностью восстановлена: потерь ни в людях, ни в оружии не было.

Когда, наконец-то, пулемет установили в предусмотрительно заранее вырытую ячейку, к ним пришел парторг батальона младший лейтенант Я.С. Семенюта. Яков Степанович был общительным человеком с острым украинским юмором. В батальоне его хорошо знали, и он всегда был желанным гостем для бойцов. 40-летний парторг долго беседовал с И.К. Овчинниковым, затем с первым номером в расчете В.Г. Кулагиним, а потом позвал помощника наводчика (второй номер) Левашова:

– Воевать ты, говорят, научился. А газеты читаешь?

Яков Степанович о многом еще расспрашивал Василия, прежде чем задал свой главный вопрос:

– А как с политическим ростом? Как в отношении партии? Вступать собираешься?

19-летний боец смутился и от растерянности не знал, что ответить. О вступлении в партию он даже не мечтал, молод еще. Да и документы, подтверждающие его принадлежность к комсомолу, из Краснодона еще не пришли. Но словам парторга обрадовался. Ведь они были признанием его заслуг как рядового бойца. И Василия ничуть не смутило то, что коммунист на фронте не может дрогнуть в бою и в наступлении должен быть в числе первых. Левашов об этом уже знал, и не понаслышке.

Вскоре его заявление рассматривалось на собрании первичной партийной организации батальона. Оно проходило в окопах, недалеко от берега Днепра. Василия долго расспрашивали, как он понимает долг коммуниста на фронте, и лишь потом единогласно приняли в члены ВКП(б). Все товарищи дружно поздравляли Левашова, но, оказалось, преждевременно. Партийная комиссия при политотделе дивизии не стала даже рассматривать дело о его приеме, так как у Василия не было с собой комсомольского билета, который он сдал еще в августе 1942 г. перед отправкой с заданием в фашистский тыл.

В тот поздний вечер Левашов возвращался к своим пулеметчикам с горьким чувством обиды. «Не доверяют!» – вертелось в его голове. Где-то там, в недрах сознания, проскальзывала здравая мысль о том, что все правильно: «И нечего было пытаться вступать, не дождавшись документов...» Но чувство обиды брало верх и сказывалось на настроении.

Уже в блиндаже Иван Корнеевич, видя его удрученное состояние, сказал: «Не огорчайся. Все тебя уже знают, все доверяют, но нужен документ», – но это мало подействовало, обида не прошла...

Через несколько дней вечером, когда только стемнело, к ним на точку пришел рассыльный.

– Кто тут Левашов? Тебя в штаб полка вызывают.

Все с удивлением посмотрели на Василия, а потом на рассыльного, но тот молча пожал плечами. Левашов взял свой автомат и отправился в штаб. В большом, с надежным перекрытием блиндаже было полно народу. Несколько незнакомых старших офицеров сидели за столом. Но Василий не растерялся, вошел и, обращаясь ко всем, отрапортовал:

– Рядовой Левашов по вашему приказанию прибыл!

Один из старших офицеров встал из-за стола, протиснулся к нему, пожал руку и сказал:

– Сегодня на твое имя из Краснодона пришло письмо. Мы не удержались, вскрыли его. В конверте оказалось два документа, подписанных первым секретарем Краснодонского райкома комсомола. В одном

из них подтверждается, что ты комсомолец с 1939 г., в другом – что ты участник подпольной организации «Молодая гвардия». Поздравляю!

«Наконец-то!» – промелькнуло в голове у Василия...

В середине января 1944 г. 1038 *сп* в полном составе перешел к обороне по левому берегу Днепра еще ниже: от пос. Голая Пристань и далее на юг к селам Старая- и Новая Збурьевка. 2-му батальону и его пулеметной роте объявили, что они будут держать очаговую оборону в плавнях Днепровского лимана. Никто не знал, что это такое, но то, что они вскоре увидели и ощутили на себе, вначале повергло всех в шок, а затем в уныние.

Днепровские плавни. Земли не видно. Кругом вода и густые заросли высоченного камыша. Пулеметчики шли по колено в воде, неся на себе пулемет, боеприпасы и все имущество, и если попадалась скрытая под водой воронка от разорвавшегося снаряда, то бойцы погружались по грудь или по горло в ледяную воду, а развести костер и высушиться не было никакой возможности.

Свыше трех километров по камышовой тропе несли они свой разобранный «Максим». Наконец достигли точки. Это был самый левый фланг советско-германского фронта. Дальше лиман и Черное море. Только на островах оборонялись морские пехотинцы. Везде вода по колено и сплошной камыш, успокаивало лишь то, что он надежно скрывал пулеметчиков от глаз противника. Окоп не вырыть, укрытия тоже. Молча собрали пулемет и установили на торчащий из воды островок, образованный из связанных снопов камыша. Рядом оказалась рыбацкая лодка. Сразу решили, что если уровень воды повысится, то будут ставить пулемет в лодку и держать оборону на плаву. Недалеко от пулеметной точки рыбаками прямо на воде был сооружен шалаш, тоже из камыша, внутри которого основание (пол) было устлано снопами камыша в три слоя. На них могла ложиться спать отдыхающая смена, но, как бы не устал и не хотел спать боец, выдержать можно было не более сорока минут, так как сквозь камышовые снопы проникала холодная сырость.

«Иногда температура воздуха понижалась настолько, что не только в плавнях, но и в Днепре вода покрывалась льдом. Лед, конечно, был непрочный. Он только затруднял движение. На такой случай ох как пригодились бы болотные сапоги! Но не у всех из нас были обычные, солдатские. Ноги постоянно были в сырости, не просыхали. Однако никто не простужался, не кашлял, не было даже насморка. На своем опыте убеждались, как велики возможности человеческого организма», – вспоминал Василий Иванович.

Трудности были не только с отдыхом, но и с организацией питания. Походную кухню в плавник не доставишь. Поэтому питались сухомятку. Сухой паек получали по утрам на сутки. На каждого бойца выдавали по

буханке черного хлеба, по 100 г свиной тушенки и около 200 г кукурузной крупы, а также, учитывая неблагоприятные условия, еще и по 100 г водки. С получением сухого пайка пулеметчики садились на снопы, выпивали свои 100 г «наркомовских» и после этого съедали суточную норму, за исключением кукурузной крупы. Приспособились и отдыхать, постоянно переворачиваясь на другой, не замерзший, бок и снова засыпая.

Через несколько дней Володя Кулагин где-то раздобыл металлическую коробку (бывшую духовку) и приспособил ее как плиту. Теперь иногда удавалось сварить из кукурузной крупы кашу. Так бойцы почти половину зимы провели в плавнях, ни на день, ни на час не покидая своей пулеметной точки...

Начался март 1944 г. Незадолго перед этим был утвержден новый гимн Советского Союза и от командования поступило указание: всем воинам выучить новый текст наизусть.

В первое мартовское воскресенье утром пулеметный расчет Овчинникова собрался пойти в тыл батальона помыться в бане и поменять белье. На огневой позиции командир оставил Левашова, пообещав, что тот ходит в баню завтра, а пока должен был выучить наизусть слова нового гимна и, к их возвращению, сварить кашу.

Когда все ушли, Василий разжег самодельную плиту и поставил на огонь котелок с водой, чтобы сварить кашу, а сам уселся рядом у огня и стал учить новый гимн. Постепенно рассеялись тучи, показалось яркое солнце. Кругом тишина, будто и войны нет. Левашов расслабился, греясь в ласковых лучах весеннего солнышка, и не заметил, как предательская струйка дыма потянулась вверх. Немцы, заметив дым, сразу же начали минометный обстрел. Раздался свист, и где-то сзади разорвалась мина, затем вторая, но уже ближе, затем третья... Кругом вода, в окоп не спрячешься. Василий быстро загасил огонь и лег в лодку. Деревянные борта все же защищали от осколков. Так почти час, пока длился обстрел, лежал он в лодке и при этом... не забывал учить гимн.

Вечером, когда наступили сумерки, возвратились товарищи. Они были веселы, оживленны. Левашов смущенно сообщил им, что кашу сварить не удалось, но младший сержант Овчинников успокоил:

– За нас не огорчайся. В батальоне мы хорошо пообедали. Вот только тебе придется немного поголодать. Утром, не ожидая получения пайка, пойдешь в тыл. Тебя должны принимать в партию.

(Прошло уже почти два месяца с момента получения всех документов из Краснодона, а партийная комиссия дивизии так и не нашла возможности собраться и утвердить решение первичной партийной организации 2-го стрелкового батальона 1038 *сп*, которое отложило из-за отсутствия

комсомольского билета у Василия Левашова. А ведь это фронт, где все измывается мгновеньями. Его могли убить, он мог простыть и тяжело заболеть, да мало ли что могло случиться с бойцом на передовой. Это положение больше всего напрягало младшего лейтенанта Семенюту, который в партию вступил уже в зрелом возрасте, да еще на войне. Он не мог спокойно смотреть в глаза молодому бойцу, которого сам же убеждал. Эта несправедливость по отношению к Василию Левашову со стороны политотдела и партийной комиссии дивизии подрывала его авторитет среди бойцов, который Яков Степанович заслужил своей отвагой в боях с ненавистным врагом еще с июня 1941 г. Поэтому парторг батальона ни разу за эти месяцы не приходил к пулеметчикам Овчинникова, а ведь его расчет занимал оборону на самом уязвимом участке боевого порядка 2 *сб.*)

Как только рассвело, Василий попрощался с товарищами, взял автомат на грудь, вещмешок на спину и в путь. Командир и остальные бойцы уже знали, что к ним он больше не вернется, но об этом ему ничего не сказали. Не хотели расстраивать. Мало ли что еще может случиться, ведь уже один раз в начале января его принимали в партию...

В последний раз шел Левашов налегке по плавням, проваливаясь в воду иногда чуть не с головой в скрытые под водой воронки, и все думал: «Почему командир роты велел явиться со всеми вещами?»

Все разъяснилось после заседания партийной комиссии. Вошел начальник политотдела дивизии полковник Г.Т. Луконин, поздравил и сказал:

– Мы решили назначить тебя комсоргом 3-го батальона. Если не возражаешь, получай предписание и на новом месте включайся в работу. Времени на ознакомление очень мало. Скоро пойдем в наступление. Будем освобождать Херсон.

«Комсорг батальона – должность офицерская, а я – рядовой боец, пулеметчик», – подумал Левашов, но отказаться от предложения начальника политотдела не решился – «начальству видней». Жаль, конечно, расставаться с проверенными друзьями, но и возвращаться обратно в плавни не было никакого желания. Он все же сходил в баню, переделался в новенькое белье, постирал свое обмундирование, выпросил у интенданта новенькие сапоги, взамен своих, которые уже давно расползлись, и плотно покушал горячей каши на дивизионном ПХД. А затем, получив в политотделе дивизии предписание, отправился к своему новому, неизвестному месту предназначения в 3 *сб* своего же полка. В пути Василий постоянно думал, как же его примут на новом месте?

Но его появление ни у кого не вызвало удивления. И командир батальона, и его заместитель по политчасти заранее знали, кто к ним назначен комсоргом. Они сразу же усадили Василия вместе с собой за стол и за

обедом в ходе беседы узнали о нем все, что их интересовало. В свою очередь и Левашов узнавал новых для себя руководителей. Командовал батальоном грузин майор Г.Д. Шенгелия, который только на днях вернулся из госпиталя после тяжелого ранения, полученного в боях еще в сентябре 1943 г., заместителем по политчасти был еврей капитан И.М. Портной, парторгом батальона был русский младший лейтенант Н.С. Ткаченко. И такому разнообразию национального состава фронтовиков никто не удивлялся. Так было всюду. Ведь пулеметной ротой, в которой служил Василий, командовал белорус капитан П.А. Терещенко.

После обеда парторг батальона провел Левашова по ротам, познакомил с комсомольским активом. По своему характеру Николай Степанович совсем не был похож на парторга 2-го батальона Семенюту. Тот всегда веселый, с юмором. Но оба обладали притягательной силой, потому что на свои офицерские должности были выдвинуты из рядовых самой войной, а не назначены по распределению после окончания офицерских курсов или училищ. К ним бойцы тянулись, и, когда они ходили по подразделениям, младшего лейтенанта Ткаченко всюду приветливо встречали, окружали, забрасывали вопросами. Он всем был нужен...

Еще 22 февраля 1944 г. 295 *сд*, не меняя своих позиций, организационно вошла в подчинение 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречкина. Это событие никак не повлияло на решение ранее поставленных задач. Полки дивизии уже более восьмидесяти дней находились в обороне на своих рубежах и продолжали подготовку к форсированию Днепра.

Разведка давно установила, что перед фронтом дивизии оборонялись подразделения 370 *нд* немцев, а непосредственно в Херсоне, откуда все население под страхом смерти было выселено, занимались грабежами в жилых домах, взрывали и поджигали здания промышленных предприятий, административные и культурные объекты батальоны СС и РОА (власовцев).

В ночь на 2 марта 1944 г. противник предпринял попытку забросить в тыл 1038 *сп* своих агентов-власовцев, но их вовремя обнаружили, захватили и доставили в штаб дивизии. Оказалось, что разведка противника потеряла две наших стрелковых дивизии, а также управления 13 *зв.ск* и 2-й гвардейской армии, которые еще 23 февраля 1944 г. передислоцировались на крымское направление, где войска 4-го Украинского фронта готовились к новой крупной наступательной операции. А 49-я гвардейская и 295-я стрелковая дивизии были переподчинены 28-й армии, войска которой еще 29 февраля 1944 г. успешно завершили Никопольско-Криворожскую наступательную операцию, освободили на правобережной части Украины города Кривой Рог и Никополь и в начале марта 1944 г. вошли в состав 3-го Украинского фронта. Успешные действия этой армии создали угрозу окружения фашистских

войск под Херсоном и Николаевом. С этой целью ее корпуса и дивизии готовились к новой наступательной операции на правом берегу Днепра.

Гитлеровцы, отлично понимая, чем грозит это очередное наступление советских войск, стали быстро устанавливать новые минные поля и другие заграждения, рыть траншеи и окопы не только на переднем крае, но и в глубине своей обороны. В самом Херсоне и его пригородах стали чаще раздаваться сильные взрывы и полыхать большие пожары. Фашисты готовили подрыв железнодорожного полотна и мостов на перегоне Апостолово – Херсон.

6 марта 1944 г. на правом берегу Днепра началась Березнеговато-Снигиревская наступательная операция советских войск. Вскоре в тыл обороняющемуся под Херсоном противнику прорвалась и успешно действовала конно-механизированная группа (КМГ) 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта И.А. Плиева, которая перехватила важнейшие пути отхода на запад основным силам 6-й немецкой армии и пыталась захватить переправы через Южный Буг. В тылах фашистов царил хаос. Начался поспешный отход их войск на запад, который четко определили наши разведчики. Дивизии 28-й армии также успешно наступали на юг в междуречье Ингульца и Южного Буга к Черному морю, отрезая группировку вражеских войск от путей снабжения и эвакуации.

Началась завершающая подготовка к форсированию Днепра.

10 марта 1944 г. рано утром на командный пункт 295 *сд* прибыл командующий армией генерал-лейтенант А.А. Гречкин с офицерами штаба. Сюда же был вызван и командир 49 *зв.сд* полковник В.Ф. Маргелов (да-да, тот самый Василий Маргелов («дядя Вася»), который в послевоенные годы стал «отцом» Воздушно-десантных войск СССР и вывел их на ранее недостижимый уровень организации и оснащения).

Алексей Александрович, оценив сложившуюся обстановку, поставил дивизиям задачу: ускорить подготовку своих частей к форсированию Днепра на участке обороны 49 *зв.сд* от оз. Лысое до Алексеева лимана с целью захвата плацдарма на правом берегу Днепра в районе устья р. Ингулец, сел Антоновка и Киндийка, с которого полки 295 *сд* должны были развернуть наступление на Херсон, а 49 *зв.сд* – в направлении с. Проценково, с выходом на северо-западную окраину Херсона. Но последующие события на фронте внесли существенные изменения в решение командующего, особенно для подразделений 295 *сд*.

Весь день и ночь 11 марта 1944 г. за рекой в Херсоне были хорошо слышны взрывы большой мощности. Враг уничтожал город. Чтобы предотвратить превращение Херсона в руины и не дать врагу беспрепятственно отойти на запад, 295 *сд* и 49 *зв.сд* было приказано форсировать Днепр и освободить город.

В ночь на 12 марта 1944 г. полки дивизии заняли свои исходные районы для форсирования Днепра. Первыми, в абсолютной тишине, на правый берег стали переправляться разведчики 1040 *сп*. Вслед за ними на ту сторону Днепра на плотах и рыбацких лодках начали преодолевать широкую водную преграду роты 1 *сб* этого же полка под командованием капитана П.М. Кутепова, усиленные пулеметами, 45-мм пушками и минометами. Все шло по плану. Противник, ничего не подозревая, вначале не обнаружил переправляющийся десант. Разведчики уже были на правом берегу и быстро занимали огневые позиции для обеспечения высадки передового отряда дивизии. Но в это время командир 1040 *сп* подполковник В.А. Федотов своим решением, не согласованным с командиром дивизии, произвел артналет полковой артиллерией, поддерживая высадку своего десанта, даже не по разведанным целям, а просто так, по классике, по площадям, чем сразу же насторожил врага, который практически у своего берега обнаружил передовой отряд полка и открыл по нему сильный артиллерийско-пулеметный огонь. От количества выпущенных противником осветительных ракет стало светло как днем. Неся большие потери, проявляя смелость и отвагу, бойцы 1 *сб* 1040 *сп* все же сумели высадиться и овладеть крохотным плацдармом на правом берегу Днепра. Для них начался кромешный ад, ожесточенная борьба за удержание и расширение этого клочка русской земли, без связи с командованием, без поддержки своей артиллерией и авиацией, надеясь только на свои силы. К утру от батальона осталась только рота.

Неудача постигла и передовой отряд 49 *гв.сд*, который форсировал Днепр одновременно с десантниками 295 *сд*, но выше по течению устья р. Ингулец. Комдив полковник В.Ф. Маргелов, вопреки всем правилам и канонам, отправился вместе с ним. Впоследствии он вспоминал: «Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Неистово завывал ветер. Днепр недавно освободился ото льда и плескался у самых ног... Ночь хоть глаза выколи...»

Василий Филиппович считал, что немцы попрыгали по блиндажам, а пока они «очухаются», не то что полк – дивизию можно будет переправить, но враг быстро обнаружил десантников и постарался уничтожить всех на захваченном плацдарме артиллерийским и минометным огнем. Маргелова и его бойцов спасало только то, что с левого берега их прикрывала практически

Маргелов
Василий Филиппович

вся дивизионная артиллерия, огонь которой корректировал лично сам комдив. В один из критических моментов он даже вызвал огонь на себя.

Через сутки после первой высадки на крохотный плацдарм в плавнях у деревни Садовая, где сражался передовой отряд 49 *зв.сд*, прибыли подкрепления. Здесь они из 67 десантировавшихся солдат и офицеров обнаружили в живых только 14, включая комдива. И только когда на правом берегу оказался весь 149 *зв.сн*, полковник Маргелов, по приказу командарма, отправился обратно через Днепр в свой штаб...

Внезапность форсирования, бесшумность броска передовых отрядов дивизий и захват больших плацдармов не удались.

Весь день 12 марта 1944 г. в расположении противника то несколько утихала, то с новой силой вспыхивала стрельба, которая волновала не только командира 295 *сд*, но и командарма. Теперь предстояло форсировать Днепр главными силами на широком фронте под непрерывным огнем противника. Но другого пути уже не было.

В 3 часа 45 минут 13 марта 1944 г. генерал-лейтенант А.А. Гречкин, находясь на наблюдательном пункте 295 *сд*, негромко сказал полковнику А.П. Дорофееву:

– Пора, комдив.

Началась вторая попытка форсирования Днепра полками первого эшелона по-батальонно сразу в пяти местах. Войска пришли в движение. Все командование вышло из блиндажа. И сразу же крошечная, темная ночь поглотила их. На небе ни звездочки, вокруг – напряженная тишина. Только над правым берегом Днепра изредка взлетали осветительные ракеты, загорались трассы пуль и слышалась стрельба. Но вскоре эта тишина была нарушена.

Благодаря местным жителям к форсированию Днепра у 295 *сд* были готовы 7 катеров, 6 паромов, 3 баржи и 150 лодок. Но на весь личный состав переправочных средств не хватало. Рейс за рейсом, эшелон за эшелонам подразделения главных сил дивизии в составе двух полков – 1040 *сн* и 1042 *сн* устремились на плоты и рыбацких лодках к правому берегу. Начал переправляться и 1038 *сн*, но отдельно от основных сил дивизии – южнее Херсона.

3 *сб* ночью покинул хорошо оборудованные позиции, подразделения погрузились на катера и двинулись по протокам вниз по течению, вдоль основного русла реки. Василий Левашов действовал по приказу замполита батальона с 8-й стрелковой ротой. Катера и буксиры с закрепленными за ними баржами и плотами долго плыли во тьме. Старенькие, выдавшие многое на своем веку, они шли по воде медленно, оглушая всю округу грохотом своим моторов. Затем роты высадились на каком-то пустынном островке.

Один из участников этого форсирования автоматчик Николай Семенович Черкашин, местный житель, которому только недавно исполнилось 18 лет (1926 г.р.), призванный полевым военкоматом, точно так же, как и Василий Левашов, вспоминал: «На острове Белогрудый мы погрузились на катер. На буксир взяли плот, на котором было человек 30 с нашей роты, автоматчиков. Отчалили и пошли вдоль Большого Потемкинского острова. Возле Малого Потемкинского, на нем сейчас гидропарк, ветром плот оторвало. Пока мы пытались взять наших опять на буксир, нас отнесло по течению к нефтегавани. Я каждую минуту ждал, что с острова на нас обрушится шквал огня с немецкой батареи реактивных шестиствольных минометов, среди солдат прозванных «ванюшами». Но «гансы» проспали.

Мы высадились на южной оконечности и пошли в глубь острова. Наш боец, по фамилии Сергеев, хорошо знал немецкий. И когда мы наткнулись на часового батареи, Сергеев заговорил с ним по-немецки, и тот подпустил нас к себе. Связать его было делом секунд. После этого мы прошли по блиндажам и стали будить спящих немцев. Ну и глаза у них были, когда они просыпались...»

Фашисты были абсолютно уверены, что русские в такую ночь, да еще напротив Херсона, вряд ли предпримут попытку форсировать Днепр, но просчитались, выставив лишь одного часового. Катер с десанниками роты автоматчиков *3 сб 1038 сп* с выключенным мотором тихо дрейфовал по реке, обойдя остров Малый Потемкин со стороны Херсона. Бойцы также тихо в темноте пытались взять плот с оставшимися красноармейцами на буксир и только на мелководье у острова, куда течением прибило и плот, и катер, автоматчики бесшумно десантировались и начали действовать, подойдя к часовому с тыла. Это и привело в изумление спящих фашистов, не понимающих, как могли русские незаметно и тихо пройти по минным полям, установленным на восточном берегу острова.

Остальные подразделения батальона снова на катерах двинулись по плавням, совершая отвлекающий маневр с целью ввести противника в заблуждение относительно основных районов десантирования. Чувствовалось, что шум моторов заставлял противника нервничать и вынуждал его вести беспорядочный артиллерийский огонь, потому что он не видел катеров, но отлично их слышал. Так продолжалось всю оставшуюся ночь.

А рота автоматчиков, в которой воевал красноармеец Черкашин, продолжала освобождать остров, захватив за ночь 35 пленных фашистов, один из которых «...повел за собой передовой отряд по навесному деревянному мосту с острова на «материк», как раз туда, где сейчас находится микрорайон «Корабел». Оттуда бойцы роты вышли к заводу Коминтерна, к кирпичному заводу, к кладбищу на Забалке, и только

здесь наткнулись на группу немцев, с которой вступили в перестрелку.

Начались уличные бои. Бойцы прорывались от улицы к улице. На тротуарах и мостовой лежали трупы гражданских — видимо, немцы расстреливали тех херсонцев, которые вопреки их приказам не покинули город. Особенно много их было на кладбище...» — вспоминал Николай Семенович.

В это время другие подразделения 1038 *сп*, так и не форсировав Днепр, высадились на островке в небольшом рыбацком селении Кузьминки на левом берегу. Об этом ночном маневре вдоль основного русла великой реки знали только командиры, а бойцы были в полном недоумении, но когда утром узнали радостную весть, что соседние полки внезапным броском форсировали Днепр и начали освобождение Херсона, радости не было предела. У рядовых красноармейцев появилось предположение, что они таким образом отвлекали внимание противника. Они не знали, что в это время вместе с соседями били фашистов, освобождая город, две роты их 3 *сб*: одна на южной окраине, а вторая на острове у хуторов Пятихатки на правом берегу Днепра. Они были первыми, кто ворвался в Херсон, да еще с того направления, откуда фашисты никого не ждали. Это стало для врага полной неожиданностью и привело к панике.

А вот как вспоминал день 13 марта 1944 г. наводчик 45-мм орудия 1038 *сп*, высадившийся вместе со стрелковой ротой 3 *сб* на острове у хуторов Пятихатки младший сержант Н.Г. Афанасьев:

«Когда наша лодка вышла из протоки Перебойная, открылась панорама города. Было отлично видно улицу Говардовскую (ныне проспект Ушакова), разрушенный элеватор, портовые здания. Во многих частях города поднимались клубы дыма. Немцы жгли город.

Мы не успели дойти до середины Днепра, как со стороны порта по нам открыли пулеметный огонь. Вода, казалось, закипела. В ответ тут же открыли огонь наши минометы и артиллерия. Начали стрелять наши солдаты с лодок и плотов. Спустя время огонь со стороны немцев ослабел и прекратился. Опасаясь окружения, противник начал отход.

Наша лодка подошла к зданию яхт-клуба, напротив нынешнего речпорта, но берег оказался заминированным, и нам пришлось ждать, когда саперы снимут смертоносные «сюрпризы». Рядом было несколько блиндажей, и мы с опаской зашли в один из них. На столе стояли котелки с еще горячей едой. Немцы не ожидали нашей высадки, и в полном смысле слова драпали. Завод Коминтерна взорвать они не успели.

По деревянному мосту через реку Кошевую мы переправились в город. На улицах было полно брошенного немецкими солдатами оружия: автоматы, карабины, пулеметы. Попадалась различная амуниция. Зато ни одного жителя в первый день мы не встретили...»

Николай Георгиевич лишь через много лет узнал, что наступали они вслед за своей ротой автоматчиков, поэтому и блиндажи противника оказались уже пустыми, и фашисты не успели взорвать заводы на южной окраине города.

Впоследствии от пленных стало известно, что этот незапланированный, незамысловатый маневр подразделений 1038 *сп* на катерах и баржах по Днепру всю ночь держал в напряжении вражескую группировку южнее Херсона. Фашисты перебросили сюда всю свою артиллерию, танки и резервы. Вот поэтому полки первого эшелона практически без потерь к рассвету сумели достичь противоположного берега Днепра севернее города и, захватив плацдармы, сразу перешли в наступление на город, освобождая прибрежные села. Не имел больших потерь и 1038 *сп*.

Уже к 12-00 13 марта 1944 г., сломив сопротивление гитлеровцев, советские войска ворвались в пригороды Херсона, освободили Монастырскую и Цыганскую слободы и уже вели бой в черте города – в районах Военного форштадта и железнодорожной станции, каменные здания которых не один раз переходили из рук в руки.

Очищая улицу за улицей, квартал за кварталом, подразделения дивизии к исходу 13 марта 1944 г. в основном завершили освобождение Херсона от фашистских оккупантов, которые под прикрытием сильных заслонов пытались отойти на запад, но и здесь попадали под удары батальонов 49 *зв.сд*, которые обошли город, отрезали пути отступления фашистам и, не дожидаясь переправы всей артиллерии и подразделений обеспечения, стремительно наступали на запад. Но бои в самом городе еще продолжались. Отдельные группы эсэсовцев и «власовцев», засевшие в кирпичных зданиях и подвалах в районе вокзала и на западной окраине Херсона, продолжали оказывать серьезное сопротивление.

Этот весенний день клонился к закату, когда 1038 *сп* получил очередной боевой приказ форсировать Днепр южнее города на всех имеющихся плавсредствах и наступать вдоль черноморского побережья на запад. Первым в полночь на противоположный берег переправился 2 *сб* полка, под командованием капитана И.У. Гащенко, бойцы которого сходу освободили поселок Белозерка, тем самым отрезав последний путь отхода противника на юго-запад и в сторону г. Николаев.

Следующим переправился 1 *сб* и, действуя совместно с передовым отрядом полка, несмотря на отчаянное, ожесточенное сопротивление врага, перешел в наступление в направлении хутора Знаменка.

3-му батальону 1038 *сп* предстояло переправляться на правый берег Днепра только перед рассветом. Все слышали грохот ночного боя и находились в напряженном ожидании, не проявляя никакой

активности. Но это положение настораживало противника на неатакованных участках правого берега, и он вел себя нервно. Чаще взвивались в небо осветительные ракеты, чаще раздавались пулеметные очереди. А по рыбацкому поселку, где перед посадкой на катера сосредоточивались оставшиеся стрелковые роты батальона, фашисты открыли артиллерийский огонь, боясь прозевать начало форсирования.

Никто не спал, хотя уже было далеко за полночь. Четверо бойцов-комсомольцев батальона, в том числе и Левашов, стояли группой и о чем-то тихо переговаривались. Наблюдая за противоположным берегом, Василий обратил внимание на яркую вспышку со стороны противника и понял, что это выстрел фашистского орудия. В тылу батальона раздался взрыв, каких было уже немало, но через несколько мгновений он увидел очередную вспышку. Где упадет на этот раз вражеский снаряд – не угадаешь. Но что-то непонятное сработало в Левашове, он громко крикнул: «В укрытие!» – и сам первым спрыгнул в траншею. Двое бойцов тут же последовали его примеру, а последний почему-то промедлил. Вражеский снаряд попал именно в то место, где они только что стояли. Тех, кто спрыгнул в траншею, слегка оглушило сильным взрывом, а четвертый – погиб. Разорвавшимся снарядом его тело так разметало, что не было никакой возможности собрать даже останки и похоронить. В который раз природное предчувствие, впитанное с молоком матери, спасло жизнь Василию Левашову, а заодно и его товарищам...

(Предчувствие есть у каждого человека, оно есть даже у клеток его организма, но не каждый может его осознать. Ведь мы тоже часть природы. Однажды мне рассказывал сын, когда перед сложнейшей операцией в Главном военном клиническом госпитале им. Н.Н. Бурденко он находился в палате интенсивной терапии. Все было спокойно, если это, конечно, можно назвать спокойствием. Но вот в коридоре раздался чьи-то голоса и как по команде внутренности сына сжались в клубок, причинив боль и неприятность. Как впоследствии оказалось, в этом коридоре беседовали врачи-хирурги, которым на следующий день предстояло сделать сложнейшую операцию по удалению части этих органов.)

За час до рассвета 14 марта 1944 г. подразделения батальона начали посадку на плавсредства. Левашов оказался на плоту, где был пулемет «Максим», группа автоматчиков и саперы. Небольшой катер взял их на буксир и плавно тронул с места. Ради уменьшения шумности мотор работал на малых оборотах, поэтому двигались медленно.

Пока они переправлялись, пулеметные очереди с вражеского берега прекратились. Не стали появляться и ракеты, по-видимому, фашисты начали отходить, но артиллерийский обстрел усилился. Теперь уже

снаряды ложились не в рыбацком поселке, а на реке, поднимая фонтаны воды. Когда плот достиг середины Днепра, опасность поражения миновала, потому что высокий противоположный берег служил для бойцов укрытием. Только с рассветом плот достиг западного берега, и первое, что увидели бойцы с близкого расстояния, это сплошное проволочное заграждение и огромное количество различных мин. Вначале плот покинули саперы, которые удивительно быстро проделали проходы в минном поле и проволочном заграждении, по которым 8-я стрелковая рота – рота первого броска, бегом выскочила на высокий берег.

Василий Левашов, вооружившись автоматом ППП, бежал в первых рядах, личным примером воодушевляя молодых красноармейцев. Но вражеской пехоты уже не было. Развернувшись в цепь, бойцы двинулись по степи на запад, вдогонку за противником.

Тем временем 7-я стрелковая и рота автоматчиков 3 сб уже зачистили от фашистов южный район Херсона и пробились к его юго-западной окраине. По приказу командира полка их вернули обратно на реку Кошевую и на плотках переправили на западный берег озера Белое в поселок Белозерка. Берега здесь были топкие, и бойцы-герои, спешиваясь, с трудом выдергивали ноги из липкой весенней трясины.

Теперь в полном составе батальон майора Шенгелия перешел к преследованию противника во втором эшелоне полка южнее Херсона в направлении на хутор Знаменка.

Не встречая сопротивления, бойцы дошли до лесопосадки, и вдруг наблюдатели заметили справа приближающуюся цепь. Неужели немцы? Бойцы залегли между деревьями и приготовились открыть огонь. Рядом с Левашовым развернули для стрельбы свой «Максим» пулеметчики, но без команды никто не стрелял. Пусть подойдут поближе.

– Да это же наши! – крикнул кто-то из бойцов.

Действительно, к ним большой группой бежали мужчины и женщины. Это были местные жители, которых немцы пытались утнать на запад. В этот момент раздалась пулеметная очередь. Но стрелял немецкий пулемет, который бил в спину бежавшим гражданским людям. Они упали и на какое-то время залегли, затем снова поднялись и бегом к посадке. Обретя свободу, они обнимали советских солдат и плакали от радости. Вырвавшихся из неволи людей направили в тыл, а сами продолжили движение на запад вдоль железнодорожной насыпи.

Пройдя еще несколько сот метров, кто-то из бойцов, шедших замыкающими, крикнул, что видит поезд. Все обернулись. Действительно, справа от них, откуда только что прибежали местные жители, мчался из Херсона фашистский состав со свастикой впереди. Вероятно,

последний. Артиллеристы тут же развернули «сорокопятку» и открыли огонь. Первый снаряд – недолет. Вторым выстрелом попали в первый вагон, хотя метили в паровоз. Все с азартом наблюдали за стрельбой «мазил»-артиллеристов по поезду и не сразу заметили за пригорком, почти под носом у себя, большую колонну немцев. Те тоже до первого орудийного выстрела о близком местонахождении советских солдат не подозревали и спокойно двигались параллельно по проселочной дороге в одном и том же направлении. А когда услышали выстрелы нашей «сорокопятки», стали разворачиваться в боевой порядок. Немецкий состав так и не остановили, и он с большой скоростью промчался на запад в сторону Николаева, но на это уже никто не обращал внимания. Советская пехота быстро занимала оборону на железнодорожной насыпи.

Командир батальона майор Г. Д. Шенгелия, оценив обстановку, приказал командиру передовой 8-й роты лейтенанту В. А. Рожкову, с которой наступал комсорг батальона Левашов, продолжать движение к намеченному ранее рубежу, а остальные подразделения развернул для боя с противником.

После высадки на правом берегу Днепра и вступления подразделений полка в бой на разных, порой разобщенных, направлениях и участках фронта нарушилось устойчивое управление не только батальонами, но и отдельными ротами в 1038 *сп*. Но все командиры твердо знали рубеж, на который должны были выйти их подразделения к исходу 14 марта 1944 г. Поэтому лейтенант В. А. Рожков, несмотря на то что в его тылу уже шел ожесточенный бой с противником, не желая сдаться, поторапливал своих бойцов, и рота быстро двигалась вперед на запад, для захвата выгодного рубежа, теперь уже выполняя задачу всего батальона. Рядом с командиром роты и его замполитом постоянно находился Василий Левашов, оказывая посильную помощь, но не мешая, чем сразу же снижал их уважение, тем более что с ротным они были одногодки и тезки. И 8-я рота выполнила поставленную боевую задачу, обеспечив 3 *сб* беспрепятственное движение после уничтожения отходящего из Херсона врага.

В 22-00 14 марта 1944 г., когда в городе еще были слышны взрывы и продолжалась перестрелка, столица нашей Родины Москва 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий салютовала освободителям Херсона, а всему личному составу 295 *сд* и 49 *гв.сд* была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

Это был последний город на правом берегу Днепра, освобожденный доблестной Красной Армией, поэтому руководство страны на награды не скупилось. За освобождение Херсона 15 бойцов и командиров двух дивизий были представлены к высшей награде СССР – званию Героя Советского Союза, из них девять героев из 295 *сд*. Этого высокого звания

были удостоены командиры дивизий: В.Ф. Маргелов и А.П. Дорофеев. (Для полковника Василия Филипповича Маргелова бой за Херсон стал знаковым в его военной карьере. Его имя сейчас известно всем.)

К званию Героя Советского Союза командир 1038 *сн* подполковник Василий Николаевич Любко представил и своих офицеров: командиров 1 *сб* капитана М.А. Золотухина, 3 *сб* майора Г.Д. Шенгелия и 2 *ср* лейтенанта Г.Г. Бахтадзе, а командир 2 *сб* майор И.У. Гащенко был награжден орденом Александра Невского.

Высокими правительственными наградами были награждены и командиры полков 295 *сд*: 1040 *сн* подполковник В.А. Федотов и 1042 *сн* подполковник С.Г. Артемов – орденом Красного Знамени, а 1038 *сн* подполковник В.Н. Любко – орденом Александра Невского.

Орденами и медалями были награждены около тысячи офицеров и красноармейцев дивизии. Начальник политотдела дивизии полковник Григорий Тимофеевич Луконин никогда не забывал о своих непосредственных подчиненных, поэтому, используя благоприятный момент, вместе с замполитами полков представил к награждению орденами и медалями всех партийных и комсомольских руководителей подразделений и частей дивизии, в том числе секретарей парторганизаций 2 *сб* 1038 *сн* младшего лейтенанта Я.С. Семенюту и 3 *сб* младшего лейтенанта Н.С. Ткаченко, а также непосредственного начальника Левашова – секретаря комсомольской организации полка старшего лейтенанта М.М. Мануковского. Награжден был и красноармеец Василий Иванович Левашов, но об этом он узнал гораздо позже.

Части дивизии перешли к преследованию отходящего противника в направлении Николаева. Подразделения 1038 *сн*, наступая на левом фланге дивизии, продолжили громить врага, освобождая советские села и хутора совместно со своими хорошими знакомыми – артиллерийско-пулеметными батальонами 1-го гвардейского укрепрайона, который громил врага, наступая вдоль побережья Черного моря. Уже 16 марта 1944 г., сломив упорное сопротивление фашистов на промежуточном рубеже, 295 *сд* освободила крупное село Цареводар (Правдино) на полпути в Николаеву, а на следующий день подошла к селу Балобановка и к поселку Богоявленск, которые расположились на берегу Бутского лимана

Дорофеев
Александр Петрович

недалеко от города. Но здесь передовые подразделения дивизии были остановлены огнем противника с заранее подготовленных рубежей. Напряжение всех физических и моральных сил в это время было столь велико, что Левашов даже позабыл, что в этот день 17 марта 1944 г. ему исполнилось 20 лет. Не знали об этом и новые начальники, поэтому его никто не поздравил с первым взрослым юбилеем. Лишь на следующий день Василий вспомнил об этом, вспомнил о маме, отце, братьях и друзьях, улыбнулся сам себе, но никому об этом даже не намекнул...

Командующий немецкой группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, один из лучших полководцев фашистской Германии во Второй мировой войне, не слушая советов бесноватого Гитлера и не желая повторения трагедии под Сталинградом своей вновь сформированной 6-й полевой армии, приказал ее командующему генералу пехоты Холлидту, невзирая на окрики из Берлина, отойти на новый стратегический оборонительный рубеж по реке Днестр (за что впоследствии был снят с должности, а группа армий расформирована).

Когда немецкое командование получило этот приказ, конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И.А. Плева уже окружила 6-ю полевую армию немцев, но фашисты сумели в кратчайшие сроки перегруппироваться и прорвать оборону советских войск на внутреннем кольце окружения. Прикрываясь арьергардами, гитлеровцы стали быстро отходить к Днестру. Наши войска по сходящимся направлениям перешли к преследованию врага, поэтому к Николаеву с разных сторон подошли почти одновременно войска трех советских армий. Географическое положение города позволяло противнику долго удерживать его, так как он был прикрыт почти со всех сторон широкими реками Южный Буг и Ингул. Только в полосе наступления 28-й армии в город можно было ворваться по суше.

Днем и ночью части 295 *сд* вели тяжелые бои с обороняющимся противником и только к исходу 19 марта 1944 г. сумели освободить с. Балобановка, а поселок Богоявленск (Октябрьское с 1938 г., Корабельный район города в настоящее время) – 22 марта 1944 г., приблизившись вплотную к предместьям Николаева.

Слева от 3 *сб* 1038 *сп* наступали морские пехотинцы, которых немцы очень боялись. Стремясь сдержать натиск моряков, фашисты постоянно били по ним своей артиллерией, а так как они были рядом, перепало и стрелковым ротам батальона.

Василий Левашов теперь не был привязан к какому-то одному подразделению. В течение дня ему удавалось побывать то в одной стрелковой роте, то в другой, то у пулеметчиков, то у минометчиков.

Встречался с комсоргами рот, беседовал с бойцами. Рассказывал об успехах наших войск на других фронтах, о действиях соседних подразделений, об отличившихся в боях воинах. Ему было на кого равняться. Василий быстро учился и старался поступать так, как комсорг 2 *сб* младший лейтенант В.Е. Белов, как парторг батальона Н.С. Ткаченко.

В первый день боев за Богоявленск Василий вместе с Николаем Степановичем с самого рассвета ушли на передний край к бойцам в роты. Парторг предложил Левашову сходить на самую левофланговую пулеметную точку батальона, которая стыковалась с морскими пехотинцами. Но слово «сходить» было лишь условное. Ведь в наступлении невозможно было успеть вырыть сплошные траншеи, ходы сообщения. А огонь с обеих сторон велся почти непрерывно, ослабевая лишь ночью. Поэтому передвижение из одного подразделения в другое в светлое время осуществлялось только короткими перебежками, то падая в грязь и прижимаясь к раскисшей от дождей земле, то снова бегом. Во время одной из таких перебежек пулеметной очередью фашистами был убит парторг батальона младший лейтенант Ткаченко, с которым Василий Левашов только что расстался. Суровые законы войны не позволили отдать последние почести погибшему товарищу и другу. Тело Николая Степановича и других погибших бойцов батальона предала земле специально созданная похоронная команда...

Три дня шел тяжелый, кровопролитный бой за Богоявленск. Но, сломив сопротивление немецких подразделений, части дивизии метр за метром упорно двигались вперед, освобождая свою землю.

23 марта 1944 г. прямо в боевых порядках частям дивизии был доведен приказ № 067 Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, которым 49-й гвардейской и 295-й стрелковым дивизиям было присвоено почетное звание «Херсонские». Узнав об этой радостной вести, подразделения 295 *сд* усилили натиск на врага, выбили фашистов из рабочего поселка Широкая Балка, железнодорожной станции Кульбакино и вышли непосредственно на подступы к г. Николаеву, где стрелковые батальоны встретили упорное сопротивление противника и временно перешли к обороне. Успех не сопутствовал и другим дивизиям 28-й армии. Соседи, соединения 5-й ударной армии, также были остановлены фашистами на западной окраине города.

Николаев – большой транспортный узел, включающий в себя железнодорожную развязку, станцию и три порта: морской, торговый и речной. Главный центр судостроения на Черном море. Город был важным звеном в цепи обороны нацистов и представлял собой неприступную крепость. Оккупанты создали здесь глубоко эшелонированную

оборону с противотанковыми рвами, минными полями и многочисленными огневыми точками. В Николаеве, помимо обычных частей вермахта, находились войска СС и батальоны «власовцев».

Однако город необходимо было взять. А для этого частям 295 *сд* оставался один бросок через железнодорожную насыпь.

Советские войска каждый день несли большие потери, но прорвать оборону противника никак не могли. Чтобы ослабить сопротивление врага, командующий 28-й армией генерал-лейтенант А.А. Гречкин решил высадить в тылу противника – в районе морского порта – десант, перед которым поставил задачу: внезапным ударом по врагу с тыла отвлечь часть сил противника с фронта, вызвать панику, сорвать замыслы фашистов по уничтожению портовых зданий и сооружений, а также воспрепятствовать гитлеровцам угон мирных жителей в рабство в Германию. В дальнейшем десант должен был соединиться с частями Красной Армии. (Алексей Александрович надеялся повторить успех освобождения Херсона, когда внезапно появившаяся в тылу у противника рота автоматчиков 3 *сб* 1038 *сн* вызвала панику у фашистов и позволила главным силам дивизии практически за сутки захватить город.)

Выполнение этой задачи было возложено на 384-й отдельный батальон морской пехоты под командованием майора Ф.Е. Котанова. Передовой десантный отряд из 55 добровольцев возглавил старший лейтенант К.Ф. Ольшанский. О боевых делах отряда Константина Федоровича вся страна узнала еще при освобождении Мариуполя в сентябре 1943 г., когда морпехи ночью, скрытно высадившись на берегу Азовского моря, внезапно напали на колонну противника и уничтожили около 600 вражеских солдат и офицеров.

Времени на подготовку к десантированию и захвату района было выделено очень мало, и тренировки практически не проводились. Упор был сделан на опыт и смекалку добровольцев, которые уже не раз доказывали свое мастерство в тылу врага. У каждого десантника был автомат, финский нож, пехотная лопатка, не менее 2 000 патронов и десяток гранат, а в отряде также пулеметы и противотанковые ружья.

В поселке Богоявленск нашли восемь дырявых, разошедшихся рыбацких лодок, которые силами бойцов-десантников были приведены в относительный порядок. Непосредственно перед выходом отряда в ночь на 26 марта 1944 г. к нему присоединились 2 связиста с рацией и 10 саперов из 57-го отдельного инженерно-саперного батальона 28-й армии. Самый молодой из местных рыбаков А.И. Андреев вызвался быть лоцманом по Южному Бугу. На весла сели семь рыбаков и 12 понтонеров из 44-го отдельного понтонно-мостового батальона. Командование

торопило, и в спешке никто не переписал фамилии новых десантников, а ведь их посылали в тыл врага на верную смерть.

Ненастная погода пришлась очень кстати. Но проливной дождь и сильный встречный порывистый ветер затрудняли движение лодок, к тому же одна из них по пути развалилась прямо в ледяной воде лимана. Отряд был вынужден пристать к берегу и переформироваться – рыбаки и понтонеры покинули отряд, а за весла сели сами десантники. Переход продолжался более пяти часов. Отряд незаметно прошел по Бугскому лиману в тыл фашистов и высадился... прямо в морском порту Николаева недалеко от элеватора.

Бесшумно сняв часовых и заняв несколько зданий, отряд организовал круговую оборону. Саперы разминировали элеватор, но уже не могли вернуться назад – наступил рассвет. Пришлось им вместе с проводником остаться с десанниками.

Утром 26 марта 1944 г. фашисты к своему удивлению обнаружили, что элеватор захвачен. Посчитав, что это дело рук партизан, немцы решили уничтожить их небольшими силами, но неожиданно встретили сильное сопротивление, понесли потери и отошли на исходные позиции. Тогда фашисты подтянули в район порта четыре орудия и шестиствольные реактивные минометы. Теперь каждая очередная атака немцев сопровождалась интенсивным артиллерийским обстрелом позиций десантников, которые понесли первые серьезные потери, но все атаки фашистов отбили. Трупы в серо-зеленых шинелях устилали подступы к позиции десантников. Враг открыл по ним бешеный огонь из минометов. Против десантников применили танки, огнеметы, зажигательные снаряды и дымовые шашки.

В критические моменты боя, который продолжался весь день и ночь, К.Ф. Ольшанский трижды вызывал огонь на себя. К утру следующего дня живых оставалось всего 15 десантников. Связь с батальоном была утеряна, но, несмотря на полученные тяжелые ранения, никто из бойцов не оставил поля боя. Ночью местные жительницы попытались пронести раненым бойцам воду, но, попав под огонь фашистов, погибли у стен элеватора.

Теперь немцы были уверены, что ведут бой с крупным советским десантом, но никак не могли понять, как русские попали на территорию порта. А отряд надеялся на наступление фронтовых частей, которого все не было. На следующее утро атаки врага на позиции десантников возобновились. Погиб командир и все офицеры.

И только в ночь на 28 марта 1944 г. дивизии 6-й армии форсировали реку Ингул и с севера ворвались в Николаев, отрезая пути отхода вражескому гарнизону. Одновременно с востока в город вошли части 5-й ударной

армии, а с юга в город вступили войска 28-й армии и 2-го гвардейского механизированного корпуса. Жители Николаева, тайно выходя из подвалов и убежищ, показывали советским бойцам, где укрылись фашисты, выводили их по дворам в тыл вражеских огневых точек и очень часто с трофейным оружием в руках помогали освобождать свой родной город от оккупантов.

Утром 28 марта оставшиеся в живых морские пехотинцы при поддержке штурмовиков Ил-2 отразили восемнадцатую по счету атаку врага, оказавшуюся последней. Гитлеровцы так и не рискнули подойти к развалинам зданий порта. Они собрали своих раненых и отступили. Десантников больше никто не атаковал: враг покидал город, чтобы не попасть в окружение. Немцы поспешно отходили к Варваровскому мосту. К этому времени из 68 бойцов десанта в живых осталось 11 человек; все были ранены и обожжены, пятеро – в тяжелом состоянии.

Первыми пробившись к месту боя десанта Ольшанского разведчики 295 сд, которые увидели жуткую картину: дымящиеся развалины, разбитая немецкая техника и сотни трупов гитлеровцев, которыми были усеяны подступы к укреплениям десанта. На руках они вынесли выживших ольшанцев. Вскоре трое умерли от ран, еще двое погибли в боях в августе 1944 г.

Замысел генерал-лейтенанта А.А. Гречкина не удался. Командование фашистского гарнизона города, конечно, было удивлено появлению у них в тылу советского десанта, но паники не было. Ни одно подразделение враг со своих позиций не снял, а советским войскам, наступающим с фронта, никто не довел даже краткую информацию о том, что за бой происходит в тылу врага. Командующий 28-й армии и его штаб не сочли нужным довести эти сведения не только до соседей, но и своим дивизиям.

Жизнь солдата в бою коротка, а тем более десантника, но отряд старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского, ценой своих молодых жизней, выполнил поставленную боевую задачу. Его героические действия вошли в историю Великой Отечественной войны как образец высокого мужества и воинской доблести.

(Впоследствии специальная комиссия провела расследование действий десантников. В соответствии с ее выводами на позиции отряда враг бросил до трех батальонов пехоты, два средних танка, четыре 75-мм орудия, два многоствольных миномета, огнеметы. В течение двух суток ольшанцы отразили 18 атак противника, уничтожив при этом около 700 немецких солдат и офицеров. Их действия ускорили изгнание фашистов из Николаева, помешали уничтожению основных сооружений порта и элеватора.

Но только через год указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1945 г. за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, старшему лейтенанту Ольшанскому

Константину Федоровичу, а также всем 54 морским пехотинцам его отряда было присвоено звание Героя Советского Союза. Большинству из них посмертно. Погибших, «неизвестных» саперов и связистов так и не наградили, а о смелом проводнике десантников Андрее Ивановиче Андрееве вспомнили лишь в 1965 г., присвоив ему также высокое звание Героя Советского Союза. Шестеро оставшихся в живых десантников стали почетными гражданами г. Николаева.)

28 марта 1944 г. после организованного и быстрого отхода главных сил немецкого гарнизона советские войска вошли в Николаев. Фашисты в последний момент успели взорвать единственный мост через Южный Буг в районе поселка Варваровка и отошли на запад. Мелкие группы врага, оставшиеся прикрывать отход своих подразделений, пленились или уничтожались на месте. И только тогда, когда воины 295 *сд* ворвались на южную окраину города в район элеватора и морского порта, уничтожая на ходу отдельные группы фашистов, они увидели страшную картину боя морских пехотинцев. В течение двух долгих последних суток они отчетливо слышали орудийную стрельбу, пулеметные и автоматные очереди внутри города, ведь до позиций десантников было не более трех километров по берегу залива, вдоль которого наступали роты 3 *сб* 1038 *сп*. Из уст в уста эта новость быстро облетела все батальоны полка и дивизии, ее передавали соседям. Радость от осознания того, что город освобожден, была омрачена и не принесла в сердца бойцов и командиров успокоения и гордости, и только столица вечером этого дня вновь отмечала орудийным салютом из 224 орудий двадцатью артиллерийскими залпами освобождение Николаева, а Верховный Главнокомандующий объявил войскам трех армий свою благодарность.

Улицы города постепенно стали заполняться жителями, которые пережили долгие годы оккупации. В большинстве своем они были похожи на серые тени с измученными лицами, но, выходя из домов, подвалов, развалин и погребов, они бросались к своим освободителям, целовали их и прижимались к мокрым от дождя шинелям. У многих по щекам текли слезы, слезы радости. Выжившие старушки молча стояли вдоль улиц, крестились и, вглядываясь в лица проходивших строем бойцов, осеняли их крестом, по-матерински благословляя на новые ратные подвиги.

Но в Николаеве советские войска долго не задержались. Уже во второй половине дня, используя остатки взорванного гитлеровцами деревянного моста, на табельных и подручных средствах советские дивизии на широком фронте начали переправляться на противоположный берег Южного Буга. Захватив плацдармы в районах поселков Варваровка, Большая и Малая Корениха, дивизии 6-й и 5-й ударной армий перешли

к преследованию отходящего противника, уничтожая вражеские заслоны. Впереди была Одесса. Соединения 28-й армии остались в Николаеве, составляя резерв фронта, и подсчитывали большие трофеи немецкого вооружения, боеприпасов и продовольствия. Фашисты так торопились, что оставили невредимыми более 20 складов с различным имуществом и продовольствием, а на железнодорожной станции остались в рабочем состоянии 7 паровозов и большое количество вагонов с награбленным имуществом.

Сотни бойцов и командиров 295 *сд*, отличившихся в боях за освобождение Николаева, были награждены орденами и медалями, а на боевом знамени дивизии появилась первая высокая правительственная награда – орден Красного Знамени. Дивизия стала Херсонской Краснознаменной.

На следующий день 28-я армия была выведена в резерв Ставки ВГК, а ее войска: пять стрелковых дивизий, в том числе и 295 *сд*, 1 *зв.* УР и вся артиллерия, – вошли в состав 5-й ударной армии.

Новый командующий генерал-полковник В. Д. Цветаев рассредоточил приданные соединения на левобережье Южного Буга, оставив их во втором эшелоне армии. 295 *сд* в полном составе выдвинулась обратно в район уже знакомого поселка Богоявленск и приступила к восстановлению боеспособности, пополнению боеприпасами и другими материальными средствами. Но отдых был недолгим.

Уже 30 марта 1944 г. дивизия получила приказ: наступать вдоль побережья Черного моря совместно с подразделениями 1 *зв.* УРа. Переправочных средств в достаточном количестве не было, поэтому первыми на правый берег десантировались разведчики и бойцы учебной роты, которые в качестве передового отряда дивизии сразу же перешли к выполнению поставленной задачи в направлении могилы Долгая. Остальные части мелкими группами стали также переправляться через Бугский лиман, сосредоточиваясь в деревне Старая Богдановка.

Весна 1944 г. оказалась не только ранней, но и очень капризной. Ко многим лишениям фронтовой жизни добавились еще и погодные условия. Солнечных дней было мало, что явно не соответствовало южному климату, зато пасмурных, дождливых, вперемежку со снегом, было предостаточно. Только на небольших привалах командование и политработники довели до личного состава благодарность Верховного Главнокомандующего за освобождение Николаева.

Продвигаясь в юго-западном направлении, дивизия главными силами обходила Березанский лиман с севера, а передовой отряд дивизии и 1038 *сп*, усиленный двумя *адн* 819 *ап*, уничтожая на своем пути вражеские заслоны, устремились к городу русской воинской славы – Очакову.

Противник на подступах к городу-крепости организовал устойчивую оборону с хорошо подготовленной системой огня, особенно артиллерии и минометов, поэтому передовой отряд дивизии, подойдя к Очакову, был остановлен и завязал бой. В это время батальон 1 *зв. Ура*, воспользовавшись тем, что малочисленный гарнизон фашистов вел бой на северной окраине города с передовым отрядом 295 *сд*, форсировал Днепровско-Бугский лиман с Кинбурнской косы, высадился прямо в районе морского порта и, не встречая сопротивления, вошел в город. Этот бросок советских войск вызвал панику в гарнизоне фашистов. Одновременно десантная группа Укрепленного сектора береговой обороны Черноморского флота высадилась на острове Первомайский на рейде Очакова и также вступила в бой.

К 16-00 30 марта 1944 г. подошел и полностью развернулся для атаки 1038 *сп*. Артиллерия нанесла мощный огневой налет по позициям врага, и подразделения полка стремительным броском ворвались на передний край обороны противника. Фашисты не выдержали столь мощной атаки и оставили свои позиции. Стрелковые батальоны, преследуя врага, на его плечах ворвались в Очаков и к исходу дня совместно с десантниками 1 *зв. Ура* полностью очистили город от фашистов. Остатки фашистского гарнизона бежали в сторону Одессы. Город был освобожден.

(В июле 2017 г. правительство США, в рамках оборонной программы FMCS, начало строительство своей военно-морской базы в Очакове. Для этой цели правительство Украины безвозмездно выделило около 27 га русской земли, обильно политой кровью не одного поколения своих воинов-защитников. Господа-хозяева из США и их украинские прихвостни планировали разместить здесь свои основные ударные силы на Черном море.)

На следующий день, 31 марта 1944 г., советским войскам, участвовавшим в освобождении Очакова, в том числе и воинам всей 295 *сд*, приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина была объявлена очередная благодарность и в столице дан салют двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Наступающие советские войска, преодолевая сопротивление крупных вражеских заслонов, шаг за шагом приближались к Одессе. С моря постоянно дул студеньй, сырой, соленьй ветер, свинцовые тучи роняли на землю холодные капли дождя, под ногами солдат чавкала весенняя грязь. Выбываясь из последних сил, молча шли бойцы и командиры, а когда на их пути оказывалась взорванная фашистами дамба, они, не задумываясь, бросались в ледяную воду, доходившую до пояса, и вброд преодолевали очередной лиман, многочисленнные залитые водой балки и овраги. Взмыленные лошади с трудом тащили полковые и дивизионные пушки,

подводы с боеприпасами. Солдатам то и дело приходилось им помогать.

«Много я повидал на своем веку распутиц. Но такой грязи и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе...» – писал в своих мемуарах представитель Ставки ВГК на южном направлении маршал А. М. Василевский.

Отстали походные кухни. Не часто в эти дни удавалось поесть горячей пищи, обогреться и обсушиться, но советские воины рвались к Одессе. Вместе со всеми шел по липкой грязи, бросался в ледяную воду и бил ненавистного врага секретарь комсомольской организации *3 сб 1038 ст* рядовой пехоты Василий Левашов.

295 сд вошла в состав 10-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й ударной армии. Громя вражеские арьергарды, советские войска продолжали преследование противника и уже 1 апреля 1944 г. вышли к границам Одесской области. Теперь впереди дивизии действовал передовой отряд в составе *2 сб 1038 ст* со средствами усиления под командованием заместителя командира полка по строевой части майора Н.С. Богдан.

В ночь на 5 апреля 1944 г. передовой отряд *295 сд* подошел к Тилигульскому лиману, но подручных средств для его форсирования не было. Пока отряд занимал исходное положение, подошла приданная артиллерия и заняла огневые позиции. В передовую группу десанта вызвалось 30 добровольцев, которые разделись и вброд по пояс, иногда проваливаясь с головой, вошли в ледяную воду. Пока артиллеристы проводили 20-минутную огневую подготовку, отчаянные бойцы преодолели лиман и мгновенно ворвались в немецкие окопы. Завязалась рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть, в ход пошли не только автоматы, но и ножи, и пехотные лопатки. В это время остальные силы передового отряда вслед за добровольцами форсировали лиман вброд и вступили в бой. Фашисты вначале были ошарашены появлением ночью на своих позициях в белых подштанниках, практически голых красноармейцев, поэтому оказали слабое сопротивление, а затем в панике бежали в ближайшее село Сычавка. Но по их пятам наступали отчаянные воины 2-го стрелкового батальона. Они ворвались в село и не дали врагу закрепиться в нем.

Эта дерзкая атака позволила передовым соединениям *10 зв.ск* почти без потерь преодолеть узкий перешеек, отделяющий Тилигульский лиман от Черного моря. А главные силы *295 сд*, действуя во втором эшелоне корпуса, обошли очередной Аджалыкский соленый лиман в 30 км на северо-востоке от Одессы и 7 апреля 1944 г. расположились в районе села Свердлово (Буялык).

Пока части дивизии сосредоточивались в исходном районе, ее передовой отряд в ночь на 8 апреля 1944 г. в том же составе начал наступление на совхоз Ильичевка. Преодолевая сильное огневое сопротивление противника, искусно используя складки местности, группа бойцов отряда скрытно подползла к окопам противника и ворвалась в них. Завязалась рукопашная схватка. Противник не выдержал натиска, оставив на позиции до 30 трупов своих солдат, вынужден был бежать. А отряд, овладев совхозом Ильичевка, продолжил наступление вдоль шоссе на Одессу.

Командующий 5-й ударной армии генерал-полковник В. Д. Цветаев на подступах к Одессе на узком участке фронта в полосе не более 2 км между Куяльницким лиманом и Черным морем сосредоточил для удара по фашистам, вопреки все уставам, два стрелковых корпуса: 37-й и 10-й гвардейский, в общей сложности восемь стрелковых дивизий, в том числе и 295 *сд*, которая наступала на стыке двух корпусов вдоль шоссе на дороге. Поэтому каждая дивизия построила свой боевой порядок многоэшелонно, постоянно наращивая силу удара и темп наступления в городе: от дома к дому, от квартала к кварталу, от улицы к улице. И если передовой батальон завязывал бой с противником, тут же на основном направлении наступления дивизии вводился новый стрелковый батальон. Движение вперед не останавливалось ни на минуту. Передовые командные пункты дивизий и полков были здесь же на острие удара в первом эшелоне.

К утру следующего дня советские дивизии с боями подошли к пригородам знаменитого города, используя в качестве ориентира и укрытия – железнодорожные насыпь и полотно. Оставалось самое сложное – преодолеть этот проклятый перешеек. Но бойцы были неудержимы. Невзирая на потери, они рвались вперед. Начался решительный штурм.

Противник перед станцией Куяльник на перешейке заминировал железнодорожный мост, пытаясь оторваться от передового отряда 295 *сд*, но бойцы стремительным броском прорвались через него и успешно продолжали преследование врага. Фашистам все же удалось взорвать мост перед главными силами дивизии. Тогда батальоны, не останавливаясь ни на минуту и не давая противнику возможности оторваться, бросились в ледяную воду канала между лиманом и морем и вброд преодолевали водную преграду. Агитировать и вдохновлять бойцов, как бить врага, не надо было, потому что урок отваги и мужества, преподнесенный в Николаеве морскими пехотинцами, был еще ярок и свеж в их памяти. Советские солдаты сами рвались вперед, стремясь поскорее изгнать с нашей многострадальной земли фашистскую нечисть.

К 17-00 9 апреля 1944 г. на плечах противника бойцы дивизии ворвались на станцию и железнодорожный узел Одесса-сортировочная,

выбивая гитлеровцев из каменных зданий и многочисленных дзотов. Эта станция была уже в черте города. Противник яростно сопротивлялся. С помощью бронекатеров он стал перебрасывать подразделения своей пехоты к судостроительному заводу, а с Приморского бульвара его артиллерия вела интенсивный обстрел наших подразделений. Но батальоны первого эшелона продолжали развивать наступление вдоль железной дороги, уже через два часа достигли промышленного района Пересыпь. В этом им существенно помогли партизаны Куяльницкого отряда под командованием Л.Ф. Горбеля, которые уничтожили подрывную команду фашистов при подготовке к взрыву дамбы Хаджибеевского лимана с целью затопить Пересыпь, который открывал советским войскам путь в город.

В это время 2 сб 1038 сп под командованием одессита майора И.У. Гащенко громил фашистов в цехах машиностроительного, а затем и кожевенного заводов, очищая их от мелких групп противника. (Комбат знал, что был земляком самого командующего фронтом Р.Я. Малиновского и гордился этим. 14 апреля 1944 г. Родион Яковлевич приехал в родной, освобожденный его войсками город. С волнением он ходил по улицам Одессы, в которой не был тридцать лет, вспоминая свое детство.)

Одновременно батальон соседнего 1042 сп, наступавший вдоль улиц Московской и Богатого, разгромил вражескую батальонную колонну, уничтожив до 100 вражеских офицеров и солдат и, продвигаясь вперед, вышел на Сенную площадь, отрезав пути отхода фашистам.

От огня артиллерии, взрывов и поджогов фашистами промышленных и административных зданий, своих складов с боеприпасами и другим имуществом над измученным городом повисла тяжелая дымовая завеса. Все заволочло густым, едким дымом.

Начавшийся еще утром бой продолжался и в течение ночи. Советские части вели тяжелые уличные бои, уничтожали мелкие группы врага, засевшие в каменных домах, медленно продвигаясь вперед. Противник бросал в бой все новые и новые части, стремясь задержать наступление наших войск. Но ему это не удалось. На улицах Одессы гремела перестрелка, глухим эхом между домами отдавались пулеметные и автоматные очереди, ухали разрывы снарядов, мин и гранат. К рассвету противник, не выдержав натиска советских войск и прикрываясь засадами, начал отводить свои войска к морскому порту и в сторону поселка Затока.

Рано утром 10 апреля 1944 г. наступление советских войск возобновилось. Решительной атакой они прорвали оборону фашистов, вдоль железной дороги ворвались в Одессу и к 8-00 освободили Молдаванку, а затем и железнодорожный вокзал. Противник предпринял контратаку силами до двух пехотных рот, но понес большие потери и отступил. Уличные бои

велись уже в центральной части Одессы. Наши подразделения квартал за кварталом освобождали город от врага. В этом им помогали местные партизаны и подпольщики, вышедшие из катакомб и укрытий. Они умело выводили атакующие стрелковые роты в тыл обороняющихся фашистов, нередко сами участвовали в атаках на врага и предотвратили подготовленные противником взрывы порта, причалов, зданий и складов.

Уже все стрелковые батальоны двух передовых полков 295 *сд* вели тяжелые бои за каждое здание, успешно продвигаясь к южной окраине города, когда в тылу у них на подразделения 1038 *сн* (без 2 *сб*), действовавшего во втором эшелоне дивизии, вдруг внезапно выскочила колонна противника, которая отходила под натиском соседней дивизии от побережья на запад. Подразделения полка быстро развернулись и нанесли ему большие потери, отбив при этом боле 100 грузовиков врага с различными грузами.

В результате упорных уличных боев советские войска 5-й ударной армии уже к середине дня вышли на южные окраины Одессы, освободив город от фашистских оккупантов, и стали переходить к обороне.

В это время с севера к городу-герою подходили части 6-й, 8-й гв. армий и передовые подразделения КМГ Плиева, но под поселком Овидиополем попали под удар сильной группировки врага, отступающей из Одессы. Оказавшись в тяжелом положении, кавалерийские дивизии генерал-лейтенанта И.А. Плиева вынуждены были отойти. Растянутых сил КМГ и двух корпусов 8-й гвардейской армии оказалось мало, чтобы создать прочный заслон на пути отступающих немецких дивизий. Они прорвались. Это вызвало недовольство в Ставке ВГК.

Но главное – Одесса была освобождена, и над морем и городом, впервые за многие дни, засияло весеннее ласковое солнце.

Еще на западной окраине слышны были взрывы и редкие пулеметные очереди, еще многие здания города были объаты языками пламени и клубами черного дыма, а красные флаги уже затрепетали над воротами многих дворов. Тут были и самоделки из наспех прибитого к древку куска кумача, и красиво расшитые, заблаговременно приготовленные бархатные и шелковые знамена. Ни пролитая кровь горожан, ни разруха, ни огромные лишения, пережитые за годы оккупации, не смогли затмить той огромной человеческой радости, которой были наполнены сердца жителей. Они обнимались и целовались, смеялись и плакали. Радость одесситов была беспредельной и вскоре передалась и их освободителям. «Одесса-мама» ликовала. Мрачным дням фашистской оккупации пришел долгожданный конец. Город стал свободным!

Уже на следующий день после изгнания оккупантов все взрослые и дети напевали песню Н.В. Богословского на слова В.Г. Агатова из

кинофильма Л.Д. Лукова «Два бойца» (1943), исполненную Марком Наумовичем Бернесом в роли бойца-одессита Аркадия Дзюбина и впервые прозвучавшую для жителей города с экранов передвижных киноустановок:

*Шаланды полные кефали
В Одессу Костя привозил,
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил...*

Такой запомнилась Одесса бойцам и командирам доблестной 295 сд в дни освобождения: ликующая и напевающая куплеты про Костю-моряка. Такой же на долгие годы осталась она в памяти Василия Левашова.

В бою за город были захвачены большие трофеи: 22 паровоза, более 500 вагонов, 825 различных автомобилей, 20 мотоциклов, 14 минометов, 48 складов с боеприпасами, 21 склад с продовольствием, тракторы, тягачи, повозки, лошади и стрелковое вооружение.

Многие солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями, и вновь Москва салютовала освободителям Одессы, Верховный Главнокомандующий объявил очередную благодарность всем войскам, освобождавшим город, а на боевом знамени 295-й стрелковой Херсонской Краснознаменной дивизии засверкала вторая высокая правительственная награда – орден Суворова II степени.

На подступах к Одессе и в боях за город подразделения понесли большие потери, поэтому частям дивизии было приказано выдвинуться в район Сухого Лимана для отдыха и доукомплектования. 6-я и 5-я ударная армии были выведены в резерв фронта, а соединения 8-й гв. армии под командованием генерал-полковника В.И. Чуйкова завершали разгром противника на левом берегу Днестровского лимана.

Расположившись за городом в районе совхозов «Ульяновка» и «Красный хутор», в угодах государственного плодопитомника (сейчас это Киевский район Одессы), бойцы и командиры 295 сд, наконец-то, получили долгожданный отдых, а в освобожденную Одессу (по непонятным для автора причинам) вошли дивизии 8-й гв. армии. Но в это время радость и ликование освобожденных одесситов резко сменились на злобу и жестокость по отношению к предателям и палачам. В течение всего одних суток безвластия партизаны и местные жители перевешали всех не успевших сбежать полицаяв и других явных пособников оккупантов. По свидетельствам очевидцев – картина была жуткая. Во многих местах Одессы, в том числе и на Дерибасовской, висели в петлях десятки нацистских прихвостней. За свое предательство им пришлось заплатить в полной мере...

(Я, как автор, не зря так подробно остановился на описании военных событий по освобождению русской земли весной 1944 г., потому что ни Василий Иванович Левашов, ни его побратимы-фронтовики, ни их сыновья и дочери даже в самом страшном сне не могли себе представить, что через 80 лет эти события повторятся. И теперь уже в нашей новейшей истории русским воинам опять ценой своей крови и жизни придется пройти той же дорогой, дорогой освобождения русской земли от новой фашистской нечисти, освобождая исконно русские города Херсон, Николаев и многострадальную Одессу, форсируя Днепр и черноморские лиманы. И я абсолютно уверен, что в освобожденной Одессе вновь заалют на домах и балконах красные знамена непокоренных жителей города-героя).

НА БЕРЛИН

*Только тот народ, который чтит
своих героев, может считаться
ВЕЛИКИМ.*

К.К. Рокоссовский

Отдых освободителей города-героя оказался небольшой передышкой. Уже на следующий день из боевого распоряжения штаба 10 *зв.ск* стало ясно, что 295 *сд* предстоит в кратчайшие сроки подготовиться и совершить длительный переход в Молдавию.

Времени явно не хватало. Личный состав необходимо было помыть, обстирать, заменить изношенное обмундирование. И тогда на выручку своим освободителям пришли местные жители. А штаб дивизии, отдав необходимые распоряжения частям и подразделениям, приступил к планированию марша.

В этот день 12 апреля 1944 г. войска правого крыла фронта в труднейших условиях весенней распутицы вышли к реке Днестр и захватили плацдармы на ее правом берегу. Дальнейшее наступление войск 3-го Украинского фронта было приостановлено Ставкой ВГК, которая 14 апреля 1944 г. приказала ее войскам перейти к обороне на достигнутых рубежах. Линия фронта постепенно стабилизировалась...

В этих тяжелых походах и кровопролитных боях Василий Левашов не просто сражался – он мстил захватчикам за своих друзей-молодогвардейцев, за их мученическую смерть. О них он думал постоянно, как о живых, и никак не мог представить друзей мертвыми, хотя уже достаточно навиделся смертей. Он шагал по трудным дорогам войны вместе с ними, они стали одним неделимым целым. И эта причастность к делам «Молодой гвардии», произвольно для него самого, определила дальнейшую судьбу Левашова.

В ночь на 13 апреля 1944 г. батальоны 1038 *сн* в голове колонны дивизии прошли исходный рубеж и начали движение на северо-запад, выслав вперед и по сторонам походное охранение в составе усиленных рот. Когда они отошли от Одессы на 25-30 км, внимание бойцов сосредоточилось на странной картине – и справа, и слева от дороги стояли деревянные кресты, все одинаковые, врытые в землю ровными рядами. Тысячи крестов на огромном поле. Нетрудно было догадаться, что это могилы фашистских вояк, погибших здесь при штурме города летом и осенью 1941 г.

Невольно напрашивалось сравнение. Немцы и их союзники в 1941 г. осаждали Одессу в течение 73 дней, но так и не овладели ею. Они вошли в город лишь после того, как по приказу Верховного Главнокомандования все советские войска и значительная часть жителей на

кораблях и транспортах были эвакуированы в Севастополь. А при освобождении Одессы фашисты не продержались и трех дней...

В течение трех суток части 295 сд, под постоянным воздействием вражеской авиации, совершали 100-км марш.

Во время одного из переходов, на привале, Левашова вызвали в политотдел дивизии. Начальник политотдела полковник Г.Т. Луконин в присутствии группы офицеров торжественно объявил, что приказом по 295 сд от 29 марта 1944 г. № 011/н комсорг 3-го стрелкового батальона 1038 сн красноармеец Василий Иванович Левашов награжден орденом Красной Звезды, и вручил ему заслуженную награду. Василий смутился и покраснел. Это стало для него полной неожиданностью. Он об этом даже не мечтал. Но блестящий, красивый орден воспринял как признание того, что доверие и надежды командования оправдал.

Это была его первая и самая дорогая награда. Ведь он не только проводил собрания и беседы с рядовыми красноармейцами, а вместе с ними по ночам строил плоты, разяснял молодым бойцам поставленную задачу, как правильно использовать защитные свойства местности, и всегда был в первых шеренгах атакующей пехоты.

В представлении к награждению Левашова было написано: «Гов. Левашов при форсировании реки Днепр находился в 8-й стрелковой роте, где провел большую работу по разъяснению всему личному составу поставленной задачи. ..., имея большой опыт осторожных действий против врага, добился того, что рота была переправлена на правый берег реки Днепр, без шума, и не понесла потерь. Находясь в боевых порядках роты, преследовал противника, личным примером воодушевляя других, и уничтожил трех фашистов.»

Но в этот раз награждение оказалось не последним сюрпризом, уготованным для Василия. После вручения ордена Григорий Тимофеевич сказал:

– Мы решили направить тебя на курсы младших лейтенантов. Пouchись там три-четыре месяца и вернешься к нам в офицерском звании.

Левашов испытал очередной приятный шок за один короткий миг. Он обрадовался и заулыбался, ведь учиться всегда интересно, особенно тогда, когда в этом испытываешь практическую необходимость. К тому же это перерыв и в окопной жизни.

Получив предписание, он собрал все свое нехитрое имущество и отправился на поиски офицерских курсов.

При политическом управлении 5-й ударной армии уже давно были открыты 3-месячные курсы по подготовке младших политруков, на которые из частей и подразделений направлялись наиболее отличившиеся воины, прежде всего политбойцы и комсомольские работники, члены ВКП(б), не имевшие офицерских званий.

Эти курсы не находились на одном месте, а вместе с штабом 5-й ударной армии постоянно двигались вперед, оставаясь на безопасном расстоянии от фронта, поэтому Левашову пришлось немало побегать по тылам, пока не нашел политуправление армии, а потом и сами курсы, очередной набор которых только начинался.

Из разных соединений прибыло около 200 человек. Всем по двадцать или чуть больше лет, но уже не новички в боевых делах. Почти каждый имел боевые награды. Задора, энтузиазма хоть отбавляй. Разместились курсанты в землянках. Будущие младшие политруки сразу же были сведены в боевую роту, разбиты по взводам и отделениям, зорко несли боевое охранение и всегда были готовы вступить в бой. Но их главной боевой задачей стала учеба. Не было ни классов, ни лекций, с курсантами просто беседовали командиры, политработники, специалисты родов войск. Учили будущих офицеров на своем самом свежем боевом опыте разведке, обороне и наступлению.

Занятия начались в начале мая 1944 г. и проходили строго по расписанию. Будущие политруки учились: у саперов – правильно отрыть окоп и ход сообщения полного профиля, построить блиндаж; у артиллеристов – вести меткий огонь; мчались на танках, как десантники; распознавали по силуэтам вражеские самолеты. К главному же своему делу – политической работе – курсанты приобщались в беседах с опытными комиссарами, знакомились с важнейшими партийными документами, приказами Верховного Главнокомандующего и его выступлениями, получая практические напутствия и нужные теоретические ориентиры. Рассказывая и объясняя отдельные положения руководящих документов, политработники обращали особое внимание на строжайшую дисциплину при выполнении того или иного приказа, на взаимоотношения с подчиненными без унижения их достоинства, на роль партийных руководителей в частях и подразделениях.

Все внимательно слушали и изучали, но оптимизм, стремление снова на фронт преобладали над всем остальным.

Пока Василий Левашов учился, его легендарная 295 сд продолжала воевать. Вначале ее части перешли к обороне по левому берегу р. Кутурган, притока Днестра, у озера Красное и с. Короткое. Впереди на противоположном берегу р. Днестр упорно оборонялись дивизии 46-й армии, и вся артиллерия 295 сд, развернувшись, стала оказывать непосредственную поддержку своим огнем советским батальонам, сражающимся на Талмазском плацдарме. Гитлеровцы упорно предпринимали отчаянные попытки сбросить наших бойцов в Днестр, но им это не удалось. Сложность и непредсказуемость обстановки держала в напряжении не только командование 295 сд, но и ее

войска. В течение трех недель части дивизии упорно занимались боевой подготовкой и совершенствовали свой оборонительный рубеж.

6 мая 1944 г. напряженность боевых действий на Талмазском плацдарме резко снизилась. Противник, понесший большие потери, вынужден был смириться с положением наших войск на правом берегу Днестра. В этот же день 295 сд вошла в состав 34-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Н.М. Маковчука и, совершив очередной марш, сосредоточилась южнее г. Дубосары. Громил противника в глубокой излучине Днестра. Затем в составе 32-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Д.С. Жеребина дивизия переправилась через Днестр и заняла оборону на плацдарме у села Шерпены в 50 км восточнее от Кишинева.

30 мая 1944 г. в командование 5-й ударной армией вступил генерал-лейтенант Н.Э. Берзарин. Уже зная, кто такой Николай Эрастович, фашисты предположили, что это назначение не случайное, и новое наступление советских войск начнется именно с плацдарма, который располагался на кратчайшем расстоянии от Кишинева. Поэтому, придавая этому направлению особое значение, фашисты сосредоточили здесь свои главные силы 6-й полевой армии и прилагали огромные усилия, чтобы ликвидировать сравнительно небольшой (по фронту 7-8 км, в глубину 3-4 км) Пугачено-Шерпенский плацдарм советских войск, но им это сделать не удалось. Бойцы дивизии, стойко и мужественно обороняясь, наносили противнику ощутимые потери в живой силе и технике, хотя эта оборона оказалась дороже наступления. И прежде всего потому, что противник имел возможность обстреливать позиции советских подразделений не только с фронта, но и с тыла, и флангов. Фашисты догадывались, что готовится крупномасштабная операция РККА по освобождению Молдавии и выводу Румынии из войны, поэтому не раз предпринимали контратаки на позиции наших полков, бросая в бой авиацию, танки, артиллерию.

Летом 1944 г. стояла невыносимая жара, от которой невозможно было спрятаться ни в блиндажах, ни в землянках, ни даже на берегу Днестра. Лучи солнца изо дня в день нещадно палили землю. И хотя плацдарм прикрывали густые заросли буйной зелени, зной проникал повсюду. А бойцы и командиры в этих условиях продолжали совершенствовать свои укрепления, постоянно находясь в готовности к отражению вражеских атак.

В начале июня, проводя очередное занятие на офицерских курсах, один из политработников довел до курсантов радостное известие: далеко во Франции на побережье Нормандии рано утром 6 июня 1944 г. началась стратегическая десантная операция союзников по высадке

3-миллионной группировки своих войск, которые пересекли пролив Ла-Манш из Англии. В Европе, наконец-то, открылся второй фронт.

Пока части 295 *сд* вели кровопролитные оборонительные бои местного значения в Приднестровье, а Генеральный штаб планировал новую наступательную операцию на южном направлении, 23 июня 1944 г. на центральном участке советско-германского фронта началась Белорусская стратегическая наступательная операция РККА под названием «Багратион», в ходе которой войска четырех советских фронтов нанесли крупнейшее поражение немецкой армии за всю военную историю Германии, разгромив группу фашистских армий «Центр».

В течение последующих двух месяцев стремительного наступления советских войск на фронте в 1 100 км и в глубину до 600 км была полностью освобождена многострадальная Белоруссия, а также часть Прибалтики и восточные районы Польши. Операция «Багратион» не только поглотила все немецкие резервы и серьезно ограничила возможности противника отражать удары советских войск на других направлениях, но и существенно облегчила наступление союзников в Западной Европе.

Еще продолжалось успешное наступление советских войск в Белоруссии, когда небольшое затишье перед фронтом обороны 295 *сд* было нарушено каким-то необычным оживлением в расположении врага. Усилился артиллерийско-минометный и пулеметный обстрел наших позиций. Скрытое за гребнем высот усилилось движение автомобилей противника к фронту и обратно, стал прослушиваться гул моторов его танков даже в светлое время суток. Только через несколько дней наша разведка установила, что самая боеспособная элитная дивизия немецкого вермахта «Großdeutschland» («Великая Германия») была переброшена с правого берега Днестра под г. Шяуляй. Одновременно фашистская дивизия «Герман Геринг» покинула свои позиции в Италии и была брошена в бой с советскими войсками на р. Висла.

(Несмотря на то что дивизия «Великая Германия» «прославилась» не только высокой боеспособностью, но и жестокостью по отношению к гражданскому населению, уничтожая при отступлении сотни советских деревень («тактика выжженной земли»), разграбив и заминировав музей-усадьбу и могилу Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне, в настоящее время во многих европейских странах, а также в США существуют клубы военно-исторической реконструкции под названием «Großdeutschland».)

Немецкие войска понесли невосполнимые потери в живой силе и боевой технике, восполнить которые Германия была уже не в состоянии. 17 июля 1944 г. в Москве прошел «Парад побежденных». 57 600 гитлеровских солдат и офицеров, захваченных в плен войсками Белорусских

фронтов, строем, походными колоннами проследовали по Садовому кольцу столицы. А за ними ехали поливальные машины, отмывая нашу землю от «гитлеровской нечисти».

20 июля 1944 г. часть высших офицеров центрального аппарата вермахта, обвинив во всех неудачах на советско-германском фронте А. Гитлера, который неоднократно запрещал отход своих войск, обрекая их на окружение и разгром, предприняла попытку государственного переворота и свержения нацистского правительства (операция «Валькирия»). Кульминацией заговора стало неудачное покушение на Гитлера, в результате которого были арестованы около 600 генералов и старших офицеров, 200 из которых были казнены или «доведены» до самоубийства. Это также существенно повлияло на состояние морального духа фашистской армии...

Подготовка к Яско-Кишиневской стратегической операции началась в первых числах августа 1944 г. Вскоре на командный пункт 295 *сд* на плацдарме прибыли представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко вместе с командующим 3-м Украинским фронтом генералом армии Ф.И. Толбухиным, командующим 5-й ударной армии генерал-лейтенантом Н.Э. Берзариным и офицерами вышестоящих штабов. С этого момента бойцам и командирам стало ясно, что наступление не за «горами» и вот-вот начнется.

Занятия на офицерских курсах подходили к своему логическому завершению. В середине августа 1944 г. состоялся торжественный выпуск молодых офицеров-политработников, на который прибыл командующий армии Н.Э. Берзарин. Всем курсантам было присвоено первое офицерское звание младший лейтенант. Николай Эрастович поздравил выпускников и каждому вручил офицерские погоны, в том числе и комсору 3-го стрелкового батальона 1038 *сн* Левашову.

Еще вчера рядовой Василий, а теперь уже Иванович (официально), впервые надел офицерские погоны и форму. Молодые политработники, полные сил, знаний и уверенности в скорой победе над ненавистным врагом, торопились, потому что знали, что скоро начнется долгожданное наступление. На следующий день после выпуска с предписанием в кармане Левашов отправился в свою дивизию, на фронт.

Штаб и политотдел 295 *сд* младший лейтенант нашел за Днестром на плацдарме в районе с Шерпены. В самом селе были немцы, а управление дивизии располагалось в блиндажах в лесистой местности вблизи берега реки. Доложив о своем прибытии в политотделе, выслушав поздравления и напутствия, Левашов попросился в свой 3-й батальон.

Осваиваться долго не пришлось. Уже через два дня 18 августа 1944 г. 295 *сд* и 60 *зв.сд* было приказано провести разведку боем перед передним

краем своей обороны с целью выявить положение противника и его огневых средств. В 295 *сд* эта задача была поручена 8 *ср* 3 *сб* 1038 *ст*. Командир роты старший лейтенант В.А. Рожков знал, что на командный пункт дивизии прибыли командующие армии и фронтом, а также представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, и понимал, что от успеха выполнения его ротой поставленной задачи зависит судьба не только будущего наступления, но и жизни многих сотен бойцов дивизии. Понимал Василий Александрович и то, что в этом бою могут погибнуть многие его сослуживцы-подчиненные, зная, что разведка боем – самый страшный вид войсковой разведки, который применялся только тогда, когда все возможности других методов уже исчерпаны. Но никто из офицеров, а тем более бойцов роты, не знал, что основной их задачей было приковать своими действиями к этому направлению как можно больше резервов противника, не дать возможности фашистскому командованию разгадать замысел предстоящей стратегической операции и ввести его в заблуждение (эта атака была одним из элементов оперативной маскировки).

Во время подготовки к действиям в этой роте постоянно находился и комсорг батальона младший лейтенант В.И. Левашов. Он проводил собрания актива, беседовал с молодыми солдатами, помогал политбойцам и вместе с ротой атаковал противника, силой своего примера показывая красноармейцам, как необходимо действовать.

Более двух суток длился неравный кровопролитный бой стрелковых рот двух дивизий, который сыграл огромную роль, потому что гитлеровцы до последнего ожидали наступление 3-го Украинского фронта на этом, кратчайшем от Кишинева, направлении и не смогли отразить главный удар наших войск, который советские войска нанесли южнее в 25 км с другого плацдарма на р. Днестр у г. Бендеры в полосе обороны румынских частей.

Так началась знаменитая Яско-Кишиневская стратегическая наступательная операция двух советских фронтов с целью разгрома крупной немецко-румынской группировки, прикрывавшей балканское направление, освобождения Молдавии и вывода Румынии из войны.

В 8-00 20 августа 1944 г. вздрогнула земля под ногами бойцов и командиров, это началась мощная огневая подготовка советской артиллерии и авиации. В течение почти двух часов на направлении главного удара фронта на передовых позициях врага и в его ближайшей глубине для фашистов был кромешный ад. И как только «бог войны» произвел свой последний налет, перед вражескими окопами, как из преисподней, появились советские танки непосредственной поддержки пехоты двух наших армий, которые наступали вплотную за разрывами последних

снарядов своей артиллерии. За ними устремилась пехота. Враг был деморализован и быстро покидал в панике свои позиции.

Советские войска 3-го Украинского фронта в первый же день прорвали главную полосу обороны врага, ввели в прорыв крупные подвижные соединения и успешно продвигались на запад к р. Прут навстречу соединениям 2-го Украинского фронта, которые развернули свое наступление с севера вдоль противоположного, западного берега реки с целью: окружить фашистские войска и отрезать им пути отхода в Румынию.

В ночь на 23 августа 1944 г. после короткой огневой подготовки подразделения 295 *сд* перешли в наступление и вновь первой в атаку поднялась 8 *ср* 1038 *сн* под командованием бесстрашного командира Василия Рыжкова. А рядом с ним бежал, подбадривая бойцов, неутомимый тезка – комсорг батальона Василий Левашов. Громогласное «Ура!» потрясло поле боя, враг не выдержал и начал отступать. Преодолевая минные поля и проволочные заграждения, советские воины ночной атакой выбили фашистов из села Шерпены, раскинувшегося вдоль высокого берега Днестра, и воодушевленные первыми успехами, перешли к преследованию врага, сметая на своем пути его заслоны.

Темп наступления был такой высокий, что уже к 12-00 стрелковые батальоны, пройдя с боями более 20 км, освободили с. Кобуска Веке и подошли к с. Мерены, где попали под сильный артиллерийский и минометный обстрел. Враг стремился остановить наши части на подступах к селу, чтобы обеспечить беспрепятственную эвакуацию штаба и подразделений обеспечения 52-го армейского корпуса немцев. Но остановить наступательный порыв советских бойцов уже никто не мог. Враг не выдержал и в панике бежал, а части 295 *сд* на его плечах ворвались в Мерены и быстро очистили молдавское село от фашистской нечисти. Враг был полностью разгромлен, и только небольшой части гитлеровцев удалось поспешно отойти непосредственно к Кишиневу.

Получив приказ командира 32-го стрелкового корпуса: неотступно преследовать врага, командир дивизии полковник А.П. Дорофеев выслал вперед передовую подвижную группу дивизии в составе 3 *сб* 1042 *сн*, усиленного 3 *адн* 819 *ат*, ротой ПТР, взводом полковой пешей разведки и саперным взводом под командованием заместителя командира 1042 *сн* подполковника Я.К. Новака с задачей: наступать в направлении на Кишинев.

К 17-00 часам передовые отряды советских войск, наступая на северо-запад, вышли к огромным плантациям винограда молдавского училища виноделия и виноградарства, раскинувшимся южнее столицы Молдавии (ныне район Ботаника Кишинева). Для многих воинов представилась поистине фантастическая картина, потому что они никогда

не видели такого количества спелой, висевшей огромными гроздьями сладчайшей ягоды. Но останавливаться нельзя было ни на минуту, и советские батальоны продолжили преследование врага. На южной окраине Кишинева противник, заняв господствующие высоты, отбил первые атаки передовых батальонов 295 *сд*, но, когда подошла, быстро развернулась и нанесла свой сокрушительный удар дивизионная артиллерия, враг не выдержал и поспешно стал отходить в глубь города.

Кишинев горел, а по его дымным улицам сплошным потоком двигались колонны войск и боевой техники немцев. Фашисты в спешном порядке отводили свои главные силы из наметившегося котла окружения. Противник не ожидал столь стремительного наступления наших войск, которые с боями прошли 35-40 км, и стал отходить к городским окраинам. Завязались уличные бои, которые продолжались в течение всей ночи, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Успешнее всего действовали батальоны 1038 *сп*, особенно 1 *сб* под командованием майора М.А. Золотухина, который первым ворвался в район Кожевенной слободы, а затем табачной фабрики.

В 4-00 часа 24 августа 1944 г. город был полностью очищен от фашистских захватчиков. Над Кишиневом вновь взвилось Красное Знамя Победы. Москва в тот же вечер 24 залпами из 324 орудий салатовала доблестным воинам 3-го Украинского фронта, которые освободили столицу Молдавии. Всему личному составу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего и его приказом № 173 от 24 августа 1944 г. 1038-му стрелковому полку (в числе 25 частей и соединений) было присвоено почетное наименование «Кишиневский».

В то время как войска 5-й ударной армии, завершив освобождение Кишинева, перешли к преследованию противника, который поспешно отходил в направлении пос. Ганчешты (в 1965-1990 гг. г. Котовск), подвижные соединения двух фронтов замкнули кольцо окружения вокруг основных сил вражеской группы армий «Южная Украина».

История повторялась как фарс. Вновь советские войска двух фронтов, как и 19 ноября 1942 г. под Сталинградом, ударом по флангам фашистской группировки, которые прикрывали союзники-румыны, быстро прорвали их оборону и уже через четыре дня завершили окружение (уже в третий раз) 6-й полевой армии немцев. Но на этот раз ее войска не смогли прорвать двойное кольцо окружения советских войск на реке Прут, как это было весной 1944 г. севернее Херсона, и были полностью уничтожены или пленены. Не помогли врагу его подготовленные в течение четырех месяцев на высоких берегах рек Днестр и Реут оборонительные позиции с густой сетью траншей и ходов сообщений, прикрытых сплошными минными полями, проволочными

заграждениями с хорошо подготовленной системой огня, и его мощные опорные пункты, сооруженные во всех населенных пунктах.

Стояли жаркие солнечные дни. Преследуя врага, воины 295 *сд* проявляли не только смелость и отвагу, но и разумную инициативу. В состав дивизии входила отдельная зенитно-пулеметная рота, вооруженная крупнокалиберными пулеметами ДШК («12,7-мм крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина»). В это время, на удивление многим бойцам и командирам, в полосе наступления дивизии не видно было фашистской авиации. Зато почти беспрерывно летели наши штурмовики, сбрасывая на немцев бомбы и ракеты. Офицеры оперативного отделения штаба дивизии предложили использовать всю огневую мощь этой батареи по наземному врагу в качестве подвижного отряда преследования фашистов. Передвигаясь на машинах, зенитчики смело вырывались вперед, достигали стремительно отходящего на запад противника и, сблизившись на расстояние 200-300 м, открывали свой губительный огонь, нанося фашистам огромные потери. Враг, бросая все свое оружие и имущество, в панике разбежался, прячась в зарослях кукурузы или подсолнечника. А советские воины уже достигали следующую колонну врага. Появились большие трофеи, и не только разного имущества, но и артиллерийские орудия, пулеметы, автоматы, винтовки. Много было убитых немцев, но еще больше сдавшихся в плен.

На следующий день 25 августа 1944 г. части 295 *сд* подошли к пос. Ганчешты, на подступах которого были встречены ураганным заградительным огнем противника с западного берега р. Когильник. Но остановить наступление советских воинов фашисты не смогли. Быстро развернулась артиллерия на своих огневых позициях и совместно с штурмовой авиацией нанесла поражение обороняющимся фашистам, которые, не выдержав, отступили на запад в направлении

Дорофеев
Александр Петрович

с. Лапушны и с. Мерешены, где попали под огонь наших соседних дивизий.

В боях за Молдавию, особенно в боях за пос. Ганчешты (г. Котовск), у всех бойцов и командиров был один незаменимый помощник – герой Гражданской войны, уроженец молдавской земли, Григорий Иванович Котовский. Каждый из бойцов много читал о легендарном комбриге, видел кинокартину, а рассказы о его подвигах, исключительной храбрости, потрясающие эпизоды из его жизни вызывали зависть и восхищение, передавались из уст в уста. Важную роль в этом сыграл сам

командир 295 сд Герой Советского Союза генерал-майор Александр Петрович Дорофеев, который в годы Гражданской войны служил в 45-й дивизии, не раз встречался с Котовским и сам втайне старался во всем подражать Григорию Ивановичу. И это ему удалось. Он побрил голову. Теперь и ростом, и телосложением, и широкой грудью, и бритой крупной головой был очень похож на легендарного комбрига.

К рассвету 27 августа 1944 г. полки 295 сд, медленно продвигаясь вперед, вышли к восточной окраине села Карпинены, где встретились с войсками 26 гв.ск, которые громил окруженного врага, наступая с северо-запада, и бойцами соседней 57-й армии, которые подошли к селу с юго-востока. Окружение и разгром врага были завершены. А уже на следующий день группы разведчиков и передовые подразделения дивизии вышли к государственной границе СССР. Это был самый волнующий момент, который пережили воины-освободители, ни с чем не сравнимое радостное чувство. Красноармейцы стали пить воду из Прута, у многих по щекам текли слезы, слезы радости. Дошли, добились.

Оказавшись в окружении, гитлеровцы начали крупными группами, а потом и целыми частями сдаваться в плен. Поле, на котором развернулось последнее сражение, было усеяно тысячами трупов фашистских солдат и офицеров, большим количеством разбитой вражеской техники.

29 августа 1944 г. Яско-Кишиневская стратегическая операция успешно завершилась полным разгромом врага. Фашистская группа армий «Южная Украина» в составе четырех армий и одного армейского корпуса (47 дивизий, в том числе 3 танковые, 6 бригад) общей численностью более 900 тысяч человек практически перестала существовать через девять дней после начала этой операции. Советским войскам удалось окружить восемнадцать немецких дивизий, а затем по частям их разгромить. В плен было захвачено 106 тысяч вражеских солдат и офицеров, два командира корпуса, 12 командиров дивизий и 13 других генералов. В молдавских Кодрах прозвучал последний артиллерийский выстрел, вся территория республики была очищена от фашистских оккупантов.

Население молдавских сел и поселков восторженно, с теплотой встречало своих освободителей. Жители угощали красноармейцев фруктами и молодым вином.

Операция «Яско-Кишиневские Канны» стала одной из самых удачных операций советских войск во время Великой Отечественной войны. Она была проведена всего за девять дней, но результат был ошеломляющий: в кратчайший срок была разгромлена почти миллионная группировка вражеских войск, полностью освобождена Молдавская ССР, Румыния вышла из войны на стороне Германии и перешла на

сторону антигитлеровской коалиции, а советские войска стремительно подошли к границам Болгарии, Югославии и Венгрии. Южное крыло германского фронта было полностью разгромлено.

30 августа 1944 г. на площади Победы в Кишиневе прошел парад частей и соединений 5-й ударной армии. Перед трудящимися столицы Молдавии и советскими воинами с взволнованной речью выступил генерал-лейтенант Н.Э. Берзарин, а жители города и представители других районов приняли обращение к своим освободителям, бойцам и командирам 3-го и 2-го Украинских фронтов со словами благодарности.

После выхода к государственной границе с Румынией и завершения Яссо-Кишиневской операции войска 5-й ударной армии были выведены в резерв Ставки ВГК. Дивизии и корпуса стали возвращаться по фронтовым дорогам обратно в Одесскую область, где сосредоточивались на железнодорожных станциях, пополнялись личным составом, техникой, боеприпасами и другим военным имуществом. А остальные армии 3-го Украинского фронта, перешагнув через пограничную реку Прут, приступили к освобождению народов Юго-Восточной Европы от фашистского гнета.

За все эти месяцы учебы и ведения боевых действий Василий Левашов так и не нашел времени заскочить в село Воронково Рыбницкого района, которое располагалось всего в 50 км от поселка Дубоссары на север вдоль левого берега Днестра, хотя очень хотел повидать эти места. Ведь там 15 лет назад в годы детства, будучи босоногим мальчишкой, он жил с отцом, мамой и братьями, гоняясь за соседскими курами, утками и гусями.

Уже в середине сентября 1944 г., разместив личный состав в теплушках, а технику, вооружение, боеприпасы, материальную часть загрузив на платформы, войска армии по железной дороге выдвинулись на северо-запад в район г. Ковель и заняли район расположения в 12 км юго-восточнее города, сразу же приступив к регулярным тактическим занятиям и учениям по прорыву сильно укрепленной обороны противника. В черед непрерывных боевых действий прославленной дивизии наступил долгожданный двухмесячный перерыв.

В то время, когда Левашов воевал на юге и освобождал Молдавию, 14 августа 1944 г. в восточной Польше погиб командир «Молодой гвардии» старший лейтенант Иван Туркенич, и руководство комсомолом страны решило, что остальных оставшихся в живых молодогвардейцев надо побережить. Арутюнянца и Лопухова, которые оставались в Краснодоне на лечении, восстанавливая свое здоровье, как и других оставшихся в живых молодогвардейцев, вскоре вызвали в Москву в ЦК ВЛКСМ для беседы. Здесь они выступали перед красноармейцами, рабочими трудовых коллективов, школьниками и студентами, но их желание вернуться

на фронт в свои части, продолжить воевать, бить фашистов, мстить за своих погибших товарищей уже не могло осуществиться.

В октябре 1944 г. в ЦК ВЛКСМ в Москву с отчетом о деятельности «Молодой гвардии» вызвали и младшего лейтенанта Левашова. На встречу с председателем Чрезвычайной государственной комиссии, работавшей в Краснодаре, Василий пошел вместе с Арутюнянцем. Он, абсолютно не смущаясь чиновника столь высокого ранга, в присутствии и при поддержке Георгия открыто заявил сотруднику НКГБ А.В. Торищину, что не верит в предательство Виктора Третьякевича, которого считает единственным, невыдуманым комиссаром «Молодой гвардии», а все остальное сказанное о нем – это фальсификация.

Василий Иванович был не первым, кто обращался к А.В. Торищину с таким заявлением, поэтому с Левашовым в различных кабинетах ЦК ВЛКСМ была проведена «разъяснительная» беседа, заодно попало и Арутюнянцу. Но молодому офицеру пехоты угрожать было бесполезно, он и так воевал в самом пекле войны и убить его могли уже много раз, и наград за деятельность в «Молодой гвардии» лишиться не могли, так как их у него просто не было, поэтому на встречах с московскими рабочими, военнослужащими, школьниками, отвечая на их многочисленные вопросы, он прямолинейно рассказывал о деятельности своих товарищей и снова утверждал, что в предательство Третьякевича не верит, не умоляя и заслушав Олега Кошевого.

Руководящим сотрудникам ЦК ВЛКСМ это его поведение не очень понравилось, и они поспешили отправить Василия Левашова обратно на фронт в свою часть. А те, кто подтвердил версию госкомиссии и ЦК ВЛКСМ, были награждены правительственными наградами за активную деятельность в краснодонском подполье, «успешно сдали» (по настоятельной рекомендации ЦК ВЛКСМ) экстерном все экзамены за среднюю школу и были зачислены курсантами в военно-учебные заведения страны. Так, 16-летняя Валерия Борц в августе 1943 г. «поступила» в Военный институт иностранных языков (Москва), 15-летний Радий Юркин в октябре 1943 г. направлен ЦК ВЛКСМ в школу летчиков первоначального обучения, по окончании которой в январе 1945 г. получил назначение на Тихоокеанский флот и в 16 лет принял участие в боях с японскими милитаристами. А Арутюнянц и Лопухов в середине ноября 1944 г. были направлены на учебу в Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (ЛАТУЗА), которое находилось в то время в эвакуации в г. Томске.

1 ноября 1944 г. войска 5-й ударной армии вошли в состав 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. К тому времени часть Польши была уже освобождена и в начале ноября полки 295 *сд* совершили марш к новому месту дислокации. Подразде-

ления дивизии переправились через р. Западный Буг в районе г. Бреста и, вступив на польскую землю, расположились в лесу недалеко от города Лукув.

Приближалась 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Руководители Херсона и области пригласили на празднование делегацию от 295-й стрелковой Херсонской Краснознаменной ордена Суворова II степени дивизии. Для поездки в состав делегации от 1038 *сн* включили и младшего лейтенанта Левашова. Так неожиданно Василий Иванович на короткое время оказался опять в глубоком тылу. Поездка была очень приятной и для всех носила характер разрядки от фронтовой жизни. Правда, пребывание Левашова в Херсоне затянулось, так как обратный путь замедлился. А дело было в том, что благодарные херсонцы загрузили целый вагон подарков для воинов своей дивизии и сопроводить этот вагон поручили ему, как самому молодому члену делегации. Но за время этой поездки 295 *сд* сменила место дислокации, поэтому Василию Ивановичу пришлось несколько раз по пути следования переадресовывать вагон на новые станции в поисках своей дивизии. Для Левашова это было впервые. Он очень переживал за сохранность и доставку праздничных подарков, сутками не спал, постоянно на промежуточных станциях и разъездах проверяя целостность замков и пломб на вагоне, но все обошлось и долгожданный груз был благополучно доставлен.

В новом районе части дивизии, находясь в резерве 1-го Белорусского фронта, которым с 16 ноября 1944 г. стал командовать Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, продолжали занятия по боевой подготовке, получали пополнение, новое вооружение, теплое обмундирование и различное имущество. Всех одели в полушубки.

Только в начале января 1945 г. началась перегруппировка советских войск и занятие исходных районов для наступления. Бойцы и командиры дивизии впервые увидели Вислу, когда темной ночью, соблюдая строгий порядок и тишину, переправлялись по наплавному мосту через реку на плацдарм в район польской деревни Магнушев. Части дивизии спешили на противоположный берег Вислы, чтобы на плацдарме сменить войска 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова. Все понимали, для какой цели шла перегруппировка. Ведь армия ударная – армия прорыва. Воины гордились этим, окрестив своего командарма Н.Э. Берзарина именем «генерал-вперед».

Еще вчера бойцы и командиры за празднично убранными столами в гостеприимных домах польских крестьян встречали Новый год, а теперь располагались в окопах в готовности к наступлению и освобождению Польши. Перед войсками армии была поставлена ответственная задача: в кратчайший срок прорвать мощную многополосную оборону

немцев на левом берегу Вислы и развивать наступление в северо-западном направлении, обходя Варшаву с юго-запада.

Рассвет 14 января 1945 г. был морозным. На деревьях лежали хлопья снега и инея, всю местность окутывал густой туман, закрывавший от наблюдения передний край обороны немцев. И вдруг земля вздрогнула от могучих залпов советской артиллерии. Тысячи артиллерийских установок и минометных батарей одновременно открыли огонь по врагу. На головы гитлеровцев обрушился всесокрушающий огневой вал металла. От бесчисленных выстрелов и взрывов стоял сплошной гул. С последним огненным налетом по команде в решительную атаку поднялись воины передовых батальонов, немного вперед вырвались танки непосредственной поддержки пехоты и самоходные орудия. Все вокруг грохотало, было в густом дыму, а бойцы двигались вперед.

Так началась Висло-Одерская наступательная операция РККА.

Когда наша артиллерия перенесла свой сокрушительный огонь в глубину обороны немцев, противник открыл ответный заградительный огонь, забрасывая наши цепи снарядами и минами, и стал вводить свои полковые и дивизионные резервы в бой, но советские войска, отбивая одну за другой вражеские контратаки, шаг за шагом продвигались вперед, нанося фашистам чувствительный урон в живой силе и технике, и к исходу дня, продвинувшись на 12 км в глубину вражеской обороны, вышли к реке Пилица и форсировали ее. Фронт фашистов был прорван.

На следующий день наши войска, разгромив врага на отсечных позициях, создали условия для ввода в сражение соединений 2-й гвардейской танковой армии, которые, вырвавшись на оперативный простор, стали быстро продвигаться на запад, уничтожая все очаги сопротивления на своем пути. «Ударная» пехота хотя и двигалась быстро, но за танками не успевала. Своим появлением она лишь утверждала отвоеванные у врага города, поселки и районы, а также собирала военнопленных. В отдельных местах немцы все же оказывали сопротивление, но прежнего упорства не проявили.

16 января 1945 г. противник, не выдержав мощного удара советских войск, стал поспешно отходить и дивизии 5-й ударной армии перешли к преследованию врага. Передовые отряды 295 *сд* обошли Варшаву с юго-запада и перерезали пути отхода фашистским войскам, оборонявшим столицу Польши, замкнув кольцо окружения. Особенно отличились бойцы и командиры 1038 *сп*. 17 января 1945 г. Варшава была освобождена войсками Красной Армии и 1-й армии Войска Польского. Москва вновь салютовала доблестным советским воинам, а Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За освобождение Варшавы» и наградил всех воинов 295-й стрелковой дивизии.

В это время передовые отряды дивизии, обойдя крупный г. Лодзь с севера, с боями взяли укрепленный узел обороны немцев г. Коло, в котором находился лагерь военнопленных солдат и офицеров из армий союзников, в том числе и около полусотни генералов и офицеров итальянской армии.

Население городов и сел восторженно встречало своих освободителей, ведь они несли полякам избавление от жуткой фашистской оккупации, которая длилась почти шесть лет.

Через неделю наступательных действий оборона фашистов оказалась не только прорванной, но и брешь в ее фронте расширилась до 300 км. Не задерживаясь в населенных пунктах и не ввязываясь в затяжные бои, обходя отступающие вражеские колонны с флангов, полки 295 *сд* быстро продвигались вперед, делая по 30-40 км, а иногда и по 50 км в сутки, не давая фашистам передышки.

Освободив польские города Гнездо и Вронки, части прославленной дивизии 29 января 1945 г. наконец-то вышли к границам фашистской Германии, которая была обозначена только на наших военных топографических картах, а для солдат на местности никаких знаков не оказалось. Но политработники заранее подготовились и у места пересечения границы на столбах появился щит с надписью: «Вот оно, логово фашистского зверя».

Бойцы и командиры пересекали эту условную невидимую черту со сложными чувствами. У каждого была своя боль, никто не забыл злодеяний фашистских оккупантов на нашей земле. А теперь они у порога дома тех, кто зверствовал на нашей земле. Как же к ним относиться? И, проходя мимо щита, каждый советский воин вспоминал своих погибших или казненных друзей, родных и близких. Василий Левашов подумал о своих: родной брат Петр убит при обороне Ленинграда, двоюродный брат Сергей казнен фашистами в Краснодаре, двоюродный брат Юра Антифеев погиб на фронте, брат Александр в бою под Таганрогом разорвавшейся миной был искалечен и на всю жизнь остался инвалидом. (Юрий Петрович Антифеев после освобождения Амвросиевки попал на фронт. За мужество в боях с фашистами был награжден медалью «За отвагу», а посмертно – орденом Отечественной войны II степени. Погиб Юра Антифеев 23 января 1945 г. и похоронен у церкви села Пиллшморот на территории Венгрии.)

Перед вступлением на территорию Германии советским войскам довели приказ Верховного Главнокомандующего, строго запрещающий всякие бесчинства в отношении местного населения, но советские воины и без этого приказа не собирались мстить безоружным старикам, женщинам и детям. Тем не менее война есть война, и если немцы оказывали сопротивление при обороне своего поселка или города, его подвергали сильному артиллерийскому и авиационному удару. Никто никого не щадил.

При взятии первого немецкого города бойцы и командиры дивизии обратили внимание на странную картину: кругом пожары, разрушения, но местных жителей, немцев – ни одного. Встречались только поляки, которых принудительно увезли из Польши еще задолго до появления здесь советских солдат. Они-то и объяснили, что немецкое население, опасаясь возмездия, заблаговременно покинуло город и бежало на запад.

Советские воины с боями, но довольно быстро продвигались вперед, занимая все новые и новые немецкие города и села, уничтожая малочисленные фашистские гарнизоны, состоящие, как правило, из запасных и маршевых батальонов, батальонов имперской трудовой повинности (юноши и девушки, проходящие шестинедельную военную подготовку), фольксштурма и зенитных частей. И всюду повторялась одна и та же картина: немецкого населения нигде не было. Хотя случались и редкие исключения, особенно при занятии небольших населенных пунктов ночью без единого выстрела, население которых не успели предупредить о появлении советских солдат в их окрестностях. И это поначалу вызывало у местных немцев чувство животного страха, страха смерти. Они все понимали и знали, что творили их солдаты и офицеры на нашей многострадальной земле.

Висло-Одерская наступательная операция советских войск завершилась. Воевать мы научились. За 17 суток с боями прошли более 500 км, освободив Польшу, Словакию, и уже били фашистов на их земле.

1 февраля 1945 г. соединения 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта совершили решительный бросок к р. Одер, частью сил по тонкому льду форсировали реку и захватили на ее западном берегу плацдарм севернее города Кюстрина, от которого прямая дорога вела на Берлин. Но сам город и крепость продолжали оставаться в руках противника на восточном берегу Одера и все попытки советских войск с ходу овладеть мощным районом обороны врага к успеху не привели, его обороняли 25-я моторизованная дивизия и другие отборные части 9-й полевой армии вермахта (командующий генерал пехоты Теодор Буссе). Возникла необходимость тщательно подготовить и провести частную наступательную операцию по ликвидации крупного вражеского гарнизона, блокированного полками 295 *сд*.

Весь февраль ушел на разработку плана операции по захвату городо-крепости Кюстрина, приему пополнения и восстановлению боеспособности подразделений и частей дивизии. Одновременно с этим действиями отдельных штурмовых групп расширялся по фронту и в глубину захваченный у немцев плацдарм на р. Одер.

Командир 3-го батальона 1038 *сп* Герой Советского Союза майор Г.Д. Шенгелия, потомственный грузин, который в начале войны воевал, находясь на высоких должностях (был замначальника политотдела

стрелковой дивизии, инструктором политуправления фронта), но по итогам своей работы был отстранен от партийно-политической работы в войсках и направлен командовать стрелковыми подразделениями, был очень скуп на похвалу, а тем более на награды подчиненным. Только этим объясняется то, что в ряду своих непосредственных подчиненных он старался не замечать героических поступков комсорга своего батальона, тем более что прекрасно знал, что Василий не верит в официальную версию предательства «Молодой гвардии» Виктором Третьякевичем и не был награжден даже медалью за свою деятельность в краснодонском подполье. Вот поэтому, когда на груди многих бойцов и командиров красовались медали и ордена за освобождение Николаева, Одессы, Кишинева, комбат не подал ни одного представления к награждению правительственной наградой комсорга своего батальона В.И. Левашова. Мало того, он даже не позаботился о представлении его к очередному воинскому званию, хотя срок выслуги лет для всех лиц командно-начальствующего состава и политсостава действующей армии, обусловленный Постановлением Комитета Обороны № 90 от 20.11.1941 г., был сокращен до двух месяцев. И об этом майор Шенгелия знал, но обиду затаил. Ему не нравилось, что Василию Ивановичу покровительствовал сам начпо дивизии, с которым у него были натянутые отношения. Только за время этих боев младший лейтенант Левашов стал пользоваться таким огромным авторитетом среди рядовых бойцов, что на очередном комсомольском собрании в середине февраля 1945 г. его единогласно избрали своим организатором комсомольцы полка. И ситуация стала резко меняться.

23 февраля 1945 г. командир 1038 *сн* полковник В.Н. Любко со своим заместителем по политчасти подписали и отправили по команде наградные листы на отличившихся в предыдущих боях солдат и офицеров полка, в том числе и на младшего лейтенанта В.И. Левашова. В кратком изложении совершенного подвига Василий Николаевич писал:

«Тов. Левашов в период подготовки полка к прорыву вражеской обороны на реке Висла правильно организовал комсомольскую работу среди личного состава батальона. В каждой роте организовал полноценные комсомольские организации. Много работал над воспитанием комсомольцев и молодежи. Личный состав батальона в боях под городом Кюстрин (Германия) показал высокие образцы мужества. Тов. Левашов в этих боях постоянно находился в стрелковых ротах, личным примером воодушевляя личный состав на новые подвиги.

В период с 10 по 12 февраля 1945 года противник предпринимал неоднократные контратаки на 3-й стрелковый батальон. Тов. Левашов, находясь в батальоне, организовал молодежь и, упорно сопротивляясь, отразил все контратаки противника, батальон прочно удерживает занимаемый рубеж.

Тов. Левашов за хорошо поставленную комсомольскую работу в полку, личную отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками, достоин Правительственной награды – орден Отечественной войны первой степени.»

Одновременно полковник В.Н. Любко по команде направил в штаб 5-й ударной армии представление к присвоению очередного офицерского звания лейтенант комсору своего полка В.И. Левашову.

8 марта 1945 г. приказом командира 32-го стрелкового корпуса № 021/н за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество младший лейтенант Василий Иванович Левашов, комсорг 1038 *сп*, был награжден орденом Отечественной войны II степени. Но об этом приказе еще долго никто в 295 *сд* не знал, потому что еще два дня назад, 6 марта 1945 г., начался штурм города-крепости Кюстрин, в котором участвовали, помимо своих стрелковых подразделений, приданные танки, самоходные артиллерийские установки, тяжелая артиллерия, огнеметчики.

Нелегким был этот штурм, хотя и начался с мощного удара нашей бомбардировочной авиации. Противник оказывал яростное сопротивление, ведь до столицы фашистской Германии – Берлина оставалось всего 80 км. Наступление развивалось медленно. Немцы были в более выгодном положении. К тому времени они научились эффективно использовать новое оружие – фаустпатроны. Из окон подвальных помещений фашисты из отрядов народного ополчения фольксштурм с близкого расстояния поражали советские танки. Но наши воины, быстро освоив трофейное оружие, не менее успешно стали применять его против врага.

Только 12 марта 1945 г. гарнизон фашистов был разгромлен и части 295 *сд*, переправившись на противоположный берег Одера, соединились с войсками 8-й гвардейской армии, захватившей плацдарм южнее Кюстрина, и заняли свои участки обороны. Условия там были тяжелейшие. Мало того что небольшой плацдарм насквозь простреливался ружейно-пулеметным огнем противника, так еще там нельзя было вырыть мало-мальски глубокий окоп или траншею, потому что близко находились грунтовые воды. Стало понятно, что с такого плацдарма наступление на Берлин не подготовишь. Его необходимо было расширить до 10-12 км в глубину.

В этот же день В.И. Левашова, который находился в боевых порядках 2-го стрелкового батальона, вызвали на командный пункт полка и довели до него приказ командующего 5-й ударной армии о присвоении ему звания лейтенант. Новенькие погоньи Василию вручил лично заместитель командира полка по политической части майор Н.А. Сергеев.

Полковник В.Н. Любко восхищался боевой работой своего комсорга и

этого не скрывал. Он прекрасно знал, что Левашов в штабе не засиживается, появляясь там, только если вызовут по срочному делу или по приказу старших командиров, был немногословен и исполнительен, ему не надо было повторять дважды распоряжение и контролировать исполнение. Василий Иванович всегда точно и в срок выполнял порученное дело, постоянно проявляя разумную инициативу, чем сразу же с первых дней после своего назначения снискал уважение у командира полка и его заместителя по политчасти.

На войне быстро взрослеют, поэтому Василий Иванович Левашов был уже довольно опытным и зрелым политработником. Он быстро учился у старших товарищей и уже к этому времени мог провести не только комсомольское собрание, но и каждый день беседовал с молодыми бойцами, рассказывая им о подвигах бойцов соседних подразделений, нацеливая их только на победу. Мог выступить перед красноармейцами так, что у тех «мурашки бегали по спине», пропадал страх перед первым боем, а появлялась жгучая ненависть к врагу и желание побыстрее отомстить фашистам за сожженные города и села, за мученическую смерть наших патриотов на оккупированной немцами советской земле.

15 марта 1945 г. командир 1038 *сп* полковник В.Н. Любко подписал и направил в штаб дивизии новый наградной лист на комсорга полка лейтенанта Левашова. При этом о награждении Василия Ивановича орденом Отечественной войны II степени он не знал.

В представлении Василий Николаевич написал:

«Тов. Левашов как комсорг полка в своей повседневной работе нацеливал комсомольские организации на оказание помощи командованию полка по воспитанию личного состава, поднятию воинской дисциплины. Главной задачей перед комсомольскими организациями ставилось обеспечивать успех боя. С первых дней марта 1945 года вся комсомольская организация полка в числе 182 человек была нацелена на подготовку штурма города Кюстрин.

За время боев с 1 февраля 1945 года из числа лучшей отличившейся в боях молодежи принято в комсомол 57 человек.

7 марта 1945 года в момент штурма города Кюстрин тов. Левашов, находясь в стрелковых ротах 2-го стрелкового батальона, который выполнял главную задачу, личным примером отваги и мужества воодушевлял личный состав на успешное выполнение поставленной задачи.

Тов. Левашов достоин Правительственной награды – ордена Красное Знамя.»

17 марта 1945 г. (в день рождения Василия Ивановича) начальник политотдела 295 *сд* полковник Луконин поддержал представление командования 1038 *сп* о награждении лейтенанта В.И. Левашова орденом Красного Знамени, но командир дивизии генерал-майор А.П. Дорофеев своим решением

представил комсорга полка к ордену Отечественной войны I степени. Ну а начальник политотдела 32 *ск* полковник С.П. Дученко, не разобравшись, решил по-своему и вновь представил лейтенанта Левашова к ордену Отечественной войны II степени. Так приказом командира 32-го стрелкового корпуса от 3 апреля 1945 г. № 032/н за участие во взятии Кюстрина и проявленные при этом доблесть и мужество лейтенант Левашов, комсорг 1038 *сп*, был награжден орденом Отечественной войны II степени второй раз.

Но обо всем этом Василий Иванович не знал. Он с усердием продолжал выполнять свою работу, нацеливая комсомольцев и молодежь полка на выполнение поставленных боевых задач в короткие сроки и с наименьшими потерями.

В этот раз командование и партийно-политический аппарат и полка, и дивизии не забыли поздравить нашего героя с его 21-м годом рождения. Пожеланий и напутствий было много. А еще через несколько дней сослуживцы и друзья поздравили его с награждением первым орденом Отечественной войны II степени, который в торжественной обстановке, перед строем управления полка ему вручил полковник В.Н. Любко. Не забыли и обмыть столь высокую правительственную награду.

Подготовка к проведению частной наступательной операции дивизии по расширению плацдарма завершалась. По понтонному мосту из-за Одера прибыли танки и самоходные установки. Утром 22 марта 1945 г. началась артподготовка, которая длилась 20 минут. После этого советская пехота поднялась в атаку. Враг упорно сопротивлялся, и в первый день, неся потери, полки медленно продвинулись лишь на 2-3 км, но этого было недостаточно. Немцы, конечно, понимали, что советским войскам необходим значительный по размерам плацдарм для сосредоточения на нем войск и техники, чтобы оттуда совершить бросок на Берлин. Поэтому, чем дальше наши бойцы продвигались вперед, тем яростнее было сопротивление врага. Особенно ощутимы были удары с воздуха. Стояла ясная солнечная погода, и фашистская авиация просто бесчинствовала. Наши летчики не могли прийти на помощь, так как аэродромы раскисли, а фашистские самолеты взлетали с бетонных полос берлинских аэродромов.

На следующий день в разгар боя командир полка вызвал Левашова с передовой на свой командный пункт и сказал:

– Переправляйся за Одер в наши тылы. Помоешься в бане, а потом проведешь беседу с новым пополнением. Расскажешь им, как вы в Краснодаре воевали. В общем, вдохнови их на мужество в бою.

1038 *сп* в предыдущих боях понес большие потери, а прибывшему пополнению - молодым, еще не обстрелянным солдатам - предстояло сразу вступить в бой. И вот здесь Василий Левашов в полную меру

ошутил воздействие примера «Молодой гвардии». Он воодушевленно рассказывал новобранцам, как боролся с захватчиками его друга-молодогвардейцы, как встретили они свой смертный час.

Вот как сам Василий Иванович описывал эти события: «...Мои рассказы о деятельности молодогвардейцев в тылу врага, об их героических делах вызвали у бойцов нашего подразделения жгучую ненависть к врагу, чувство мести за кровь погибших друзей, за наш пострадавший под игмом фашизма народ...» И опять он, не стесняясь и не боясь последствий, рассказывал о подвиге и мученической смерти своего друга Виктора Третьякевича, который вопреки клевете не стал на путь предательства и нарушения клятвы. После таких бесед нужно было видеть, с каким мужеством встретили атаки врага молодые воины.

Бои за расширение плацдарма продолжались, принимая все более ожесточенный характер. Фашисты, получив подкрепление в танках и артиллерии, решили сбросить советские войска в Одер. В это время Василий Иванович находился в 1-м стрелковом батальоне. Вечером он встретился с бойцами нового пополнения из Молдавии, с которыми беседовал накануне до их прибытия на плацдарм. Им пришлось нелегко: заболоченная местность не позволяла рыть глубокие окопы. Но новички выстояли, отбросив назад отборные эсэсовские войска. Находясь под огромным впечатлением от первого своего боя, каждый из них старался поделиться своими впечатлениями с комсоргом полка, как со старым испытанным другом. Левашов всех внимательно выслушивал, не перебивая. Он понимал, как важно молодому бойцу высказаться, поделиться своими впечатлениями и победой над страхом смерти. (Сам совсем недавно был таким же впечатлительным бойцом.)

Беседы продолжались всю ночь, и только под утро лейтенант Левашов пришел на командный пункт 1 сб и прилег отдохнуть. Но через несколько минут, ровно в 4-00 часа утра, был разбужен грохотом рвавшихся поблизости снарядов. «Вот оно, начинается, – подумалось спрсонок, – сейчас будут пытаться сбросить нас в Одер».

Артобстрел немцев носил характер массивной обработки нашего переднего края перед контрнаступлением. И действительно, когда рассвело, советские бойцы увидели танки, которые уже развернулись для атаки. За танками шла пехота. Положение отчаянное. Нужен интенсивный огонь артиллерии, а на каждое орудие оставалось всего по несколько снарядов. Плюс необстрелянное молодое пополнение. Но никто не дрогнул, не побежал. К тому же оказалось, что ночью перед передним краем наши саперы установили противотанковые мины. На этих минах стали подрываться фашистские танки, а пехота, лишённая танковой поддержки, с большими потерями откатилась назад. Контрнаступление немцев захлебнулось.

Командир полка очень переживал, как поведут себя в бою необстрелянные новобранцы. Не зная подробностей, он снова вызвал своего комсорга на командный пункт, который теперь был близко от переднего края и размещался в подвале корпуса кирпичного завода.

– Садись, отдохни, – сказал полковник В.Н. Любко, а потом стал спрашивать подробности отражения контрнаступления немцев 1 сб.

Рассказывая, Василий Иванович, сам того не замечая, сидя на табуретке, уснул. Командир только улыбнулся, но будить не стал, он был доволен работой своего комсорга и его правдивым рассказом. Спал лейтенант Левашов недолго и проснулся от сильного грохота. Оказалось – налет немецкой авиации. Разрывами фашистских бомб завалило оба входа в подвал, где все находились. Прервалась телефонная связь. Сверху бушевал пожар. Весь состав командного пункта полка был заживо погребен в подвале. Температура повышалась, все труднее было дышать. Что происходит наверху, никто не знал. Связь отсутствовала, и командир полка был лишен возможности управлять батальонами. Заточение в полной темноте, пыли и нестерпимой жары, казалось, длилось вечно, хотя прошло не более часа. В это время многие на командном пункте посчитали, что сгорят заживо. Большинство командиров и политработников были коммунистами, но все без исключения вспоминали Бога, а некоторые, не стесняясь, даже шепотом читали молитвы. В это время Василий Иванович оставался сидеть на своем месте, не мешая командованию, не суетясь и не паникуя. И помощь пришла. Их раскопали бойцы роты автоматчиков, которые находились недалеко от развалин кирпичного завода.

Когда офицеры и красноармейцы вышли из подвала, то увидели страшную картину: здание кирпичного завода было полностью разрушено и продолжало гореть, погибло много бойцов роты автоматчиков и роты связи полка. Рядом с командным пунктом, зажатый обрушенными железными балками перекрытия, заживо сгорел раненый молодой лейтенант, командир взвода связи, с которым Левашов лишь пару часов назад разговаривал. Много бойцов и командиров было ранено осколками авиационных бомб или кусками арматуры, бетона и кирпича. А те, кто в это время был в подвале на командном пункте полка, не имели даже царапин, только некоторые чувствовали себя неловко за пережитые минуты страха.

Многое на своем веку повидали полковник Любко и майор Сергеев, но теперь они оба переглянулись и посмотрели на Василия Ивановича. Уже давно с чьей-то легкой руки, когда еще Левашов служил в 3 сб, кто-то пустил слух среди молодых солдат, что комсорг батальона «заговоренный» и рядом с ним никого не убивают. Вскоре эта шутка обросла рассказами «очевидцев», и Василий постепенно превратился в живую легенду: ведь сумел же он избежать ареста и расстрела в Краснодаре, а сколько раз по нему «стреляли

из орудий», но ни один осколок, даже самый маленький, не задел его. Командование относилось к этому со своеобразным юмором и не придавало значения. А тем не менее молодые красноармейцы, наблюдая за Левашовым, были абсолютно уверены в этом, потому что даже раненых в его окружении не было ни при атаке, ни при форсировании, ни в разведке боем. Василий об этом знал, но относился скептически, когда кто-нибудь из самых дотошных новобранцев во время беседы задавал подобный вопрос. Знали об этом Василий Николаевич и Николай Александрович. Но теперь они даже не улыбнулись. Ведь если бы вовремя не подоспела подмога и их не раскопали, то командовать полком пришлось бы другим, а они просто спеклись бы заживо от невыносимой температуры в подвале кирпичного завода.

Фронт стабилизировался. Полк не пытался наступать, враг не пытался сбросить наших бойцов с плацдарма. Поставленная задача была выполнена не до конца. Плацдарм нужно было углубить еще на 2-3 км. Но однажды днем из-за Одера по противнику неожиданно началась мощная артподготовка орудий крупного калибра. Над головами бойцов и командиров полка в ясном голубом небе шурша пролетали черные болванки сотен снарядов, которые с огромным грохотом рвались на позициях врага. Огонь нашей артиллерии производил впечатление начала крупной наступательной операции. Немцы так ее и расценили. К этому времени фашисты уже отработали своеобразную тактику действий своих войск на переднем крае во время нашей массированной артподготовки перед наступлением. С целью наибольшего сохранения личного состава они по команде отходили на вторую линию обороны, оставляя на передовых позициях лишь небольшие заслоны. Это случилось и перед фронтом 1038 *ст*. Отход врага с первой линии обороны своевременно обнаружили наблюдатели и разведчики. Полковник Любко быстро сориентировался и, когда артподготовка также резко прекратилась, как и началась, отдал приказ о переходе в атаку. Наша пехота поднялась и без потерь продвинулась вперед еще на 3-4 км, выполнив приказ командующего армией. Так заодерский плацдарм был расширен до нужных размеров (45 км по фронту и 10 км в глубину) и стал исходным рубежом для наступления главных сил фронта на столицу Германии.

30 марта 1945 г. наступило относительное затишье. Части 295 *сд* временно перешли к обороне и развернули напряженную работу по подготовке решающего удара по фашистам в их логове – Берлине.

В начале апреля 1945 г., после отражения всех контратак и ликвидации окруженных группировок противника на левом берегу Одера, наши войска приступили к планомерной подготовке к Берлинской наступательной операции. Пока полки 295 *сд* расширяли плацдарм, через Одер наводились понтонные переправы. Теперь по ним днем и ночью сплошным потоком

переправлялась самая разнообразная боевая техника. Никто из бойцов и командиров никогда не видел, да и не мог видеть, такого количества различного вооружения и боевой техники, которые, располагаясь на плацдарме, не оставляли места даже для маневра. Здесь была артиллерия всех калибров, вплоть до 305-мм орудий на гусеничном ходу. Все это устанавливалось плотными рядами по принципу: чем меньше калибр, тем ближе к переднему краю. Были здесь и «катюши», и танки, и самоходные установки. Вот только не ясно было, зачем устанавливали прожекторы, которые предназначены были для обнаружения в ночном небе летящих самолетов.

Готовился завершающий удар по врагу.

Второй орден Отечественной войны II степени лейтенанту Левашову вручили как раз непосредственно перед началом долгожданного наступления на Берлин. За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городом и крепостью Кюстрин и проявленные при этом доблесть и мужество 1038 *сн* указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 г. был награжден орденом Красного Знамени. Этим же указом награждены были и другие части 295 *сд*: 1040 *сн* – орденом Кутузова, 1042 *сн* – орденом Суворова, 819 *ап* – орденом Богдана Хмельницкого, а 588 *осб* и 753 *обс* – орденами Красной Звезды. К тому же за участие отдельно от дивизии в Восточно-Померанской стратегической операции приказом Верховного Главнокомандующего № 0257 от 5 апреля 1945 г. 1040 *сн* было присвоено почетное наименование «Померанский».

Наконец-то этот день настал.

16 апреля 1945 г. ровно в 5-00 часов утра воздух вздрогнул от залпов десятков тысяч орудий, минометов и «катюш». В небе появились наши бомбардировщики, и на головы фашистов посыпались тысячи тонн смертоносного груза. Не успела закончиться огневая подготовка, как в предрассветной темноте вспыхнули десятки мощных прожекторов, ослепляя врага, и в атаку на укрепленные позиции фашистов устремились советские танки и пехота. Яркий свет прожекторов ошеломил немцев, их охватила паника. Эти пробивающиеся сквозь дым и пыль лучи были приняты врагом за новое оружие. Замешательством фашистов воспользовались передовые советские части, они поднялись в атаку и, преодолев минные поля и проволочные заграждения, вклинились в боевые порядки противника и захватили первую траншею. В это время 1038 *сн* находился во втором эшелоне дивизии между грохочущих выстрелами тысячами орудий. Через его боевые порядки проследовали танки и САУ для атаки переднего края врага. Бойцы впервые на себе ощутили всю возросшую мощь нашей Красной Армии.

Но немцы, опомнившись, ввели в бой свежие резервы, которые при поддержке танков, артиллерии и авиации яростно контратаковали, стремясь

задержать наступление советских частей. Развернулись тяжелые встречные бои. И только к 14-00 часам, после ввода в бой 1038 *сп*, подразделениям 295 *сд* удалось овладеть второй позицией и подойти к третьей траншее врага. Особенно трудно пришлось советским воинам в бою за высокую в несколько метров железнодорожную насыпь у поселка Бушдорф, на обратных скатах которой были оборудованы вражеские огневые точки. Только к исходу первого дня наступления этот участок вражеской обороны был захвачен.

Используя успех пехоты, утром следующего дня в прорыв были введены танки. Но фашисты, не считаясь с потерями, цепляясь за каждый рубеж, пытались удержать свои оборонительные позиции на Зееловских высотах. Упорство противника возрастало. Только на второй день удалось овладеть населенным пунктом Платков, а на третий день – городом Ной Харденберг.

Дни стояли солнечные, видимость превосходная. 20 апреля 1945 г. полки 295 *сд*, преодолевая яростное сопротивление немцев, во взаимодействии с соседями ворвались на позиции внешнего оборонительного обвода Берлина и завязали бой за город Штраусберг, который обороняла 11-я добровольческая панцергренадерская дивизия Ваффен-СС «Нордланд», сформированная из иностранных добровольцев и призывников, которые были причастны к многочисленным зверствам среди мирного населения оккупированных фашистами государств, особенно на территории Советского Союза.

Удивительно чистенький Штраусберг с красивой архитектурой, но советских воинов больше всего поразило другое. Когда они вышли на окраину города, то увидели повешенных на фонарных столбах людей в форме. Вначале бойцы думали, что это были казнены наши пленные, для устрашения наступающих советских частей. Но нет. Повешенные были в немецкой форме. Это фашисты казнили своих, тех, кто «утратил боевой дух» и отступил без приказа. Об этом свидетельствовали надписи на груди у каждого из повешенных.

С боями батальоны 1038 *сп* продвигались по городу. Лейтенант Левашов наступал с одной из рот полка. Наконец бойцы достигли центральной площади. Пока танки своим орудийным огнем расчищали дорогу пехоте дальше, красноармейцы укрылись за стеной большого административного здания. Василий Иванович заинтересовался, что же в нем находится, и вошел в центральную дверь. Широкая парадная лестница вела и вверх, и вниз. Он пошел вниз. Осторожно ступая, решил войти в полуподвальное помещение. Дверь была полуоткрыта. Но, когда Левашов оказался в дверном проеме, из глубины комнаты раздался выстрел. Пуля слегка обожгла ладонь левой руки, но не задела. Василий отскочил за стену. Пока срывал кольцо гранаты, раздался еще один выстрел, но полета пули не было слышно. Не

высовывая головы, лейтенант швырнул в комнату гранату, а когда раздался взрыв, вошел в помещение. У противоположной стены на носилках лежал тяжело раненный немецкий офицер. Голова, ноги и левая рука перебинтованы. Вероятно, его не успели эвакуировать в тыл. Оказавшись брошенным, он решил застрелить первого же вошедшего в комнату русского, а затем покончить с собой. Убить Левашова он не смог. Промахнулся. Но второй выстрел фашист произвел себе в висок.

Фашистские подонки знали, что пощады им не будет, поэтому пытались удержать город в своих руках любой ценой, предпринимая контратаки, но им это не удалось, и к исходу 20 апреля 1945 г. Штраусберг был взят.

Это был последний крупный населенный пункт на пути к Берлину. За городом оказался крупный лесной массив. Рядом наступали танкисты, которые от малейшего затора целыми колоннами простаивали на лесных дорогах, и советская пехота медленно продвигалась по лесу и небольшим просекам в стесненных условиях, обгоняя доблестную броню. В такие минуты казалось: зачем так много танков? Но лес закончился, и, продолжая наступление, войска вырывались на равнинный простор предместий Берлина.

Справа наступали войска 3-й ударной армии, слева – уже знакомые части 8-й гвардейской, но дивизии 5-й ударной вырвались вперед и обогнали своих боевых соседей, из-за этого 295 *сд* все время подвергалась обстрелу фашистской артиллерии с левого фланга. Приходилось часть средств всегда держать наготове к отражению возможных контратак противника с этого направления.

Вдруг на возвышенности показался г. Альт-Лансберг. Смотрелся он живописно, но оттуда, прикрываясь городскими постройками, начался сильный артобстрел, и бойцы залегли. Вскоре подошли наши танки, одни, без пехоты. Они окружили небольшой немецкий город со всех сторон и начали обстреливать его из своих орудий. В Альт-Лансберге стали возникать пожары, а потом взвились белые флаги. Город капитулировал, и теперь с левого фланга полкам ничего не угрожало.

Наступление на Берлин продолжалось. Советские армии 1-го Белорусского фронта на центральном и южном направлениях отстали, поэтому Г.К. Жуков срочно перенацелил свои ударные силы строго на Берлин, изменив полосы наступления и разгранлинии. 5-я ударная вырвалась вперед и, преодолевая яростное сопротивление врага, наступала прямо в центр логова фашистов.

К исходу 21 апреля 1945 г. полки 295 *сд* вышли на восточную окраину столицы фашистской Германии. Весна брала свое – везде зелень и цветы, но командирам и бойцам было не до прелестей природы. Все понимали, что оставались считанные дни до победы, а где-то совсем

недалеко еще мечется в страхе и агонии главный негодяй и подонок, развязавший эту страшную войну, Адольф Гитлер.

Наступающим советским войскам в Берлине противостоял фашистский гарнизон, состоящий из соединений 56-го танкового корпуса немцев, который включал пять дивизий (танковая дивизия «Мюнхеберг», 18-я, 20-я моторизованные и 9-я парашютная дивизии, а также дивизия Ваффен-СС «Нордланд») и 30 батальонов фольксштурма. Основой обороны города являлись зенитные батареи, установленные на специально построенных высотных башнях, которые теперь действовали против наземных целей, полуподземные бункера, сооруженные на пересечении главных улиц, а также подвалы и этажи зданий. Руководство обороной Берлина было поручено Гитлером командующему 56 *тк* генералу артиллерии Гельмуту Отто Людвиг Вейдлингу. Он же последний немецкий комендант Берлина.

По опыту предыдущих боев в крупных населенных пунктах, в советских дивизиях сразу же были созданы штурмовые группы, которые, захватывая квартал за кварталом, медленно продвигались к центральной части города. Уличные бои велись днем и ночью за каждый дом, подъезд, подвал. Артиллерия всех калибров, даже 305-мм орудия, били прямой наводкой. Из подвала одного дома советские бойцы пробивали брешь в подвал другого примыкавшего к нему здания. И так по обе стороны улицы, параллельно, по подвалам, по туннелям метро и других коммуникаций, которыми богат Берлин, обходя фашистов с флангов и неожиданно появляясь у них в тылу, с боями наступали наши подразделения. Кровавый, беспощадный бой шел не только на земле, но и под землей. Город горел, разрушался, а красноармейцы, несмотря на потери, упорно рвались вперед. И здесь уже не нужны были никакие беседы.

24 апреля 1945 г. глазам советских бойцов и командиров предстала одетая в бетон и гранит река Шпрее, делившая Берлин на две части. А уже на следующий день личный состав 5-й ударной армии облетела радостная весть – комендантом столицы Германии и начальником советского гарнизона Берлина приказом маршала Г.К. Жукова был назначен их командующий генерал-полковник Н.Э. Берзарин.

Во время войны подземные станции Берлинского метрополитена использовались как бомбоубежища от англо-американских бомбардировок. Теперь там вместе с тысячами стариков, женщин и детей расположились штабы немецких частей, госпитали и другие тыловые части фашистского гарнизона. Пассажирское сообщение в метро было окончательно прекращено только 25 апреля 1945 г., и то по причине остановки снабжающей электростанции, а до этого в центр Берлина советские войска могли доехать с комфортом и быстро. Но «гостеприимством» фашистов не стали злоупотреблять.

Туннели подземного метро неоднократно использовались советскими бойцами, которые обходили немецкие позиции и атаковали фашистов с тыла. Поэтому Гитлер отдал четкие указания специальным подразделениям: открыть шлюзы на р. Шпрее, чтобы затопить железнодорожные туннели к югу от рейхсканцелярии, хотя они были заполнены гражданскими и тысячами раненых. Но они больше не интересовали фюрера: «Эти немцы больше не достойны Великой Германии». Этот безрассудный приказ стоил бы жизни очень многим, но коменданту и начальнику Генерального штаба немецких сухопутных войск генералу Хансу Кребсу удалось убедить Гитлера в том, что тоннели метро также используются и для перебросок войск берлинского гарнизона. Исполнение приказа пришлось отложить.

26 апреля 1945 г. к Берлину со всех направлений подошли остальные армии 1-го Белорусского фронта, а с юго-запада и запада, обойдя город, передовые части 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И.С. Конева. И кольцо вокруг Берлина замкнулось. Но до окончательной победы было еще далеко.

Войска 5-й ударной армии, ведя ожесточенные бои, успешно продвигались к центру Берлина: площади Александерплац, дворцу кайзера Вильгельма, берлинской ратуше, центральному вокзалу, имперской канцелярии и рейхстагу – зданию имперского собрания. И уже 29 апреля 1945 г. «берзаринцы» вышли в район улиц Фридрихштрассе, Унтер-ден-Линден, Лертского вокзала (Берлин-Главный) и Бранденбургских ворот.

Рейхстаг находился в зоне ответственности и полосе наступления 5-й ударной, но первыми ночью к нему подошли части 150 *сд* и 171 *сд* 3-й армии. Рейхстаг и рейхсканцелярию защищали войска СС: подразделения дивизии СС «Нордланд», французский батальон Фене из дивизии СС «Шарлемань», латышский батальон 15-й гренадерской дивизии СС, а также подразделения СС личной охраны Адольфа Гитлера (около 600–900 человек). В ту же ночь для поддержки гарнизона рейхстага в центр Берлина был сброшен парашютный десант, состоящий из курсантов морского училища из Ростка.

Но вся эта многотысячная армада фашистских войск не смогла помешать передовым советским батальонам захватить мост Мольтке через р. Шпрее и на рассвете 30 апреля 1945 г. штурмом овладеть зданием министерства внутренних дел. Путь на рейхстаг был открыт.

Последнее хмурое, придавленное тяжелыми свинцовыми тучами апрельское утро 1945 г. вставало над городом. Ночью прошел дождь и немного очистил воздух от пыли и копоти, но не смягчил тяжелый, особый, запомнившийся многим бойцам этот кислотовато-горький запах гарн. Он стоял везде: среди развалин домов, в засыпанных бункерах, в канализационных колодцах, и даже в тоннелях метро.

В последние дни боев за Берлин фашисты перенесли главные очаги сопротивления в подвалы, на этажи зданий, в бункера и стали действовать внезапно и только тогда, когда были в полной уверенности в своей неуязвимости и превосходстве, с короткого, кинжального расстояния ведя огонь по нашим наступающим штурмовым группам только на поражение. В это время полки 295 *сд* вели кровопролитные бои с отборными фашистскими полками СС «Берлин» и «Герман Геринг» в районе Бранденбургских ворот, недалеко от рейхстага. О том, что война проиграна, уже понимали даже неопытные подростки из фольксштурма. Но тем яростнее продолжали они сопротивляться, применяя разные уловки. Но на хитрость фашистов наши бойцы отвечали своими неожиданными для врага действиями.

Вот на углу Фридрихштрассе у чудом уцелевшего здания со сводчатыми, мавританского стиля, проемами выросла фигура советского солдата. Это был одноклассник Василия Левашова, призванный так же, как и он, полевым военкоматом после освобождения запорожской земли, командир стрелкового отделения младший сержант Павел Емельянович Волик, уже награжденный медалью «За отвагу» и орденом Славы III степени. Он внимательно огляделся и, махнув рукой следовавшим за ним солдатам, решительно, чуть пригибаясь, побежал на противоположную сторону. Где-то совсем недалеко застрочили вражеские пулеметы, а затем посреди улицы, на аллее с изуродованными пулями и осколками липами, взметнулся черный клуб дыма от разрыва фаустпатрона. Но младший сержант не остановился и не сгорбился, как бывает инстинктивно в моменты мимолетного страха. Это не было каким-то безрассудным бахвальством, ведь кому в эти дни не хотелось сохранить свою жизнь. Это был трезвый расчет, особая, присущая только смелым уловка, хитрость. Павел Волик бесстрашно принял на себя роль «приманки». А гранатометчики быстро вычислили место нахождения огневой точки противника и нанесли в проем бункера свой точный сокрушительный удар. Еще одни фашисты были уничтожены, а 6-я рота без потерь, перебегая стремительно от укрытия к укрытию, продолжила движение дальше к Бранденбургским воротам.

В это время бойцы соседних дивизий (150 *сд* и 171 *сд*) начали штурм рейхстага. Первая попытка, предпринятая утром, была отражена сильным огнем противника. Второй штурм после сильной артиллерийской подготовки передовые отряды начали в 13-30, но лишь отдельные группы советских бойцов смогли проникнуть внутрь огромного здания. И только третий штурм под вечер увенчался успехом. Через пролом в северо-западной стене рейхстага, проделанный саперами 171 *сд*, группа советских бойцов ворвалась в здание. Почти одновременно с центрального входа его штурмовали бойцы 150 *сд* и овладели первым этажом.

Бой еще продолжался, а уже в разных местах были закреплены несколько красных знамен (от полковых и дивизионных до самодельных), но первыми в 14-25 30 апреля 1945 г. водрузили флаг на лестнице главного входа рейхстага лейтенант Рахимжан Кошкарбаев и рядовой Григорий Булатов из 150 *сд*.

В этот день произошел коренной перелом в обороне Берлина. Стрельба и взрывы слышны были лишь в отдельных очагах сопротивления, фашисты, поднимая белые тряпки на штыках своего оружия, начали небольшими группами с поднятыми руками и вывернутыми карманами, выкарабкиваясь из подвалов и укрытий, сдаваться в плен, наперебой твердя: «Гитлер капут». Яростно сопротивлялся только фашистский гарнизон рейхстага.

Но война еще не закончилась. И это понимали все.

Бойцы 1038 *сн*, укрываясь за каждый выступ в стене, за каждую выбоину и груды камней, медленно продвигались вперед. Под ногами хрустели осколки оконного стекла, на головы сыпалась сбиваемая пулями штукатурка и бетонная крошка, а в носу щекотало от едкой тротиловой гари. Наконец впереди, сквозь дым и пыль, проступили очертания Бранденбургских ворот. Оставалось не более 100 шагов, один бросок, но, чтобы дойти до этих проклятых ворот, понадобилось 1410 огненных дней и ночей. Глядя на них, бойцы и командиры молча вспоминали пройденный путь и бесчисленные холмики свеженасыпанной земли с фанерными обелисками, под которыми навечно остались лежать их боевые товарищи.

В каждой дивизии были заранее приготовлены свои штурмовые флаги с указанием принадлежности к своему корпусу и армии. Установить такой флаг 295 *сд* на Бранденбургские ворота вызвался младший сержант Волк. Он зашел за развалины углового дома, достал из-за пазухи красное полотнище и прикрепил его к небольшому древку из ивы, которое заранее подготовил и носил за голенищем сапога. Петельки из суровой нитки Павел Емельянович надежно закрепил в специально сделанных вырезах, чтобы не сорвало сильным ветром.

Справа за углом, где темнела громада рейхстага, с новой силой разгорелась автоматно-пулеметная стрельба, и от камней на мостовой разлетались искры от шальных пуль. Но Волк короткими перебежками устремился вперед. За ним, не отставая, метнулись бойцы его отделения и командир роты. Из развалин углового дома, что приткнулся к рейхстагу, застрочил

Волк
Павел Емельянович

пулемет, но пули со свистом прошли мимо. Младший сержант быстро обежал все шесть колонн, всматриваясь, какая из них удобнее, чтобы подняться наверх. Выбрав одну из центральных с большой выбоиной от попавшего снаряда, Волик попытался влезть по ней на арку. Но не смог. Выбоина находилась выше его поднятых рук. Тогда командир роты присел, Павел взобрался ему на плечи, зацепился за край и, подталкиваемый снизу рядовым Лебедько, легко подтянулся на руках. Но в этот момент еще один немецкий пулеметчик выпустил свинцовую очередь из-за угла высотного дома. На голову бойца посыпалась мелкая каменная крошка. Все ощутили неприятный холодок, пробежавший по спине. Но в это время что-то сверкнуло в том месте, откуда фашист вел свой огонь, раздался взрыв и пулемет умолк.

Стремительным рывком Павел выбрался наверх. С высоты Бранденбургских ворот все выглядело совсем по-иному. Но любоваться не было времени. Осмотревшись, он увидел, что осколки снарядов изрядно изуродовали скульптурную группу, особенно досталось колеснице: от нее и стоящего на ней воинствующего ангела почти ничего не осталось. Пострадали и кони, впряженные в колесницу. Младший сержант тщательно расправил штурмовой флаг дивизии и вставил древко в одну из пробоин, зияющую в голове крайней лошади, чем немало рисковал: мог сорваться вниз с большой высоты. Налетевший ветер подхватил алое полотнище, и оно затрепетало на радость всем бойцам и командирам, добивавшим фашистов в их логове.

К вечеру 30 апреля 1945 г. сопротивление фашистов в рейхстаге заметно ослабело и появилась возможность водрузить Красное Знамя на крыше огромного здания. В каждой дивизии, штурмовавшей рейхстаг, были выделены специальные группы знаменщиков. Одну из них возглавил замполит 1 *сб* 756 *сн* 150 *сд* лейтенант А.П. Берест, который взял с собой двух разведчиков – сержанта М.А. Егорова и младшего сержанта М.В. Кантарию. Огневым прикрытием и обеспечением группы занималась 1-я стрелковая рота под командованием старшего сержанта И.Я. Сьянова. Приказ командира полка был выполнен, и поздно вечером около 22-00 по средневропейскому времени штурмовой флаг 150 *сд* был установлен на фронтоне главного входа в рейхстаг и солдатскими ремнями прикреплен к конной скульптуре Вильгельма.

Это было четвертое по счету знамя из установленных на крыше здания. Первые три были уничтожены в результате немецкого дальнобойного артобстрела, а знаменные группы погибли. Также был разрушен и стеклянный купол здания в центре рейхстага, остался только металлический каркас. Но фашисты, как ни старались, не смогли уничтожить Красное Знамя, водруженное Берестом, Егоровым и Кантария. Об этом

сразу же доложили в Москву, но там была уже ночь 1 мая. И.В. Сталин поздравил всех, уточнил, в каком именно месте установлено Красное Знамя, и посоветовал переустановить его на главном куполе рейхстага.

К этому времени танки 11 *зв.тк.* совместно с частями 5-й ударной армии подошли к имперской канцелярии, рядом с которой в секретном бункере находилась ставка Гитлера, и открыли по ней огонь. Вскоре немецкая сторона по радио запросила советское командование о прекращении огня для переговоров.

1 мая 1945 г., около 03-30 ночи, в штаб 8-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Чуйкова прибыл начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал Ганс Кребс, сообщивший о самоубийстве Гитлера и зачитавший его завещание. Кребс хорошо говорил по-русски, так как еще в 1933-1934 гг. служил помощником военного атташе германского посольства в Москве. Он передал Василию Ивановичу предложение от нового правительства Германии заключить перемирие. Сообщение тут же было передано Г.К. Жукову, который сам позвонил в Москву. Сталин подтвердил свое категоричное требование о безоговорочной капитуляции.

В эту же ночь Йозеф Геббельс, бывший рейхсминистр пропаганды и преемник Гитлера на посту канцлера Германии, сообщил по радио из своего кабинета в бункере о смерти Гитлера и его жены Евы Браун всем действующим немецким войскам и стране. К этому времени в самом Берлине в руках фашистов остались только парк Тиргартен и правительственный квартал. Наступила непонятная и тревожная тишина.

Одновременно с переговорами Йозеф Геббельс, «выполняя волю фюрера», приказал командиру дивизии СС «Нордланд» бригадефюреру СС Густаву Крукенбергу взорвать подземное берлинское метро, чтобы «русские не смогли по его туннелям выйти в тыл, прямо к рейхсканцелярии».

В ночь на 1 мая 1945 г. немецкие саперы взорвали шлюзы одного из многочисленных каналов Берлина. Вода хлынула в подземку. Началось затопление тоннелей и станций берлинского метро, жертвами которого стали не столько советские бойцы, штурмующие немецкую столицу, сколько мирные жители и раненые немецкие солдаты, скрывавшиеся там от артобстрелов и бомбежек.

Весь этот праздничный для советского народа день в Берлине стояла зловещая тишина, нарушаемая только непрекращающимся боем в рейхстаге. Фашисты, засевшие там, не сдавались, поэтому установить Знамя Победы на его куполе не представлялось возможным, хотя командир 756 *сп* полковник Ф.М. Зинченко на повышенных тонах требовал и неоднократно отправлял своих разведчиков на крышу рейхстага, даже ночью без фонарей по железной арматуре под непрерывным прицельным огнем

врага, посылая их на верную смерть. Но каждый раз бойцы возвращались в подавленном состоянии, так и не выполнив поставленную задачу. Полковник в гневе кричал на своих разведчиков, не выбирая выражений, особенно доставалось лейтенанту А.П. Берест, который пытался как-то оправдаться, чем вызывал новую волну отборной брани своего начальника. Но бойцы не обижались, потому что знали, что их командир полка был уже назначен комендантом рейхстага. В одной из таких попыток Алексей Прокофьевич был тяжело ранен.

В первомайский праздник, воспользовавшись временным затишьем, заместитель командира 1038 *сн* майор А.Д. Лысов предложил лейтенанту Левашову вместе побывать в 1 *сб*. Вначале они вместе поднялись на крышу многоэтажного дома и посмотрели, как бойцы приспособились запускать реактивные снаряды прямо с крыши. Затем спустились вниз и по подвалам прошли в первый батальон. Побывав на позициях, побеседовав с бойцами, Василий Иванович вернулся на командный пункт батальона и стал ждать Анатолия Дмитриевича, пока тот что-то объяснял капитану М.А. Золотухину. Лейтенант Левашов не спал уже трое суток, поэтому, пока сидел, задремал. В полусне он услышал тревожный голос комбата:

– Майор Лысов убит!

В полудреме показалось, что это приснилось. Но это был не сон. Командир батальона по телефону докладывал командиру полка о гибели его заместителя. Василия Ивановича провели к месту, где под аркой лежал майор. Выстрелил в него фашистский снайпер из подвального окна дома с противоположной стороны улицы. Никто даже не знал, что там немцы. Это случилось в последний день боев за Берлин.

С ответом Геббельс тянул целый день и только в 18-00 1 мая 1945 г. новое правительство Германии отклонило требование о безоговорочной капитуляции, и советские войска с новой силой возобновили штурм города. В это время в бункере рейхсканцелярии немецкий врач по просьбе Магды Геббельс сделал ее малолетним шестерым детям инъекцию морфина, а потом она раздавила у них во рту ампулы с цианидом, которые ей дал личный врач Гитлера. Затем Йозеф Геббельс и его жена, попросившись, сами приняли смертельную дозу яда. Трупы Гитлера, Геббельса, жен и детей, согласно их посмертному распоряжению, были сожжены охраной СС в воронках от советских снарядов недалеко от запасного входа в бункер, где 2 мая 1945 г. около 17-00 часов советские военные нашли их полуобгоревшие трупы.

В Берлине не осталось ни одного руководителя нацистской Германии. Последним, после самоубийства Геббельса, бункер рейхсканцелярии покинул министр по делам нацистской партии Мартин Людвиг

Борман, пытаясь вырваться из столицы. Но далеко не ушел. Вместе со своими сопровождающими он попал под обстрел советской артиллерии при переходе по мосту р. Шпрее (тоннели метро были затоплены), был ранен и также покончил жизнь самоубийством.

Комендант Берлина генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг остался самым старшим военным начальником в Берлине. Он прекрасно понимал все последствия, которые свалятся на его имя и семью в послевоенной Германии, но все же принял единственное, на тот момент, верное решение для сохранения жизней оставшихся в живых солдат и офицеров гарнизона немецкой столицы.

В первом часу ночи 2 мая 1945 г. радиостанциями 1-го Белорусского фронта было получено сообщение на русском языке: «Просим прекратить огонь. Высылаем парламентариев на Потсдамский мост». Прибывший в назначенное место немецкий офицер от имени командующего обороной Берлина генерала Вейдлинга сообщил о готовности берлинского гарнизона прекратить сопротивление. Ранним утром в сопровождении трех немецких генералов Гельмут Вейдлинг перешел линию фронта и сдался в плен. Находясь в штабе 8-й гвардейской армии, он написал приказ о капитуляции, который при помощи громкоговорящих установок и радио был доведен до частей противника, обороняющихся в центре Берлина.

Часть уцелевших подразделений СС, оборонявших рейхсканцелярию, во главе с бригадфюрером СС Вильгельмом Монке в ночь на 2 мая предприняли попытку прорыва в северном направлении, но были уничтожены и пленены.

К 10-00 часам 2 мая 1945 г. все вдруг стало затихать, прекратился огонь. Еще не зная, что произошло, советские воины увидели, как в окнах домов, из подвалов стали появляться белые простыни. Оттуда и из зданий рейхстага, рейхсканцелярии, Королевской оперы стали выходить с поднятыми руками безоружные фашисты и строиться в колонны. Вначале гордо, с чувством собственного достоинства и превосходства, шли немецкие генералы и старшие офицеры, потом за ними солдаты. Колонны фашистов строем, практически без охраны (2-3 красноармейца), медленно шли... в русский плен. Проходя по улицам Берлина, немецкие генералы надменно поглядывали на измученных, в испачканных, прокопченных, а порой порванных телогрейках и шинелях, в шапках-ушанках, заросших недельной щетиной советских солдат многострадальной пехоты. Эта удивительная картина, после недавних беспощадных боев, не вызывала на лица наших бойцов и командиров ни чувства отвращения, ни чувства мерзости, ни даже желания всех перестрелять за то, что они совершили. Не было даже чувства радости в глазах героев-

освободителей. Только огромная усталость после невероятного напряжения последних уличных боев свалилась на их ссутулившиеся плечи. Никто из них не мог даже представить себе такого огромного количества военнослужащих Германии, которые еще не один день могли оказывать сопротивление советским войскам в Берлине. И это только в центре. Ведь им казалось, что немецкий гарнизон был полностью разгромлен.

Это невиданное шествие продолжалось в течение дня.

Берлин пал к ногам советского солдата, а его гарнизон капитулировал. Для многих бойцов и командиров война закончилась. В городе установилась непривычная тишина.

Во второй половине дня, 2 мая 1945 г., когда немцы в рейхстаге уже сдались, полковник Зинченко приказал сержантам Егорову и Кантария немедленно идти на крышу рейхстага и на самом высоком месте установить штурмовой флаг №5 150 сд 79 ск 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, ставший впоследствии Знаменем Победы.

Подъем по разрушенной лестнице и металлическим переплетам (стекла были выбиты) на такой высоте был долгим и рискованным. Сержант Егоров чуть не сорвался вниз: спасла за что-то зацепившаяся телогрейка...

Прошло больше часа. Все на командном пункте полка, задрав головы вверх, ждали и уже думали, что отважных разведчиков нет в живых. И вдруг на фоне купола рейхстага появились двое. С большого расстояния показалось, что они пляшут, но бойцы старались постоянно двигаться, потому что не все враги еще сдались и была вероятность попасть под пулю фашистского снайпера. Добравшись до самого верха купола рейхстага, Михаил и Мелитон развернули Красное Знамя и помахали им, чтобы все видели, а потом жестко закрепили его прямо в центре. (Через год, 8 мая 1946 г., за водружение Знамени Победы на здании рейхстага указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза всем участникам, в том числе командиру полка полковнику Ф.М. Зинченко и старшему сержанту И.Я. Сьянову. Не награжден был только лейтенант А.П. Берест, и о его заслугах в этом деле редко вспоминали на различных торжественных послевоенных мероприятиях. Но о нем никогда не забывали сержант Егоров и младший сержант Кантария.)

В первые часы после капитуляции Берлина советским бойцам и командирам с трудом верилось, что настало время, когда не падают бомбы, не рвутся снаряды, не раздаются пулеметные и автоматные очереди. Напряжение никак не отпускало, казалось, что вот-вот что-нибудь произойдет. Не верилось, что все для них уже закончилось. Это давала о себе знать усталость от войны. Выручили политработники.

Они стали открыто собирать митинги, всех поздравлять, устраивать салюты. И началось великое ликование победителей. Теперь уже везде стихийно возникали митинги, особенно у рейхстага и Брандербургских ворот. Раздавались салюты из всех видов стрелкового оружия. Многим бойцам и командирам 295 *сд* не удалось дожить до этого светлого дня, но радости оставшихся в живых не было предела. Вместе со всеми ликовал и Василий Иванович Левашов. Он выжил и выполнил данное на могилах своих товарищей обещание – добить фашистскую гадину прямо в ее логове – Берлине. И на стенах рейхстага он написал имена своих погибших в Краснодоне товарищей.

Еще шли ожесточенные бои на улицах Берлина, а командир 1038 *сн* полковник В.Н. Любко и его заместитель по политической части майор Н.А. Сергеев 29 апреля 1945 г. с достойным уважением завидным упорством подписали новое представление к награждению орденом Отечественной войны I степени комсорга своего полка В.И. Левашова, особо подчеркнув, что лейтенант уже дважды награжден орденом Отечественной войны II степени. (Но и это оказалось не пределом. Третий орден Отечественной войны II степени Василию Ивановичу в торжественной обстановке вручили уже в 1985 г. – авт.)

В наградном листе они, в частности, указали:

«В боях на подступах к городу Берлину тов. Левашов непосредственно в действующих подразделениях организовывал комсомольскую работу, нацеливал комсомольские организации и комсомольцев на быстрейшее выполнение боевых задач. За время наступательных боев в комсомольские организации было принято 16 человек. Тов. Левашов большую часть времени проводил в подразделениях, очень часто он находился непосредственно в боевых порядках, своим мужеством и смелостью воодушевлял комсомольскую молодежь на быстрейшее продвижение вперед, к Берлину.

Тов. Левашов достоин правительственной награды – орден Отечественной войны первой степени».

Ни командование дивизии, ни командование корпуса больше изменений не вносили.

Последние остатки немецких частей были уничтожены либо пленены только к 7 мая 1945 г. Единицам удалось пробиться в район переправ через Эльбу, которые удерживали части 12-й немецкой армии генерала Венка, присоединиться к своим и беженцам, успевшим переправиться в зону оккупации американской армии.

8 мая 1945 г. в предместье Берлина Карлсхорсте в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени (9 мая в 00-43 по московскому времени) был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской

Германии и ее вооруженных сил. Германское правительство было распущено, а поверженные немецкие войска сложили оружие. Этот день стал одной из главных дат в истории человечества – Днем Победы.

Как только поступило сообщение по радио об объявлении Победы, все советские воины высыпали на улицы Берлина и начали салютовать стрельбой в воздух. Стреляли из пистолетов, автоматов, винтовок, ручных пулеметов. Палили в небо даже из зенитных орудий. Немецкое население, за слышав стрельбу, в страхе разбегалось по убежищам. С трудом удалось внушить им мысль, что это не возобновление боевых действий, а полное окончание большой войны, полная победа над фашистской Германией.

32-му стрелковому корпусу за отличия при взятии Берлина было присвоено почетное наименование «Берлинский». Командир 32 ск генерал-лейтенант Д.С. Жеребин стал Героем Советского Союза. 295 *сд* была награждена орденом Ленина, а комсорга 1038 *сп* лейтенанта В.И. Левашова приказом по частям 32 ск от 18 мая 1945 г. № 047/н наградили орденом Отечественной войны I степени.

Судьба щадилась Василия Ивановича Левашова – за три года войны ни одного ранения. Он остался жив, и это была самая высокая награда для него, его родителей и друзей. Вскоре грудь молодого лейтенанта украсили медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина» и «За освобождение Варшавы». Не было только ни одной награды за активные действия в комсомольском подполье Краснодона, но это не смущало и не огорчало нашего героя.

295-я стрелковая Херсонская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия была передислоцирована в г. Вюнсдорф, в котором впоследствии расположилось командование Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСВГ, ЗГВ). Штаб, 1040 *сп* и другие части прославленной дивизии размещались здесь до лета 1946 г. Шло сокращение Вооруженных Сил. Дивизию передислоцировали в Северо-Кавказский военный округ в г. Ставрополь, и на ее оставшейся базе создали 30-ю отдельную стрелковую бригаду. Однако в октябре 1953 г. бригада была преобразована вновь в 295 *сд* с сохранением почетных наименований.

Но в 1955-1958 гг. началась и «успешно» проводилась первая послевоенная реформа Никиты Хрущева, в ходе которой прославленную советскую армию, армию победительницу, «резали как по живому».

Хрущев инициировал сокращение Вооруженных Сил на 2 млн 140 тысяч человек. Реформа проходила болезненно. Сокращались не только военно-учебные заведения, различные ремонтные предприятия, но и развернутые боевые части и корабли. Вал сплошной демобилизации породил недовольство среди самой преданной и сознательной категории советских

граждан – офицеров и их семей. Зачастую многих из них, прошедших всю войну, проливших немало крови за свободу и независимость своего государства, своей страны, увольняли без пенсий, жилья и работы, а трудоустроиться самостоятельно многие так и не смогли. Офицеров с семьями просто выбрасывали на улицу, принудительно выселяя их из служебных квартир. Особенно это коснулось закрытых гарнизонов. Из советских воинов-освободителей, которыми гордился весь мир, Никита сделал «свинопасов», рекламируя во всех средствах массовой информации, каких успехов добились подсобные хозяйства воинских частей, и печатая фотографии мордатых послевоенных тыловиков вместе с хряками, даже в газете «Красная звезда». Эта реформа запомнилась многим надолго.

Коснулась она и прославленной дивизии. В 1957 г. она была переформирована в 49-ю мотострелковую и вошла в состав 4-й армии, расположившись в Сальянских казармах г. Баку. Но, когда сменилось руководство страны, в Советском Союзе вспомнили о своей армии-победительнице и впервые за 20 послевоенных лет в Москве и других городах нашей страны 9 мая 1965 г. был проведен Парад Победы, а многим заслуженным соединениям возвращены их номера и почетные наименования. Но прославленным орденоносным полкам 295 *сд*, которые сократили еще в 1955 г., не вернули ни номеров, ни названий, ни орденов.

После распада СССР в 1992 г. техника дивизии была передана Министерству обороны Азербайджана, личный состав был выведен в Россию, а дивизия расформирована.

295-я стрелковая Херсонская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова дивизия, которая победно закончила войну и водрузила Знамя Победы над Бранденбургскими воротами в Берлине, перестала существовать.

«Как мир – так сукины сыны, а как война – так братьцы»

Александр Иванович Лебедь

ДЕЛА ФЛОТСКИЕ

Пройдут годы, исчезнет с земли гитлеровская погань, будут залечены раны, угаснет боль и скорбь, но никогда не забудут советские люди о бессмертных подвигах организаторов, руководителей и членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». К их могиле не зарастет народная тропа.

Газета «Правда»,
13 сентября 1943 г.

Отремели бои. Закончилась Великая Отечественная война. Она, как страшная адская машина, забрала миллионы человеческих жизней. Мир впервые содрогнулся от той коричневой чумы в человеческом обличии, которая чуть было не поглотила все население Земли, если бы на пути ее не стал советский солдат. Но какой страшной ценой далась эта Победа.

Страшная наука – военная статистика. За ее сухими цифрами сотни тысяч и даже миллионы человеческих жизней, искалеченных судеб, огромное море человеческого горя, слез матерей, отцов, жен, детей погибших воинов. Так вот по законам этой науки жизнь солдата и человека на войне быстротечна, особенно в пехоте, где даже жизнь младших офицеров, командиров взводов и рот обрывается в течение одного-двух боев, не говоря уже о рядовых солдатах. Так было и с моим отцом, который в первом бою получил ранение, а его двоюродный брат Андрей стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь, так и не убив ни одного фашиста.

Из небольшого хутора Точеный в Сребнянском районе Черниговской области на войну было призвано более 100 мужчин разных возрастов. Это и не служившие в армии юнцы, которым только еще исполнилось 18 лет, и зрелые мужи, которые оставили свои большие семьи, и те, кто в молодые годы воевал на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, и те, кто ни разу не держал в своих руках винтовки. А когда война завершилась, то домой вернулся только один мой отец. Да, были среди погибших и подонки-предатели, которых прилюдно расстреляли, но основная масса беззаветно и с честью защищала свою землю от фашистской нечисти. И это не в одном хуторе или селе, а по всей округе была такая страшная статистика. На его маму, мою бабушку, долго приходили женщины со всего района посмотреть, как на святую.

Вдумайтесь, люди, из 100 взрослых здоровых мужиков вернулся с войны только **один...**

Основу Группы оккупационных войск в Германии составили войска трех советских фронтов. И если штаб 295 *сд* и ее отдельные части разместились южнее Берлина в г. Вюнндорф, то 1038 *сн* вначале расположился в самой столице Германии, недалеко от центра. Жили солдаты и офицеры не в казармах, а по-городскому, в квартирах с немецкими семьями, которых старались не обижать, а, наоборот, даже подкармливали.

Еще 28 апреля 1945 г. командующий 5 ударной армии – первый советский комендант Берлина подписал и опубликовал свой приказ № 1 «О переходе всей полноты власти в Берлине в руки советской военной комендатуры». И среди немцев быстро распространилась весть о том, что генерал Н.Э. Берзарин, приступив к своим обязанностям, направил свою деятельность не на создание лагерей смерти, а на восстановление разрушенных войной жизненно важных коммуникаций города, налаживание сферы обслуживания населения, снабжение города продовольствием.

Генерал-полковник Берзарин сделал очень много для немецких граждан, обеспечив их водой, продовольствием, работой по восстановлению города, жильем, создал городскую полицию, магистрат и оживил культурную жизнь в городе. Уже 14 мая 1945 г. он вместе с новой дирекцией берлинского метро открыл движение по первой линии, а к концу мая действовали уже 5 линий протяженностью 61 км.

Жители Берлина после пережитых страхов и осознания того, что их всех не пересажают в концентрационные лагеря и не перестреляют, стали даже предъявлять претензии к новой власти и, прежде всего, коменданту города. Особенно этим отличались пожилые горожанки.

Но случилось несчастье. В своей должности Николай Эрастович пробыл всего 54 дня. 16 июня 1945 г. Берзарин погиб в автокатастрофе. На его похороны собралось огромное количество берлинцев. Немцы – люди старшего поколения – говорили, что за всю свою жизнь не видели более массовой похоронной процессии.

Около двух месяцев полк находился в Берлине. Затем поступила команда перебазироваться в г. Эберсвальде, северо-восточнее Берлина. Утром, когда началось построение для следования к новому месту дислокации, Василий Иванович обратил внимание на одну особенность: многих однополчан вышли провожать немецкие женщины и дети. И провожали «советских оккупантов» со слезами на глазах.

Установленных границ оккупационных зон для войск союзников пока не было, и иностранные военные миссии, особенно английские, стали часто появляться в районах расположения советских частей. Это вызвало тревогу нашего командования, и, чтобы ввести в заблуждение разведку «союзничков», наши полки и дивизии постоянно меняли свои места

дислокации. Поэтому 1038 *ст* вначале разместился в военных казармах Эберсвальде, где раньше располагалась немецкая воинская часть. Но вскоре последовал новый приказ, и полк оказался в Цоссене, в 7 км севернее Вюнсдорфа. Этот небольшой город был расположен примерно в 30 км южнее Берлина и был примечателен тем, что на его окраине ранее размещался генеральный штаб сухопутных войск фашистской Германии. Вот на территории его военного городка и расположился прославленный полк.

К концу войны Берлин оказался глубоко в тылу советских войск и, когда Германия была разделена на 4 зоны оккупации (даже Франции досталась доля, хотя она долгое время была союзницей Гитлера и ее отборные части всю войну провоевали на стороне фашистской Германии), ее столица оказалась в центре советской зоны влияния. Сталин мог избавить город от присутствия солдат-союзников, но, по взаимному соглашению стран победительниц, предполагалось, что оккупация Германии будет временной. Побежденная Германия подвергалась полному разоружению, включая уничтожение всех ее военно-промышленных объектов. А через заранее оговоренное время победители должны были покинуть ее территорию, объединив страну в довоенных границах с небольшими изменениями в сторону Польши, Франции и СССР.

Сам Берлин, являясь столицей, имел символический статус для держав-победителей. Поэтому, когда решался вопрос о разделении страны на зоны оккупации, «партнеры» договорились и Берлин тоже поделить (на этом очень настаивал премьер-министр Англии Уинстон Черчилль).

Как и многие политические вопросы, раздел Берлина планировался как мера на короткое время для решения насущных вопросов, но затянулся на многие десятилетия. Как всегда, «надежды не оправдались». Ничего нет более постоянного, чем временное...

(4 апреля 1949 г. США с целью «защиты Европы от возможной угрозы советской экспансии» создали блок НАТО, членами которого на тот момент стали 12 стран под руководством и контролем, конечно, США. А летом этого же года на землях западных зон оккупации и по указке США была создана Федеративная Республика Германия (ФРГ), которая тут же была дружно признана всеми членами НАТО.

Руководству Советского Союза ничего не оставалось делать как 7 октября 1949 г. создать в своей зоне оккупации новое немецкое государство – Германскую Демократическую Республику (ГДР) и предложить «бывшим союзникам-партнерам» вывести свои оккупационные войска из Берлина.

В конце 1949 г. СССР, подавая пример, в одностороннем порядке вывел свои войска и передал свою зону оккупации столицы Германии правительству ГДР. Однако союзники никак не отреагировали и остались в

западных районах города. Сталин начал требовать освободить Берлин и грозился установить блокаду. Но время было упущено. Выгнать американцев и англичан из Берлина уже не представлялось возможным. А ведь в этих районах города за считанные часы до Победы сложили свои светлые головы тысячи наших бойцов и командиров.

Никита Хрущев в 1958 г. также потребовал от США и Англии вывести войска из Западного Берлина, пригрозив решить вопрос силой. Американцы ответили мобилизацией и усилением вооруженной группировки. Берлинский кризис длился до 1961 г., достигнув накала к середине осени. Советская и американская армии простояли в полной боевой готовности, смотря друг на друга сквозь стволы башенных орудий танков на улицах Берлина и у Бранденбургских ворот, всю ночь с 26 на 27 октября. К счастью, советский ультиматум так и не был приведен в жизнь и новая масштабная война не началась. Конфликт закончился строительством Берлинской стены.

12 сентября 1990 г. министры иностранных дел шести государств (ФРГ, ГДР, США, Франция, Великобритания и СССР) подписали договор об объединении двух немецких республик. Попросту говоря, ФРГ поглощала ГДР. В этом документе только пребывание советских войск в Восточной Германии было названо временным. Москва приняла на себя обязательство вывести их полностью до конца 1994 г. Документ, по указанию Михаила Горбачева, подписал Эдуард Шеварднадзе. И Россия добросовестно выполнила, даже раньше срока, вывод своих войск из Германии. Но ее примеру опять никто не последовал. Мало того, в настоящее время членами НАТО являются 32 страны и кандидатами на членство в альянсе: Грузия и Украина. А оккупационные войска США, Англии и Франции так по настоящее время и размещаются на территории Германии и по численности, и по оснащенности даже превышают боевой потенциал вооруженных сил ФРГ.

Как видит дорогой читатель, не только современные лидеры России ошибаются, доверяя своим заокеанским «партнерам», но и всемогущий Сталин, и Горбачев, и Ельцин тоже оказались очень доверчивыми. Можно только «восхищаться мудрости» Иосифа Виссарионовича, что зоны оккупации и в Германии, и в Берлине не выделили Польше, Румынии, Италии и другим странам, чьи малочисленные контингенты воевали против Гитлера в самом конце войны, прекрасно понимая, что разгром фашистской Германии был уже неизбежен.)

24 июня 1945 г. в Москве прошел парад войск на Красной площади, для участия в котором отбирали наиболее высоких и хорошо подготовленных в строевом отношении красноармейцев и офицеров. Лейтенант

Левашов в состав парадной коробки от 1-го Белорусского фронта не попал, но не очень расстроился.

Через месяц 21 июля 1945 г. англичане в своей зоне оккупации, в которую с 6 июня 1945 г. вошли центральные и западные районы Берлина, в том числе Шарлоттенбург, Шпандау, Вильмерсдорф и Тиргартен вместе с зданием рейхстага, провели свой парад в Берлине.

(Парад советских войск и войск союзников, на который по различным причинам отказались прибыть главнокомандующие американец Дуайт Эйзенхауэр и англичанин Бернард Монтгомери, состоялся в Берлине только 7 сентября 1945 г. под руководством Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Завершали этот парад танкисты 2-й гвардейской танковой армии, в парадной колонне которой проследовали 52 самых современных тяжелых танка ИС-3. Это стало неприятным сюрпризом для «союзничков».)

Служба продолжалась. Еще в детстве Василий Иванович Левашов мечтал о море, об этом он как-то рассказал замполиту полка майору Н.А. Сергееву. Николай Александрович по-отечески любил своего помощника по комсомолу и приложил немало усилий, чтобы его мечта сбылась.

Во второй половине августа лейтенанта Левашова вызвал начальник политотдела дивизии полковник Г.Т. Луконин и, как добрый волшебник, объявил свое решение направить его на учебу в Ленинград в военно-политическое училище им. Ф. Энгельса, которое готовило специалистов для Военно-Морского Флота. Радость Василия Ивановича была беспредельна. Он давно уже был готов отбыть в любое место Советского Союза, лишь бы на Родину, а тем более в Ленинград. Из последнего письма отца Василий знал, что его старший брат Николай жив и служит именно там, в великом городе на Неве. Даже в самом фантастическом сне он не мог себе представить такой удачи, такого поворота своей судьбы.

Из Цоссена постоянно улыбающийся и радостный молодой лейтенант выехал в кузове грузовой автомашины своего полка. В Берлине по указанному адресу нашел советскую комендатуру, где заверил командировочное предписание для следования в Ленинград на учебу. Вместе с ним туда же направлялись еще четверо таких же молодых офицеров из других частей. Но добраться к месту назначения было не так просто. Началась демобилизация. Едущих обратно из Европы на свою родину было очень много. Впятером они кое-как устроились в кузове грузовика, который вез домой молодых людей, советских граждан, принудительно угнанных оккупантами в Германию в качестве рабской рабочей силы.

Вначале все в кузове автомобиля были напряжены и неразговорчивы. Многие вспоминали суровые дни рабского труда на немецких господ-фермеров, дни постоянного унижения, оскорбления, издевательств и

избиений за малейшую оплошность, насилия со стороны «хозяев жизни». Но постепенно юноши и девушки, в большинстве своем ровесники молодых офицеров, оттаивали, глядя на сияющие лица своих неожиданных попутчиков, особенно на Левашова, который, как ни старался, не мог скрыть своих радостных эмоций. Его глаза так блестели, что девушки и парни в кузове машины постоянно переглядывались и перешептывались между собой, глядя на него. Это радостное настроение Василия передалось всем попутчикам, особенно девчатам, которые с некоторым кокетством и любопытством стали посматривать на своих красивых и сияющих попутчиков. Но не только сияющие лица молодых офицеров поднимали всем настроение во время движения и остановок, но и их подтянутый, молодецкватый вид. Ведь на груди у каждого из них сияли золотом ордена и медали за совершенные подвиги во имя мира на родной земле.

Объезжая воронки на дорогах и разрушенные мосты по понтонным переправам, кратчайшим путем из Берлина через восточную Германию, а затем через всю Польшу, с запада на восток, двигались они к границам Отечества, иногда узнавая освобожденные поселки и города и рассказывая попутчикам о подвигах советских солдат при освобождении тех или иных населенных пунктов. Особым красноречием отличался лейтенант Левашов. И все, не перебивая, его слушали.

Проезжая столицу Польши – Варшаву, они увидели громадный город, лежащий в руинах. Фашисты постарались. Но поляки уже трудились над его восстановлением. И вот, наконец, польско-советская граница, белорусский город Брест, где их встретили советские пограничники, проверив документы и предписания. Сколько радости и волнения испытал каждый из них, ступая на родную землю.

В Бресте молодые офицеры устроились в вагоны-теплушки воинского эшелона, который вез демобилизованных красноармейцев старших возрастов прямо в столицу. Поезд шел медленно. Он останавливался на каждой станции, и даже на полустанках, и везде его встречали женщины, дети и старики со слезами радости на глазах. Все ждали возвращения своих дорогих и любимых освободителей. Даже те, кто давно получил похоронку, с надеждой сутками находились на этих железнодорожных станциях в ожидании хоть какой-нибудь весточки от знакомых или боевых товарищей своих погибших сыновей и мужей. А на больших станциях собирались огромные толпы народа с обязательными оркестром, цветами и митингами. Это всеобщее ликование советского народа на всю жизнь запомнилось Василию Ивановичу Левашову.

Только в Москве, переехав столичным метро-музеем с Белорусского вокзала на Ленинградский, они сели в нормальный пассажирский поезд.

Правда, все вагоны были переполнены, и посадка далась с трудом, но ребятам было не до комфорта. Скорее бы попасть в Ленинград. И чем ближе подъезжали к городу-мученику, городу-герою, тем больше детских воспоминаний будоражило память нашего героя. Он откровенно, не утаивая даже деталей, рассказывал своим попутчикам о своем старшем брате, о детских годах, проведенных в Краснодаре. Они не виделись с Николаем с первого дня войны, когда тот, прервав свой первый офицерский отпуск, вернулся в Ленинград. Радостное предчувствие от встречи с братом повышало настроение, и счастливые эмоции переполняли всего Левашова. Детские воспоминания нахлынули на Василия и он, не стесняясь, рассказывал своим новым товарищам и друзьям, как доставалось старшему брату Коле от мамы за проказы младших, особенно за него – непоседу, как он решал им задачки по арифметике и по физике, потому что учился почти на одни пятерки, как убегал от младшего брата Толи на речку купаться и многое, многое другое.

Только в первых числах сентября 1945 г. молодые офицеры, наконец-то, прибыли в Ленинград. В городе еще многое напоминало о 900-дневной страшной блокаде. Жители, пережившие эту трагедию, рассказывали эпизоды, которые даже их, видавших виды фронтовиков, приводили в ужас. Но ленинградцы гордились тем, что отстояли свой город. Даже приблизительные цифры жертв голодной блокады тогда не назывались. Горькая правда воспринималась нелегко. Но город залечивал раны. Жизнь все более нормализовывалась.

Ленинградское военно-политическое училище (ЛВПУ) им. Ф. Энгельса располагалось в центре великого города на Съездовской линии Васильевского острова в здании первого губернатора Петербурга, ближайшего друга и соратника Петра I Александра Даниловича Меншикова (в 1732 г. в Меншиковском дворце был открыт Первый кадетский корпус, из стен которого вышли полководцы П.А. Румянцев, А.В. Суворов и многие другие великие личности России. Но об этом Василий Иванович узнал гораздо позже, когда дворец стал музеем).

Учиться молодым фронтовикам предстояло на офицерских курсах культпросветработников для ВМФ. Но только после начала учебы, на которую они опоздали, так как занятия начались строго 1 сентября, лейтенанты по достоинству смогли оценить все достоинства будущей профессии.

Еще по дороге в Ленинград Василий Иванович почувствовал себя плохо, у него поднялась температура. Вначале он не придавал этому значения, но болезнь брала свое, сказались огромные физические и моральные нагрузки военного времени. Его зачислили слушателем, показали учебные классы, ознакомили с распорядком дня и выделили комнату в офицерском общежитии, но лейтенант Левашов не успел насладиться

первыми занятиями, как болезнь свалила его. Василия всего ломало, трясло, а сильный жар и пот не давали возможности не только тихо сидеть на занятиях, но и спать. Василий пытался сопротивляться, он вспоминал зимние днепровские плавни, преодоление черноморских лиманов по пояс в ледяной воде. Ему самому было очень странно, что он заболел. Ведь всю войну, несмотря на ее тяготы, никакая «зараза» к нему не приставала. А здесь, находясь в нормальных бытовых условиях, он, боевой офицер, оказался на больничной койке в лазарете училища, куда Василия привели товарищи прямо из учебной аудитории.

Врачи быстро определили, что у лейтенанта Левашова малярия, и сразу же направили его на санитарной машине в окружной эвакогоспиталь № 992, стационар которого располагался на улице Гороховой, почти в центре города, недалеко от Эрмитажа. Лечили молодого лейтенанта-героя долго и только 22 сентября 1945 г. выписали с улучшением здоровья, направив к месту учебы.

Пока Левашов боролся с болезнью в госпитале, его друг, лейтенант Скоков, по просьбе Василия Ивановича разыскал старшего брата Николая, который перед самой войной окончил Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии им. А.А. Богданова и при распределении за отличную учебу был оставлен в своем же училище на должности командира взвода.

Во время обороны Ленинграда из курсантов училища был создан дивизион особого назначения, сражавшийся за город, а потом на его базе – Лужский бригадный район ПВО. В этом районе, отражая атаки фашистских стервятников, воевал, командуя зенитно-артиллерийским взводом, военный техник второго ранга (лейтенант) Н.И. Левашов.

В начале августа 1941 г. согласно приказу Генерального штаба РККА Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (ЛАТУЗА) было эвакуировано в Сибирь. Курсанты и офицеры училища, защищавшие Ленинград, погрузив на платформы всю свою материально-техническую базу, были направлены в г. Томск.

22 августа 1941 г. все училище прибыло на станцию разгрузки, а горисполком распорядился предоставить для подготовки офицеров-зенитчиков корпуса Томского индустриального института. Под училище был освобожден весь главный корпус, а в его актовом зале разместили зенитные пушки. Здесь и продолжилась служба Николая Левашова. Его неоднократные просьбы-рапорта о направлении на фронт командование училища так и не удовлетворило, назначив его, впоследствии, начальником лаборатории ремонта ПУАЗО (приборы управления артиллерийским зенитным огнем).

(В начале войны в Томске в ЛАТУЗА работала телефонисткой Мария Васильевна Октябрьская, которая после гибели мужа - полкового комиссара, сдала в фонд обороны все свои сбережения, на которые по разрешению И.В. Сталина был построен танк «Боевая подруга». На этом танке М.В. Октябрьская механиком-водителем ушла на фронт. В январе 1944 г. она была тяжело ранена в бою под деревней Крынки (под Смоленском) и умерла в госпитале от тяжелых ран. За проявленный героизм в бою Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1944 г. сержанту М.В. Октябрьской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.)

За годы войны училище подготовило тысячи офицеров для войск ПВО. Многие из них сражались на фронтах Великой войны. Когда сняли блокаду Ленинграда, встал вопрос о возвращении училища обратно, но война еще продолжалась и фронту постоянно не хватало офицеров-зенитчиков, поэтому вопрос о передислокации отложили до лучших времен.

Радостное известие об окончании Великой Отечественной войны и безоговорочной капитуляции Германии курсанты встретили в Томске. Вскоре офицерские погоны получили выпускники последнего набора по ускоренной программе, и уже 26 июля 1945 г., загрузив в вагоны свое имущество и материальную часть, попрощавшись с гостеприимными жителями и руководством города, Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии им. А.А. Богданова в полном составе двинулось в обратный путь к месту постоянной дислокации.

В начале августа 1945 г. ЛАТУЗА возвратилось в Ленинград, и занятия возобновились в уже восстановленном здании по ул. Мира, 15, в Петроградском районе – в историческом центре города недалеко от Петропавловской крепости.

Николай Иванович, как только узнал, что его младший брат Василий находится в Ленинграде, сразу же навестил его в госпитале. Братья обнялись. Им было о чем рассказать друг другу, особенно Василию Ивановичу, который так много пережил за эти годы.

Они долго говорили в первый вечер. Старший брат рассказал, что еще в мае 1942 г. познакомился в Томске с молодой, симпатичной девушкой-сибирячкой, которая была одногодкой Василия, и звали ее Галина Константинова. Она родилась 12 ноября, поэтому в то время ей было всего 17 лет. Они долго встречались. Через год городской ЗАГС Томска пошел навстречу молодым влюбленным и 13 апреля 1943 г. зарегистрировал их семейный союз. Вместе с родственниками невесты и друзьями Николая молодожены скромно отметили свое первое семейное торжество. Через год в августе 1944 г. в молодой семье родился сынок, которого назвали Александром, но с первых дней своей маленькой жизни он серьезно

заболел и постоянно плакал. Молодые родители не понимали и не знали, как ему помочь. Болезнь протекала тяжело, а заключение врачей – менингит вовсе привело их в отчаяние. Не прожив и пяти месяцев, Сашенька умер. Велико было горе родителей и ближайших родственников Галины. В августе 1945 г. старший техник-лейтенант Н.И. Левашов и его жена вместе со всем училищем переехали в Ленинград. Молодой семье командование выделило небольшую коммунальную квартиру при училище.

От брата Василий также узнал, что в его училище успешно осваивают специальность зенитчика его друзья-молодогвардейцы Георгий Арутюнянц и Анатолий Лопухов. Это сообщение вызвало бурю восторга у больного, но он попросил пока ничего о нем им не рассказывать до выздоровления. Хотел сделать сюрприз.

Николай еще не раз приходил навестить брата в госпитале. Этих встреч Василий также ждал с нетерпением, ведь и ему надо было высказаться, поведать родному человеку, тем более офицеру-фронтовику, о своих переживаниях. Ведь он так долго этого ждал. Старший брат всегда внимательно его слушал, понимая, что этими переживаниями он мог поделиться только с ним, и, когда Василия определили на выписку, приехал в госпиталь на автомашине и отвез вначале к себе домой, где их встретила молодая хозяйка с накрытым праздничным столом, чем немало смутила лейтенанта Левашова. Галина Николаевна, несмотря на свой возраст, была прекрасной домохозяйкой, поэтому к их приезду напекла вкусных пирожков, запах от которых стоял даже в коридоре. Василию Ивановичу сразу же понравилась невестка: красивая, добрая, умница, да к тому же прекрасно играла на гитаре и танцевала. Не женщина, а клад для культпросветработника, которым он собирался стать. Он даже в душе немного позавидовал брату и порадовался за него.

Но впереди предстояла новая интересная встреча. А пока, как ни прискорбно, надо было возвращаться в родное училище и доложить о выздоровлении командованию. Когда он болел, его новые друзья-офицеры уже постигали науку. Поэтому Левашову предстояло наверстать упущенное и быстро включиться в учебный процесс. Ведь впереди им предстояло прослушать курс лекций по истории живописи, музыки, театра, кино. И одновременно с этим познакомиться с коллекциями живописи Эрмитажа и Русского музея, с выдающимися музыкальными произведениями, которые в этот период исполнялись в филармонии, в театрах оперы и балета. Для чтения лекций привлекались лучшие культурные силы города, использовались все его богатейшие возможности.

В один из свободных вечеров на квартире у брата Левашов встретился со своими краснодонскими друзьями, для которых эта встреча

стала полной неожиданностью. Василий Иванович по этому случаю надел свой офицерский парадный мундир с орденами и медалями. Сколько было радостных объятий, даже слез, а потом полились воспоминания. В основном рассказывали курсанты Георгий и Анатолий, а остальные их внимательно слушали. И горечь от утраты друзей-молодогвардейцев как-то отходила на второй план. Расставались они теперь ненадолго.

С этого момента маленькая квартира брата стала местом постоянных встреч, тем более сюда всех тянуло воспоминание о вкусных Галиных пирожках. Но это ее не утомляло, хотя она уже была в положении. Наоборот, ей очень нравилось встречаться с родственниками и друзьями мужа, накрывать на стол, тем более что Василий и ребята никогда не приходили с пустыми руками. Праздник души продолжался.

От друзей-молодогвардейцев Василий Иванович узнал, что ребята уже успели повоевать, были ранены и в середине ноября 1944 г. поступили в училище ПВО. Учеба вначале давалась нелегко, потому что Георгий в школе больше увлекался гуманитарными науками, а Анатолию война так и не дала получить полноценное среднее образование. Но они старались. Даже однажды, после встречи со студентами Томска, они попросили оказать им помощь в изучении точных наук. На их просьбу откликнулись не только студенты, но и преподаватели Томского университета. И вскоре курсанты выровнялись в учебе. К тому же сдержанность и рассудительность помогли им быстро войти в жизнь училища и завоевать авторитет у товарищей и командиров. Вскоре их избрали в руководящие комсомольские органы. Лопухов стал хорошим организатором физкультурно-массовой работы, а Арутюнянц успешно занимался политическими информациями и выпуском боевых листов.

В феврале 1946 г. всем слушателям после сдачи зачетов и экзаменов был предоставлен каникулярный отпуск. Лейтенант Левашов поехал домой, в Краснодар, где он не был больше трех лет. Ведь уходил он из города 2 января 1943 г., когда начались аресты. Сколько событий произошло за этот срок.

И вот снова он в отчем доме. Трудный послевоенный год. Во всем

Левашов
Василий Иванович

видна бедность, разруха. Всюду свежие раны, нанесенные войной. Из писем отца он знал, что младший брат Анатолий уже служит в рядах РККА. Но радости родителей и друзей-молодогвардейцев, находившихся в это время в Краснодаре, не было предела. В день приезда он долго беседовал с отцом. Иван Иванович рассказывал сыну о фашистских застенках, где ему трижды довелось побывать. По свежим следам он видел результаты пыток молодогвардейцев. Когда отца арестовали в последний раз, в камерах уже никого не было. Он понял, что всех расстреляли и что его ждет та же участь. Спас случай. В камеру, где он находился, вошел пьяный полицейский, который оказался их соседом и хорошо знал Ивана Ивановича, он то и помог выбраться на волю.

Дом Левашовых не пустовал ни минуты: приходили родственники, родители погибших товарищей и просто знакомые. Всех интересовало, как сложилась его жизнь и служба, любовались на его ордена и медали, офицерскую форму, а многие просто хотели вместе с родителями порадоваться, что Василий, несмотря ни на что, остался жив и стал настоящим героем. Нелегким стало для лейтенанта это первое послевоенное пребывание в Краснодаре. Все разговоры вольно или невольно возвращались к трагедии, к героической гибели друзей, товарищей по подполью.

Вернувшись в Ленинград, Василий Иванович продолжил учебу, а 29 марта 1946 г. вместе с братом и друзьями радовался замечательному событию – рождению племянника, которого назвали Владимиром. Галина Николаевна родила его в Краснодаре у родителей мужа, куда ее отвез заранее брат Николай. Радостные старики впервые держали на руках внука и очень строго следили за своей невесткой, всячески оберегая ее. Ведь старшей невестки, жены Петра, и внука Геннадия они так и не увидели, Александру и Любе «бог не дал детей», а сын Володя давно умер. А тут такое счастье и радость.

Этот год в жизни лейтенанта Василия Левашова был насыщен разнообразными событиями. И прежде всего – выход в свет романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия», в котором автор талантливо изложил историю подпольной молодежной организации Краснодона, допуская, конечно, определенный художественный вымысел. Но для Василия Ивановича это произведение стало откровением, потому что автор на страницах книги о нем ни разу не упомянул и многие реальные события изложил исторически неверно. И хотя роман получился пронзительным и ярким, это вызвало критику со стороны родителей погибших и оставшихся в живых молодогвардейцев.

Несмотря на это книга сразу же завоевала огромную популярность в народе. Ее запоем читали взрослые и школьники, рабочие и колхозники,

студенты и интеллигенция. Автор, описывая события оставления без боя Краснодона нашими войсками, бегство милиции, советских и партийных работников, не побоялся предупредить общество об угрожающих ему болезнях. И в то же время на страницах своего романа он восхищался смелостью и мужеством молодых людей, еще школьников, которые не побоялись бросить вызов самому озверелому врагу – фашизму.

Василий Иванович не стал писать никаких опровержений, прекрасно понимая, что А.А. Фадеев был введен в заблуждение, потому что не все знал, тем более в Краснодоне погиб его двоюродный брат Сергей Левашов. Об этом он и рассказал удивленному руководству училища, и его слова подтвердили Арутюнянц и Лопухов, о которых в своей книге не забыл упомянуть писатель. С этого момента командование ЛВПУ им. Ф. Энгельса стало посылать запросы и представления во все высокие партийные и комсомольские инстанции, настойчиво требовать справедливости по отношению к одному из создателей и руководителей «Молодой гвардии» и награждения нашего героя. Результат их работы не заставил себя ждать: приказом Украинского штаба партизанского движения от 8 мая 1947 г. Василий Иванович Левашов был, наконец-то, награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени (хотя всех остальных молодогвардейцев, в том числе и выживших, наградили медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и орденами, но и это обстоятельство ничуть не смутило лейтенанта Левашова).

Летом этого же года, завершив обучение в ЛАГУЗА, свои первые офицерские погоны младшего техника-лейтенанта получили Георгий Минаевич Арутюнянц и Анатолий Владимирович Лопухов, и незадолго до окончания училища Арутюнянц был принят кандидатом в члены ВКП(б). Но со своим училищем героин-молодогвардейцы не расстались. Георгия оставили служить вначале в лаборатории на одной из технических кафедр (цикле), а позже избрали секретарем бюро ВЛКСМ своего же 1-го курсантского дивизиона. Анатолий Лопухов был назначен командиром курсантского взвода, затем, как и Георгия, его избрали секретарем комсомольской организации другого учебного дивизиона, а позже, в начале 1950-х гг., назначили помощником начальника политотдела училища по работе среди комсомольцев. В 1948 г. А.В. Лопухов стал членом Коммунистической партии.

После окончания училища по просьбе Василия Левашова Георгий Арутюнянц приехал в Москву. Вместе они снова были на приеме в ЦК

ВЛКСМ, беседовали с руководящими работниками, доказывая, что подлинным комиссаром «Молодой гвардии» был Виктор Третьякевич, но им опять строго указали и провели «разъяснительные» беседы, на которых Георгий Минаевич скромно отмалчивался, прекрасно сознавая, что та слава и те награды, которыми он был удостоен, не вполне соответствовали его роли в деятельности подпольной молодежной организации Краснодона. А Василий Иванович не стал молчать. Он просил, доказывал, требовал восстановить честное имя комиссара «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича. Но, к сожалению, в тот момент к его мнению никто не прислушался, а его «упертость» вызывала только раздражение партийных функционеров.

К началу нового учебного года, 1 сентября 1946 г., брата Николая направили на учебу в г. Тула на годичные курсы в инженерную Высшую офицерскую артиллерийскую школу (ВОАШ) при Тульском оружейно-техническом училище (ТОТУ) им. Тульского пролетариата, после окончания которых он возвратился в свое же училище на должность начальника цеха учебно-производственных мастерских.

(В 2010 г. прославленное училище, просуществовавшее 141 год, было расформировано по распоряжению новых правителей России, а его дела сданы в Центральный архив МО РФ. За прошедшие годы было осуществлено 170 выпусков оружейных мастеров, воентехников, офицеров-инженеров для русской, советской и российской армий. Это к тому, дорогой читатель, что, как бы нам не рассказывали красивые «сказки» по СМИ, у нашей пехоты, которая несет основные потери в ходе СВО на Украине, очень много претензий к точности стрельбы наших артиллеристов, ведь им приходится учиться уже в ходе боевых действий.)

Учеба в Ленинграде на офицерских курсах продолжалась полтора года. В марте 1947 г. состоялся выпуск и назначение. К этому сроку в училище прибыли офицеры отдела кадров из политуправления Военно-Морского Флота. Василия Левашова на беседу вызвали первым и предложили перейти на службу в Военно-Морской Флот на любой из четырех флотов.

Служить в ВМФ на военных кораблях он мечтал еще с детства, теперь такая возможность представилась, и он выбрал Черноморский флот. За годы учебы он сдружился с лейтенантом Сидоренко, поэтому попросил кадровиков вместе с ним на ЧФ направить также и Ивана. Кадровики рассмеялись такому нахальству, но просьбу уважили.

Уже в середине марта друзья прибыли в Севастополь. Поезд пришел ночью, поэтому до утра они просидели в деревянном временном сооружении вокзала, больше напоминающего сарай. Когда рассвело, вышли взглянуть на красавец-город. А города-то нет. Кругом руины.

В подавленном состоянии от увиденного друга кое-как разыскали штаб флота и в тот же день получили назначение: Иван Сидоренко – на крейсер «Молотов», Левашов – на крейсер «Ворошилов», только Василия уговорили снова вернуться на комсомольскую работу. Поэтому около года он был комсоргом крейсера и только потом был назначен начальником клуба учебного корабля «Волга». Это было как раз то, чему их учили в Ленинграде.

Жизнь офицера-морьяка своеобразна. У несемейных местом проживания был корабль, на котором они находились все время: на службе и вне службы. Отдельная небольшая комната в офицерском

общежитии ЛВПУ им. Ф. Энгельса с кроватью, столом и необходимой мебелью теперь казалась дворцом. Иногда холостых офицеров отпускали на берег, как рядовых матросов. И оказалось, что в Севастополе осталось еще много мест, где можно было интересно и весело провести время: сходить в гости или в кино, на концерт в Дом офицеров или на танцы. Молодые офицеры быстро освоились, и, хотя город, некогда очень красивый, был сильно разрушен фашистами в период его блокады, жизнь все равно пробивала себе дорогу.

Все основное время отдавалось службе, даже если корабль находился в базе. А когда выходил в море, то, разумеется, никакого схода на берег быть не могло. В этом и были своеобразие и основная трудность корабельной службы.

Два с половиной года службы на кораблях Черноморского флота остались в памяти Василия Ивановича впечатляющими. Прежде всего потому, что были сильны и привлекательны флотские традиции. Необычная моральная атмосфера – коллективизм, взаимовыручка, удаль, а иногда и веселые розыгрыши, «подначки» в кают-компани. Хорошую, беззлобную шутку он любил, а завистников и недоброжелателей на корабле не было, к тому же лейтенант Левашов любил море. Оно привлекало его и в шторм, и в тихую погоду.

В конце 1947 г. ему, наконец-то, присвоили очередное звание старшего лейтенанта корабельной службы и предоставили отпуск зимой, как самому молодому члену экипажа.

Левашов
Василий Иванович

Теперь он прибыл в Краснодар в морской форме. Одновременно с ним с Тихоокеанского флота тоже в отпуск приехал самый молодой из подполковников, к тому времени летчик морской авиации лейтенант Юркин Радий Петрович, и тоже в морской форме. Вместе друзья и проводили отпуск.

В середине января 1948 г. родители погибших молодогвардейцев поселились в Первомайке в день пятой годовщины со времени гибели своих детей устроили поминки, пригласили священнослужителя. Узнав об этом, Радий и Василий тоже подошли к дому, где поминали их товарищей. Священника они не застали, а большинство собравшихся родственников погибших ребят были еще за столом. Родители молодогвардейцев были благодарны ребятам за то, что они пришли их поддержать и помянуть их детей. В ходе разговоров и возникла идея о том, чтобы Юркин и Левашов во время отпуска навестили всех родителей погибших ребят. Они пообещали и, начиная со следующего дня, стали посещать по две семьи ежедневно. Нелегкая это была миссия. В каждом доме с их приходом – слезы, воспоминания. Потом угощение. И так ежедневно до конца отпуска.

Служба на флоте продолжалась. В начале 1949 г. к Василию Ивановичу на корабль пришел старший лейтенант Иван Сидоренко, который рассказал, что подал документы для поступления в Военно-политическую академию, и стал склонять своего друга к такому же решению. Левашов долго сопротивлялся, но все же согласился.

Попытка оказалась удачной. Еще летом они уехали в Москву и оба поступили в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. 1 сентября 1949 г. начались занятия и четырехлетняя столичная жизнь. Цивилизация столицы очень нравилась Василию. Это не крохотная каюта на корабле, а отдельная меблированная комната практически в центре Москвы. И не беда, что кухня, туалет, умывальник и душевая на этаже офицерского общежития на всех, зато постоянно есть горячая вода. Столичная жизнь постепенно улучшалась и радовала молодых офицеров, тем более театров и музеев здесь было не меньше, чем в Ленинграде, а встречи с писателями, знаменитыми актерами, музыкантами и другими деятелями искусства были постоянными.

Однажды слушатели встречались с писателем М.А. Шолоховым. Учитывая популярность автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в народе, интерес к предстоящей встрече был велик. Зрительный зал клуба академии был переполнен и не вмещал всех желающих. Но друзья все же попали на эту встречу. Все, о чем там говорилось, было интересно. Однако Левашову запомнился надолго ответ Шолохова на вопрос одного из слушателей: «Собираетесь ли Вы создать образ великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина в своих произведениях?»

Зал затаил дыхание. Встреча происходила при жизни Сталина. Но мудрый и опытный Михаил Александрович уклонился от прямого ответа, сказав, что о таком человеке писать еще рано. Но из его ответа Василию стало понятно, что писать о нем он не хочет и никогда не будет. Так оно и произошло.

Василию Ивановичу шел двадцать восьмой год. У брата уже двое – в 1948 г. родилась доченька Ниночка, любимая племянница. Давно пора обзаводиться семьей, но он все оттягивал, оправдывая себя материальными трудностями. К сожалению, хоть профессия защитника Родины и является весьма почетной, но денежное содержание русского и советского офицера всегда было довольно скромным. К тому же он ежемесячно высылал родителям примерно треть своей офицерской получки. Но жизнь не остановишь.

Однажды в сентябре 1951 г., когда он учился уже на третьем курсе, новый товарищ по общежитию Николай Борисов пригласил Василия в гости к своей знакомой девушке Тамаре Левитиной. Она ему нравилась, но ему не терпелось узнать мнение Левашова о ней. Николай по телефону заранее договорился и предупредил свою подругу, что будет не один. Жила Тамара рядом со станцией метро «Красносельская».

Друзья предварительно зашли в магазин и на последние деньги купили вина и конфет. Но Тамара была не одна. За столом сидела совсем еще юная, светловолосая, с красивой косой, очень симпатичная девушка. Василий подумал, что она здесь случайно и скоро уйдет. Но она не уходила. При знакомстве назвала себя:

– Неля Пименова.

В ходе общей беседы, к удивлению Левашова, выяснилось, что девушка студентка третьего курса пединститута и ей, соответственно, уже не шестнадцать лет, как вначале показалось Василию.

Когда стали расходиться, он, как истинный русский офицер, пошел ее провожать. Расставаясь, условились о новой встрече. Подружились, а в следующем году, 3 августа 1952 г., поженились. Свадьбы в Москве, к сожалению, не было, ее решили провести в Краснодаре у родителей, куда сразу же выехали, потому что у Левашова шел очередной отпуск. Там, в кругу семьи и близких родственников, скромно отметили свое первое семейное торжество.

Следующий учебный год был для Василия и Нели завершающим, выпускным. Жили они у ее родителей недалеко от станции метро «Сокольники», в доме на 1-й Боевской.

Отец Нели, Дмитрий Федорович Пименов, 50-летний пенсионер, полковник запаса, к тому времени нигде не работал. Еще до Великой войны

он служил в политуправлении Юго-Западного фронта в Киеве, где и родилась Нинель Дмитриевна. Во время войны ему удалось выйти живым из окружения и продолжить службу в своей должности. Но походная жизнь, хоть и не окопная, все же отразилась на его здоровье, он стал часто болеть. Поэтому в конце 1944 г. Дмитрий Федорович был назначен на должность начальника политотдела Высшего училища военных капельмейстеров Красной Армии (Военный институт военных дирижеров) в Москве, которому в августе 1945 г. было торжественно вручено Боевое Знамя. В ноябре 1946 г. училище переименовали в Высшее училище военных дирижеров Советской Армии, но начальником политотдела назначили уже другого офицера-политработника, а полковник Пименов завершил свою службу.

Мать Нели, Анна Григорьевна Пименова – русско-польско-украинского происхождения. В девичестве Квитницкая. Среди ее предков – известный в истории генерал И.В. Гурко, участник освобождения Болгарии от турецкого ига.

Родилась Нинель Дмитриевна 16 ноября 1930 г. в Киеве. Во время Великой Отечественной войны находилась с матерью в эвакуации в Оренбургской области, пока отец был на фронте. В 1944 г. в Москве в семье Пименовых родился сын Владимир – младший брат Нели.

В том же 1952 г. В.И. Левашов еще раз приехал в Краснодар. 6 октября умер его отец, и ему пришлось срочно вылетать на похороны. Много в жизни пришлось пережить Ивану Ивановичу, но больше всех досталось ему из-за сына Василия. Но никогда тот не слышал от отца даже намека на упрек, хотя и понимал, что доставил своим родителям много хлопот.

В Краснодар на похороны отца собрались впервые после войны все братья Левашовы, а Александр и Николай приехали со своими семьями. Племянники Василия Ивановича, Володя и Нина, рассказали дяде, как они живут весело в общежитии, бегают на берег Невы, по Петропавловской крепости в Ленинграде и уже собираются в школу № 81. Капитан Н.И. Левашов так же, как и брат, заканчивал в следующем году учебу в Военно-транспортной академии им. Л.М. Кагановича, автомобильный факультет. Александр Иванович вместе с женой преподавали в школе г. Копычинцы Тернопольской области Украины, а самый младший – Анатолий, единственный из братьев, пошел по стопам отца – вернувшись из армии, стал шофером и собирался жениться.

В марте 1953 г. умер И.В. Сталин. Это событие всколыхнуло всю страну и застало старшего лейтенанта Левашова в Москве. Столица за всю свою историю не видела подобных массовых шествий москвичей и приехавших из других городов и сел советских граждан. Десятки тысяч людей колоннами двигались к центру для прощания с вождем. Не

все было предусмотрено на маршрутах движения колонн, и на Самотечной площади в давке погибло много людей. Неля тоже двигалась в колонне, но ее перед входом на площадь случайно вытолкнули, и она вернулась домой вся в слезах от обиды и горя. Если бы не эта случайность, то она погибла бы в людской давке.

Вся страна скорбела в связи со смертью человека, которого через некоторое время назовут «тираном, повинным в гибели огромного количества людей». Василий Иванович вместе со всеми разделял скорбь, и это чувство было острым, так как пять месяцев назад он похоронил отца, поэтому, наверное, единственный из слушателей академии не пошел в Колонный зал Дома Союзов проститься с покойным вождем, но об этом никому не рассказывал, даже в семье.

В июле этого же года, после сдачи выпускных экзаменов слушателям академии объявили о том, что в Москве бывший соратник Сталина, «главная фигура его кровавых злодеяний», Л.П. Берия «предпринял попытку захватить власть в стране». Но ему это не удалось.

Молодость брала свое, и хороших новостей было гораздо больше: в мае у старшего брата, несмотря на «финансовые трудности», родилась еще одна доченька, которую называли Татьяной; оба брата окончили академии и были распределены: Николай – начальником дивизионной авторемонтной мастерской в г. Пушкин Ленинградской области, а Василий – на Краснознаменный Балтийский флот. Окончила педагогический институт и Нинель Левашова.

Чем особо радуется учеба в академии, так это отпуском, который всегда выпадает на лето. Так что после выпуска молодая семья Левашовых весь жаркий август провела у мамы Василия в Краснодоне. И уже оттуда в первых числах сентября поездом они вдвоем прибыли в Таллин. На вокзале их встретила подруга Нели, с которой вместе учились в институте. Она-то и помогла молодой семье моряка снять комнату.

На следующий день старший лейтенант Левашов определился с назначением. В штабе флота его назначили заместителем командира по политчасти эскадренного миноносца «Стойкий» с местом базирования в г. Таллин. Корабль был сравнительно новый, послевоенной постройки. Большую часть времени Василий Иванович проводил на корабле. Приходил домой только поздно вечером, и то через день или два, если корабль находился в базе у причала. Еще реже удавалось покинуть корабль и повидать молодую жену, если он стоял на якоре на рейде. А через два месяца эскадренный миноносец «Стойкий» с экипажем вообще ушел в Кронштадт для проведения доковых работ. Нинель уехала в Москву к родителям. Вот так началась нелегкая семейная жизнь жены

морского офицера. По специальности устроиться на работу негде. Или жди месяцами на берегу или поезжай к родителям, если есть возможность. А если такой возможности нет?

После возвращения из Кронштадта эскадренный миноносец часто уходил на боевое дежурство в море, в другую базу, а то и на другой флот. В это время Нинель уезжала в Москву, и не только от того, что не было рядом любимого человека, но и потому, что ее отношения с эстонским населением были прохладными – их задевало незнание русскими эстонского языка, особенно при посещении различных магазинов, где в основном работали местные жительницы. Как ни странно, мужчинам, особенно военным, да еще морякам, этот недостаток прощался, их обслуживали всегда с улыбкой и кокетством, а вот русских женщин молодые эстонки терпеть не могли.

В начале весны 1954 г. в молодой семье Левашовых произошло большое радостное событие – 22 марта родилась доченька Машенька, которую назвали так в честь бабушки – мамы Василия Ивановича. Нинель рожала в Москве у родителей, а Василий, как обычно, находился на своем корабле и узнал о рождении дочери из телеграммы. Это событие хорошо отметили в кругу друзей, и к приезду жены и дочери командование выхлопотало для его семьи отдельную комнату в коммунальной квартире в центре города на улице Лембиту, куда и привез Нелю с Машенькой «молодой» папаша.

Осенью 1954 г. В.И. Левашов за успехи, достигнутые в боевой и политической подготовке, поддержании высокой боевой готовности корабля, был награжден медалью «За боевые заслуги».

В это время в стране по инициативе Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева происходили бурные политические события, связанные с осуждением культа личности Сталина. Никита Сергеевич постарался сделать все, чтобы унижить «вождя всех народов», генералиссимуса и растоптать все достижения, достигнутые страной во время его правления, абсолютно не понимая, какой вред наносит всему освободительному и коммунистическому движениям в мире, которые многократно возросли после победы советского народа под руководством именно И.В. Сталина во Второй мировой войне.

Внутриполитическая обстановка в стране в определенной степени отразилась на боеготовности вооруженных сил. Чтобы выправить положение, министром обороны был назначен Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, находившийся в последние годы жизни Сталина в опале. Маршал Жуков начал свою деятельность с укрепления воинской дисциплины. С этой целью он прибыл и на Балтийский флот.

В Таллинском Доме офицеров состоялось совещание руководящего состава с участием министра обороны. На это совещание были приглашены в основном только старшие офицеры и командование флотом. К этому времени Василий Иванович уже был в звании капитан-лейтенанта, но, как исключение, его также пригласили на встречу с прославленным маршалом. Он с нетерпением и интересом ждал этой встречи, ведь последние месяцы войны участвовал в боевых действиях войск, которыми командовал прославленный полководец. Но тогда все только чувствовали его железную волю, а видеть самого не приходилось. Теперь же выпал такой уникальный случай.

Но встреча оказалась не из приятных и развеяла все мифы, придуманные воображением молодости. Маршал гневно и сурово, не стесняясь в выражениях, расправлялся с теми командирами и политработниками, у которых, по докладам их начальников, с дисциплиной среди подчиненных было хуже, чем у других. Не считаясь с былыми боевыми заслугами, он снижал в воинских званиях, должностях тех офицеров, чьи фамилии называл командующий флотом. Это повергло в шок многих. И уходили они с этого совещания потрясенные увиденным, еще не осознавая, что же на самом деле произошло. В этот день они потеряли своего кумира, как будто похоронили кого-то очень близкого...

Все эти послевоенные годы В.И. Левашов целенаправленно продолжал отстаивать честное имя своего друга Виктора Третьякевича. Весной 1956 г. вместе с Г.М. Арутюнянцем и А.В. Лопуховым они обратились с письмом к первому секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину, в котором убедительно утверждали, что комиссаром «Молодой гвардии» был только Виктор Третьякевич, а Олег Кошевой вступил в организацию несколько позже, чем другие члены штаба, и в его обязанности входило обеспечение безопасности организации от провокаторов и шпионов. Василий Иванович был непоколебим в своей вере и правде.

Александр Николаевич еще раньше слышал об этом, но теперь, пользуясь поддержкой Е.С. Хрущева, не остался в стороне. Ведь он также свою партийную деятельность начинал с должности секретаря комитета ВЛКСМ школы, а затем института. Осенью 1941 г. Шелепин лично занимался отбором добровольцев для партизанских отрядов и диверсий в тылу врага, среди которых была и Зоя Космодемьянская. Это и положило начало его быстрой карьере. Об этом письме он доложил Никите Сергеевичу, и тот лично распорядился назначить очередную комиссию ЦК КПСС с большими полномочиями для выяснения истины в создании, деятельности и гибели «Молодой гвардии».

Работая с обширными материалами, изучив все документы,

комиссия вскоре предоставила Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву докладную записку под грифом «секретно», в которой, в частности, указывалось:

«Имя одного из видных членов «Молодой гвардии» - Виктора Третьякевича вычеркнуто из истории деятельности подпольной комсомольской организации на основании противоречивых, беспочвенных слухов о том, что он: 1) якобы проявил трусость, будучи в партизанском отряде; 2) как член подпольной организации при пытках в застенках гестапо выдал ряд своих товарищей по работе... При проверке эти слухи оказались ложными...»

В августе 1942 г. Тюлениным и Земнуховым созданы две самостоятельные и независимые друг от друга небольшие организации подпольщиков. С приходом Третьякевича в Краснодон эти группы слились в единую организацию, которая была названа «Молодой гвардией». Возглавили ее Третьякевич и Земнухов. Олег Кошевой не был организатором «Молодой гвардии». Он принят в ее члены в ноябре месяце.

Молодогвардейцы и их родители характеризуют Третьякевича как способного, энергичного, боевого комсомольца. Большинство заседаний штаба проводилось на квартире Третьякевича. По документам и рассказам молодогвардейцев можно установить, что он не только был руководителем организации, но и сам активно участвовал во многих операциях молодогвардейцев...

Третьякевич вместе с Мошковым и Земнуховым были первыми подвергнуты аресту 1 января 1943 года и подвергались частым и изощренным пыткам. Однако полиция ничего не смогла от них добиться...

В связи с этим считаем возможным рассмотреть следующие предложения:

1. О Викторе Третьякевиче. Предательская деятельность Виктора Третьякевича не подтверждается ни следственными материалами, ни показаниями свидетелей... Учитывая это, считаем возможным реабилитировать Виктора Третьякевича: вписать его имя на доске надгробного обелиска погибших молодогвардейцев; просить Президиум Верховного Совета Украинской ССР рассмотреть вопрос о награждении посмертно Третьякевича медалью «Партизану Великой Отечественной войны» и об установлении персональной пенсии его родителям (все родители погибших молодогвардейцев получают пенсии).

2. О книге Е.Н. Кошевой «Повесть о сыне»... Учитывая, что книга необъективно освещает многие факты и вносит путаницу в историю деятельности «Молодой гвардии», считаем впредь нецелесообразным переиздавать ее..., не проводить экскурсии... в квартиру Кошевой..., воздержаться от возвеличивания матери Олега Кошевого в сравнении со всеми остальными родителями молодогвардейцев...

3. *...не следует предавать огласке новые факты, противоречащие роману Фадеева, ...нет никакого смысла переделывать историю «Молодой гвардии» в соответствии с некоторыми фактами...»*

Вслед за этим 11 мая 1956 г. писателя А.А. Фадеева и пятерых оставшихся в живых молодогвардейцев Никита Сергеевич пригласил к себе на дачу под Москвой и завел разговор о прощении (за давностью лет) предавшего (под пытками) членов «Молодой гвардии» Третьякевича, не раскрывая содержания докладной записки комиссии. К этому времени все осужденные за пособничество фашистам и виновные в массовых арестах и смерти молодых патриотов Краснодона были помилованы. Четверо молодогвардейцев согласились с мнением Первого секретаря ЦК КПСС. Единственной, кто высказалась против, была Борц. Хрущеву это не понравилось. Он стал горячо ее убеждать, но Валерию неожиданно поддержал А.А. Фадеев. Встреча была прервана «до лучших времен», а материалы записки засекретили.

Через два дня, 13 мая 1956 г., Александр Александрович застрелился из револьвера на своей даче. В своем предсмертном письме Фадеев написал: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено...»

И вопрос о реабилитации друга Василия Левашова, комиссара «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича, снова остался нерешенным. А об этой записке так ничего не узнали оставшиеся в живых молодогвардейцы и родители погибших, в том числе и Третьякевичи, которые оставались еще на три года жить с клеймом родственников предателя...

В январе 1957 г. капитан-лейтенант Левашов получил повышение по службе. Он был назначен заместителем командира крейсера «Свердлов» по политчасти. Корабль базировался в г. Балтийск Калининградской области (Восточная Пруссия), но в момент его назначения находился на ремонте в Кронштадте. Проводив Нелю и Машеньку в Москву, Василий Иванович уехал в Кронштадт принимать новую должность. Корабль стоял у стенки морского завода и ремонтировался уже шестой месяц. Впереди предстояло еще столько же.

В конце июля, после завершения ремонтных работ, крейсер вошел в Неву и стал на бочки и якорь против Исаакиевского собора для участия в морском параде в честь Дня Военно-Морского Флота. На торжества в Ленинград прибыл Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. За всю историю СССР это были самые пышные торжества в честь Дня ВМФ. Помимо кораблей Балтийского флота сюда прибыли крейсера Северного и Черноморского флотов. После

празднования крейсер «Свердлов», не заходя в Кронштадт, прямым курсом направился в Балтийск к месту постоянного базирования.

Жена с дочерью в Балтийск приезжали редко, хотя жиле было предоставлено сразу, и прежде всего потому, что корабль в своей базе бывал редко. То уходим на месяц в Лиепая для очистки подводной части корпуса, то на Северный флот, то в океан на учения, а еще чаще – в море для выполнения учебно-боевых задач.

На флоте существует выражение: сошел на берег. Оно употребляется как в узком, так и в широком смысле. В узком – если моряк на какое-то время покинул корабль, и в широком – если он отплавал свое и перешел на береговую службу.

Через два года постоянных боевых и учебных походов на крейсере «Свердлов», в 1959 г., капитан 3-го ранга Левашов сошел на берег в широком смысле этого слова и был назначен в Балтийское высшее военно-морское училище на должность заместителя начальника штурманского факультета по политчасти, которое располагалось в Калининграде. С этого момента и началась его береговая служба. Первое время Василию Ивановичу как-то не верилось, что каждый день после работы можно идти домой к семье. Правда, вначале ему приходилось ездить к семье, которая жила в Балтийске, поездом или автобусом из Калининграда, преодолевая 50 км, но вскоре удалось получить квартиру в самом городе.

В этот период океанографическое экспедиционное парусное судно «Седов» готовилось к океанскому плаванию. Корабль принадлежал Военно-Морскому Флоту, ходил под Военно-Морским Флагом, но в поход собирался в интересах океанографической экспедиции. Командование военно-морского училища считало, что было бы грешно не использовать этот поход для штурманской практики курсантов, поэтому участвовать в нем было предназначено роте выпускного курса штурманского факультета. Это почти 70 курсантов и пять офицеров, включая замполита.

Не успел Василий Иванович насладиться преимуществами береговой службы, как поступила команда готовиться к дальнему океанскому плаванию продолжительностью полгода. «Вот вам и сошел на берег», – часто вертелось в голове не только у капитана 3-го ранга, но и у его жены. В таком далеком и длительном плавании за время службы на кораблях ему еще бывать не приходилось.

В конце мая 1959 г. Нинель и Машенька уехали в Москву, а Василий Иванович вместе с командой от училища отправился в Балтийск, где стоял у причала парусник «Седов». Когда закончились последние приготовления, корабль вышел в море и лег на курс в направлении датских проливов. Ветер был попутный, поэтому подняли паруса. Зрелище

великолепное. Но помимо парусов на паруснике установили также дизельный двигатель, который в безветренную погоду позволял развивать ход до девяти узлов – примерно 16 км/ч.

Не заметили, как преодолели Балтику, миновали датские проливы и вышли в Северное море. Затем, обогнув Британские острова, оказались в северной Атлантике. Начались работы океанографической экспедиции. Через определенные отрезки расстояния корабль останавливался и ложился в дрейф. В это время члены экспедиции производили замер глубин, температуры воды, ее солености и мн. др. Курсанты вместе с офицерами несли штурманскую вахту. Курсантских групп было четыре, а офицеров – пятеро. Исключений для замполита факультета по несению службы не было, поэтому на вахту он всегда заступал с другой учебной группой.

Корабль двигался на северо-запад, приближаясь к югу Гренландии, а затем повернул строго на 90° влево. С приближением к берегам Канады парусник снова повернул на 90° влево и, не меняя курса, через океан направился к Гибралтарскому проливу. Шли то под парусами, то под дизелем. Когда «Седов» шел под парусами, то привлекал внимание проходящих судов. Некоторые из них меняли курс и приближались, чтобы сфотографировать знаменитый парусник.

Вскоре прошли пролив и вошли в порт Гибралтар, принадлежащий Англии. Территория и население были испанские, а владела всем этим Англия, у которой здесь расположены ее военно-морская база и крепость. В этом порту экспедиция пробыла пять дней. За это время все отдохнули, пополнили запасы воды и продовольствия и снова в океан. Продолжая движение, корабль спускался все южнее. Экспедиция продолжала свои исследования, а офицеры и курсанты – свою штурманскую вахту. Становилось все теплее, все жарче. Обычной формой для всех стали трусы и белый чехол на голове. Все-таки хорошо, когда на корабле нет женщин.

Однажды в Атлантическом океане Василий Иванович не явился в кают-компанию на завтрак и обед. Его сильно тошнило. Пришли провести товарищи, в их числе – хирург из Военно-морской академии, который осмотрел больного и сказал, что это воспалился аппендикс и его надо немедленно удалять. Он тут же предложил следовать Левашову за ним в операционную. Так как в походе все друг над другом подшучивали, а Василий Иванович числился среди шутников основным заводилой, то он расценил предложение хирурга как очередную розыгрыш, но игру принял. Его уложили на операционный стол и стали готовить инструменты.

В операционной собрались все врачи: пять офицеров от Военно-морской академии и шестой – корабельный врач. А в это время капитан 3-го ранга лежал голый на операционном столе и думал, что готовится

крупномасштабный розыгрыш, но вида не подавал. Даже когда стали делать обезболивающие уколы, он все еще принимал эти действия за шутку. Левашов поверил, что его оперируют по-настоящему только тогда, когда его живот был разрезан и он ощутил боль. Но все обошлось как нельзя лучше, а ему удалось избежать обычных предоперационных переживаний.

Чем южнее спускался парусник, тем обильнее становился вокруг животный мир. На ходу и во время стоянок все наблюдали китов, стаи касаток, летающих рыбок. С большим интересом Василий Иванович наблюдал, как матросы поймали и втащили на палубу огромную акулу, а сам он поймал молодого осьминога. Но самое интересное было впереди. Планировался заход в африканский порт Конакри – столицу Гвинейской республики.

Чем ближе они подходили к африканскому порту, тем больше было разговоров в кают-компани об африканской природе, о ее животном мире. Много спорили, есть ли еще в Африке львы или нет. Под впечатлением от этих разговоров однажды ночью замполиту приснился сон, что будто бы лев просунул в иллюминатор свою голову в момент, когда он лежал на верхней полке. Во сне у него никак не получалось запустить ботинком в гривастую морду, и тогда он решил зарычать на него. Левашов не знал, как это у него получилось на самом деле, но всех, кто спал в каютах этого борта, он разбудил своим рычанием. Первым на крик прибежал 64-летний инженер-капитан 1-го ранга, академик В.В. Шулейкин, и разбудил Василия Ивановича, который проснулся весь в холодном поту от страшного единоборства с африканским львом. Вот такой получился «Полосатый рейс».

Долго потом в кают-компани после рассказа Василия Владимировича над замполитом подшучивали офицеры, требуя подробностей.

За семь дней стоянки в порту Конакри члены экипажа парусника увидели много интересного. Каждый день они уходили в город, а вечерами принимали в качестве гостей сотрудников посольств дружественных стран и их семьи.

Ровно через неделю «Седов» снова вышел в океан. Теперь курс держали через Атлантический океан к берегам Южной Америки, чтобы зайти в бразильский порт Ресифи. В момент пересечения экватора устроили праздник Нептуна. Но неожиданно планы изменились. Капитан корабля получил радиogramму возвратиться в Конакри, взять на борт 150 человек – граждан Гвинейской республики и доставить их в Советский Союз для обучения в военных училищах.

И вот парусник снова в Конакри. Пять дней отдыха. Накануне выхода, ночью, скрытно от посторонних глаз, приняли на борт и разместили 150 молодых африканцев. На обратном пути исследования уже

не проводились. Шли кратчайшим путем домой. Дважды попадали в сильнейший шторм, но все обошлось благополучно. В середине ноября парусник «Седов» благополучно возвратился в Балтийск...

В это время далеко на юге в Краснодаре происходили поистине исторические события, которые касались и Василия Ивановича.

Еще весной был 1959 г. был арестован еще один подонок – комендант полицейского участка в поселке Первомайка, а затем заместитель начальника полиции Краснодона, активный участник арестов и расправ над молодоговардейцами В.Д. Подтынный, который 16 лет скрывался под чужим именем. И вскоре он стал давать признательные показания.

Во время открытого судебного процесса над Василием Подтынным были выяснены новые свидетельства о деятельности и гибели молодых патриотов Краснодона, установлено, что Виктор Третьякевич стал жертвой умышленного оговора, а настоящим предателем был Геннадий Почепцов. Увидели свет и достоверные документы, подтверждающие это.

На процессе присутствовал собственный корреспондент центральной газеты «Комсомольская правда» по Донецкой и Луганской областям Ким Прокофьевич Костенко – участник Великой Отечественной войны, артиллерист, младший лейтенант, награжденный полководческим орденом Александра Невского, орденом Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны и множеством медалей. Он со своей батареей с боями дошел до Праги, где был тяжело ранен.

К.П. Костенко заинтересовался личностью Виктора Третьякевича и с большим трудом, используя все рычаги центрального аппарата, добился возможности ознакомиться с секретными материалами, связанными с деятельностью «Молодой гвардии», в архивах КГБ. Узнав о настойчивом столичном корреспонденте, в Луганске после процесса срочно была создана специальная государственная комиссия обкома партии совместно с работниками областного управления КГБ, которая теперь уже официально, открыто объявила о непричастности Виктора Третьякевича к провалу организации и признала его видную роль в создании и руководстве «Молодой гвардией», а также, что комиссия А.В. Торицына «из-за недостатка времени» сделала поспешные, непроверенные выводы.

В газетах «Социалистический Донбасс» и «Комсомольская правда» были напечатаны статьи К.П. Костенко, в которых излагались новые обстоятельства гибели молодоговардейцев. Ким Прокофьевич впервые во всеуслышание всему советскому народу сказал: Виктор Третьякевич – не предатель, сняв с него существовавшее 16 лет проклятое клеймо.

Эта работа требовала огромной энергии, силы воли и стала настоящим журналистским подвигом, но и шоком для многих. На Костенко

посыпались жалобы, письма в ЦК ВЛКСМ и партии, и прежде всего от В.Д. Борц и Е.Н. Кошевой. Против его статей выступил и очень популярный журнал «Юность». Костенко начали таскать по всем кабинетам ЦК. Но он выстоял. Мало того, в 1961 г. он издал свою книгу «Это было в Краснодаре», в которой впервые назвал имена, в том числе и Василия Левашова, напечатал фотографии почти всех юных героев и открыто признал комиссаром «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича. В те годы такие материалы были редкостью, сенсацией и, безусловно, требовали от автора большого мужества.

По материалам специальной государственной комиссии постановлением бюро Луганского обкома КПУ от 10 февраля 1959 г. (задним числом – авт.) Виктор Третьякевич был реабилитирован. Руководство области также приняло решение ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза посмертно. Но это опять вызвало бурную негативную реакцию В.Д. Борц.

(Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1960 г. «За активное участие в деятельности подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», а также проявленные личное героичество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Виктора Иосифовича Третьякевича наградили орденом Отечественной войны I степени». Подписали Указ Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев и Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе.

И уже в 1961 г. в 3-м томе «Истории Великой Отечественной войны» В.И. Третьякевич официально был назван комиссаром «Молодой гвардии», в музее обновилась экспозиция и на плитах из красного мрамора на братской могиле молодых патриотов Краснодона была наконец-то выбита его фамилия.)

С великой радостью Василий Иванович встретил известие о реабилитации и награждении Виктора Третьякевича, хоть и посмертно.

Вскоре началось значительное сокращение Вооруженных Сил. Летом 1960 г. было принято решение о сокращении Балтийского высшего военно-морского училища. На его базе остались лишь Курсы офицерского состава запаса ВМФ.

Капитан 2-го ранга В.И. Левашов уволен в запас не был, а получил новое назначение. В ноябре 1960 г. он прибыл к новому месту службы в г. Петродворец в Высшее военно-морское училище радиозлектроники им. А.С. Попова на равнозначную должность заместителя начальника факультета по политчасти.

Он долго жил без семьи в офицерском общежитии, но никому не жаловался, и только через восемь месяцев в Петродворце получил

небольшую отдельную квартиру. В конце августа 1961 г. из Калининграда они вместе с женой перевезли вещи, а потом приводили квартиру в порядок: клеили новые обои, красили, завозили новую мебель. А Машенька в это время пошла в первый класс в Москве, где училась все первое полугодие. И лишь в январе следующего года вся семья собралась вместе, а дочка продолжила учебу в первом классе уже в Петродворце.

Свободного времени стало больше. Брат Николай служил недалеко в г. Луга Ленинградской области, поэтому настало время познакомиться поближе Нинель Дмитриевну и Машеньку с близкими родственниками, которые жили в микрорайоне Городок. Пока Василий Иванович отдавался полностью своей военно-морской службе, родной брат уже послужил заместителем начальника дивизионной школы по автотранспортной подготовке 64 мсд и,

Левашов
Василий Иванович

командуя автомобильной ротой (около 100 грузовых машин), съездил на целину в Кустанайскую область, где по итогам уборки урожая его рота заняла 1 место среди 21-й роты Ленинградского военного округа, а ее командир был представлен к награждению орденом. В 1957 г. Николай Иванович стал начальником технической службы артиллерийского полка своей 64 мсд в пгт. Саперное Ленинградской области, а в конце 1960 г. был назначен на должность начальника технической службы ракетной бригады в г. Луга. Он так же, как и брат, был в звании инженер-подполковника, которое было ему присвоено еще в октябре 1957 г.

Семья старшего Левашова постоянно переезжала за отцом с одного места службы на другое, и старшие дети не успевали менять школы, и это сказывалось на их учебе. К ним часто приезжали в гости с Украины дядя Шура с тетей Любой и, как истинные педагоги, сразу же брались за то, чтобы подтянуть ребят в учебе. Ниночка на всю жизнь запомнила, как ее дядя заставлял учить таблицу умножения, которую она знала на «5». Своих детей у них не было, и они радовались, глядя на племянников, постоянно убеждая Галину Николаевну рожать еще детей, а если будет трудно растить их материально, то они с удовольствием подключатся и помогут в их воспитании.

Не забывал Василий Иванович навещать и маму в Краснодаре, а

после выхода в свет книги К.П. Костенко «Это было в Краснодоне» стал еще и активным участником пропаганды традиций «Молодой гвардии». У него стали брать интервью различные газеты, в том числе и центральные, появились первые статьи в различных изданиях, где он, как всегда, писал и говорил правду о деятельности молодых подпольщиков, не умоляя заслуг Олега Кошевого, но после встречи с его матерью Еленой Николаевной в открытом письме для печати написал: «...Теперь о поступках Е.Н. Кошевой. В октябре 1962 года, когда я последний раз был в Краснодоне, за многие послевоенные годы побывал на квартире у Кошевой. Она пригласила для беседы. В разговоре спрашивала меня, почему я утверждаю, что комиссаром «Молодой гвардии» был Виктор Третьякевич, а не Олег Кошевой. Я ей стал рассказывать, как было. Она вступила со мной в спор. Короче говоря, из беседы с Е.Н. Кошевой я сделал одно совершенно определенное заключение. Если до посещения Елены Николаевны я считал, что в период работы в подполье Олег кое-что рассказывал ей о нашей деятельности, то в ходе беседы убедился, что она ровным счетом ничего не знает. О «Молодой гвардии» она знает не больше других родителей погибших подпольщиков. Да оно и неудивительно. Олег Кошевой тоже давал партизанскую клятву, в которой клялся хранить тайну «Молодой гвардии».

Елена Николаевна, конечно, знала, что Олег состоит в какой-то организации. Но кто ее участники, кто какие обязанности выполняет, что совершал или не совершал – этого Елена Николаевна не знала так же, как и все наши родители.

Я не могу понять, почему она пытается присвоить себе право произвольно толковать деятельность «Молодой гвардии».

Ведь остались в живых 8 участников. Логичнее у них спросить, кто какие обязанности выполнял в штабе «Молодой гвардии». Е.Н. Кошевая как мать имеет право написать повесть о своем сыне. Но не следует братья за освещение событий «Молодой гвардии», коль ей они не известны...»

Служба братьев продолжалась.

В сентябре 1963 г. Николай Иванович Левашов был назначен на должность заместителя командира 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии по технической части в г. Витебск, Белоруссия. А в следующем году ему было присвоено звание инженер-полковник. Его старший сын Владимир, продолжая славные традиции отца и дяди, окончив школу, поступил в Черниговское высшее военное авиационное училище летчиков. Девочки продолжили учебу в средней школе в военном городке в Витебске и очень гордились своим братом-курсантом, отцом и дядей. В 1963 г. Галина Николаевна после большого перерыва в десять

лет снова забеременела. Посоветовавшись с мужем, они решили оставить ребенка, невзирая на то что им обоим было уже за сорок и возможны были различные отклонения во время беременности и родов.

Переезды, хлопоты. Родила Галина Николаевна своего младшего сыночка, которого назвали Юрием, уже в Витебске зимой, 16 февраля 1964 г. Этому событию особенно обрадовались девочки. Еще бы, теперь у них появилась новая забота, помогать маме растить и воспитывать братика. Но вскоре оказалось, что страхи были не беспочвенны – с возрастом у малыша все отчетливее стали проявляться признаки неизлечимого генетического заболевания. Это был страшный удар и потрясение для Николая Ивановича и Галины Николаевны. Но они выдержали, не сломались и еще долгие годы несли свой крест, не сгибаясь, а преодолевая вместе все трудности...

За два года службы в ВДВ дивизия, в которой служил Николай Иванович, стала одной из лучших в Советской Армии. В этом немалая заслуга была и полковника Левашова. Поэтому в Москве ему предложили должность заместителя начальника автомобильной службы Северо-Кавказского военного округа, но командир 103 вДД полковник М.И. Кашников и «грозный» командующий ВДВ генерал-полковник В.Ф. Маргелов не отпустили, пообещав назначить его на должность начальника автомобильной службы ВДВ. Но обещания свои, к сожалению, так и не выполнили. Бывает в военной службе и такое...

А Василий Иванович, даже находясь на берегу, с морем не расставался. Все соревнования по плаванию, гребле на штатных шлюпках, шестивесельных ялах и многое другое были его стихией. Он был молод душой, энергичен, ему всегда чего-то не хватало. Даже в свободное время он старался увлечь и жену, и дочку плаваньем, а зимой – хождением на лыжах.

Несмотря на то что его служба проходила на берегу в военно-морском училище, от флота капитан 2-го ранга В.И. Левашов не отрывался. Ежегодно он с курсантами выезжал на корабельную практику на один из трех флотов: Черноморский, Балтийский, Северный. Практика проходила то на крейсере или учебном корабле, то на противолодочных кораблях или подводных лодках. В тот период, когда военно-морская стажировка проходила на надводных кораблях, они обычно заходили в иностранные порты Польши, Германии, Алжира, Болгарии.

В 1966 г. капитан 2-го ранга В.И. Левашов был на очередной практике с курсантами 2-го курса на крейсере «Комсомолец». Ходили по Балтике, затем вошли в Балтийск, стали у причала к месту обычной стоянки крейсера «Свердлов», на котором он служил в 1957–1959 гг. Знакомые места. И вроде бы как вчера... Он впервые заметил, как быстро летит время...

По возвращении обратно в Петродворец, еще находясь в Балтийском

море, Василия Ивановича ожидала скорбная весть. Из училища сообщили, что умерла его мама. Это случилось 19 июня 1966 г., а он узнал об этом только на второй день после ее смерти. Сын очень торопился, чтобы успеть на похороны. Ехал поездом, летел самолетом, но прибыл вовремя.

Как и на похороны отца, в Краснодоне собрались проститься с мамой все четверо оставшихся в живых сыновей. Похоронили ее рядом с отцом. Поставили скромный памятник. Поминая, вспоминали, какая трудная была у Марии Гавриловны жизнь: Гражданская война, разруха и голод, затем Великая Отечественная. Сколько несчастий на страну, на народ. И в этих условиях она смогла вырастить достойных сыновей, уберечь их от дурных увлечений...

Вскоре Василию Ивановичу присвоили очередное воинское звание

капитан 1-го ранга и перевели на равнозначную должность заместителем начальника специального факультета по политчасти ВВМУРЭ, где обучались иностранцы. И здесь он быстро нашел общий язык с военнослужащими разных стран, разных вероисповеданий и убеждений. И они любили своего замполита.

Свободного времени оставалось больше, и Василия Ивановича стали чаще приглашать выступить перед школьниками, студентами, молодежью, рабочими, и не только в Ленинграде и Москве.

Службе в армии и на флоте капитан 1-го ранга В.И. Левашов уже отдал более тридцати лет жизни, вос-

питывая молодых бойцов, матросов и курсантов, прежде всего своим личным примером. Наступила пора передавать свой богатый опыт. В 1973 г. Василий Иванович перешел на преподавательскую работу. Его назначили на должность старшего преподавателя кафедры партийно-политической работы в своем же училище. Он стал постепенно осваивать азы педагогического труда, писать самостоятельно лекции, готовиться к семинарам и мн. др. Вначале ему с трудом давалось написание научных статей, но он старался, набирался опыта. Не стояли в стороне и более опытные педагоги, особенно те, кто прошел дорогами войны, не понаслышке зная, что такое пехота в бою.

И вскоре из-под пера В.И. Левашова стали одна за другой выходить в

свет его книги: «Юность боевая», «Дорогие мои товарищи», «Будни молодогвардейцев», «Брат мой - друг мой»; в журналах и газетах постоянно печатались его статьи и интервью о героях «Молодой гвардии». Десятки, сотни выступлений – по командировкам ЦК ВЛКСМ, по приглашению обкомов комсомола – в разных концах страны. Левашова слушали военные моряки Севастополя и Владивостока, участники Всесоюзного слета молодых рыбаков, ученые Новосибирского академгородка, строители БАМа, трудовые и творческие коллективы, молодежь Кишинева, Ростова, Уссурийска, Хабаровска, Иркутска, Красноярска, Кургана, Свердловска, Алматы, Ташкента, Чимкента, Архангельска, Мурманска, Тбилиси, Еревана, Харькова, Киева, Белой Церкви, Минска, Риги, Новгорода, Курска, Херсона, Одессы и многих других городов. И везде он особо подчеркивал роль и заслуги Третьякевича как организатора и комиссара «Молодой гвардии», что, даже и после реабилитации Виктора, не всем руководящим партийным и комсомольским работникам нравилось.

«Молодую гвардию» знали и в восточно-европейских странах. По приглашению молодежных организаций Василий Иванович побывал в Польше, Болгарии и Чехословакии.

Предельный срок его службы закончился, но Василий Иванович чувствовал себя хорошо, постоянно поддерживал свою спортивную форму, а в вопросах физической подготовки и выносливости не уступал молодым офицерам, поэтому командование ВВМУРЭ несколько раз ходатайствовало перед МО СССР о продлении сроков службы капитану 1-го ранга В.И. Левашову. И эти ходатайства старшие начальники удовлетворяли.

Но время берет свое. Веселых и радостных событий становилось все меньше. Стали уходить из жизни не только люди старшего поколения.

В 1973 г. умер Георгий Минаевич Арутюнянц – один из восьми переживших войну молодогвардейцев. Мать Жоры трижды оплакивала смерть сына. Первый раз это случилось вскоре после расправы над арестованными участниками Краснодонского подполья. Но спустя некоторое время Георгий объявился живой и невредимый. Затем Жора Арутюнянц попал на фронт, был серьезно ранен, но родителям по ошибке сообщили, что он погиб. И вот 26 апреля 1973 г. после тяжелой и продолжительной болезни в Москве скончался преподаватель ВПА им. В.И. Ленина кандидат исторических наук полковник Г.М. Арутюнянц, который, так же как и Василий Иванович, за все послевоенные годы проделал огромный труд по пропаганде подвига молодогвардейцев среди молодежи. Его торжественно похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. Георгию было 47 лет.

В следующем, 1974 г., большое горе постигло Василия Ивановича и его дочь. 26 ноября умерла Нинель Дмитриевна. Ей только исполнилось

44 года. Это случилось не внезапно. Страшная, неизлечимая болезнь длилась около двух лет, и ее исход был предрешен. Но от этого было не легче. В последние дни своей столь короткой жизни она сильно мучилась от невыносимых болей и вместе с ней страдали ее родные и близкие. Похоронили ее на местном кладбище в Петродворце.

20-летняя дочь, Мария Васильевна Левашова, работала в библиотеке воинской части и одновременно училась на вечернем отделении Государственного института культуры им. Н.К. Крупской. Несмотря на тяжесть последних лет, она продолжала работать, не прерывая и своей учебы.

К этому времени полковник Н.И. Левашов уже двенадцатый год служил в Витебске в той же должности – заместителя командира 103 *зв. ввд* по технической части. Сын Владимир после завершения учебы в Черниговском высшем военном авиационном училище летчиков, женился и мотался вместе с семьей по разным военным гарнизонам. Дочери окончили школу, вышли замуж и уехали от родителей. Николай Иванович и Галина Николаевна стали «многодетными» дедушкой и бабушкой. Еще два года назад, в августе 1972 г., полковнику Левашову дали возможность выступить на всеармейском совещании офицеров технической службы Советской Армии от ВДВ. Доклад понравился вышестоящему начальству, и ему предложили генеральскую должность на Дальнем Востоке. Но при оформлении документов оказалось, что Николай Иванович уже давно выслужил свои положенные по закону годы службы – ему шел пятьдесят второй год, поэтому представление не было подписано, но, тем не менее, срок службы продлили еще на три года.

10 июня 1975 г. полковник Николай Иванович Левашов был уволен в запас, и втроем, с женой и младшим сыном, остались жить в Витебске.

В это время его брат, капитан 1-го ранга В.И. Левашов, продолжал служить Родине. Он тяжело перенес боль утраты любимой супруги и во время очередного отпуска решил подлечиться и немного успокоиться в Военном санатории Северного флота «Аврора», который расположен в центре уютного поселка Хоста в 200 м от берега Черного моря недалеко от Сочи. Но отдых сразу же не задался. В санатории его разыскала телеграмма, из которой стало известно, что в Краснодаре умер еще один близкий ему человек, летчик морской авиации старший лейтенант Радий Петрович Юркин, самый молодой подпольщик. Это случилось 16 июля 1975 г. Пришлось срочно оставить санаторий и выехать в Краснодар. Но время было упущено. Левашов приехал в день похорон, но уже после того, как они состоялись. Тихо постояв у свежей могилы друга, он направился на поминки домой к Радиду, где уже собрались оставшиеся в живых шестеро молодогвардейцев.

Радий Петрович родился 9 сентября 1928 г. и был на четыре года младше Левашова. В октябре 1943 г. ЦК ВЛКСМ направил Радия в школу летчиков первоначального обучения ВВС ВМФ в Куйбышев, по окончании которой в январе 1945 г. он получил назначение на Тихоокеанский флот, но так как ему тогда еще не было 18 лет, присвоили звание сержант. Самый юный летчик военно-морской авиации 16-летний Юркин принимал участие в боях с японскими милитаристами. В одном из воздушных боев он был тяжело ранен, самолет упал в море. Радика спасли рыбаки. За мужество, проявленное в боях с японскими самураями, он был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За победу над Японией».

Юркин
Радий Петрович

Ему, наконец-то, присвоили офицерское звание младший лейтенант. Затем Р.П. Юркин служил на Краснознаменном Балтийском и Черноморском флотах. В 1950 г. он окончил Военно-морское ордена Ленина авиационное училище им. И.В. Сталина в г. Ейск и за успешное освоение новой техники его наградили вторым орденом Красного Знамени, а за безупречную долголетнюю службу медалью «За боевые заслуги». В 1957 г. по состоянию здоровья старший лейтенант Юркин был уволен в запас. Жил в Краснодаре. Работал механиком в автоколонне. Много сил и времени отдавал военно-патриотическому воспитанию молодежи, был страстным пропагандистом беспримерного подвига своих друзей-молодогвардейцев. Ему также шел 47 год – роковая цифра для героев.

Умер Радий Петрович Юркин на боевом посту, в священном для него доме – музее «Молодая гвардия», где делал свою последнюю запись на радио. Запись для истории, для потомков. О своих товарищах, об их бессмертном героическом подвиге. Не выдержало сердце...

Единственным светлым событием в этом году стала свадьба дочери, которая вышла замуж за курсанта Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С.О. Макарова Владимира Васильевича Половьева и сменила фамилию отца.

Через год, в 1976 г., Василию Ивановичу выделили новую квартиру в Ленинграде на проспекте Славы и все переехали туда. Дома капитан 1-го ранга не сидел, он продолжал служить и, часто покидая молодоженов одних, уезжал в различные командировки, связанные со службой и пропагандой деятельности «Молодой гвардии». Притом иногда почти на другой край света.

Радостным для него и молодой семьи стал 1978 г. 9 августа появилась на свет внучка Нелличка. Она росла общительной, веселой, разговорчивой девочкой и всех многочисленных гостей деда покоряла своим обаянием. К ним на квартиру довольно часто без приглашения приходили целыми делегациями школьники, приезжавшие в Ленинград на экскурсии из разных мест. По простоте детской души им хотелось встретиться с живым участником Краснодарского подполья. Непременным участником таких встреч бывала и Нелличка. Она каждого из гостей встречала у входной двери, пожимала им руки, говорила каждому что-нибудь приятное. После каждого такого посещения шел поток писем на их адрес, главной темой в которых была уже не «Молодая гвардия», а Нелличка. Василий Иванович очень любил свою внучку и все свободное время посвящал ей. Жизнь продолжалась...

Анна Григорьевна Пименова, вторая прабабушка Неллички, в молодости энергичная общественница, жизнерадостный человек, оптимист, тяжело перенесла болезнь и смерть дочери. Сердце матери не выдержало и в 1980 г. она умерла. Похоронили ее в Москве.

Уходили из жизни один за другим люди старшего поколения, и не только простые граждане, но и лидеры нашего государства, те, кто еще помнили и революцию, и Гражданскую войну, и Великую Отечественную. Но уходили и совсем молодые. После смерти Нели и мамы в 1983 г. в возрасте 39 лет скоропостижно скончался Владимир Дмитриевич Пименов, родной брат Нели, который часто в последнее время приезжал к Левашовым-Половьевым в Ленинград. Его с удовольствием всегда встречали, оказывая ему гостеприимство, ведь по натуре он был очень обаятельным человеком.

Остался в Москве совсем один отец Нели Дмитрий Федорович Пименов – дедушка Марии. Трудно представить, как тяжело было ему хоронить вначале дочь, затем жену, а после этого и сына. Но он держался. Несмотря на преклонный возраст, сам себе готовил пищу, стирал белье, поддерживал в комнате порядок. Никто не видел, как во время прослушивания душевных фронтовых песен по радиоприемнику по его старческим щекам тихо текли слезы, а иногда, стиснув зубы, чтобы не слышали соседи, он стонал, и этот стон был скорее похож на вопль раненого зверя, раненного прямо в душу. И ни знаменитый зять, ни одна-единственная внучка успокоить полковника уже не могли. Лишь кот, который прибил к нему на улице, сидя у него на коленях, часто лизал гладившие его морщинистые руки. В 1986 г. Дмитрия Федоровича не стало.

Еще в 1983 г. Василию Ивановичу предложили однокомнатную квартиру в Петродворце. Он долго колебался, но потом согласился.

Пора было молодым жить отдельно, самостоятельно. Да и ему тяжело каждый день ездить на службу из Ленинграда в Петродворец и обратно. Летом он поселился в небольшой однокомнатной квартире на улице Володарского, 21. По-прежнему, помимо служебной деятельности, Василий Иванович много занимался общественными делами. «Молодая гвардия» своим примером продолжала служить делу воспитания молодого поколения страны.

Братья Левашовы: (слева) Николай, Василий, Анатолий, 1984 г.

В 1986 г. Василий Иванович в последний раз вышел в море на учебном судне «Хасан» вокруг Европы. Вместе с курсантами спасал турецких рыбаков, которые неудачно попытались их таранить своим рыболовецким судном. В нештатной ситуации он четко, слаженно, без тени волнения командовал молодыми ребятами, чем в очередной раз подтвердил свой профессионализм.

Василий Иванович давно переслужил все сроки, и 30 ноября 1987 г. капитан 1-го ранга В.И. Левашов был уволен в отставку с правом ношения военной формы. Нелегко ему дался этот период, но он когда-то должен был произойти. Тем более, что к моменту отставки ему исполнилось 63 года. Но он остался работать в родном училище на своей кафедре старшим преподавателем (гражданский персонал).

И только сейчас Василий Иванович с удивлением обнаружил в своем личном деле, что его военная служба началась 20 сентября 1943 г., после приказа по полку. Но к этому времени он уже более двух недель шагал по дорогам войны в составе маршевой колонны, сидел под арестом. За это время молодого солдата могли убить много раз, и,

к сожалению, его так бы никто и не нашел, числился бы как Анатолий Ковалев пропавшим без вести. Такова была горькая реальность военного времени. (Также в срок военной службы Василию Ивановичу не посчитали и время действий на территории, оккупированной врагом, не говоря уже о времени обучения в разведшколе.)

Годы шли. В стране произошли радикальные изменения: не стало Советского Союза, запретили деятельность КПСС и соответственно кафедр партийно-политической работы, сократили все должности преподавательского состава на этих кафедрах. Василий Иванович, хотя и пользовался заслуженным авторитетом у руководства училища и не только как герой-молодогвардеец, но и как профессионал своего дела, не согласился с предложенными ему другими должностями гражданского персонала и в возрасте 67 лет ушел на заслуженный отдых.

А в это время в стране появились новые «герои» – воры и бандиты, и притом все равно, что они бывшие уголовники или быстро перестроившиеся руководящие партийные и комсомольские работники, директора предприятий. Если раньше им приходилось скрывать свою незаконную деятельность, то теперь эта воровская «малина» стала называться предпринимательством. Из списков обязательной к изучению литературы безвозвратно исчезли книги «Молодая гвардия», «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке» и мн. др.

К этому времени в живых из молодогвардейцев осталось только трое. Михаил Тарасович Шищенко, самый взрослый из их числа, умер еще в 1979 г., Нина Ивановна Иванцова, бесстрашная связная командира, – в 1982 г., а подполковник Анатолий Владимирович Лопухов – в 1990 г. Всех их в последний путь провожали живые, в том числе и Василий Иванович Левашов. Их братство, несмотря на некоторые разногласия, крепло с каждым прожитым днем.

Капитан 1-го ранга, как и многие патриоты страны, очень сильно переживал распад Советского Союза. Постоянно искал единомышленников, поэтому, так как был еще бодр душой и телом, примкнул к Российской коммунистической рабочей партии (большевиков), став ее членом в 1991 г., и оставался в РКРП до конца жизни. Его внутренним убеждениям соответствовали основные лозунги партии и ее программа, которая предусматривала восстановление Советской власти и социализма, а также постоянную работу по защите прав трудящихся, пенсионеров и молодежи. В ее печатном органе – газете «Трудовая Россия» постоянно стали выходить его статьи.

Он жил недалеко от своего училища, переименованного в Военно-морской институт радиоэлектроники им. А.С. Попова, продолжал

часто выступать перед курсантами и слушателями. Иногда к нему заходили его друзья и бывшие ученики, которые служили рядом в институте, вместе они вспоминали былые лихие годы.

22 июня 2001 г., верный себе и своему долгу перед друзьями-молодогвардейцами, В.И. Левашов написал и опубликовал последнюю свою статью, которую назвал «Обращение последнего молодогвардейца к молодежи», и тихо умер в своей квартире 10 июля 2001 г. (На шесть дней его пережила Ольга Ивановна Иванцова, которая скончалась в г. Кривой Рог (Украина) 16 июля 2001 г., Валерия Давыдовна Борц ушла из жизни еще в 1996 г.)

Коллеги и друзья только недавно отметили 77-летие Василия Ивановича. Произнося здравицы в его честь, все, не стовариваясь, отмечали его исключительную скромность. Ведь его боевому пути многие из ветеранов могли бы позавидовать. Одно краснодонское подполье чего стоило. Но он никогда не хвалился своими подвигами и наградами. Даже говорил о них очень неохотно, часто повторяя, что таких организаций, как их «Молодая гвардия», в воюющем с фашистами Советском Союзе были сотни, если не тысячи. А им здорово повезло, потому что о них узнали сразу после освобождения Краснодона и еще в годы войны о их деятельности написали фронтовые журналисты и Александр Александрович Фадеев.

13 июля 2001 г. в последний путь героя провожали его коллеги, офицеры и курсанты из Военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова, где Василий Иванович преподавал многие годы. И тишина военного кладбища Старого Петергофа в тот день была разбужена прощальным ружейным салютом.

За мужество и отвагу В.И. Левашов был награжден орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и 30 медалями, в том числе: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Партизану Отечественной войны» 2-й степени и «За боевые заслуги».

Вечная ему память!

Его дочь, Мария Васильевна Половьева (Левашова), ненадолго пережила своего отца. Через три года, 25 декабря 2004 г., от тяжелой онкологической болезни, которая передалась ей по наследству от матери, она умерла. Ей было всего 50 лет.

Родной старший брат Николай остался на свете один, пережив всех своих братьев, даже самого младшего.

Еще в 1981 г. Николай Иванович вместе с семьей переехал в г. Феодосию, поближе к старшему сыну, который проживал в г. Керчь. На его 70-летний юбилей в 1991 г., к всеобщей радости, в Крым, кроме детей и внуков, приехал только Александр Иванович Левашов с женой, который не стесняясь позвонил из Феодосии в Петродворец своему знаменитому брату и, на правах старшего, строго отчитал его за то, что тот не приехал к Николаю на юбилей. Василий Иванович пытался оправдаться, но прекрасно понимал, что был не прав.

Летом 1994 г. один за другим с разницей в два месяца ушли из жизни Александр и Анатолий Левашовы. Младшего похоронили рядом с родителями, а старший упокоился на старинном кладбище красивого украинского города Копычинцы. Братья постепенно, не замечая, стали отдаляться друг от друга. Находились разные причины и оправдания, хотя не забывали поздравить друг друга с праздниками, и даже иногда позвонить.

Время быстротечно. Незаметно пролетели лихие 1990 гг., и вот уже на дворе XXI век. И хотя оба Николай Иванович и Галина Николаевна считали себя атеистами, все равно благодарили всевышнего за то, что он послал им сыночка Юрочку, этого солнечного мальчика, давно уже ставшего взрослым. Его глаза всегда светились любовью к своим родителям и близким. Мама научила его читать и писать. В меру своих сил он всегда помогал не только им, но и соседским старушкам, с которыми всегда здоровался и подносил им сумки. Очень добрый и ласковый Юра не давал покоя родителям, заставляя их двигаться и радоваться жизни – особенно любил чистоту и постоянно пылесосил, ходил в магазин за хлебом и молоком. Своим присутствием в их жизни он поддерживал их силы, не давал успокоиться, но и сам постоянно нуждался в защите, особенно от малолетних хулиганов, проживающих в соседнем дворе, которые всегда могли обидеть, унижить, даже такого взрослого, но беззащитного мальчика-мужчину.

Так они и жили долго и счастливо, пока не случилась беда.

В 2008 г. Галина Николаевна неудачно упала, результат – перелом шейки бедра. Взрослые дочери, которые уже сами были пенсионного возраста, стали поочередно ухаживать за мамой, помогать по хозяйству отцу и брату. Старшей дочери Нине приходилось постоянно находиться в разъездах, ведь по факту она жила уже в другом государстве.

Так продолжалось шесть долгих лет, пока весной 2014 г. Крым не вошел в состав России. На семейном совете под натиском Галины Николаевны и Николая Ивановича приняли решение о том, что старшая дочь с мужем переедут из Витебска жить к ним в трехкомнатную квартиру. Места хватало всем. Супружеская чета Подвицких вначале оформила вид на жительство, а потом и получила российские паспорта. Семья вновь собралась вместе – младшая дочь Татьяна уже давно переехала в Феодосию и жила рядом. Теперь они чаще стали собираться вместе, только Галина Николаевна все переживала, что не может как раньше накормить всех испеченными, свежими, вкусными пирожками, беляшами и тортами. Ведь она так любила готовить и угощать. А еще спеть и станцевать. Но ее радость длилась недолго.

12 ноября 2014 г. всей большой дружной семьей отметили 90-летие Галины Николаевны, а через пять дней ее не стало. Больше всех ее смерть потрясла Николая Ивановича, ведь они вместе прожили более 70 лет, и Юрия, который в одночасье лишился своей самой надежной защиты и опоры. Похоронили маму на городском кладбище, но еще не успели установить памятник, как 13 июля 2015 г. умер Николай Иванович, которому только два месяца назад отметили 94-летие. А еще через год ушел из жизни и их младший сын Юрий, проживший благодаря своим родителям 52 года. Всех похоронили рядом, и их души вновь были вместе, теперь уже на небесах.

Время неумолимо. И мы не властны над ним. Через пять лет после череды похорон в доме Левашовых случилась новая беда – скоропостижно от геморрагического инсульта ушел из жизни муж Нины Николаевны – Юрий Степанович Подвицкий. Это случилось 27 апреля 2021 г. Осталась она жить одна в квартире родителей.

За мужество, отвагу и безупречную службу Николай Иванович Левашов был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Богдана Хмельницкого и 23 медалями, в том числе: «За борону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За боевые заслуги».

Так завершилась вековая история братьев Левашовых.

*От героев былых времен
Не осталось порой имён.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой.
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых,
Этот вечный огонь,
Нам завещанный одним,
Мы в груди храним.*

Стихи – Е.Д. Аграновича,
музыка – Р.М. Хозака

«Вечный огонь» из к.ф. «Офицеры» (1970)

Довоенное поколение, выросшее на революционной романтике отцов и дедов, на славных победах доблестной Красной Армии в годы Гражданской войны, на многовековой борьбе нашего народа над эксплуататорами, рвалось в смертельный бой за справедливость, за победу добра над злом. Они, как и автор этой исторической повести, в школьные годы изучали произведения Максима Горького «Песня о соколе», «Песня о буревестнике», и даже учили наизусть. Юноши и девушки мечтали о подвигах, сравнивая себя и свои поступки с героями нашей Родины. Поэтому вступление в борьбу несовершеннолетних ребят Краснодона было осмысленным и далеко не случайным. По зову собственных сердец, без подсказки старших они выступили против коричневой чумы, ибо душой и сердцем не принимали фашистский «новый порядок».

Эта повесть об одном из таких быстро повзрослевших пацанов, который остался жив в этой страшной человеческой мясорубке под названием война. И не только действия в подполье выпали на его долю.

Лишь тот, кто не находился в окопе, когда на него, лязгая гусеницами, надвигался вражеский танк, кто не вжимался в землю под разрывами бомб, кто не смотрел в черное дуло вражеского пулемета, преграждавшее путь ливнем свинца, – может сказать, что солдат на войне не знал страха. Нет, что такое страх, знал каждый и не раз за годы войны испытывал это жуткое, липкое состояние и души, и тела. Но абсолютное большинство советских воинов сумело победить это чувство в себе, потому что этого требовала обстановка, этого требовали интересы Родины и своего многострадального народа. Каждый боец знал, за что и за кого он воюет.

Но на фронте у солдата были и радость победы, и счастье боевого товарищества. Это и благодарная улыбка раненого медицинской сестре, и мимолетный взгляд на командира, бегущего рядом во время

атаки, и в неизменном законе войны – сам погибай, а товарища выручай, и в радости от освобождения родных городов, сел и деревень и живущих в них наших русских людей. Но не всем бойцам и командирам выпало счастье дожить до светлого Дня Победы. Многие из них принесли свою жизнь на алтарь Отечества.

Я не был на той Великой войне, я родился позже, я не был в оккупации, не был под бомбежками, не испытывал животный страх от визга падающих бомб и ужаса смертоносных взрывов, я не видел массовых расстрелов советских людей, не видел, как их заживо сжигали, согнав в один сарай. Так сложилась моя армейская судьба. Но я видел смерть, и не только своих друзей и товарищей, но и своего старшего сына, офицера Российской Армии. Смерть иногда стояла рядом, и мне становилось не по себе, а порой и страшно. Я прожил долгую жизнь, но никак не могу понять, что испытывали родители молодогвардейцев. Неужели чувство страха за свою жизнь было выше страха за жизнь, порой единственных, кровиночек? Даже, если они и не разделяли убеждений своих детей...

Я никак не пойму, почему они не защищали своих детей, чего боялись? Или надеялись, как всегда, на русский «авось»? Не верю. Ведь каждая мать и отец за жизни своих детей, не раздумывая, отдадут свои. Поэтому и считаю, что в смерти молодых патриотов Краснодона, хоть и косвенно, виноваты и они. Это и родители Сережи Тюленина, и Сергея Левашова, и Ульяны Громовой, и практически все, кто видел, как арестовывают их детей, стоял в стороне, а некоторые своими действиями еще и способствовали аресту. На что надеялись? И я уверен, что большинство из них до последних дней своей жизни не могли простить себе эту слабость.

Когда-то жители нашей страны были убеждены, что будут залечены раны, угаснет боль и скорбь, но люди никогда не забудут о бессмертных подвигах организаторов, руководителей и членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». К их могиле не зарастет народная тропа. И не могли себе даже представить, что пройдут годы, исчезнет с земли великий и могучий Советский Союз, а фашистская погань вновь поднимет свою голову, и не только на Украине, но и в других республиках бывшего СССР. И память народная оказалась недолговечной, и тропа заросла, слава Богу не везде.

Дефицит идеологии, порядочности, культуры, патриотизма еще страшней, чем дефицит товаров и продуктов. Его проявления порой ужасают своей дикостью. А ведь не так давно больно было смотреть на разграбленные могилы, в том числе молодогвардейцев. Даже бюсты героев были украдены в «лихие» 1990 гг. из луганского сквера. Спасибо всем, кто восстановил и аллею «Молодой гвардии», и памятники, и музей.

Василий Иванович Левашов прожил долгую жизнь, был награжден орденами и медалями за свои подвиги и службу, не был обделен и вниманием многочисленных почитателей героического подвига комсомольцев и молодежи Краснодона. Но до сих пор, даже посмертно, не занял достойного места в экспозиции музея «Молодая гвардия» – нет ни его бюста, ни памятника, а ведь он был одним из немногих основателей, организаторов и руководителей этой прославленной подпольной организации и сделал немало для популяризации жизни и подвига своих товарищей, восстановления честного имени комиссара «Молодой гвардии» Героя Российской Федерации В.И. Третьякевича, которого долгое время считали предателем. А об этом забывать нельзя.

Да и в Музее боевой славы Военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова, в котором капитан 1-го ранга Василий Иванович Левашов прослужил и проработал более 30 лет, был лишь небольшой стенд, посвященный герою «Молодой гвардии». (А был ли?)

И ВСЕ! Нет ни мемориальных досок, ни улиц, носящих его имя.

Видимо, для наших государственных и военных чиновников необходимы более строгие указания, и притом самого высокого ранга. А может, надо было Василию Левашову, как Иван Туркенич, сложить свою голову на полях той страшной войны или как его многие друзья-молодогвардейцы сдаться полициям и пасть от рук фашистских карателей? Видимо, только тогда наша многочисленная журналистская братия обратила бы свой взор на скромного, честного, неподкупного, настойчивого и **НАСТОЯЩЕГО ГЕРОЯ** Василия Ивановича Левашова.

Жил, воевал, воспитывал, выступал, боролся, был уважаемым человеком. Имел многочисленную родню. Все гордились и гордятся, что являются родственниками знаменитого молодогвардейца. А умер – и забыли. И на могилу никто не ходит, даже по праздникам.

Скромный памятник без фотографии с небольшой гробничкой, который установила Военно-мемориальная компания за счет средств Министерства обороны как рядовому красноармейцу, заслуга которого и состояла в том, что смог выжить в той войне, заросший сорняковыми цветами и травой. К нему давно не притрагивалась заботливая рука ближайших родственников и просто равнодушных людей, которые помнят и чтут историю. Ведь большинство посетителей этого кладбища даже не знают, какой замечательный человек-герой покоится здесь.

О том, что это действительно могила героя, подтверждает и Галкин Юрий Леонидович, родной племянник Сергея Тюленина (по линии матери), который был там и, может быть, один-единственный за последние годы из всей большой родни Левашовых, других родственников

молодогвардейцев, не говоря уже о руководителях и воспитателях Военно-морского института радиозлектроники им. А.С. Попова, по-

сетил и поклонился святому месту, где нашел свой последний приют ЗАБЫТЫЙ ВСЕМИ ГЕРОЙ.

У меня нет больше слов, господа.
Где же ваша совесть?

Стыдно должно быть руководству института, в котором он прослужил и проработал десятки лет, воспитывая истинных патриотов своей Родины, Музею «Молодой гвардии», Российскому военно-историческому обществу во главе с председателем и попечителями за такую память. Ведь всем остальным молодогвардейцам установили монументы, даже почившему в Москве Арутюнянцу на Новодевичьем кладбище. Не знаю как чинов-

никам, что гражданским, что военным, а мне стыдно, до глубины души стыдно. Ведь есть же федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019-2024 годы», благодаря которой равнодушные люди в далекой, забытой Богом д. Верхнее Заозерье Любытинского района Новгородской области восстановили целый мемориальный комплекс погибшим бойцам и командирам Красной Армии. А какие в настоящее время установлены руководством компании памятники воинам ЧВК «Вагнер», погибшим в ходе СВО.

Мы никогда не должны забывать подвиг наших предков. Именно поэтому, чем дальше уходит эта война, тем требовательнее звучат для нас слова Ольги Берггольц: «Никто не забыт, и ничто не забыто!»

*...Умирают солдаты дважды —
От итыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих...*

А.А. Романов «Тревога» 1964 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>адн</i>	артиллерийский дивизион
<i>ап</i>	артиллерийский полк
ВГК	Верховное Главнокомандование
<i>вдд</i>	воздушно-десантная дивизия
ВКП(б)	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВО	военный округ
<i>гап</i>	гаубичный артиллерийский полк
<i>гв</i>	гвардейский(ая)
ГКО	Государственный Комитет Оборона
ГШ	Генеральный штаб
ДНР	Донецкая Народная Республика
ДРГ	диверсионно-разведывательная группа
зпу	зенитная пулеметная установка
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
ЛНР	Луганская Народная Республика
НКО	Народный комиссар (нат) обороны
<i>обс</i>	отдельный батальон связи
<i>осб</i>	отдельный саперный батальон
ПВО	противовоздушная оборона
<i>птадн</i>	противотанковый дивизион
ПТО	противотанковое орудие
птр	противотанковое ружье
ПХД.	пункт хозяйственного довольствия
РОА	Русская освободительная армия
<i>сб (тб)</i>	стрелковый батальон (танковый батальон)
<i>сбр(тбр)</i>	стрелковая бригада (танковая бригада)
<i>сд (тд, пд)</i>	стрелковая дивизия (танковая, пехотная дивизия)
<i>ск (тк)</i>	стрелковый корпус(танковый корпус)
<i>сп (тп)</i>	стрелковый полк (танковый полк)
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
УР	укрепленный район
ЦК	Центральный Комитет

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война, 1941 – 1945: Словарь-справочник. — М.: Политиздат, 1985. — 527 с.
2. Молодая гвардия (сборник документов и воспоминаний о героической борьбе подпольщиков Краснодона в дни временной фашистской оккупации (июль 1942 - февраль 1943). — К.: Изд. ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1961.
3. Молодогвардейцы. Биографические очерки о членах Краснодонского партийно-комсомольского подполья / Сост. Р.М. Аптекарь, А.Г. Никитенко. — Донецк: Донбасс, 1981.- 125 с.
4. Аругюнянц Г.М. Устремленные в вечность: статья. — М.: журнал «Молодой коммунист», 1963, № 9.
5. Аругюнянц Г.М. Храните мужество и честность: статья. — М.: газета «Комсомольская правда», 28.04.1973.
6. Васильев В.П. Краснодонское направление: очерки. 3-е изд. - Донецк: Донбасс, 1987. - 128 с.
7. Гордеев А.Ф. Подвиг во имя жизни. — Днепропетровск: Изд. Центр Экономического Образования ООО «Днепрост», 2000.
8. Костенко К.П. Это было в Краснодоне. — М.: Изд. Молодая Гвардия, 1961.- 218 с.
9. Левашов В.И. Будни молодогвардейцев: статья. — М.: газета «Красная звезда», 13.09.1968.
10. Левашов В.И. Найдй себя в строю флотском (родина, семья, человек). — Пушкин: Изд. ВВМУ, 1996. - 90 с.
11. Масленников П.В., Карцев К.Е., Сагайдак П.Т. Жертвуя собой: Очерк о боевом пути 92-й стрелковой дивизии. — М.: Воениздат, 1989.- 214 с.
12. Свиридов И.К. 295-я Херсонская трижды орденосная. — 2-е изд. — Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1980. — 285 с.
13. Фадеев А.А. Молодая гвардия: роман. — К.: Изд. «Веселка», 1986.- 604 с.
14. Шкарлат Н.А. Военная история. История Воронежа в названиях улиц. Часть I: Монография. — Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2015.- 100 с.
15. Шкарлат Н.А. Дорога в бессмертие. Герои Краснодона. — Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2022.- 384 с.
16. Сайт МО РФ. Память народа <http://www.pamyat-naroda.ru>.
17. Сайт МО РФ. Подвиг народа <http://www.podvignaroda.ru>.
18. Сайт МО РФ. Мемориал <http://www.memorial.ru>.
19. Сайт Дмитрия Щербинина. Молодая гвардия. Героям Краснодона посвящается... <http://www.molodquard.ru>.
20. Сайт Family Tree & Family History at Geni.com <http://www.qeni.com>.
21. Сайт Всероссийского информационно-поискового центра ВИПЦ <http://www.v-ipc.ru/cemetery/1375/main>

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора -----	3
Пролог -----	6
Потомок древнего рода-----	16
Диверсанты -----	68
«Молодая гвардия» -----	98
Освободители-----	164
На Берлин-----	226
Дела флотские -----	266
Эпилог -----	308
Список сокращений -----	312
Список использованных источников и литературы -----	313

**Шкарлат
Николай
Александрович** –
военный историк,
краевед.

Родился 14 апреля 1953 г. в семье военнослужащего. Полковник в отставке. Его отец и дед воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Дед – Емельян Харитонович был призван в ряды Красной Армии в июле 1941 г. и пропал без вести под г. Воронежем в июле 1942 г. Отца – Александра Емельяновича призвали полевым военкоматом в сентябре 1943 г. С боями он прошел от Днепра до Праги, награжден орденами и медалями. После войны служил в танковых частях и соединениях. Его сыновья продолжили славную традицию семьи, стали офицерами мотострелковых войск и служили в разных уголках нашей необъятной Родины.

После завершения службы Николай Александрович девять лет до 2018 г. работал преподавателем военной истории в Военном авиационном инженерном университете г. Воронежа, переименованном потом в ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж). Сейчас на пенсии.

Автор шести монографий и книг, 34 учебных пособий, а также более 40 научных статей по военной истории Российского государства.

Впервые написать о героях нашей страны задумался еще в 2009 г., когда, к великому своему сожалению, обнаружил огромный пробел в знаниях истории своего Отечества будущих защитников Родины, особенно событий, связанных с периодом Великой Отечественной войны.

Николай Александрович Шкарлат

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ
Василий Левашов

Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор *Е.С. Богданова*

Тип. ВУНЦ ВВС «ВВА». Тираж 10. Подп. в печ. 15.02.2024 г.
Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсет. Печ. л. 19,8.